

Annotation

Перед вами – вторая часть легендарной трилогии Кассандры Клэр о Сумеречных охотниках! Клэри Фрэй мечтает снова жить обычной жизнью, но это невозможно. Какая уж тут нормальная жизнь! Клэри теперь Сумеречный охотник, истребительница демонов, ее окружают вампиры, оборотни и фейри, а ее мама уснула волшебным сном. Клэри хотела бы проводить больше времени со своим лучшим другом Саймоном, но этому все время мешает новообретенный брат – жестокий и прекрасный Джейс. Единственный шанс Клэри помочь маме – выследить и отыскать своего отца Валентина, Сумеречного охотника, осмелившегося противостоять Конклаву. Когда кто-то крадет второе Орудие Смерти, подозрение Инквизитора падает на Джейса. Неужели он способен предать свои убеждения ради отца?

* * *

Кассандра КлэрПролог

Часть первая1

2

3

4

5

6

7

Часть вторая8

9

10

11

12

13

Часть третья14

15

16

17

18

19

Эпилог

Загляните одним глазком в третью часть трилогии Кассандры Клэр «Город
стекла»Портал

Об авторе

Благодарности

notes1

2

3

4

5

6

7

* * *

Кассандра Клэр

Город праха

Посвящается моему отцу, который вовсе не злой.

Ну разве что самую малость

Язык горечи

Милый город,

Мне знакомы твои улицы,

Все ангелы и демоны,

Что сидят на твоих крышах,

Как птицы на ветвях.

Ты знакома мне, река,

Словно катишь волны сквозь мое сердце.

Я твоя дочь, и я твой воин.

Ты соткан из букв,

Как фонтан соткан из воды.

Ты оттиск многих языков.

Говоря на них,

Мы воздвигаем город.

Элка Клоук

Пролог

Дым и бриллианты

Громадное здание из стекла и металла возвышалось над Фронт-стрит сияющей иглой, устремленной в небо. Комплекс «Метрополь» был построен совсем недавно – и уже стал самым дорогим жильем на Ман-Хэттене. На верхнем, пятьдесят седьмом этаже располагался пентхаус «Метрополь», шедевр хай-тека в глянцевых черно-белых тонах. Свет звезд, льющийся из огромных, во всю стену, окон, отражался в гладком, как зеркало, мраморном полу. Идеально прозрачные стекла создавали иллюзию, будто между наблюдателем и панорамой города нет совсем никакой преграды. Голова закружилась бы и у того, кто никогда не боялся высоты.

Далеко внизу между сияющими берегами Манхэттена и Бруклина бежала серебристая лента Ист-Ривер, перехваченная сверкающими мостами. С такой высоты корабли и лодки казались мушинными точками. В ясную погоду на юге виднелась подсвеченная статуя Свободы, но сейчас на город опустился туман, и Либерти-Айленд заволокло белой пеленой.

Однако человек у окна был явно не настроен любоваться прекрасными видами. Хмурясь, он отвернулся от стекла и нервно пригладил белоснежные волосы:

– Сколько ты еще будешь возиться? Почти час прошел!

Юноша, скорчившийся на полу, вскинул на него глаза со смесью страха и раздражения:

– Мрамор слишком твердый, по нему трудно чертить пентаграмму..

– Значит, обойдемся без нее.

Несмотря на белоснежные волосы, человек у окна был совсем не стар. Его жесткое лицо еще не изрезали морщины, а глаза смотрели ясно и твердо.

Парень нервно сглотнул, и его перепончатые крылья затрепетали – для них в джинсовой куртке на уровне лопаток были сделаны специальные прорезы.

– Нельзя вызывать демона без пентаграммы, сэр. Сами знаете..

– Да-да, без пентаграммы мы беззащитны.. И все же, юный Илия, за то время, что у тебя ушло на половину пятиконечной звезды, другой маг успел бы призвать демона, поболтать с ним и отправить его назад в преисподнюю.

Юноша набросился на мрамор с удвоенным рвением, то и дело откидывая со взмокшего лба непослушные волосы.

– Все, – наконец выдохнул он, разогнув спину. – Готово.

– Хорошо. Тогда приступай, – распорядился человек у окна.

— А деньги?

— Я же сказал: заплачу после беседы с Аграмоном, не раньше.

Илия поднялся и снял куртку. Несмотря на прорези, она все равно стесняла движения крыльев. Теперь они наконец обрели свободу и расправились, всколыхнув неподвижный воздух комнаты. Цветом крылья напоминали нефтяную пленку на воде — черные в ярких радужных разводах. Человек у окна отвернулся, словно зрелище было ему неприятно, однако юный маг не обратил на это внимания. Он начал описывать круги вокруг начертанной на полу пентаграммы, двигаясь против часовой стрелки и читая заклинания на языке демонов, похожем на треск пламени.

Раздался резкий шипящий звук — как будто воздух вырвался из проколотой шины. Контур пентаграммы полыхнул огнем, отражаясь в двенадцати огромных окнах. Внутри пентаграммы что-то зашевелилось — что-то черное и бесформенное. Илия читал заклинания все быстрее, вздымая руки и выписывая перепончатыми пальцами сложные узоры; вслед за их движениями воздух начинал искриться синим огнем. Хотя человек у окна практически не знал хтонского языка — языка магов, — он понял отдельные слова, которые повторял Илия: «Призываю тебя, Аграмон. Из бездны меж мирами призываю тебя».

Теперь юный маг стоял лицом к основанию пентаграммы и размеренно читал заклинания, то возвышая, то понижая голос. Воздух вокруг него искрился синими сполохами.

Неожиданно внутри пентаграммы возник завиток дыма — и взметнулся вверх, густея и разрастаясь. В его мраке, как бриллианты в паутине, загорелись два глаза.

— Кто воззвал ко мне меж мирами? — Голос демона напоминал треск разбитого стекла. — Кто призывает меня?

Илия замер перед пентаграммой, лишь распахнутые крылья чуть трепетали. В воздухе разлился запах гари и разложения.

— Я призываю тебя, Аграмон! Я, маг Илия, воззвал к тебе меж мирами!

На мгновение воцарилась тишина, и демон расхохотался. Смех был едкий, как и следовало ожидать от существа, сотканного из густого дыма.

— Глупый, глупый мальчишка! — прошипел Аграмон.

— Это ты глупый демон, раз пытаешься угрожать мне, — парировал Илия, однако голос у него дрожал так же, как крылья. — Тебе не пересечь границ пентаграммы, пока я не выпущу тебя.

— В самом деле? — Клубясь и меняя форму, столб дыма метнулся вперед, выпустил отросток, превратившийся в кулак, и нанес удар по огненной звезде. Дым забурлил и обрушился через границу пентаграммы, как река, прорвавшая плотину.

Илия вскрикнул, попятился и снова начал быстро читать заклинания на хтонском — теперь это были заклинания удержания и изгнания. Тщетно! Черный дым надвигался неумолимо, постепенно принимая новую форму — жуткого уродливого существа. Огромные, как блюдца, глаза горели недобрым огнем.

Человек у окна бесстрастно наблюдал. Илия с криком рванулся к двери, но добежать до нее не успел. Аграмон настиг мага и низвергся на него, как поток кипящей смолы. Несколько секунд Илия еще пытался набежать неминущей гибели — и затих.

Черная фигура отхлынула от изломанного тела, лежащего на мраморном полу.

— Надеюсь, ты не сделал его бесполезным для меня, — произнес человек у окна. — Мне нужна кровь этого мага.

Аграмон обернулся. Горящие, похожие на бриллианты глаза уставились на говорившего. Мужчина в дорогом костюме держал в руке светящийся предмет.

— Это ты велел мальчишке призвать меня? И не сказал ему, на что я способен?

— Совершенно верно.

— Умный ход, — произнес Аграмон с ревнивым восхищением.

— Да, я очень умен. — Человек сделал шаг навстречу демону. — И теперь я твой хозяин. У меня в руке Чаша смерти. Тебе придется подчиниться, или расплата будет жестокой.

Демон немного помолчал, размышляя, и наконец скользнул к земле в пародии на почтительный поклон. Вероятно, в исполнении бестелесного демона этот жест был самым близким эквивалентом преклонения колен.

— Я в вашей власти, милорд..

Человек улыбнулся, услышав в окончании фразы немой вопрос:

— Можешь звать меня Валентином.

Часть первая

Одно лето в аду

Мне кажется, что я в аду.

Значит, это действительно так.

Артур Рембо

1

Стрела Валентина

— Ты еще злишься?

Алек, прислонившийся к стене лифта, сердито сверкнул глазами на Джейса:

— Не злюсь.

— Да нет, ты именно злишься. — Джейс попытался ткнуть приемного брата локтем и вскрикнул от резкой боли, пронзившей руку.

Все тело ныло после того, как он пролетел три этажа, прошибая спиной гнилые доски, и упал на кучу металлолома. Теперь в синяках были даже пальцы.

После встречи с Авадоном Алек лишь недавно начал ходить без костылей и выглядел сейчас не лучше Джейса — весь в грязи, потные волосы свисают сосульками. Через всю щеку шел длинный порез.

— Не злюсь, — процедил он сквозь зубы. — Просто если бы ты не сказал, что дракониды вымерли...

— Я сказал, почти вымерли.

Алек вытянул палец и прорычал дрожащим от ярости голосом:

— В данном случае твоего «почти» **СОВЕРШЕННО НЕДОСТАТОЧНО!**

— Ясно, — кивнул Джейс. — Ладно, я прослежу, чтобы в учебники демонологии внесли соответствующие исправления. Везде, где говорится «монстр почти вымер», следует читать «вымер недостаточно для Алека, который предпочитает как следует вымерших монстров». Это тебя устроит?

— Мальчишки, не ссорьтесь. — Изабель, рассматривавшая свое отражение в зеркальной стене лифта, обернулась к братьям с лучезарной улыбкой. — Ну да, пришлось попотеть чуть больше, чем мы ожидали, зато было весело.

Алек посмотрел на нее и покачал головой:

— Как тебе удастся при любых обстоятельствах не извозиться в грязи?

Изабель невозмутимо пожала плечами:

– У меня чистое сердце. Оно отвергает скверну.

Джейс так громко фыркнул, что Изабель обернулась к нему, нахмурившись.

– Да у тебя скверна изнутри и снаружи! – заявил Джейс, указывая на нее пальцем. Его руки покрывала корка засохшей грязи, кончики ногтей темнели черными полумесяцами.

Изабель уже собиралась ответить, но тут раздался скрежет, и лифт остановился.

– Давно пора починить, – пробормотала Изабель, с усилием открыв дверь.

Джейс уже предвкушал, как избавится от оружия и брони и влезет под горячий душ. Он убедил приемных брата и сестру отправиться вместе с ним на охоту, хотя оба опасались действовать на свой страх и риск без привычных указаний Ходжа. Но Джейс хотел забыться в битве, хотел борьбы за жизнь и физической боли, заглушающей боль душевную. Изабель с Алеком это прекрасно понимали и потому вместе с ним отправились лазать по подземным туннелям, пока не нашли дракониду и не убили ее. Они втроем умели действовать, очень слаженно, как давно сработавшаяся команда. Как семья.

Алек стягивал покрытые грязью сапоги, присев на низкую деревянную скамью, и еле слышно что-то насвистывал, видимо давая Джейсу понять, что на самом деле не сердится. Изабель вытащила шпильки, и длинные темные волосы заструились по спине и плечам.

– Есть хочется... Жаль, мама не дома, она бы что-нибудь приготовила.

– Хорошо, что ее тут нет, – сказал Джейс, расстегивая поясную портупею. – А то нам бы уже влетело за испорченные ковры.

– Ты совершенно прав, – раздался холодный голос за его спиной.

Джейс резко обернулся, все еще держась за портупею, и увидел в дверях Маризу Лайтвуд. На ней был строгий черный дорожный костюм; волосы – такие же темные, как у Изабель, – толстым жгутом спадали до середины спины. Скрестив руки на груди, Мариза испытующе оглядывала всех троих ледяными голубыми глазами.

– Мама! – радостно воскликнула Изабель и кинулась ее обнимать.

Алек встал со скамьи и тоже подошел к матери, изо всех сил стараясь скрыть хромоту.

Джейс остался на месте. Что-то во взгляде Маризы заставило его замереть. Он ведь не сказал ничего обидного... Весь дом нередко посмеивался над трепетным отношением Маризы к антикварным коврам.

– Где папа? – спросила Изабель, отстранившись. – И Макс?

— Макс у себя в комнате, — ответила Мариза после едва заметной паузы. — А папа, увы, еще в Аликанте. Ему пришлось задержаться.

Алек, который лучше Изабель различал малейшие оттенки тона, слегка напрягся:

— Какие-то неприятности?

— Это я у вас хочу спросить, — сухо ответила Мариза. — Ты что, хромаешь?

Врать Алек совершенно не умел, поэтому Изабель поспешила ответить вместо него:

— Столкнулись с драконидой в тоннеле метро. Ничего страшного.

— А высший демон, с которым вы столкнулись на прошлой неделе, — тоже «ничего страшного»?

Тут и Изабель не нашла, что ответить, вопросительно посмотрела на Джейса.

— Мы не собирались... Это была ошибка... — начал оправдываться он, пытаясь сосредоточиться.

Мысли путались. Мариза с ним даже не поздоровалась, не сказала ему ни слова и по-прежнему не сводила с него пристального взгляда холодных голубых глаз. У Джейса засосало под ложечкой. Она никогда не смотрела на него вот так, что бы он ни сделал!

— Джейс! — Макс, младший из Лайтвудов, протиснулся в дверь мимо Маризы и, увернувшись от ее цепких рук, ворвался в комнату. — Ты вернулся! Вы все вернулись! — Он крутанулся волчком, радостно улыбаясь Алеку и Изабель. — Я сразу подумал, что это вы, когда услышал лифт!

— А я думала, что велела тебе сидеть в своей комнате, — сказала Мариза.

— Не помню такого, — ответил Макс с невозмутимой серьезностью.

Для своего возраста Макс был очень невысок и выглядел лет на семь, однако малый рост компенсировался сосредоточенным видом в сочетании с огромными очками. Алек протянул руку и взъерошил младшему брату волосы, но Макс не сводил сияющих глаз с Джейса. Джейс почувствовал, что ледяной кулак, стиснувший внутренности, потихоньку разжимается. Макс чуть ли не боготворил его. К родному старшему брату он не относился с таким восторгом — возможно, потому, что Джейс всегда был к Максиму гораздо более благосклонен.

— Я слышал, что вы сражались с высшим демоном! — выпалил Макс. — Было круто, да?

— Своеобразно... — осторожно ответил Джейс. — Как тебе Аликанте?

— Здорово! Мы видели кучу классных штуквин! Там огромная оружейная мастерская, и мне показывали, как изготавливают оружие! Показали, как по-

новому куются клинки серафимов, чтобы они дольше работали! Я очень хочу уговорить Ходжа...

Помимо своей воли Джейс с изумлением взглянул на Маризу. Так Макс еще ничего не знает о Ходже? Она что, ничего ему не сказала?

Мариза встретила с ним взглядом и сжала губы в тонкую ниточку.

— Довольно, Макс, — промолвила она, взяв младшего сына за плечо.

Макс посмотрел на нее в изумлении:

— Но я хочу побыть с Джейсом..

— Знаю, — кивнула Мариза, мягко подтолкнув его к сестре. — Алек, Изабель, отведите Макса в его комнату. Джейс, — голос у нее стал сухим, — приведи себя в порядок и немедленно приходи в библиотеку. Есть разговор.

— Я не понимаю, — сказал Алек, переводя взгляд с Джейса на мать. — Что происходит?

Джейс почувствовал, как его спина покрывается холодным потом.

— Предмет разговора — мой отец?

Мариза вздрогнула, как от пощечины.

— В библиотеку, — выдавила она. — Там поговорим.

— Джейс не виноват в том, что произошло, пока ты была в отъезде, — заявил Алек. — Мы все в этом участвовали. А Ходж..

— О Ходже мы тоже поговорим потом, — угрожающе сказала Мариза, покосившись на Макса.

— Но, мама! — запротестовала Изабель. — Если хочешь наказать Джейса, накажи и нас, иначе будет несправедливо. Он не сделал ничего такого, чего не делали мы!

— Нет, — ответила Мариза после долгой паузы. — Ты ошибаешься.

— Первое правило аниме: никогда не связывайся со слепым монахом, — произнес Саймон.

Он сидел на полу среди вороха подушек у изножья кровати с пакетом картофельных чипсов в одной руке и пультом от телевизора — в другой. На его черной футболке красовалась надпись «Твоя мама — в моем блоге», а джинсы зияли дырой на колене.

— Ну да... — Клэри окунула ломтик чипсов в банку с соусом, стоящую на раскладном столике. — Почему-то слепые монахи всегда дерутся лучше всех зрячих... — Она взглянула на экран. — Они что, танцуют?

— Вот еще, они сражаются! Вот этот парень — смертельный враг вон того, забыла? Он убил его отца. Какие уж тут танцы!

Клэри грызла чипсы и задумчиво созерцала экран, где в вихре желтых и розовых облаков делали кульбиты два крылатых человека со светящимися жезлами. Они что-то кричали друг другу, но, поскольку мультфильм демонстрировался на японском с китайскими субтитрами, реплики персонажей мало что проясняли.

— А тот, в шляпе, — злодей? — спросила Клэри.

— Нет, в шляпе — убитый отец. Он был маг-император, и это была его шляпа всемогущества. Злодей — это тот, у которого говорящая механическая рука.

Зазвонил телефон. Саймон отложил пакет с чипсами и потянулся к аппарату. Клэри удержала его:

— Не отвечай.

— А вдруг Люк звонит из больницы?

— Это не Люк, — сказала Клэри, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Он позвонил бы мне на мобильный, а не тебе на домашний.

Несколько секунд Саймон смотрел на нее, затем кивнул.

— Как скажешь, — промолвил он, готовый на все, лишь бы ей было хорошо.

Клэри подумала, что сейчас ей просто не может быть хорошо. Мама в больнице, опутанная трубками и датчиками. Люк сидит у ее постели, как зомби, скорчившись на пластиковом стуле. А Джейс... Клэри ужасно тревожилась, по десять раз на дню хваталась за телефон, чтобы позвонить в Институт, но так ни разу и набрала номер. Если бы Джейс хотел поговорить с ней, он позвонил бы сам.

Наверное, все-таки не стоило приводить его к Джослин. Она-то надеялась, что мама очнется, услышав голос своего первенца. Увы, ничего не произошло. Джейс неподвижно стоял у постели, и лицо у него было, как у безмятежного иконописного ангела. В конце концов у Клэри лопнуло терпение, она накричала на Джейса, он огрызнулся в ответ и выбежал прочь.

— Вот теперь вы и правда ведете себя как брат с сестрой, — заметил Люк.

Клэри промолчала. Зачем объяснять ему, как она безнадежно мечтает, чтобы Джейс не был ее братом? От собственной ДНК не убежишь, как бы тебе этого ни хотелось. Даже если от этого зависит твое счастье...

Да, с надеждами на счастье пришлось расстаться, зато в доме Саймона ей было очень уютно и спокойно. Она знала Саймона так давно, что помнила еще те дни, когда он спал на кровати в виде пожарной машины, а в углу его комнаты валялись груды деталек конструктора LEGO. Теперь Саймон обзавелся диваном-футоном в японском стиле с ярким полосатым лоскутным одеялом, подаренным сестрой. На стенах висели плакаты рок-групп, место

конструктора занимала барабанная установка, а в другом углу комнаты светился экран компьютера с картинкой из World of Warcraft на рабочем столе. Для Клэри все это давно стало таким родным, что она чувствовала себя совсем как дома – тем более ее настоящий дом превратился в развалины..

– Ну вот, опять чибики, – мрачно сказал Саймон, когда все персонажи на экране вдруг превратились в карикатурных младенцев, гонящихся друг за другом со сковородками. – Переключаю на другой канал, аниме меня достало. Сюжет непонятный, и нет даже намека на секс.

– Конечно нет. – Клэри запустила руку в пакет с чипсами. – Аниме – это благонравное семейное развлечение.

– Если ты в настроении смотреть что-нибудь менее благонравное, могу включить порноканал, – сказал Саймон. – Что лучше: «Бюствикские ведьмы» или «Грязная Диана»?

– Дай сюда! – Клэри попыталась отобрать пульт, но Саймон уже переключил канал, издевательски хохоча.

И вдруг осекся, уставившись в телевизор. Шел старый черно-белый фильм, «Дракула». Бела Лугоши, облаченный в мантию с высоким воротником, скалил острые клыки на выбеленном лице. «Я не пью вина», – произнес он с сильным венгерским акцентом.

– Гляди, паутина резиновая, – улыбнулась Клэри. – Очень заметно.

Но Саймон уже помрачнел, как осеннее небо перед дождем. Он вскочил на ноги, бросил пульт на кровать и пробормотал: «Сейчас вернусь». Впервые с того дня, как мама оказалась в больнице, Клэри пришло в голову, что Саймону тоже приходится нелегко.

Вытирая волосы полотенцем, Джейс хмуро окинул взглядом свое отражение. Исцеляющая руна устранила даже самые серьезные ушибы и кровоподтеки, однако оказалась бессильна против темных кругов под глазами и жестких складок, залегших в углах рта. Голова болела и немного кружилась. Конечно, стоило хоть как-то позавтракать, но он проснулся в ледяном поту от ночных кошмаров, и его так мутило, что хотелось не есть, а как можно скорее отвлечься на любую физическую активность, чтобы боль и льющийся в глаза пот вытеснили все воспоминания о снах.

Отложив полотенце, Джейс с грустью вспомнил о сладком чае из высушенных листьев ночных цветов, росших в зимнем саду, который заваривал Ходж. Этот чай помогал справиться с чувством голода и моментально восстанавливал силы. Теперь Ходжа не было... Джейс как-то попытался сам заварить листья кипятком, надеясь добиться того же эффекта, но у него получилось лишь тошнотворное горькое варево, отдающее пеплом.

Он вышел из ванной босиком, натянул рубашку и джинсы, откинул с лица светлые пряди. Волосы уже лезли в глаза. Мариза обязательно устроит ему разнос – как обычно. Пусть по крови он и не принадлежал к роду Лайтвудов,

с ним всегда обращались как с родным – с тех пор, как усыновили после смерти отца. То есть предполагаемой смерти, напомнил себе Джейс, и у него вновь засосало под ложечкой. Последние несколько дней он чувствовал себя тыквой, которую выпотрошили и поставили украшать застывшим оскалом вечеринку на Хеллоуин. Теперь он часто думал: а правда ли хоть что-то из его представлений о себе и о своей жизни? Он считал себя сиротой – это оказалось совсем не так. Считал, что был единственным ребенком, – и вдруг выяснилось, что у него есть сестра.

Клэри. Волна боли накатила с новой силой, но была подавлена, как и раньше. Взгляд Джейса упал на осколок зеркала на комод, все еще отражавший зеленые ветви и яркое голубое небо. В Идрисе уже смеркалось, и небо темнело кобальтовой синью. Борясь с ощущением пустоты внутри, юноша сунул ноги в ботинки и направился вниз, в библиотеку.

Спускаясь по гулким каменным ступеням, он размышлял о том, зачем Маризе потребовалось поговорить с ним наедине. Что она хочет ему сказать? Она выглядела так, будто намерена вклеить ему затрещину со всего размаха... Джейс уже не помнил, когда Мариза последний раз поднимала на него руку. В семье Лайтвудов не применялись телесные наказания, а вот Валентин ими не гнушался. Он изобретал бесчисленное множество самых жестоких способов добиться от сына послушания. Раны на теле нефилима затягиваются быстро, поэтому следы оставались лишь от самых глубоких. Многие недели после смерти отца Джейс осматривал себя в поисках шрамов, которые стали бы напоминанием, хоть какой-то осязаемой связью с ним.

Он подошел к библиотеке, постучал и толкнул дверь. Мариза сидела в старом кресле Ходжа у камина. В свете, льющемся из высоких окон, Джейс заметил седину в ее волосах. В руке у Маризы был бокал красного вина, на столике рядом стоял хрустальный графин.

– Мариза, – позвал Джейс.

Она вздрогнула, пролив вино:

– Джейс... Я не слышала, как ты вошел.

– Помните колыбельную, которую вы пели Алеку и Изабель? В детстве, когда они боялись темноты?

Мариза явно не ожидала такого вопроса:

– При чем тут это?

– Я слышал через стену. Алек тогда спал в соседней комнате.

Мариза молчала.

– Колыбельная была на французском, – добавил Джейс.

– Удивительно, что ты запомнил...

– Мне вы никогда не пели.

– Ты не боялся темноты, – ответила Мариза после еле заметной паузы.

– Кто в десять лет не боится темноты?

Мариза подняла брови.

– Сядь, Джонатан, – сказала она. – Немедленно.

Нарочно, чтобы ее позлить, Джейс неспешно пересек комнату и уселся в одно из кресел с откидывающейся спинкой, стоящих у стола.

– Мне не нравится, когда вы называете меня Джонатаном.

– Почему? Это твое имя. – Мариза смотрела на него испытующе. – Давно ты знаешь?

– Что знаю?

– Не прикидывайся. Давно тебе известно, что Валентин – твой отец?

Джейс поразмыслил над ответом, отвергнув несколько вариантов. Лучшая тактика ведения непростых разговоров с приемной матерью – рассмешить ее. Пожалуй, он был единственным человеком в мире, способным рассмешить Маризу.

– Полагаю, так же давно, как и вы.

Мариза медленно покачала головой:

– Я тебе не верю.

Джейс выпрямился и сжал руки, лежавшие на подлокотниках, в кулаки. Пальцы слегка дрожали. Раньше с ним такого никогда не случалось. Никогда. У него всегда была твердая рука и ровный пульс.

– Не верите?

Внутренне он сам содрогнулся от того, как изумленно прозвучал вопрос. Конечно, не верит. Это было ясно с той самой минуты, как они вернулись домой.

– Как я могу поверить, Джейс? Как ты мог не знать, кто твой отец?

– Я считал, что мой отец – Майкл Вэйланд. Мы жили за городом, в поместье Вэйландов...

– Ну да, конечно, – усмехнулась Мариза. – А как тебя зовут? Твое настоящее имя?

– Вы знаете мое настоящее имя.

– Джонатан Кристофер. Я знала, что так же зовут сына Валентина. Я знала, что у Майкла есть сын Джонатан. Среди Охотников это вообще распространенное имя, поэтому я не обратила внимания. А есть ли у сына

Майкла второе имя, даже не выясняла. Но теперь это не дает мне покоя. Как звали настоящего сына Майкла Вэйланда? Давно ли Валентин планировал сделать то, что сделал? Давно ли он задумал убить Майкла? — Она осеклась, пристально глядя на Джейса, и добавила: — А ведь ты на него не похож. Хотя иногда дети имеют мало сходства с родителями... Теперь я вижу в тебе черты Валентина, его непокорный взгляд... Тебе безразлично мое мнение, так ведь?

Джейсу вовсе не было безразлично. Просто ему очень хорошо удавалось это скрывать.

— А что бы изменилось, если бы я сказал, что не так?

Мариза поставила бокал на стол:

— И манера отвечать вопросом на вопрос, чтобы разозлить меня... Валентин делал то же самое. Стоило догадаться...

— А может, не стоило? Я тот же человек, каким явился сюда семь лет назад. Во мне ничего не изменилось. Если раньше вы не замечали во мне сходства с Валентином, не понимаю, почему вдруг должны обнаружить его сейчас.

Мариза отвела взгляд:

— Когда мы говорили о Майкле, ты наверняка понимал, что речь идет не о твоём отце. То, что мы о нем говорили, никак не могло относиться к Валентину.

— Вы говорили, он честный человек, — сказал Джейс, чувствуя, как в груди закипает гнев. — Смелый Охотник. Любящий отец. Я думал, все это о нем.

— А фотографии? Наверняка ты видел фотографии Майкла Вэйланда и понял, что это вовсе не тот человек, которого ты называл отцом! — Мариза закусила губу. — Помоги мне, Джейс.

— Все фотографии погибли во время Восстания. Так сказали мне вы. Теперь я и сам сомневаюсь — а Валентин ли сжег фотографии, чтобы никто не узнал о том, кто входил в Круг? У меня никогда не было фотографий отца, — произнес Джейс с горечью.

Мариза потерла виски.

— Не могу поверить, — пробормотала она. — Не может быть...

— И не верьте в это. Лучше поверьте мне, — выпалил Джейс, чувствуя, что дрожь в руках усиливается.

— Ты думаешь, я не хочу тебе верить? — На секунду юноше показалось, будто он слышит эхо голоса той Маризы, которая приходила к нему, когда ему было десять лет. Он лежал ночами без сна, уставясь в потолок сухими глазами, и думал об отце, а она садилась у его постели и сидела рядом, пока он наконец не засыпал перед самым рассветом...

— Я ничего не знал, — повторил Джейс. — И когда он предложил мне вместе с ним вернуться в Идрис, я отказался. Я все еще здесь. Это что, совсем ничего не значит?

Мариза посмотрела на графин, словно раздумывая, не выпить ли еще вина.

— Я хотела бы тебе поверить... Но твоему отцу было бы очень полезно твое присутствие в Институте. Когда дело касается Валентина, я не могу доверять никому, кого коснулось его влияние.

— Вас тоже коснулось его влияние, — заметил Джейс — и тут же пожалел об этом, увидев выражение, промелькнувшее на лице приемной матери.

— И я отвергла его, — сказала Мариза. — А ты? Что сделал ты?... Скажи мне, что ненавидишь его, Джейс. Скажи, что ненавидишь этого человека и все, чем он живет.

Джейс опустил глаза и рассматривал свои кулаки, сжатые так сильно, что костяшки побелели.

— Не могу.

Мариза резко втянула носом воздух:

— Почему?

— А почему вы не можете сказать, что верите мне? Я прожил с вами почти половину жизни. Вы должны меня очень хорошо знать.

— Ты так искренне говоришь, Джонатан! Ты всегда умел говорить очень искренне, особенно когда в детстве пытался свалить вину за какую-нибудь выходку на Алека или Изабель. Я знаю лишь одного человека, обладающего схожим даром убеждения.

— Моего отца, — пробормотал Джейс, неожиданно почувствовав во рту вкус меди.

— Для Валентина люди делятся на две категории, — сказала Мариза. — Те, кто за Круг, и те, кто против. Вторые — враги, а первые — оружие в его арсенале. Я видела, как он пытался сделать своим оружием друзей и даже собственную жену — все ради высшей цели. И ты хочешь, чтобы я поверила, что он не сделал бы то же самое с сыном? — Она покачала головой. — Я слишком хорошо его знаю. — Впервые за сегодняшний день во взгляде Маризы было больше печали, чем гнева. — Ты — стрела, направленная в самое сердце Конклава, Джейс. Ты — стрела Валентина. Даже если сам того не осознаешь.

Клэри захлопнула дверь спальни с орущим телевизором и пошла разыскивать Саймона. Он оказался на кухне — стоял, нагнувшись над раковиной и уцепившись обеими руками за решетку для посуды. Из крана бежала вода.

— Саймон?

По солнечно-желтым стенам кухни были развешаны детские рисунки Саймона и Ребекки, сделанные цветными карандашами. Ребекка, несомненно, обладала способностями к рисованию, а на рисунках Саймона человечки напоминали скорее парковочные счетчики, увенчанные пучками волос.

Саймон не поднял головы, хотя Клэри точно знала, что он слышал, по тому, как напряглись его плечи. Она подошла и мягко положила руку ему на спину. Ладонь ощутила острые позвонки, выступающие под тонкой хлопковой футболкой, и Клэри подумала, что Саймон похудел. При взгляде на него это было совсем незаметно, но смотреть на Саймона — все равно что смотреть в зеркало. Когда видишь кого-то каждый день, не обращаешь внимания на небольшие изменения внешности.

— Все нормально?

Он резким движением закрыл кран:

— Ну да. Все хорошо.

Она коснулась его подбородка и слегка развернула его к себе. Несмотря прохладный ветер из окна, Саймон весь взмок, темные пряди волос липли ко лбу.

— По тебе не скажешь... Из-за фильма?

Он не ответил.

— Прости. Мне не следовало смеяться, я просто...

— Ты ничего не помнишь? — хрипло спросил Саймон.

— Я... — Клэри умолкла. Воспоминания о той ночи казались жутким калейдоскопом бега, пота, крови, темных теней в дверях, падений с высоты... Она помнила белые, словно вырезанные из бумаги лица вампиров во тьме, помнила руки Джейса на своих плечах и хриплый крик у себя над ухом. — Ничего. Все как в тумане.

На мгновение Саймон отвел глаза, потом вновь посмотрел на нее:

— Скажи, я изменился?

Клэри встретила с ним взглядом. Его глаза были цвета кофе — темно-карие, без малейшего намека на серый или ореховый. Изменился ли он? Разве что стал держаться уверенней с тех пор, как убил Аваддона, высшего демона. И в то же время в его глазах сквозила и усталость, как будто он бесконечно долго чего-то ожидал. Подобную усталость она заметила и у Джейса. Возможно, это было лишь осознание собственной смертности.

— Ты все тот же Саймон.

Он прикрыл глаза, как будто у него гора с плеч свалилась. Клэри успела подумать, что Саймон определенно исхудал... и вдруг он наклонился и поцеловал ее.

Клэри окаменела от неожиданности, только ухватилась за край решетки для посуды, чтобы не упасть. Однако она не отпрянула, и Саймон, восприняв это как знак согласия, положил ладонь ей на затылок и стал целовать еще уверенней. Его губы были такими мягкими, гораздо мягче, чем у Джейса, а рука, обнимающая ее за шею, такой теплой и нежной... Клэри ощутила вкус соли.

Она закрыла глаза и просто наслаждалась головокружительным теплом и темнотой, ощущая, как пальцы Саймона перебирают ее волосы.. Внезапно раздался резкий телефонный звонок. Клэри вздрогнула, отпрянула назад, и несколько секунд они ошеломленно смотрели друг на друга, словно вдруг попали в совершенно незнакомое место.

Саймон пришел в себя первым: потянулся к телефону, висевшему на стене рядом с полочкой для специй, и снял трубку.

— Алло. — Голос у него был совершенно спокойным, только грудь часто вздымалась. Он протянул телефон Клэри: — Тебя.

Клэри взяла трубку. Ей все еще казалось, что сердце колотится где-то у горла, как пойманная бабочка. Наверняка это Льюк, звонит из больницы. Что-то с мамой.

— Льюк?

— Нет. Это Изабель.

— Изабель? — Клэри подняла глаза и увидела, что побледневший Саймон, наблюдает за ней, облокотившись на раковину. — Зачем.. В смысле, что-то случилось?

— Джейс с тобой? — Голос Изабель дрогнул, как будто она плакала.

Клэри отняла трубку от уха, изумленно воззрилась на нее и, спохватившись, вернула на место:

— Джейс? Нет. Почему ты решила, что он со мной?

Изабель всхлипнула в трубку:

— Просто он... Он пропал!

Майя никогда не доверяла красивым парням. Именно поэтому Джейс Вэйланд страшно не понравился ей с самой первой минуты.

Ее брат-близнец Даниэль унаследовал от матери медового цвета кожу и огромные темные глаза. Он был из тех детей, которые любят поджигать крылья бабочкам и смотреть, как они сторают на лету. А мог помучить и сестру. Сначала устраивал мелкие гадости – например, щипал Майю так, чтобы синяки были незаметны, или подливал отбеливатель в ее флакон с шампунем. Она пыталась жаловаться родителям, но они ей не верили. Никто не верил. Все принимали красоту Даниэля за невинность. Когда в девятом классе он сломал ей руку, Майя сбежала из дома; родители нашли ее и вернули. В десятом классе Даниэля насмерть сбила машина. Стоя с родителями над его могилой, Майя умирала от стыда за переполняющее ее чувство облегчения: Бог обязательно покарает ее за то, что она так радуется смерти брата.

Кара настигла год спустя. Джордан носил длинные темные волосы, рваные джинсы на узких бедрах и рокерские футболки. Майя никогда бы не подумала, что может понравиться такому парню. Таким обычно по душе бледные девицы в стильных очках, но Джордану отчего-то приглянулась пухленькая Майя. Между поцелуями он говорил ей, как она прекрасна. Первые месяцы с ним были сладким сном. Последние – кошмаром. Он вдруг стал вести себя как ревнивый собственник. Когда злился на Майю, рычал и бил ее по щекам тыльной стороной ладони – не оставляя следов. Когда у собственного порога она попыталась порвать с Джорданом, он толкнул ее, сбил с ног; она вскочила и убежала в дом, хлопнув дверью.

Потом, у него на глазах, она нарочно поцеловала другого парня: пусть поймет, что между ними все кончено. Как звали того парня, она уже не помнила. Зато очень хорошо помнила, как шла домой той ночью – как мелкая морось оседала на ее волосах, а джинсы до самых колен забрызгало грязью – и как она решила пройти коротким путем через парк. Помнила, как из-за железной карусели вдруг вырвалась темная тень и огромный мокрый волк повалил ее в грязь. Помнила дикую боль, когда на горле сомкнулись челюсти. Она кричала и вырывалась, чувствуя во рту вкус горячей крови, а в голове билась одна мысль: это невозможно! невозможно! В Нью-Джерси, в обычном маленьком пригороде, в двадцать первом веке не могло быть волков!

От ее воплей в окрестных домах один за другим, как спички, зажглись огни. Волк отпрыгнул и убежал, роняя с челюстей капли крови.

Потом Майя оказалась дома, в своей розовой спальне, с двадцатью четыремя швами на горле. Перепуганная мама хлопотала, как наседка. Врач в травмпункте решил, что девушку укусила большая собака, но Майя знала: это не так. Прежде чем волк умчался прочь, он склонился к ее уху, и Майя услышала знакомый горячий шепот: «Теперь ты моя. Ты всегда будешь моей».

Больше она Джордана не видела. Он уехал из города вместе с родителями, и никто из его друзей не знал куда, а если и знали, то не признавались. Майя почти не удивилась, когда на следующее полнолуние вдруг почувствовала себя плохо. Тело раздирали мучительная боль, от которой подкашивались ноги и выгибался хребет. Когда все зубы разом выпали и запрыгали по полу, как рассыпанные бусины, она потеряла сознание. Или ей так показалось. Очнувшись она далеко от дома, без одежды и в крови. На

руке пульсировал свежий шрам. Той же ночью она села в поезд до Манхэттена и уехала навсегда. Решение далось ей легко. В консервативном пригороде ей, плоду межрасового брака, и без того приходилось несладко. А что там могли сотворить с оборотнем – одному Богу известно.

Найти себе стаю тоже не составило труда. Только в Манхэттене их было несколько. Майя прибилась к рае, обитающей в старом полицейском участке в Чайна-тауне.

Вожаки сменяли друг друга. Сначала был Кито, потом Вероника, потом Габриэль, а теперь Люк. Габриэль ей, в принципе, тоже нравился, но Люк был лучше. Голубоглазый и надежный, он не блистал красотой и потому не вызвал у нее неприязни с первого взгляда. Жизнь в стае Майю вполне устраивала. Они спали в старом полицейском участке, играли в карты, ели китайскую еду в обычные дни и охотились в парке в полнолуние, а потом заливали спиртным похмелье после перерождения в «Охотничьей луне», одном из лучших в городе подпольных баров оборотней. Там варили собственное пиво, и никто не требовал удостоверения личности – вдруг тебе нет двадцати одного?! Ликантропы развиваются очень быстро; коль скоро ты раз в месяц обрастаешь шерстью и клыками, в «Луне» нальют всегда – неважно, сколько тебе лет по человеческим меркам.

О своей семье она едва вспоминала – до того дня, когда в бар вошел светловолосый парень в длинном черном плаще. Увидев его, Майя окаменела. Не то чтобы он напоминал Даниэля – не совсем. У брата были темные волосы, чуть волнистые на затылке, и медовая кожа, а этот чужак отливал белизной и золотом. И все же Майе на секунду показалось, что она видит брата. Та же стройная, гибкая фигура, та же хищная грация пантеры, высматривающей жертву, то же уверенное сознание собственной неотразимости. Майя конвульсивно сжала стакан и напомнила себе, что Даниэль умер. Брата больше нет в живых.

Чужак уверенно шагнул к барной стойке, а за спиной у него расходились настороженные перешептывания, будто волны за кормой лодки. Он как ни в чем не бывало притянул к себе табурет носком сапога и уселся. Шепот стих, и Майя услышала, как парень заказал односолодовый виски. Получив заказанное, он одним глотком ополовинил стакан. Напиток был того же цвета темного золота, что и волосы чужака. Когда парень поднимал стакан, у него обнажилось запястье, и Майя увидела черные знаки.

Рядом с Майей сидел Бэт – когда-то ухажер, а теперь просто друг. Увидев знаки на руках чужака, он пробормотал себе под нос:

– Нефилим...

Так вот в чем дело. Чужак не оборотень, а Сумеречный охотник, член тайной полиции. Охотники следили за тем, чтобы никто не нарушал Закон. Охотником нельзя стать, им можно только родиться. О них ходило множество слухов, один неприятней другого. Заносчивые, надменные, жестокие, они презирали нежить. Для оборотня хуже Охотника мог быть разве что вампир.

А еще говорили, что Охотники убивают демонов. Майя хорошо помнила, как впервые услышала о существовании демонов. Она уже поняла и приняла существование в мире вампиров и оборотней – это были люди, живущие с

жестоким недугом. Но неужели теперь придется поверить в чепуху про ад и рай, ангелов и демонов? Ведь никто до сих пор не мог сказать ей определенно, есть Бог или нет и что ждет ее после смерти.. В демонов пришлось поверить – после того, как Майя увидела ими содеянное. Лучше бы она оставалась в неведении..

– Очевидно, – произнес нефилим, водрузив локти на барную стойку, – «Серебряную пулю» тут не подают из принципа? Слишком неприятные ассоциации? – Его прищуренные глаза нехорошо светились.

Бармен по прозвищу Стремный Пит только посмотрел на парня с презрением и покачал головой. Майя подумала, что, не будь парень Охотником, Пит уже вышнырнул бы его из бара.

– На самом деле, – сказал Бэт, который никогда не умел вовремя промолчать, – «Серебряную пулю» тут не подают, потому что это реально дерьмовое пиво.

Чужак уставился на Бэта сверкающими прищуренными глазами и радостно улыбнулся. Вообще-то мало кто улыбался радостно, поймав на себе недобрый взгляд Бэта. Бэт был ростом под метр девяносто, и по всему его лицу шел шрам от ожога серебряным порошком. Он не принадлежал к числу тех бедолаг, что жили в полицейском участке и спали в бывшей каталажке, – он имел свою квартиру и даже работу. Майе с ним очень нравилось – до тех пор, пока Бэт не ушел от нее к рыжей ведьме по имени Ева, устроившей в гараже салон хиромантии.

– А что ты предпочитаешь? – поинтересовался парень, наклонившись к Бэту так близко, что это само по себе уже пахло оскорблением. – Вкус шерсти паршивого пса, выкусывающего блох?

– Да ты, я смотрю, считаешь себя остроумным парнем, – сказал Бэт. Вся стая уже собралась вокруг них, готовая поддержать товарища. – Так?

– Бэт, – вмешалась Майя. Как ни странно, она одна во всей стае сомневалась в том, что Бэт выйдет из драки победителем. Что-то во взгляде чужака внушало ей страх. – Не надо.

Бэт и ухом не повел.

– Так, спрашиваю?

– Кто я такой, чтобы отрицать очевидное? – Взгляд парня скользнул по Майе, будто ее не существовало, и уперся в Бэта. – Прости за любопытство, но что у тебя с лицом? Похоже..

Тут он подался к Бэту и сказал что-то, чего Майя не расслышала. В следующую секунду Бэт нанес удар, который должен был раздробить обидчику челюсть, – вот только чужака уже не было на месте. Он стоял в пяти футах в стороне, злорадно хохоча: вместо его челюсти Бэт попал по стакану с виски, запустив его через весь бар в противоположную стену. Со звоном посыпались осколки.

Майя не успела даже моргнуть, как Стремный Пит оказался рядом с Бэтом и стрел в огромный кулак воротник его рубашки:

— Хватит!.. Вот что, Бэт, не пойти ли тебе проветриться?

Бэт пытался вырваться из цепкой хватки:

— Проветриться? Ты слышал, что он..

— Я слышал, — негромко произнес Пит. — Это нефилим. Пойди остуди голову, парень.

Бэт выругался и пошел к выходу. Напряженная спина выдавала клочущую в нем ярость. Громко хлопнула дверь.

Чужак уже не улыбался; теперь он смотрел на Стремного Пита с мрачным негодованием, словно бармен только что отобрал у него игрушку.

— Зачем? Я бы и сам справился.

Пит смерил Охотника взглядом.

— Меня волнует только судьба моего бара, — сказал он наконец. — Лучше бы тебе убратся отсюда по-хорошему, нефилим, если не хочешь лишних проблем.

— А кто сказал, что я не хочу лишних проблем? — Заявил парень, усаживаясь на стул. — И вообще, я даже не успел допить виски.

Майя кинула взгляд на стену, где расплывалось мокрое пятно.

— По-моему, виски ты уже прикончил, — прокомментировала она.

Секунду парень смотрел на нее безо всякого выражения, затем в его золотистых глазах промелькнула едва заметная искра веселья. В этот момент он стал так похож на Даниэля, что Майя чуть не попятилась. Однако прежде, чем он успел ей ответить, перед ним возник другой стакан с янтарным напитком.

— Держи. — Пит предостерегающе взглянул на Майю.

Входная дверь распахнулась. На пороге стоял Бэт в обагренной кровью рубашке. Майя вскочила и кинулась к нему:

— Ты ранен?

Лицо у него было совершенно серым, и серебристый шрам на щеке темнел, как кусок изломанной проволоки.

— Убийство, — произнес Бэт. — Там в переулке труп. Убит парень. — Он взглянул на свою рубашку и покачал головой: — Кровь не моя..

— Убийство? Но кто..

Ответ Бэта потонул в шуме голосов. Все вскочили с мест и поспешили на улицу. Пит вышел из-за стойки и начал проталкиваться через толпу. Только нефилим остался сидеть, склонившись над стаканом.

Через головы братьев Майя увидела лужу крови на серой мостовой. Кровь не успела высохнуть и растекалась по брусчатке причудливыми побегами алого растения.

— Перерезали плотку? — спросил бармен у Бэта, на лице которого вновь начали проступать краски.

— Я видел кого-то в переулке. Кто-то стоял на коленях над телом.. — Голос Бэта звучал глухо. — Слово не человек, а призрак. Он убежал прочь, как только заметил меня. А парень был еще жив. Я наклонился к нему, но.. — Бэт передернул плечами, и Майя заметила, что жилы на его шее вздулись, как толстые корни, оплетающие ствол дерева. — Он умер, не сказав ни слова.

— Вампиры, — промолвила пухлая девушка-оборотень, стоявшая у двери. Майя припомнила, что ее зовут Амабель. — Дети тьмы. Это могли сделать только они.

Бэт посмотрел на нее, развернулся и направился к барной стойке. Он хотел было ухватить Охотника за воротник, но тот стремительно вскочил на ноги.

— В чем дело, вервольф?

— Ты оглох, нефилим? — прорычал Бэт. — Там на улице убитый парень. Один из наших.

— То есть оборотень или еще кто из нежити? — Охотник изогнул светлые брови. — Вы все для меня на одно лицо.

Кто-то глухо зарычал. Майя с удивлением поняла, что это Стремный Пит.

— Он же совсем еще щенок, — сказал Пит. — Его звали Джозеф.

Имя Майе ни о чем не говорило, но на лице у Пита полыхала такая ярость, что у нее внутри все сжалось. Стая была настроена убивать, и, если у нефилима осталась хоть толика здравого смысла, ему следовало бы бежать без оглядки. Однако здравым смыслом чужака природа обделила. Он смотрел на Взбешенных оборотней своими золотыми глазами и улыбался.

— Молодой ликантроп?

— Из нашей стаи, — кивнул Пит. — Ему едва пятнадцать исполнилось.

— И чего ты теперь хочешь от меня?

Пит изумленно воззрился на него:

— Ты же нефилим! Конклав обязан защищать нас в таких случаях.

Парень неспешно оглядел бар, и во взгляде его сквозило такое высокомерие, что Пит побагровел.

– Я не вижу никакой опасности. Разве что плесень по углам может нанести вред здоровью – но этой беде поможет обычная хлорка.

– У порога бара лежит убитый оборотень, – процедил Бэт. – Тебе не кажется..

– Мне кажется, что именно его защищать уже поздно, – отрезал Охотник. – Ведь он мертв.

Пит по-прежнему не сводил с нефилима глаз. Уши у бармена заострились, а когда он снова заговорил, голос звучал глухо из-за растущих волчьих клыков.

– Лучше поберегись, – прорычал он. – Поберегись, мой тебе совет.

– Серьезно? – Охотник смотрел на него безо всякого выражения.

– Так что ты собираешься делать? – спросил Бэт.

– Я собираюсь допить виски, – сказал Охотник, взглянув на свой полупустой стакан на стойке, – если позволите.

– Так вот, значит, как обращается с нами Конклав спустя лишь неделю после подписания очередного Договора, – презрительно бросил Пит. – Смерть нежити ничего не значит?

Охотник улыбнулся, и Майя вздрогнула. Выражение у чужака было в точности как у Даниэля, когда брат собирался оторвать крылья божьей коровке.

– Ну да, вполне в духе нежити, – произнес он, – ожидать, что Конклав станет расхлебывать кашу, которую вы сами заварили. Можно подумать, нам есть дело до того, что какой-то щенок нарвался горлом на нож в темном переулке...

А потом нефилим выругался. Произнес слово, которое оборотни не терпели и никогда не произносили сами. Омерзительное бранное слово, означающее плод непристойного сожительства волка и человеческой женщины.

Прежде чем кто-либо успел пошевелиться, Бэт бросился на Охотника, но тот уже исчез. Бэт споткнулся и завертелся юлой, ища обидчика. По толпе пронесся изумленный вздох.

Майя, разинув рот, смотрела на нефилима, который неведь каким образом вскочил на барную стойку и теперь взирал на всех с высоты, широко расставив ноги. Сейчас он в самом деле был похож на ангела, готового обрушить на голову врага карающую десницу. Парень вытянул вперед руку... и поманил к себе разъяренную Стаю. Оборотни не заставили себя ждать и толпой бросились на него.

Бэт и Амабель влезли на стойку, однако нефилим легко сбросил обоих на пол, уже усыпанный битым стеклом. Он двигался так стремительно, что его отражение в зеркале на стене казалось размытым пятном. При этом Охотник

смеялся — даже когда его схватили за ноги и стащили со стойки и он исчез в клубке рук и ног. И даже когда в полумраке бара сверкнуло лезвие...

Майя затаила дыхание.

— Довольно!

В дверях стоял Люк — спокойный и хладнокровный. Выглядел он не просто усталым, а совершенно измочаленным, как будто что-то съедало его изнутри. И все же говорил он совершенно невозмутимо.

— Довольно. Оставьте парня в покое.

Стая немедленно отхлынула от нефилима, только Бэт остался на месте, вцепившись одной рукой в его воротник, а в другой сжимая короткий нож. На лице Охотника, залитом кровью, по-прежнему была улыбка, такая же опасная, как осколки битого стекла на полу.

— Это не просто парень, — сказал Бэт. — Это нефилим.

— Нефилимы вправе сюда заходить, — спокойно произнес Люк. — Они наши союзники.

— Он сказал, что это ничего не значит, — злобно бросил Бэт. — Про Джозефа...

— Я знаю. — Люк посмотрел на светловолосого чужака. — Ты явился сюда, чтобы нарваться на драку, Джейс Вэйланд?

Чужак, которого он назвал Джейсом, улыбнулся, растянув разбитые губы. По подбородку побежала тонкая струйка крови.

— Привет, Люк, — произнес он.

Услышав имя вожака стаи из его уст, Бэт в изумлении отпустил рубашку противника:

— Я не знал...

— Тут и знать нечего, — отрезал Люк. В его голосе засквозила такая же бесконечная усталость, как и во взгляде.

— Он заявил, что Конклаву безразлична смерть одного ликантропа, даже щенка! — пророкотал Стремный Пит. — И это спустя всего неделю после подписания Договора!

— Джейс не может говорить от имени Конклава, — сказал Люк. — Так же как он не мог бы ничем нам помочь, даже если бы захотел. Правда ведь? — спросил он, переводя взгляд на побледневшего Джейса.

— Откуда ты...

— Я знаю, что произошло между тобой и Маризой, — добавил Люк.

Джейс как будто оцепенел, и на секунду Майя увидела то, что скрывалось под злобной веселостью, делавшей юношу столь похожим на Даниэля. Там была боль и тьма, и в эту секунду взгляд Охотника напомнил Майе не ее брата, а отражение ее собственных глаз в зеркале.

— Кто тебе сказал? Клэри?

— Нет, не Клэри. — Майя никогда не слышала этого имени, но по тону поняла, что речь идет о ком-то очень важном и для Люка, и для светловолосого нефилима. — Я вожак стаи, Джейс. До меня быстро доходят слухи. Пойдем в кабинет Пита — надо поговорить.

Джейс помедлил пару секунд и пожал плечами.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Только с тебя писки, раз уж мне не дали тут спокойно выпить.

— Все, больше у меня вариантов нет. — Клэри тяжело вздохнула, опустилась на ступени, ведущие к музею Метрополитен и мрачно уставилась на Пятую авеню.

— Ну, предположение было логичное. — Саймон сел рядом с ней и вытянул перед собой длинные ноги. — Он любит оружие и вообще войну и вполне мог оказаться там, где хранится самая большая коллекция оружия в городе. Я, кстати, и сам не против посетить оружейные залы — можно почерпнуть массу идей для кампании.

Клэри посмотрела на него удивленно:

— Так ты все еще играешь? С Эриком, Кирком и Мэттом?

— Ну да, а что такого?

— Я думала, игры утратили для тебя всю прелесть после...

После того, как жизнь сама стала напоминать компьютерную игру. С героями, злодеями, ужасной магией и великими магическими артефактами, которые надо обязательно отыскать, чтобы одержать победу.

Только вот в любой игре герои всегда побеждают злодеев и возвращаются домой с сокровищами. А в жизни получилось, что сокровище они потеряли, и Клэри так до сих пор не поняла, кто тут герой, а кто злодей.

Она посмотрела на Саймона с грустью. Если бы он забросил любимые видеоигры, это была бы ее вина — так же, как и во всем, что случилось с ним за последние недели.

— Саймон...

— Сейчас я играю клериком-полутроллем, который должен отомстить оркам за убитую семью, — весело сказал Саймон. — Это круто!

Клэри расхохоталась, и тут у нее зазвонил телефон. Она раскрыла аппарат — звонил Люк.

— Мы его не нашли, — сказала Клэри в трубку.

— Зато нашел я, — прозвучало в ответ.

Клэри выпрямилась:

— Правда? Он с тобой? Можно поговорить с ним? — Она заметила, что Саймон пристально смотрит на нее, и понизила голос: — С ним все нормально?

— Более или менее.

— Что значит «более или менее»?!

— Подрался со стаей оборотней. Отделался синяками и царапинами.

Клэри прикрыла глаза. Зачем, ну зачем Джейсу понадобилось драться с оборотнями?! Что на него нашло? Хотя... это ведь Джейс. Он может помериться силами с грузовиком, если будет не в духе.

— Приезжай, — сказал Люк. — Его надо образумить, у меня пока ничего не выходит.

— Как вас найти? — спросила Клэри.

Люк объяснил. Бар на Хестер-стрит назывался «Охотничья луна». Клэри подумала, что он наверняка зачарован. Она захлопнула телефон и обернулась к Саймону, который наблюдал за ней, вскинув брови.

— Возвращение блудного сына?

— Вроде того, — бросила Клэри, поднимаясь и разминая усталые ноги.

Про себя она уже прикидывала, сколько придется ехать до Чайна-тауна на метро и не потратить ли выданные Люком карманные деньги на такси. И все же от этой идеи пришлось отказаться — если будут пробки, на дороге можно застрять надолго.

— Вместе с тобой? — Саймон стоял на ступеньку ниже Клэри, поэтому их глаза оказались на одном уровне. — А?

Клэри в замешательстве открыла рот и тут же захлопнула его, не найдя что ответить.

— Да ты вообще не слышала ни слова из того, что я тебе сейчас говорил! — возмущенно воскликнул Саймон.

— Извини, — смущенно кивнула Клэри. — Я думала о Джейсе. Похоже, ему очень крепко досталось.

Глаза Саймона потемнели.

— И ты, значит, со всех ног бежишь перевязывать ему раны?

— Люк попросил меня приехать. Я надеялась, что ты поедешь со мной.

Саймон пнул ступеньку носком ботинка:

— Хорошо, я поеду. Только зачем? Люк не может отправить Джейса назад в Институт без твоей помощи?

— Наверняка может. Но он хочет, чтобы я сначала выяснила у Джейса, что происходит.

— А я-то думал, мы с тобой сегодня куда-нибудь ходим, — протянул Саймон.
— В кино, например. Или поужинаем где-нибудь в центре.

Клэри смотрела на него и слушала шум воды, плещущей из фонтана рядом с музеем. Она вспомнила о том, что произошло на кухне, о влажных пальцах Саймона в своих волосах, но все это было сейчас очень далеко — как будто смотришь на старую фотографию и не можешь вспомнить, когда и как это снимали.

— Он мой брат. Я должна к нему приехать.

У Саймона, похоже, не осталось сил даже на то, чтобы вздохнуть.

— Ладно, поехали, — сказал он.

Кабинет хозяина «Охотничьей луны» находился в конце узкого коридора. Пол устланы опилки, разворошенные множеством ног и местами облитые какой-то темной жидкостью, мало напоминавшей пиво. Пахло табачным дымом и самую чуточку — мокрой псиной, хотя Клэри в жизни не сказала бы об этом Люку.

— Он не в настроении, — предупредил Люк, остановившись перед закрытой дверью. — Я запер его у Стремного Пита в кабинете после того, как он голыми руками чуть не разорвал половину моей стаи. Со мной говорить отказывается, вот я и решил позвать тебя. — Тут Люк заметил выражение лиц Клэри и Саймона: вид у обоих был весьма озадаченный. — В чем дело?

— Поверить не могу, что Джейс решил прийти сюда! — выдохнула Клэри.

— Поверить не могу, что вы знаете кого-то по прозвищу Стремный Пит! — заявил Саймон.

— А я вообще знаю довольно много людей, — сказал Люк. — Правда, Стремный Пит не совсем человек, но раз уж на то пошло — я тоже.

Он распахнул дверь кабинета, и Клэри увидела скупую обставленную комнату без окон. Стены украшали спортивные флаги. На столе, заваленном ворохом бумаг, стоял маленький телевизор, а за столом в кресле, обтянутом такой старой, потрескавшейся кожей, что она напоминала мрамор с прожилками, сидел Джейс.

Как только дверь открылась, Джейс ухватил со стола желтую перьевую ручку и метнул ее. Она просвистела в воздухе, вонзилась в стену прямо рядом с головой Люка и застряла, вибрируя. Глаза Люка расширились. Джейс слабо улыбнулся:

– Прости, я не сразу понял, что это ты.

У Клэри сжалось сердце. Она не видела Джейса много дней и теперь заметила, как он изменился – и дело было даже не в пятнах крови и явно свежих синяках на лице. Ей показалось, что он осунулся и скулы у него стали выдаваться еще резче.

Люк поманил Саймона и Клэри за собой:

– Я привел к тебе гостей.

Взгляд Джейса не отражал никаких эмоций, как будто он взирал на них с портрета.

– К сожалению, перо было одно, – произнес он.

– Джейс... – начал Люк.

Юноша перебил его:

– Пусть уйдет. – Он кивнул головой на Саймона.

– Как ты можешь?! – возмутилась Клэри. Неужели он забыл, что Саймон спас жизнь Алеку, а может, даже им всем?

– Скройся, примитивный, – повторил Джейс, указывая на дверь.

Саймон махнул рукой:

– Ладно, я подожду в коридоре.

Он вышел и даже не хлопнул дверью, хотя Клэри почувствовала, что это стоило ему усилия. Она обернулась к Джейсу, собираясь его отчитать:

– Как ты можешь вести себя так... – И осеклась. Джейс выглядел таким беззащитным, таким неожиданно уязвимым...

– Нелюбезно? – закончил он за Клэри. – Видишь ли со мной это бывает – в дни, когда моя приемная матушка вышвыривает меня из дома с напутствием никогда больше не омрачать своей тенью ее порог. А вообще-то я добрейшей души человек. Особенно по четвергам после дождя.

Люк нахмурился:

– Нельзя сказать, что я питаю к Маризе и Роберту Лайтвудам особо нежные чувства, но все же не могу поверить в то, что Мариза так поступила.

Джейс удивился:

– Ты знаешь их? Знаешь Лайтвудов?

– Они входили в Круг вместе со мной, – сказал Люк. – А теперь, как ни странно, возглавляют здесь Институт. Видимо, после Восстания заключили сделку с Конклавом в обмен на мягкий приговор. – Он помолчал. – Мариза объяснила, по какой причине выгоняет тебя из дома?

– Она не поверила, что я и правда считал Майкла Вэйланда своим отцом. Обвинила меня в том, что я с самого начала был в сговоре с Валентином. Мол, это я помог ему ускользнуть с Чашей смерти.

– Почему тогда ты просто не убежал с Валентином? – спросила Клэри.

– На этот вопрос она мне не ответила. Вероятно, считает, что я остался при них шпионить. Что в моем лице они пригрели змею на груди. Конечно, она в брала другую формулировку, но общий смысл примерно такой.

– Шпион Валентина? – Люк был поражен.

– Мариза уверена, что Валентин надеется на теплые чувства, которые они с Робертом ко мне питают. Что, мол, это заставит их слепо мне верить. Поэтому Мариза решила все эти теплые чувства просто задушить.

– Очень глупо, – покачал головой Люк. – Нельзя взять и выключить любовь, словно перекрыть кран. Особенно по отношению к своим детям.

– Они не мои настоящие родители.

– Неважно. Кровное родство тут значения не имеет. Они выполняли роль твоих родителей семь лет – вот что главное. Маризе просто сейчас тяжело.

– Тяжело? – изумленно переспросил Джейс. – Ей тяжело?

– Не забывай, она когда-то любила Валентина, – сказал Люк. – Так же, как и все мы. Он разбил ей сердце. Теперь она боится, что его сын сделает то же самое. Она боится, что все это время ты лгал. Что человек, которого она растила как сына, оказался шпионом, предателем. Ты должен утешить ее, объяснить, что это все не так.

Во взгляде Джейса читалось упрямство.

– Мариза – взрослая женщина! Уж в моих-то утешениях она не нуждается!

– Ну, хватит, Джейс, – вмешалась Клэри. – Взрослые не всегда ведут себя идеально. Они тоже могут ошибаться. Возвращайся в Институт и поговори с ней спокойно. Будь мужчиной.

– Не хочу быть мужчиной, – заявил Джейс. – Хочу быть вздорным подростком, который не в состоянии одолеть собственных демонов и поэтому на всех вокруг рычит.

– Ну что ж, у тебя прекрасно получается, – кивнул Люк.

— Джейс, — быстро вставила Клэри, опасаясь, как им они не начали ссориться по-настоящему, — ты должен вернуться в Институт. Вспомни об Иззи и Алеке.

— Мариза придумает что-нибудь, чтобы их успокоить. Скажет, что я просто сбежал.

— Нет, — покачала головой Клэри. — Когда я говорила с Изабель, она была на грани истерики.

— Изабель постоянно на грани истерики, — пробормотал Джейс, но вид у него сделался польщенный. Он откинулся на спинку кресла; синяки на скуле и подбородке темнели на коже, как бесформенные знаки. — Я не вернусь в дом, где мне не верят. Мне уже не десять лет, я сам о себе позабочусь.

Люка это явно не убедило.

— Куда ты пойдешь? Где будешь жить?

Глаза Джейса сверкнули.

— Мне семнадцать, я почти взрослый. А любому взрослому Охотнику положено...

— Любому взрослому. Ты — не взрослый. Ты не можешь работать на Конклав, потому что еще слишком юн, и Лайтвуды по закону обязаны о тебе заботиться. Если они откажутся, назначат другого опекуна или...

— Или что? — Джейс вскочил на ноги. — Меня отправят в приют в Идрисе? Или повесят на шею какой-нибудь семье, которую я даже не знаю? Я могу найти работу у примитивных, пожить среди них...

— Не можешь, — сказала Клэри. — Уж поверь мне, знаю на личном опыте. Ты слишком юн для любой более или менее достойной работы. Кроме того, твои навыки вряд ли будут востребованы. Большинство наемных убийц все же постарше тебя. И они преступники.

— Я не убийца.

— Если бы ты жил среди обычных людей, — произнес Люк, — это называлось бы именно так.

Джейс окаменел и сжал губы.

— Вы не понимаете! — воскликнул он с неожиданным отчаянием в голосе. — Я не могу вернуться. Мариза потребовала, чтобы я сказал, что ненавижу Валентина.

Он поднял подбородок и посмотрел на Люка с мрачной решимостью, будто ожидал, что тот ужаснется или будет насмехаться над ним. В конце концов, у Люка было больше причин ненавидеть Валентина, чем у кого-либо другого.

— Я знаю, — вместо этого сказал Люк. — Я тоже его когда-то любил.

Джейс вздохнул с облегчением, и Клэри вдруг поняла, зачем он пришел в бар оборотней. Не для того, чтобы нарваться на драку, а чтобы найти Люка. Ведь Люк наверняка бы его понял. Она напонила себе, что на самом деле не все поступки Джейса пахивали безумием или самоубийством. Хотя впечатление создавалось именно такое.

— Тебе не следует говорить, что ненавидишь отца, — сказал Люк. — Даже для успокоения Маризы. Она должна понять.

Клэри внимательно смотрела на Джейса, пытаюсь прочитать противоречивую гамму чувств, написанных на его лице. Увы, так можно читать книгу на лишь смутно знакомом языке.

— Мариза и правда сказала, чтобы ты никогда больше не возвращался? — спросила она. — Или ты так истолковал ее слова и ушел?

— Она сказала, что лучше мне какое-то время пожить в другом месте, — ответил Джейс. — Где именно, она не уточнила.

— А ты дал ей такую возможность? — поинтересовался Люк. — Послушай, Джейс, я буду рад, если ты поживешь у меня — столько, сколько потребуется. Имей в виду.

Клэри почувствовала, как у нее внутри что-то оборвалось. Мысль о том, что Джейс будет жить с ней в одном доме, наполнила сердце смесью ужаса и восторга.

— Спасибо, — сказал Джейс ровным голосом.

Но его взгляд немедленно метнулся к Клэри, и в нем отразилась смесь тех же эмоций, которые переполняли ее саму. Про себя Клэри почти пожелала, чтобы Люк иногда не был таким великодушным. Или таким слепым.

— Однако, — продолжил Люк, — я считаю, что ты должен прийти в Институт, спокойно и обстоятельно поговорить с Маризой и выяснить, что на самом деле происходит. Сдается мне, все гораздо сложнее, чем она тебе рассказала. Возможно, ты что-то не пожелал услышать.

Джейс с видимым усилием оторвал взгляд от Клэри.

— Хорошо, — хрипло произнес он. — Однако один я туда не пойду.

— Я пойду с тобой, — с готовностью предложила Клэри.

— Я знаю, — тихо ответил Джейс. — Я тоже хочу, чтобы ты пошла. Но и Люк составит нам компанию.

На лице Люка отразилось смятение.

— Джейс... Я прожил здесь пятнадцать лет и никогда не был в Институте. Ни единого раза. Вряд ли Мариза будет рада меня видеть...

— Пожалуйста, — попросил Джейс.

Он произнес это единственное слово очень спокойно и тихо, но Клэри почувствовала почти осязаемую гордость, на которую Джейсу пришлось для этого наступить.

— Хорошо, — согласился Люк. Ему, вожаку стаи, не раз приходилось делать что-то неприятное, однако совершенно необходимое. — Я пойду с тобой.

Саймон ждал в коридоре, прислонившись к стене и пытаясь себя не жалеть.

А ведь день начинался так хорошо. Ну, по крайней мере, неплохо. Сначала случилась маленькая неприятность со злосчастным фильмом про Дракулу, из-за которого Саймона замутило, он утратил над собой контроль, и все подавляемые желания вдруг вылезли наружу. Потом у него сдали нервы, и он вдруг, сам того не ожидая, поцеловал Клэри — так, как мечтал поцеловать уже много лет. Говорят, что, когда заветное желание исполняется, ощущения совсем не те, каких ожидаешь. Так вот, это неправда.

И Клэри ответила на поцелуй.

А теперь она была за этой дверью с Джейсом, и Саймон чувствовал, что внутри у него все сжимается, словно он наглотался червей. Отвратительное ощущение, и уже привычное, хоть появилось не так давно — гораздо позже того, как он осознал, что влюблен в Клэри. Он не пытался давить на нее, не пытался показать свои чувства. Он всегда верил в то, что однажды она забудет детские мечты о мультяшных принцах и героях боевиков и поймет то, что уже давно очевидно, — они с Саймоном созданы друг для друга. И пусть пока Клэри не проявляла никакого интереса к давнему другу; по крайней мере, ее не интересовал никто другой.

А потом объявился Джейс. Саймон вспомнил, как сидел на крыльце в доме Люка, Клэри рассказывала ему, кто такой Джейс и чем он занимается, а Джейс с надменным видом изучал свои ногти. Саймон тогда едва слышал, что говорила Клэри. Его мысли занимало то, как она смотрит на этого белобрысого парня со странными татуировками и смазливый точеный лицом. Слишком смазливый, заключил Саймон. Клэри, увы, этого мнения не разделяла. Она смотрела на Джейса так, будто один из ее мультяшных принцев вдруг сошел с экрана. Она еще ни на кого так не смотрела, и Саймон надеялся, что когда-нибудь она будет смотреть так только на него. Но все вышло иначе, и теперь ему было очень больно.

Когда выяснилось, что Джейс — брат Клэри, Саймон понял, что чувствует приговоренный к расстрелу, которого уже приставили к стенке и вдруг в самый последний момент помиловали. Мир вновь показался полным прекрасных возможностей.

А потом все опять пошло наперекосяк.

— Эй ты! — Кто-то невысокий шел к Саймону по коридору, осторожно обходя темные пятна на полу. — Случайно не Люка ждешь? Он там?

— Не совсем... — Саймон отошел от двери. — То есть он там, но не один. С ним мой друг.

К Саймону подошла смуглая девушка лет шестнадцати — маленькая, пухлая, с широкими бедрами и узкой талией. Ее золотисто-коричневые волосы были заплетены во множество тонких косичек, а лицо по форме напоминало сердечко.

— Тот парень, который устроил драку в баре? Нефилим, что ли?

Саймон молча пожал плечами.

— Не хочу тебя расстраивать, но твой друг — придурок, — заявила девушка.

— Он не мой друг, — отрезал Саймон. — И я с тобой совершенно согласен.

— Ты же говоришь...

— Я жду его сестру, — объяснил Саймон. — Это она мой лучший друг.

— И она сейчас там, вместе с ним? — спросила девушка, указав на дверь.

На всех пальцах у нее поблескивали кольца из бронзы и золота. Джинсы на ней были потертые, но чистые, а когда она повернула голову, Саймон заметил на ее шее шрам, прямо над воротом футболки.

— Братья часто бывают придурками, — неохотно признала девушка. — Наверное, ее вины тут нет.

— Ну да, — кивнул Саймон, — просто она единственный человек, которого он может послушать.

— Сдается мне, этот парень вообще не любитель слушать, — проворчала девушка — и вдруг заметила, что Саймон смотрит на ее шею. Это, похоже, ее позабавило. — Шрам разглядываешь? От укуса остался.

— От укуса? То есть ты...

— Оборотень, — сказала девушка. — Тут все оборотни. Кроме тебя и придурка за этой дверью. Ну и еще сестры придурка.

— Но ты же не всегда была оборотнем? В смысле, ты родилась человеком?

— Большинство из нас родились людьми, — сказала девушка. — Этим мы отличаемся от твоих дружков-нефилимов.

— Что? — переспросил Саймон.

— Мы знаем, что значит быть человеком, — ответила девушка с едва заметной улыбкой.

Саймон промолчал.

После секундной паузы девушка протянула ему руку:

— Меня зовут Майя.

— Саймон, — представился Саймон и пожал руку. Ладонь была сухая и мягкая. Майя смотрела на него из-под ресниц, золотисто-коричневых, как поджаренный тост. — Откуда ты знаешь, что Джейс придурок? Точнее, как ты об этом узнала?

— Он перевернул бар вверх дном. Ударил моего друга Бэта. Устроил драку. Некоторых из нашей стаи отправил в нокаут.

— И что с ними теперь? — Хотя Джейс выглядел безмятежным, Саймон не сомневался, что он мог бы убить кого-нибудь с утраца, а потом спокойно позавтракать. — Вы позвали врача?

— Мага, — уточнила девушка. — От обычного врача нам никакого толку.

— Нам — то есть нежити?

Майя вскинула брови:

— Да ты, я смотрю, уже успел нахвататься у нефилимов жаргона!

— Откуда ты знаешь, что я не один из них? — Саймон был уязвлен. — Или из вас? Может, я нефилим? Или нежить? Или...

Девушка покачала головой, так что косички заплясали.

— Ты ее просто излучаешь, — сказала она с оттенком горечи. — Свою человечность.

— Может, постучать? — спросил Саймон, почувствовав себя неожиданно глупо. — Раз тебе нужен Люк...

Майя пожала плечами:

— Просто передай ему, что пришел Магнус, осматривает место преступления. — Заметив в его глазах замешательство, она добавила: — Магнус Бейн. Маг.

Саймон чуть не ляпнул «я знаю», но вовремя прикусил язык. Разговор и без того выходил очень странным.

— Хорошо.

Майя пошла к выходу, однако в дверях остановилась:

— Думаешь, сестра сможет его образумить?

— Если он вообще кого-то слушает, то только ее.

— Как мило, — пробормотала Майя. — Как мило, что он любит сестру.

— О да, — сказал Саймон. — Сам умиляюсь.

Инквизитор

В первый раз Институт предстал перед Клэри в обличье полуразрушенного храма с обвалившейся крышей и входом, затянутым грязной желтой полицейской лентой. Теперь ей даже не пришлось прилагать усилий, чтобы различить то, что скрывала иллюзия. Еще издали Клэри увидела Институт именно таким, каким он был на самом деле, — огромным готическим собором, устремляющим в темное небо острые шпили.

Люк молчал. На лице у него явственно отражалась внутренняя борьба. Поднимаясь по ступенькам, Джейс привычным движением потянулся к карману рубашки и невесело усмехнулся:

— Ну да, совсем забыл. Мариза отобрала у меня ключи.

— Логично. — Люк провел пальцем по символам, вырезанным на деревянной двери прямо под архитравом. — Совсем как врата Зала Совета в Идрисе. Не знал, что мне вновь придется их увидеть.

Клэри не хотелось отвлекать его от воспоминаний, однако на ностальгию времени не было.

— Если нет ключа...

— На самом деле ключ не нужен. Двери Института должны открыться перед любым нефилимом, не желающим зла его обитателям.

— А если его обитатели желают зла нам? — негромко спросил Джейс.

Люк криво улыбнулся:

— А вот это вряд ли помешает вратам впустить нас.

— Ну да, Конклав всегда все устраивает в свою пользу.

Голос у Джейса звучал глухо из-за распухшей верхней губы, под левым глазом наливался синяк. Клэри с удивлением осознала, что он не стал прибегать к исцелению после драки.

— У тебя что, и стило забрали? — спросила она.

— Я сам не взял, — ответил Джейс. — Мне от Лайтвудов ничего не нужно.

Люк бросил на него обеспокоенный взгляд:

— Охотнику необходимо стило.

– Добуду другое, – отрезал Джейс и приложил руку к воротам. – Именем Конклава прошу дозволения войти в это священное место. Именем ангела Разиэля прошу благословить меня на...

Двери в собор распахнулись. Внутри царил полумрак, освещаемый огоньками свечей в высоких железных канделябрах.

– Надо же, как все просто, – пожал плечами Джейс. – Даже до конца не дослушали. Интересно, а если бы я попросил благословить меня на истребление всех, кто носит белые носки с черными ботинками?

– Ангел слышит твои мысли, – сказал Люк. – Необязательно произносить их вслух, Джонатан.

По лицу Джейса пробежала тень – неуверенности, удивления, облегчения? Но сказал он лишь:

– Не зовите меня так.

Они прошли мимо пустых деревянных скамеек, мимо сияющего пламенем свечей алтаря. Люк с интересом оглядывался по сторонам, особенно его удивил лифт, похожий на золотую птичью клетку.

– Это явно придумала Мариза, – произнес он, когда двери открылись. – Вполне в ее вкусе.

– Когда меня сюда привели, лифт уже тут был, – сказал Джейс.

Наверх они ехали в молчании. Клэри нервно вертела в пальцах бахрому шарфа. Ее мучила неловкость за то, что отправила Саймона домой, пообещав позвонить. Он явно почувствовал, что ему самым бесцеремонным образом дали отставку. По крайней мере, уходил он очень обиженным. И все же взять Саймона с собой Клэри никак не могла – незачем ему смотреть, как Люк будет просить Маризу Лайтвуд сменить гнев на милость.

Лифт, вздрогнув, остановился. У выхода их ожидал кот по имени Черч со сбитым набок красным бантом на шее.

– Где Мариза? – спросил Джейс, погладив кота.

Черч громко замурлыкал и направился по коридору, как будто приглашая следовать за собой. Люк продолжал с любопытством оглядываться.

– Не думал, что увижу местный Институт изнутри...

– Как впечатления? – поинтересовалась Клэри.

– Очень похоже на Институты в Лондоне и Париже. Хотя здесь как будто...

– Как будто что? – спросил Джейс, который прежде молча шел впереди.

– Холоднее, – закончил Люк.

Джейс ничего не ответил. Черч привел их к дверям библиотеки и сел в стороне, давая понять, что дальше он идти не намерен. За массивной деревянной дверью были слышны голоса, однако Джейс вошел без стука.

Раздался изумленный возглас. Клэри с замиранием сердца вспомнила о раскатистом басые Ходжа, звучавшем в этих стенах. Ходж ведь практически жил в библиотеке, а вместе с ним и ручной ворон Хугинн, который по приказу хозяина едва не выклевал Клэри глаза.

Конечно, сейчас там был вовсе не Ходж.

За столешницей красного дерева, покоящейся на каменных спинах двух коленапреклоненных ангелов, сидела женщина средних лет. У нее были темные волосы, как у Изабель, и худощавое телосложение, как у Алека. На ее пальцах сверкали разноцветные перстни, казавшиеся еще ярче на фоне строгого черного костюма.

Перед ней стоял стройный смуглый юноша с вьющимися темными волосами. Когда он обернулся к двери, Клэри вскрикнула от неожиданности:

— Рафаэль?!

Юноша также явно не ожидал встречи, однако быстро совладал с собой и улыбнулся, обнажив острые белые клыки.

— Dios! — воскликнул он, глядя на Джейса. — Что случилось, брат? Подрался со стаей волков?

— Либо ты невероятно проницателен, либо до тебя уже дошли слухи, — ответил Джейс.

Улыбка вампира стала еще шире.

— Слухи доходят до меня быстро.

Женщина встала из-за стола:

— Джейс, что произошло? Почему ты вернулся? Я думала, ты останешься у... — Она осеклась, видимо только сейчас заметив Клэри. — Это еще кто?

— Я сестра Джейса, — сказала Клэри.

— Заметно, — произнесла Мариза, не сводя с нее глаз. — Вылитый Валентин. Зачем ты ее сюда привел, Джейс? Она ведь из примитивных, я правильно понимаю? Вам всем опасно здесь находиться. А примитивным — особенно.

— Ну я-то не примитивный, — сказал Люк с еле заметной улыбкой.

Мариза равнодушно посмотрела на него, и вдруг глаза ее расширились.

— Люциан?!

— Привет, Мариза. Сколько лет, сколько зим...

Миссис Лайтвуд осторожно опустилась в кресло и итожила руки на стол, вдруг как будто постарев.

— Люциан, — повторила она. — Люциан Греймарк...

— Это ты убил Габриэля? — произнес вампир, наблюдавший эту сцену, по-птичьему склонив голову набок.

— Да, — к изумлению Клэри, сказал Люк. — А он убил вожака, заправлявшего в стае до него. Так заведено у оборотней.

— Ты вожак? — переспросила Мариза.

— Если ты вожак, нам есть о чем поговорить. — Рафаэль грациозно склонил голову в знак почтения, однако глаза его смотрели настороженно. — Хотя, вероятно, сейчас не лучшее время.

— Поговорим, обязательно, — согласился Люк. — И последнее время навалилось много дел, было не до дипломатии.

— Это уж точно. — Рафаэль повернулся к Маризе. — Надеюсь, мы пришли к пониманию?

— Раз ты утверждаешь, что дети ночи не причастны к убийствам, я вынуждена поверить тебе на слово, — нехотя ответила Мариза. — По крайней мере, пока не прольется свет на другие улики.

— Прольется свет?... — повторил Рафаэль, нахмурившись. — Не лучшая формулировка.

Клэри заметила, что вампир вдруг сделался полупрозрачным, словно размытая фотография. Сквозь него можно было даже различить контуры материков на металлическом глобусе Ходжа. Рафаэль буквально таял в воздухе, как карандашный набросок, по которому прошли ластиком, и наконец совсем исчез. Мариза вздохнула с облегчением.

— Это что, призрак? — выдохнула Клэри. — Рафаэль умер?

— Нет, — сказал Джейс. — Просто проекция. Вампир не может явиться в Институт во плоти.

— Почему?

— Потому что это священное место, а он проклят, — ответила Мариза и обратила взгляд льдистых голубых глаз на Люка. — Так, значит, ты теперь вожак стаи? Ну что ж, ничего удивительного. Именно этого и стоило от тебя ожидать.

Люк как будто не услышал сарказма:

— О чем вы говорили с Рафаэлем? Об убийстве одного из наших?

— Да, и не только, — сказала Мариза. — Два дня назад в центре города было обнаружено тело убитого мага.

— Почему ты допрашивала Рафаэля?

— Тело мага было обескровлено. Есть версия, что убийца ликантропа также охотился за кровью. Ему просто помешали. Конечно, в первую очередь подозрение пало на вампиров. Но Рафаэль утверждает, что его народ не имеет к этому отношения.

— Вы ему верите? — спросил Джейс.

— Сейчас я не намерена обсуждать с тобой дела Конклава, — отрезала Мариза. — И уж тем более в присутствии Люциана Греймарка.

— Я теперь просто Люк, — безмятежно произнес оборотень. — Люк Гэрровэй.

— Тебя вообще не узнать, — сказала Мариза. — Не отличить от простого смертного.

— Именно этого я и добивался.

— Мы думали, ты погиб.

— Вы надеялись, — все так же безмятежно поправил Люк. — Вы надеялись, что я погиб.

Мариза скривилась, как будто проглотила рыбью кость.

— Вы можете присесть, — сказала она наконец. — И объясните мне, зачем сюда явились.

— Джейс требует, чтобы его судил Конклав, — сказал Люк без лишних предисловий. — Я готов за него поручиться. Я был в развалинах Ренвика, когда объявился Валентин. Мы сражались и едва не убили друг друга. Я могу подтвердить, что Джейс говорит правду.

— Вряд ли твое слово будет иметь вес, — промолвила Мариза.

— Да, я ликантроп, — ответил Люк, — но я также Охотник. Если надо, я готов пройти испытание Мечом.

Испытание Мечом? Клэри поежилась и взглянула на Джейса. Тот сидел в расслабленной позе и внешне был совершенно спокоен, но Клэри чувствовала, что на самом деле он напряжен, как сжатая пружина. Поймав ее взгляд, он объяснил:

— Меч Душ. Второе Орудие смерти. С его помощью можно проверить, говорит ли нефилим правду или ложь.

— Ты не Охотник, — сказала Мариза Люку. — Ты уже очень давно не живешь по законам Конклава.

— Когда-то и ты не жила по этим законам, — парировал он, и Мариза залилась краской. — Я надеялся, что время, когда ты никому не доверяла, прошло.

— Есть вещи, которые невозможно забыть, — сказала она угрожающим шепотом.
— Валентин инсценировал собственную смерть. Думаешь, это была его самая жестокая ложь? Думаешь, обаяние — то же самое, что и честность? Я думала так, и ошиблась! — Она вскочила с места и перегнулась к Люку через стол:
— Он говорил, что пожертвует жизнью ради дела Круга; того же он ожидал от нас. Мы все с радостью погибли бы за него! Все! Знаю — сама едва не погибла! Ты ведь помнишь, что он нам сказал: Восстание будет бескровным, Кругу будет противостоять лишь несколько безоружных послов, победа достанется легко и быстро.. Я была в этом так уверена, что оставила Алека одного в колыбели! Я попросила Джослин присмотреть за детьми, но она отказалась. Теперь ясно почему. Она знала! И ты знал! И вы не предупредили нас!

— Я предупреждал, что Валентин доведет вас до беды, — сказал Люк. — Ты не хотела слушать.

— Я не об этом! Никто не предупредил нас о том, чем кончится Восстание! Нас было всего пятьдесят против пятисот низших...

— Но ты перебила бы их безоружными, если бы численный перевес был у вас, — напомнил Люк.

— Это они перебили нас! — Мариза сжала кулаки. — Устроили настоящую резню. Валентин исчез. Конклав окружил Зал Договоров. Мы думали, что Валентин погиб, и готовились расстаться с жизнью в последнем бою. Но я вспомнила об Алеке, подумала о том, что станет с ним без меня... — Голос Маризы дрогнул. — Я сложила оружие и сдалась на милость Конклава.

— Ты поступила правильно, — сказал Люк.

— Я не нуждаюсь в твоём одобрении, вервольф! — воскликнула Мариза, сверкнув глазами. — Если бы не ты..

— Не смейте кричать на него! — перебила ее Клэри. — Вы сами виноваты! Вы поверили Валентину!

— Думаешь, я этого не знаю, девочка? — сухо спросила Мариза. — Если я и не понимала этого тогда, Конклав объяснил все предельно доходчиво. У них был Меч Душ, они могли отличить ложь от правды, однако ничто на свете не могло заставить нас говорить, пока они...

— Что они сделали? — быстро спросил Люк. — Я до сих пор не знаю, каким образом им удалось настроить вас против Валентина.

— Просто сказали нам правду, — устало произнесла Мариза. — Что Валентин не погиб, что он бежал, бросив нас на гибель... На этом правда закончилась. Нас убедили, что смерть настигла Валентина уже после Восстания, что он сторел в своём доме заживо. Показали его обугленные кости и оплавленный амулет... К тому моменту все пошло прахом. Перед битвой Валентин отвел меня в сторону и заявил, что я его самый верный соратник, что он доверяет мне больше всех. Когда Конклав допросил нас, выяснилось, что он сказал это всем членам Круга, всем до единого.

— Нет врагов страшней, чем жены и подруги прошлых дней... — прошептал Джейс так тихо, что его услышала лишь Клэри.

— То есть он лгал не только Конклаву, он лгал нам, — продолжала Мариза, глядя теперь прямо в глаза Джейсу. — Он использовал в своих целях нашу преданность, нашу любовь. И надеялся сыграть на этом, отправляя тебя к нам. Теперь он вернулся, и в его руках Чаша смерти. Все, что случилось, было частью его замысла. Ты хочешь, чтобы я верила тебе, Джейс? Прости, я не могу себе этого позволить.

Джейс молчал. Его лицо оставалось бесстрастным, только синяк на скуле стал казаться еще ярче на фоне побелевшей кожи.

— И что теперь? — спросил Льюк. — Что ему, по-твоему, делать? Куда идти?

Взгляд Маризы остановился на Клэри.

— К сестре, например. Вернуться в родную семью...

— У Джейса есть сестра Изабель, — перебила ее Клэри. — И братья Алек и Макс. Что вы скажете им? Что выгнали его из дома? Они вас возненавидят!

— Откуда такая уверенность? — поинтересовалась Мариза.

— Я знаю Изабель и Алека, — ответила Клэри. Она вдруг подумала о Валентине и отогнала непрошеную мысль прочь. — Семья — это не просто узы крови. Я не считаю Валентина своим отцом. Мой отец — Льюк. Семья Джейса — это Алек, Изабель и Макс. Если вы его выгоните, вы нанесете своей семье рану, которая не заживет никогда.

Льюк взглянул на Клэри с уважением, а в глазах Маризы как будто промелькнула тень неуверенности.

— Не надо, Клэри, — тихо сказал Джейс.

По его голосу было ясно, что он уже считает всю эту затею безнадежной, однако Клэри сдаваться не собиралась.

— А как же Меч? — требовательно произнесла она.

— Меч? При чем тут меч? — в замешательстве переспросила Мариза.

— Меч Душ, отличающий правду от лжи. Почему вы не хотите испытать им Джейса?

— Неплохая мысль! — оживился Джейс.

— Клэри, ты, конечно, хочешь как лучше, но ты незнакома с процедурой испытания, — заметил Льюк. — Мечом может пользоваться лишь Инквизитор.

— Вызывайте Инквизитора, — быстро сказал Джейс. — Я хочу решить этот вопрос раз и навсегда.

— Не надо! — запротестовал Льюк.

– Инквизитор уже в пути, – промолвила Мариза, не сводя глаз с Джейса.

– Не может быть, – упавшим голосом произнес Люк. – Неужели ты сама пригласила сюда эту женщину!

– Конечно нет! – вспыхнула Мариза. – Ты думал, Конклав станет безучастно наблюдать за всем этим кошмаром с Отреченными, порталами, инсценированными смертями?! После того, что выкинул Ходж?! Мы все теперь под следствием! – Мариза посмотрела на резко побледневшего Джейса и мрачно закончила: – Инквизитор может отправить тебя в тюрьму. Может лишить всех знаков. Именно поэтому я подумала, что будет лучше...

– ...отправить Джейса подальше от дома, – закончил за нее Люк.

– Кто такой Инквизитор? В смысле, кто такая? – вмешалась Клэри. Само слово звучало угрожающе, вызвало мрачные мысли о застенках, биче и дыбе.

– Инквизитор от имени и по поручению Конклава расследует действия Сумеречных охотников, – ответил Люк. – Следит за тем, чтобы ни один нефилим не нарушал Закон. После Восстания она допрашивала всех, кто входил в Круг.

– Это она прокляла Ходжа? – спросил Джейс. – Она сослала вас сюда?

– Да, меру наказания определяла Инквизитор. Твоего отца она ненавидит, а к нам относится весьма прохладно.

– Я остаюсь, – заявил Джейс. – Если она явится и не найдет меня, то решит, что вы меня нарочно укрываете. Вас накажут! Всю семью!

Мариза молчала.

– Он прав, – сказал Люк. – Если отошлешь Джейса прочь, вина падет на твой дом. Если оставишь его до прибытия Инквизитора и позволишь провести испытание Мечом, это расценят как жест доброй воли и желание сотрудничать.

– Ты с ума сошел?! – воскликнула Клэри. – Ему нельзя здесь оставаться!

Испытание Мечом уже не представлялось ей спасительной идеей. Клэри пожалела о том, что вообще о нем заговорила. Судьба Джейса не должна зависеть от этой ужасной женщины!

– Если Джейс скроется, путь назад для него будет отрезан, – резонно заметил Люк. – Он покинет ряды Охотников. Инквизитор – правая рука самого Закона, нравится нам это или нет. Чтобы остаться в лоне Конклава, Джейс должен подчиниться ей. Кроме того, не будем забывать, что у Джейса есть преимущество, которого не было у членов Круга после Восстания.

– Какое же? – спросила Мариза.

Люк едва заметно улыбнулся:

– В отличие от вас, Джейс говорит правду.

Мариза тяжело вздохнула и повернулась к приемному сыну:

– Ну что ж, выбор за тобой. Если хочешь пройти испытание, можешь остаться здесь до прибытия Инквизитора.

– Я остаюсь, – твердо сказал Джейс.

Клэри удивилась тому, как бесстрастно прозвучал его голос. Джейс смотрел сквозь Маризу, и в его глазах как будто плясал свет отраженного огня. Клэри подумала, что сейчас он и правда необыкновенно похож на своего отца.

4

Кукушонок в гнезде

Холодильнику Люка была устроена ревизия. Саймон рылся в его недрах и перечислял:

– Апельсиновый сок, патока, яйца – правда, просроченные... А это что?... Похоже, зеленый салат.

– Какой еще салат? – Клэри заглянула ему через плечо и скривилась: – Фу... Нет, это бывшая моцарелла.

Саймон содрогнулся и захлопнул дверцу холодильника:

– Может, пиццу закажем?

– Уже заказал, – сообщил Льюк, входя в кухню с беспроводным телефоном в руке. – Большую вегетарианскую и три кока-колы. И еще я позвонил в больницу, там никаких изменений.

Вздохнув, Клэри присела на деревянный кухонный стол. Обычно Льюк поддерживал в доме идеальную чистоту, но сейчас стол загромождали груды нераспечатанных конвертов и грязной посуды. На спинке стула висел зеленый спортивный костюм. Клэри подумала, что неплохо бы помочь убраться, однако силы у нее просто иссякли. Кухня Люка не отличалась выдающимися размерами и ухоженностью – он вообще был не любитель готовить. Полочка для специй над старенькой газовой плитой использовалась не по назначению – вместо пряностей на ней хранились банки с чаем и кофе. Льюк стрёб со стола грязные тарелки и свалил их в раковину.

– Все нормально? – шепотом спросил Саймон, усевшись рядом с Клэри.

– Да, конечно. – Клэри постаралась улыбнуться. – Я не надеялась, что мама сегодня очнется. У меня такое чувство, что она чего-то ждет. Или... кого-то. – Клэри украдкой взглянула на Люка, но он сосредоточенно тер губкой засохшие тарелки и вроде бы ничего не слышал.

Саймон непонимающе посмотрел на нее и пожал плечами:

– Разговор в Институте был не из приятных?

Клэри поежилась:

– У Изабель и Алека очень грозная мама.

– Из головы вылетело, как ее зовут-то?

– Мариза.

– Одно из старых имен, принятых у Сумеречны охотников, – пояснил Люк, вытирая руки.

– И Джейс решил остаться и ждать Инквизитора? Не захотел уйти?

– У него не оставалось выбора, – сказал Люк. – Уйти значило бы покинуть ряды нефилимов, а это для него равноценно отказу от самого себя. Мне приходилось встречать таких же убежденных Охотников, как он, – еще тогда, в Идрисе. Ему подобных милосерднее убить, чем..

В дверь позвонили. Люк отложил полотенце и пошел открывать. Как только он вышел из кухни, Саймон проговорил:

– Не могу свыкнуться с мыслью, что Люк когда-то был Сумеречным охотником. Легче смириться с тем, что он оборотень.

– Почему?

Саймон пожал плечами:

– Про оборотней я слышал и раньше. Подумаешь, раз в месяц перекидываются в волка, с кем не бывает... А Охотники – прямо-таки секта.

– Какая еще секта?! – возмутилась Клэри.

– Самая настоящая. Они не представляют для себя иной жизни. Зовут нас примитивными – тоже мне, высшая раса! У них нет нормальных, обычных друзей, им не смешно то, над чем смеялись бы мы, они презирают нас. – Саймон вытянул ногу и поправил штанину с модной дырой на колене. – Я, кстати, сегодня завел знакомство среди оборотней.

– Неужто зашел потреться со Стремным Питом в «Охотничьей луне»?

В груди возникла странная пустота... Клэри решила, что просто сегодня перенервничала.

— Нет, я встретил там девушку, — сказал Саймон. — Примерно наша ровесница. Зовут Майя.

— Майя? — переспросил Льюк, появившийся в дверях с коробкой пиццы наперевес.

Из коробки тянуло восхитительным ароматом горячего теста, томатного соуса и расплавленного сыра. Клэри почувствовала, что умирает с голоду, и ухватила кусок пиццы сразу же, как только коробка оказалась на столе. Льюк даже не успел передать ей тарелку и только с улыбкой покачал головой.

— Она из твоей стаи? — поинтересовался Саймон, вытаскивая из коробки обжигающий ломоть.

— Да, — ответил Льюк. — Хорошая девчонка. Иногда остается в моей книжной лавке, пока я в больнице, и охотно берет плату книгами.

— У тебя нет денег? — осторожно спросил Саймон.

— Никогда их не ценил. — Льюк пожал плечами. — А стая со своими финансами разбирается самостоятельно.

— Мама всегда говорила, что продаст папины акции, если будут кончаться деньги, — сказала Клэри. — Только выяснилось, что мой отец — совсем другой человек... И вряд ли у Валентина были какие-то акции.

— Джослин понемногу распродала свои драгоценности, — сообщил Льюк. — От Валентина ей остались некоторые фамильные украшения Моргенштернов. Любая безделица могла принести серьезные деньги, если пустить с молотка.

— Надеюсь, она нашла какое-то утешение, распродав собственность Валентина, — сказал Саймон, потянувшись за третьим куском пиццы.

Клэри в очередной раз поразились тому, сколько парни ее возраста способны слопать, не заработав заворот кишок и даже не растолстев.

— Не странно было повстречать Маризу Лайтвуд после стольких лет? — спросила она Льюка.

— Мариза не сильно изменилась. Как ни удивительно, сейчас она больше похожа на себя, чем когда-либо.

Клэри вспомнила стройную девушку со вздернутым подбородком на фотографии, виденной когда-то у Ходжа, и подумала, что Льюк, пожалуй, прав.

— Она и правда надеялась, что ты умер? — спросила Клэри.

— Да, — улыбнулся Льюк. — Не то чтобы из ненависти... Просто всем было бы спокойнее и удобнее, если бы я умер. По крайней мере, никто не думал, что я выживу, да еще сделаюсь вожаком стаи в центре Манхэттена. Работа Охотников — сохранять хрупкий мир с нежитью. А тут вдруг появляюсь я, с немалой обидой на Конклав и наверняка с целой грудой камней за пазухой. Конечно, они будут ждать от меня какой-нибудь выходки.

— А от вас стоит ждать выходки? — спросил Саймон.

Пицца кончилась, и он, не глядя, стащил лежащую перед Клэри обгрызенную корку.

— Почтенные обыватели вроде меня не устраивают «выходок». Это несолидно.

— Почтенные обыватели не превращаются раз в месяц в волков, — заметила Клэри, — и не охотятся под полной луной.

— Могло быть и хуже, — пожал плечами Люк. — И с которыми с приближением старости начинают швыряться деньгами, приобретать спортивные автомобили и спать с фотомоделями.

— Вам всего тридцать восемь, — напомнил Саймон. — Какая еще старость?

— Спасибо, очень мило с твоей стороны. — Люк с надеждой заглянул в опустевшую коробку и тяжело вздохнул, — Жаль только, что ты слопал пиццу.

— Всего-то пять кусочков съел! — возмутился Саймон.

— А сколько вообще кусочков в пицце, умник? — поинтересовалась Клэри.

— Меньше пяти кусочков — это даже не серьезно. Так, перекус! — серьезно сказал Саймон, раскачиваясь на стуле, и с опаской покосился на Люка. — Теперь вы обратитесь волком и сожрете меня?

— Разумеется, нет. — Люк запихнул коробку в корзину для мусора. — Тебя будет невозможно переварить — сплошные жилы!

— Зато я кошерный, — жизнерадостно сообщил Саймон.

— Если к нам на огонек заглянет какой-нибудь ликантроп-иудей, я непременно тебя отрекомендую, — заверил Люк и посерьезнел. — Возвращаясь твоему вопросу, Клэри, могу добавить одно. Повстречать Маризу действительно было очень странно, но дело не в ней, а в окружающей обстановке. Институт напомнил мне Зал Договоров в Идрисе. Я буквально чувствовал в воздухе силу рун Серой Книги, а ведь последние пятнадцать лет я честно пытался изгнать все это из памяти.

— И удалось? — спросила Клэри. — Тебе удалось забыть?

— Есть вещи, которые не забываются. Руны в Книге не просто иллюстрации, они становятся частью тебя, въедаются под кожу. Нельзя перестать быть Охотником — как нельзя изменить свою группу крови.

— Я считаю, что мне тоже пора получить знаки, — сказала Клэри.

Саймон перестал грызть корку и выронил ее на пол:

— Шутишь?!

— Какие тут шутки! Почему бы мне не получить знаки? Я Сумеречный охотник. Мне теперь пригодится любая защита.

— Защита от чего? — Саймон перестал раскачиваться и подался вперед, к Клэри. Ножки стула с шумом опустились на пол. — Я думал, ты уже наигралась в Охотников и теперь вернешься к нормальной жизни!

— Нормальной жизни не бывает, Саймон, — мягко сказал Люк.

Клэри опустила глаза. На руке остался едва заметный белый след там, где Джейс нарисовал ее первый и пока единственный знак. Еле различимая белая виньетка — скорее даже воспоминание, чем шрам.

— Конечно, я хочу вернуться к нормальной жизни, — ответила она Саймону. — Только что я буду делать, если за мной вдруг явится ненормальная жизнь? Что, если у меня не будет выбора?

— Что, если ненормальная жизнь тебя вполне устраивает, пока в ней есть Джейс? — негромко произнес Саймон.

Люк кашлянул.

— Обычно нефилим получает знак, лишь пройдя определенное обучение. Поэтому я бы не советовал тебе торопить события. Захочешь ты учиться или нет — решай сама. Но тебе определенно понадобится то, что должно быть у каждого Охотника.

— Высокомерие и чувство превосходства? — съязвил Саймон.

— Стило, — сказал Люк. — У каждого Охотника есть стило.

— И что, у тебя оно тоже есть? — удивленно спросила Клэри.

Ничего не ответив, Люк вышел из кухни и вернулся с небольшим свертком. Под темной тканью обнаружился поблескивающий жезл, выточенный из матового хрусталя.

— Красиво... — выдохнула Клэри.

— Рад, что тебе нравится, — сказал Люк. — Забирай.

— Но это же твое стило...

Люк покачал головой:

— Оно принадлежало твоей матери. Она отдала его мне на хранение, чтобы ты случайно его нашла.

Клэри взяла стило и взвесила на ладони. Сейчас оно было прохладным на ощупь, но Клэри знала, что этот жезл может раскалиться добела. Странный предмет — слишком короткий, чтобы служить оружием, слишком длинный, чтобы им было удобно чертить.

— Конечно, модель старовата, уже лет двадцать как вышла из обращения, — пожал плечами Люк. — Наверняка не будет блистать изяществом рядом с современными изделиями. Но вещь вполне надежная.

Саймон мрачно наблюдал, как Клэри выписывает жезлом в воздухе замысловатые фигуры, и наконец произнес:

— Отчего-то вспомнилось, как дедушка торжественно презентовал мне свои старые клюшки для гольфа.

Клэри рассмеялась:

— Да, только ты ими ни разу не воспользовался.

— Я очень надеюсь, что вот этим ты пользоваться тоже не будешь, — сказал Саймон и быстро отвел глаза, прежде чем Клэри успела ему ответить.

Дым курился над знаками черной спиралью, в воздухе стоял удушливый запах паленой кожи. Собственной кожи. В руке отца поблескивало стило с алым огоньком на конце — как вытасченный из костра тлеющий прут.

— Закрой глаза, Джонатан. Боль будет ровно такой, какой ты позволишь ей быть.

Но вопреки своей воле Джейс отпрянул, словно рука сама пыталась убраться подальше. С треском в предплечье сломалась кость, затем вторая...

Джейс открыл глаза и, моргая, уставился в темноту. Голос отца растаял, как дым на ветру. Во рту чувствовался металлический вкус крови — от прикушенной губы.

Треск раздался вновь, и Джейс невольно покосился на руку — разумеется, кости были целы. Окончательно проснувшись, он сообразил, что треск — не что иное, как стук в дверь. Он посмотрел на свою мятую рубашку и скривился, осознав, что уснул прямо в одежде и наверняка до сих пор воняет псиной.

Стук повторился. Зябко ежась, Джейс прошел босиком по холодному полу и открыл дверь. На пороге, сунув руки в карманы, стоял Алек.

— Извини, что бужу среди ночи, — смущенно пробормотал он. — Мама просила привести тебя в библиотеку.

— Который час?

— Пять утра.

— А ты сам-то что не спишь?

— Я не ложился, — сказал Алек, и, судя по темным кругам под глазами, это так и было.

Джейс пригладил взъерошенные волосы:

— Ладно, только рубашку сменю.

Он порывлся в шкаф и вытащил аккуратно сложенную синюю футболку с длинными рукавами. Грязную рубашку пришлось снимать очень осторожно – в некоторых местах она присохла к ободранной коже.

– Что с тобой случилось? – спросил Алек, отводя взгляд.

– Вышла размолвка со стаей оборотней, – сказал Джейс, натянул футболку и вышел из комнаты.

Следуя по коридору за Алеком, он заметил у брата над воротником какое-то пятно:

– У тебя что-то на шее...

Ладонь Алека метнулась к горлу.

– Что?

– Как будто след от укуса. Почему, говоришь, ты не ложишься?

– Просто так. – Алек ускорил шаг. – Вышел в парк прогуляться. Голову остудить...

– И нарвался на вампира?

– Что?! Нет, конечно! Я упал.

– Упал на шею? – недоверчиво спросил Джейс и прикусил язык. По лицу Алека было ясно, что эту тему лучше замять. – А чего тебе вдруг понадобилось остудить голову?

– Мама объяснила, почему так на тебя разозлилась. Рассказала про Ходжа. Кстати, ты от меня все скрыл...

– Извини. – Теперь пришла очередь Джейса краснеть. – Язык не поворачивался рассказать.

– Очень плохо, – укоризненно произнес Алек. – Очень плохо, что ты не говорил нам всей правды. Особенно о Валентине.

Джейс резко остановился:

– Ты считаешь, что я вам врал? Думаешь, я с самого начала знал, что Валентин мой отец?

– Нет, конечно! – воскликнул Алек в изумлении то ли от вопроса, то ли от того, каким тоном он был задан. – Да плевать мне, кто твой отец. Все равно ты – это ты.

– Я – это я. Вопрос в том: кто я? – холодно отчеканил Джейс, сам того не желая.

— Просто в последнее время ты стал очень несдержан, — примирительным тоном сказал Алек. — В любой момент готов вспылить. Сначала думай, а потом говори — вот и все. Мы тебе не враги, Джейс.

— Спасибо за совет. Кстати, до библиотеки я вполне способен дойти самостоятельно. — Джейс быстро зашагал по коридору, оставив Алека в недоумении смотреть вслед.

Джейс терпеть не мог, когда за него волнуются. От этого немедленно появлялись мысли, что и правда есть причина волноваться.

Дверь в библиотеку была приоткрыта, и, не утруждая себя стуком, Джейс вошел. Он всегда любил библиотеку больше прочих уголков Института. В окружении старого дерева и меди его ожидали старые друзья: любимые книги в кожаных и бархатных переплетах. Осенью и зимой в огромном камине горел жаркий огонь. Но сейчас в лицо Джейсу ударил холодный воздух. За каминной решеткой виднелась лишь куча пепла, скудный свет лился из узких окон под самым сводом крыши.

Сам того не желая, Джейс подумал о Ходже — будь здесь учитель, огонь в камине никогда бы не угас и газ в лампах ярко горел бы, проливая золотистый свет на паркетный пол. Ходж сидел бы в кресле у огня с ручным вороном на плече и с книгой на коленях...

Однако в кресле Ходжа и в самом деле кто-то сидел. Навстречу Джейсу, словно змея из кувшина, быстро поднялась тощая серая фигура — женщина в длинном старомодном плаще почти до пола. Из-под плаща виднелся приталенный грифельно-серый костюм с воротником-стойкой, врезавшимся в шею. Бесцветные волосы были туго стянуты назад и закреплены гребнями. Холодно улыбаясь, женщина смерила Джейса серыми пронзительными глазами. Он почти физически ощущал прикосновение ее взгляда, как поток ледяной воды, пока незнакомка изучала его заляпанные грязью джинсы, синяки и ссадины. Наконец она уставилась на него в упор, и в глубине холодных бусинок на мгновение что-то вспыхнуло, как отблеск пламени в толще льда.

— Ты и есть тот самый мальчик?

Ответить Джейс не успел, потому что за его спиной раздался голос Маризы:

— Да, Инквизитор, это Джонатан Моргенштерн.

Джейс сперва удивился, что не услышал, как она пошла вслед за ним, потом заметил, что вместо туфель на каблуках Мариза надела мягкие тапочки, а вместо костюма — домашний халат из расписного шелка. Губы у нее были поджаты.

Инквизитор подплыла к Джейсу, будто волна серого дыма, и протянула к его лицу тощую длиннопалую руку, похожую на белого паука.

— Смотри сюда, мальчик, — сказала она, с неожиданной силой вцепившись в его подбородок и развернув его лицо к себе. — Будешь называть меня Инквизитором и никак иначе. Ты понял?

От ее глаз во все стороны разбегались тонкие лучики морщин, две глубокие складки шли от углов рта к подбородку. Инквизитор до сих пор представлялась Джейсу почти мистическим существом. То есть он знал, что она существует, но все ее действия Конклав держал в строжайшем секрете. Инквизитор представлялась кем-то вроде Безмолвных братьев – отстраненной фигурой, хранящей скрытую силу и скрытые тайны. Джейс никак не ожидал увидеть кого-то столь напористого и враждебного. От взгляда этой женщины не спасала привычная броня – самоуверенность и насмешливая ухмылка.

– Между прочим, у меня имя есть, – сказал он. – Меня зовут Джейс Вэйланд.

– У тебя нет никаких прав на это имя, – заявила Инквизитор. – Твоя фамилия – Моргенштерн. А назваться Вэйландом ты пытаешься, потому что ты лжец. Такой же, как Валентин.

– А я-то тешил себя мыслью, что лжец я совершенно уникальный, – отгрызнулся Джейс.

– Все ясно. – Бледные губы Инквизитора скривились в недоброй улыбке. – Непокорный, как и отец. Как и ангел Люцифер, чье имя носит весь ваш род. – Пальцы Инквизитора неожиданно больно сжали его подбородок, так что ногти впились под кожу. От ее дыхания несло чем-то кислым. – За непокорность этот ангел был низвергнут с небес в бездну ада. Посмеешь не подчиниться моей воле, и я заставлю тебя ему позавидовать.

Она выпустила Джейса и отступила. По расцарапанному подбородку юноши бежала тонкая горячая струйка, но Джейс не стал вытирать кровь. Руки дрожали от ярости.

– Имоджен, – начала Мариза и немедленно поправилась: – Инквизитор Эрондейл. Джонатан согласился пройти испытание Мечом. Вы можете выяснить, говорит ли он правду.

– Об отце? – переспросила Инквизитор, обернувшись к Маризе. Высокий воротничок врезался ей в шею. – Разумеется. Разумеется, могу. Кстати, Конклав недоволен тобой, Мариза. Вы с Робертом – хранители Института. На ваше счастье, в последние годы обстановка оставалась более или менее спокойной. Практически не было столкновений с демонами – я хочу сказать, до недавних событий... И сейчас все сравнительно тихо. Никаких донесений, даже из Идриса. Поэтому Конклав к вам пока снисходителен. Однако с самого начала нас заботил один вопрос – а было ли ваше отречение от идей Моргенштерна искренним? И вот вы так глупо попались в расставленную ловушку. Неужели ничего не заподозрили?

– Не было никакой ловушки, – вмешался Джейс. – Отец знал, что Лайтвуды позаботятся обо мне, если будут думать, что я сын Майкла Вэйланда. Вот и все.

Инквизитор воззрилась на него, как на говорящего таракана:

– Тебе известно что-нибудь о кукушках, Джонатан Моргенштерн?

В недоумении Джейс подумал о том, что у Инквизитора явно очень нервная работа, и это сказывается на трезвости ума.

— О ком?

— О кукушках, паразитах среди птиц. Они кладут яйца в чужие гнезда. Когда кукушонок вылупляется, он выталкивает других птенцов из гнезда. Несчастные родители выбиваются из сил, пытаясь накормить огромного прожорливого птенца, который занял место их собственных детей.

— Огромного? — возмущенно переспросил Джейс. — Прожорливого?! Вы меня обжорой обозвали?

— Я пытаюсь объяснить тебе на примере.

— Я не обжора!

— Я не нуждаюсь в снисхождении, Имоджен, — сказала Мариза, расправив плеч. — Вряд ли Конклав решит наказать нас с мужем за то, что мы приняли в дом сына погибшего друга. Мы ничего не скрывали.

— И я не сделал ничего дурного никому из Лайтвудов! — продолжал Джейс. — Я не бездельничал! Я работал, тренировался... Можете говорить что угодно о моем отце, но он вырастил из меня Охотника.

— Не пытайся защищать Валентина, — отчеканила Инквизитор. — Я отлично его знала. Он был и останется самым гнусным из людей!

— Гнусным?! Ну и словечко вы подобрали! Инквизитор сощурила глаза и смерила Джейса изучающим взглядом:

— Ты очень заносчив, очень непокорен. Отец научил тебя такому поведению?

— Он этого не терпел, — коротко ответил Джейс.

— Значит, ты сам стремишься быть на него похожим... Валентин — самый заносчивый и наглый тип. Видимо, воспитывал тебя по своему образу и подобию.

— Конечно, — не удержался Джейс. — Из меня с младенчества готовили злого гения. Учили отрывать крылья бабочкам и отравлять источники. Это было в программе первого класса. Какое счастье, что отец решил прикинуться мертвым до того, как я добрался до параграфов про убийства и мародерство! Страшно ведь подумать, что могло произойти!

— Джейс! — в ужасе выдохнула Мариза.

— Так же вспыльчив, как и отец, — невозмутимо констатировала Инквизитор. — Лайтвуды обходились с тобой слишком мягко, и все худшее в тебе расцвело пышным цветом. На первый взгляд ты кажешься ангелом, Джонатан Моргенштерн, но я-то знаю твою истинную сущность.

— Он всего лишь подросток, — к удивлению Джейса, сказала Мариза. Она что же, его защищает?

— Валентин когда-то тоже был всего лишь подростком, — отрезала Инквизитор. — Ладно, мы непременно покопаемся в этой золотой голове и вытащим правду на свет божий... Но прежде эту голову неплохо бы остудить. И мне известен отличный способ привести дерзкого юнца в чувство.

— Отправите в комнату под замок? — спросил Джейс.

— Отправлю в тюрьму в Город молчания. Посидишь там ночь и сразу станешь смирным.

— Имоджен! — воскликнула Мариза. — Так нельзя!

— Можно, — ответила Инквизитор, не отрывая от Джейса острого, как бритва, взгляда. — Желаете что-нибудь сказать, Джонатан?

Джейс смотрел на нее, не веря своим ушам. В Городе молчания было много ярусов; сам он видел лишь верхние два — где хранились архивы и где находился Зал Совета. Тюремные камеры располагались в самой глубине, даже ниже кладбищенских ярусов, где покоился прах тысяч Сумеречных охотников. В это подземелье попадали лишь худшие из преступников — вампиры и маги, нарушившие Завет, Охотники, пролившие кровь товарищей... Как эта женщина может отправить его туда? За что?

Инквизитор широко улыбнулась, немедленно став похожей на ощерившийся череп.

— Похвально, Джонатан. Я вижу, ты уже начинаешь воспринимать лучший урок, который может преподать тебе Город молчания — как держать язык за зубами.

Когда в дверь снова позвонили, Клэри и Люк убрали на кухне. Клэри выпрямилась и испуганно посмотрела на Люка:

— Ты кого-нибудь ждешь?

Люк нахмурился и вытер руки полотенцем:

— Нет. Оставайтесь здесь.

Он вышел из кухни, предварительно взяв с полки что-то маленькое и блестящее. Саймон присвистнул:

— Видела нож? Похоже, Люк ждет неприятностей.

— В последнее время он всегда ждет неприятностей, — отозвалась Клэри и осторожно заглянула в щелку.

Люк стоял у открытой входной двери и с кем-то говорил. Слов было не различить, однако Клэри сразу поняла, что ничего из ряда вон выходящего не происходит.

— Иди сюда! — прошипел Саймон, оттаскивая ее от двери. — С ума сошла? А если там какой-нибудь демон?

— Тогда Люку потребуется помощь. — Клэри улыбнулась. — Надо же, ты меня защищаешь. Как мило.

— Клэри! — позвал Люк. — Иди познакомься.

Она осторожно высвободилась из рук Саймона:

— Сейчас вернусь.

Люк прислонился к косяку, скрестив руки на груди; нож мистическим образом исчез. На ступенях крыльца стояла незнакомая девушка в вельветовом пиджаке бежевого цвета. Ее темные вьющиеся волосы были заплетены в множество тонких косичек.

— Это та самая Майя, — сказал Люк.

В свете уличного фонаря глаза девушки имели странный янтарно-зеленый оттенок.

— А ты, значит, Клэри, — сказала она. — Сестра белобрысого, который устроил погром в «Охотничьей луне»?

— Его зовут Джейс, — ответила Клэри.

Девушка ей не понравилась. Зачем совать нос не в свое дело?

— Майя? — Саймон вышел на крыльцо, засунув руки в карманы джинсовой куртки.

Девушка сразу заулыбалась:

— Ты Саймон, да? У меня паршивая память на имена, но твое я запомнила.

— Круто, — сказала Клэри. — Вот мы и друзья.

Люк кашлянул и выпрямился:

— Я решил вас познакомить, потому что в ближайшее время Майя будет работать у меня в магазине. Не пугайся, если она вдруг зайдет — я дал ей ключ.

— Ну и присмотрю заодно, чтобы сюда не нагрянула какая-нибудь пакость, — добавила Майя. — Типа, демоны или кровососы..

— Спасибо, — сказала Клэри. — Теперь я буду спать спокойно.

— Это что, сарказм? — осведомилась Майя.

— Мы все сейчас немного на взводе, — вмешался Саймон. — Не будем цепляться к словам. Я лично очень рад, что есть кому приглядеть за моей девушкой.

Люк вскинул брови, но промолчал.

— Извини, — сказала Клэри. — Саймон прав. Я не хотела грубить.

— Ничего. — В глазах Майи светилось сочувствие. — Я знаю, что произошло с твоей мамой. Это ужасно.

— Да, — кивнула Клэри и ушла в дом.

Она вернулась в кухню, села на стол и закрыла лицо руками.

— Прости, мне стоило догадаться, что ты сейчас не захочешь никого видеть, — сказал Люк, подойдя к ней.

— Где Саймон? — спросила Клэри, не отнимая рук от лица.

— Остался поболтать с Майей.

Действительно, от входной двери доносились негромкие голоса.

— Я просто подумал, что сейчас тебе необходимы друзья, — продолжал Люк.

— У меня уже есть Саймон.

Люк поправил очки и с нарочитым спокойствием спросил:

— Кстати, уши меня не подводят? Он назвал тебя своей девушкой?

— Похоже, что так.

— И давно? В смысле, я об этом не знал или просто забыл?

— Сама впервые слышу, — отозвалась Клэри, опуская руки. Почему-то в памяти всплыл знак открытого глаза — руны, украшавшей тыльную сторону ладони каждого Охотника. — Чья-то девушка, чья-то дочь, чья-то сестра... Вот так живешь и не знаешь... Понять бы, кто я на самом деле.

— Ну, это вечный вопрос, — ответил Люк.

Хлопнула входная дверь, и в кухню вошел Саймон, принеся с собой свежесть ночной прохлады.

— Ничего, если я сегодня переночую у вас? Возвращаться домой поздновато.

— Всегда пожалуйста, — сказал Люк и посмотрел на часы. — Пойду спать. К шести мне надо в больницу.

— Зачем к шести? — спросил Саймон, когда Люк скрылся за дверью.

— В шесть начинают пускать посетителей, — ответила Клэри. — Тебе совершенно необязательно спать на диване.

— Говорю же, завтра я побуду с тобой, — сказал Саймон, сердито смахивая со лба непослушные темные пряди. — Чтобы тебе не было грустно.

– Я знаю. И тебе совершенно необязательно спать на диване, – повторила Клэри.

– А где мне тогда... – Саймон поперхнулся вопросом, когда до него дошел смысл ее слов.

– В гостевой комнате раскладная кровать. Можно легко уместиться вдвоем.

Саймон вытащил руки из карманов и залился краской. Джейс на его месте, наверное, напустил бы на себя небрежный вид; Саймон не стал даже пытаться.

– Ты.. уверена?

– Уверена.

Он подошел к ней, наклонился и осторожно поцеловал. Поцелуй вышел неуклюжим.

– Пойдем, – с улыбкой сказала Клэри. – Мне надоели кухни.

И, крепко взяв Саймона за обе руки, потянула его за собой – по коридору к гостевой спальне, которую ей отдал Люк.

5

Грехи отцов

В подземелье Города молчания царила глубокая тьма. Впервые в жизни Джейс оказался в беспросветном мраке. Он не мог различить ни пола, ни потолка, даже контуров собственной руки, поднесенной к глазам. Краткая возможность оглядеться представилась лишь в первый миг – когда конвоир открыл решетку и втолкнул его внутрь. И вот Джейс сидел в тюремной камере, как пойманный преступник.

Впрочем, стоит ли удивляться? Конклав, похоже, и правда считает его преступником.

В свете факела Джейс успел увидеть мощеный пол, стены из тесаного камня и частые прутья крепкой решетки из электрума. Еще он знал, что в решетке есть дверь, а к восточной стене камеры прибит железный прут – на этом познания об окружающей обстановке заканчивались.

Конвоир пристегнул его правую руку к пруту, и Джейс был волен прогуливаться вдоль стены, громыхая цепью, как Кентервильское привидение, – пару шагов туда, пару шагов обратно. Он уже успел до крови стереть кожу

на запястье. Хорошо, что он левша – все же спокойнее, когда ведущая рука свободна.

Джейс бродил вдоль стены, ощупывая ее пальцами. Не зная, сколько прошло времени, было очень неприятно. В Идрисе отец учил его определять время по солнцу, по длине тени, по расположению звезд на ночном небе. Но в камере не увидишь ни звезд, ни солнца. Придется ли ему еще хоть раз взглянуть на небо?

Джейс остановился. Что за глупые мысли?! Конечно, он увидит небо. Конклав не собирается его казнить! Смертный приговор выносят лишь убийцам. И все же страх остался – каким-то незнакомым трепетом в груди. Вообще-то Джейс не был склонен к внезапным приступам паники. Алек даже говорил, что ему пошло бы на пользу чуть-чуть разумного малодушия, – и все же о страхе Джейс знал только понаслышке.

Мариза сегодня сказала, что он никогда не боялся темноты. Так оно и было.

Поэтому незнакомый трепет в груди явился чем-то совершенно неожиданным, противоестественным. Значит, это не просто тьма. Джейс прерывисто вздохнул. Надо переждать эту ночь. Всего одну ночь. Он снова ползел вдоль стены, уныло звякая цепью. И застыл, когда воздух прорезал чудовищный звук – пронзительный крик, вопль безумного ужаса. Кто-то выль во всю мощь легких, протяжно и долго, словно взял на скрипке самую высокую ноту – и вдруг отнял смычок от струн.

Джейс выругался. Резко оборвавшийся вопль звенел в ушах, а ужас стал столь явным, что превратился в металлический привкус во рту. Джейс понятия не имел, что у страха есть вкус. Он прижался спиной к холодному камню и попытался успокоиться. Вопль повторился вновь, теперь громче и ближе, и ему начали вторить другие голоса. Над головой что-то грохнуло. Джейс инстинктивно пригнулся и только потом сообразил, что над его камерой несколько этажей. После очередного удара перед глазами возникла жуткая картина: сотни давно умерших нефилимов восстают из гробов, разбивают каменные усыпальницы и шагают по белым полам Города молчания, гремя костями на иссохших сухожилиях...

Хватит! Усилием воли Джейс отогнал видение. Мертвые не встанут из гробов. Кроме того, здесь покоятся нефилимы, такие же, как он, – его павшие братья и сестры! С какой стати ему бояться?! Джейс сжал кулаки, так что ногти впились в ладони. Охотнику не подобает испытывать страх. С этим постыдным чувством должно справляться, подавлять его в зародыше. Джейс вдохнул полной грудью, стараясь взять себя в руки, но тут снова раздался оглушительный вопль, что-то грохнуло совсем рядом, и во тьме вдруг расцвел ослепительный огонь.

Перед решеткой с факелом в руке возник брат Иеремия. Его шатало. Капюшон цвета пергамента упал на плечи, обнажая лицо, искаженное гримасой ужаса. Крупные стежки, прежде сшивавшие губы Брата, разорвались и свисали кровавыми клочьями, рот был разинут в немом крике. Кровь, заливающая светлые одежды, в свете факелов казалась черной. Брат Иеремия замер на миг перед изумленным Джейсом и рухнул на каменный пол. Факел выпал из безжизненной руки архивариуса и покатился к неглубокой канавке, выбитой в полу у самой решетки.

Джейс тут же упал на колени и попытался дотянуться до факела. Не хватало совсем чуть-чуть. В тусклом свете угасавшего пламени Джейс видел обращенное к нему лицо брата Иеремии. С угла его раскрытого рта капала кровь, черные зубы скалились в смертной гримасе. Джейс почувствовал, как грудь сковывает невероятная тяжесть. Безмолвные братья никогда не размыкали губ. Такие нечеловеческие вопли могли быть исторгнуты лишь из груди тех, кто полстолетия не произносил ни единого звука. Что могло повергнуть Безмолвных братьев в такой глубокий ужас, в ужас сильнее древней руны Безмолвия? И где остальные Братья?

Джейс хотел позвать на помощь, однако не смог выдать из себя ни звука. Грудь будто сжимало в стальных тисках так, что невозможно было вдохнуть. Он всем телом рванулся к факелу. В запястье хрустнула кость, руку пронзила боль, но удалось продвинуться еще на дюйм и наконец дотянуться до древка. Джейс вскочил на ноги, сжимая разгорающийся факел, и в этот момент услышал еще один звук, от которого волосы встали дыбом. Глухой отвратительный звук, как будто что-то тяжелое волочат по полу. Дрожащей рукой Джейс выставил факел перед собой, разгоняя его пляшущим светом густую тьму.. Во тьме ничего не было.

Это открытие не принесло ему никакого облегчения — напротив, ужас лишь усилился. Джейс хватал ртом воздух, как выброшенная из воды рыба. Чувство страха было для него совершенно незнакомым, и от этого становилось еще хуже. Что произошло? Он внезапно стал трусом?

Джейс изо всех сил дернул скованной рукой в надежде, что боль поможет прийти в себя. Бесполезно. Вновь донесся глухой скользящий звук, теперь его сопровождал едва различимый шепот. Никогда в жизни Джейс не слышал ничего более ужасного. Почти обезумев, он вжался в стену, размахивая перед собой плавающим факелом.

На мгновение он смог увидеть подземелье во всех деталях, как при дневном свете, — камеру, решетку, мертвое тело брата Иеремии на каменных плитах, а прямо за ним — дверь. Дверь медленно открывалась, и в подземелье вползало нечто огромное, темное и бесформенное, с ледяными сверкающими глазами. Глаза взирали прямо на Джейса в каком-то злорадном веселье. А потом бесформенная тварь метнулась вперед. Перед лицом юноши возникла волна темного дыма. Пламя факела заискрилось голубым и зеленым, угасая, — и в следующую секунду все поглотила тьма.

Целоваться с Саймоном было приятно. Все равно что лежать в гамаке летним днем с бокалом лимонада и любимой книжкой — удовольствие из тех, которые никогда не надоедают. Клэри могла бы провести так целую вечность, никуда не спеша, ни о чем не печалась, кроме, пожалуй, того, что какая-то дурацкая железка впивается между лопаток.

— Ай! — пискнула Клэри, безуспешно пытаясь отодвинуться.

— Тебе больно? — тут же спросил Саймон, отстраняясь. — Прости.

Вид у него был встревоженный.

– Ты ни при чем, это все кровать, – заверила Клэри. – Настоящее орудие пыток.

– Я не заметил. – Саймон подобрал с пола упавшую подушку и подложил Клэри под спину.

– Не сомневаюсь, – улыбнулась она. – Где мы остановились?

– Ну, примерно в том же положении, только гораздо ближе...

– Очень романтично, – сказала Клэри, притягивая его к себе.

Через тонкую футболку она чувствовала, как бьется его сердце. Саймон нежно целовал ее, опираясь на локти, чтобы не придавить своим весом. У него оказались длинные пушистые ресницы, чего Клэри раньше не замечала за очками. Теперь они касались ее щек, и Клэри было щекотно. Она рассмеялась немного нервно и прошептала:

– Все так странно, правда?

– Нет. Когда то, о чем очень давно мечтал, происходит на самом деле, чувствуешь...

– Разочарование, – подсказала Клэри.

– Нет! – Саймон отпрянул от нее и посмотрел с укором. – Никогда так не говори. Вовсе не разочарование! Это... Это...

Он замешкался, подбирая слова, а Клэри просто распирало от сдерживаемого смеха.

– Неопишимо?

Саймон прикрыл глаза и невесело улыбнулся:

– Теперь мне надо бы сказать что-нибудь остроумное в ответ, но думать я могу только о том...

– ...что хочешь секса, – подколола Клэри.

– Хватит издеваться! – возмутился Саймон, поймав ее руки и прижав обе кисти к кровати. – Я думаю только о том, что люблю тебя.

Темные глаза смотрели на Клэри очень серьезно, но она не могла отказать себе в удовольствии подразнить его:

– Значит, секса ты не хочешь?

– Этого я не говорил, – ответил Саймон.

Клэри опять рассмеялась и толкнула его в грудь:

– Пусти меня.

— Ты обиделась? — испугался Саймон. — Я ведь не сказал, что хочу только секса...

— Да нет же! Я просто хочу переодеться. Не могу целоваться всерьез, валяясь на постели в носках.

Не обращая внимания на его скорбный вид, она вытащила из комода пижаму и направилась в ванную, скорчив рожицу на прощание:

— Я на минутку.

Если Саймон что-то и ответил, за дверью она этого уже не услышала. Клэри почистила зубы и, вместо того чтобы выключить воду и выйти из ванной, уставилась в зеркало. Волосы растрепаны, щеки покраснелись... Интересно, это и называется светиться? О влюбленных ведь всегда говорят, что они светятся. Или это о женщине, ждущей ребенка?... Сразу не вспомнишь. Но в ней определенно должно было что-то перемениться, ведь она впервые целовалась с кем-то так долго. И надо сказать, ей понравилось — так приятно, так спокойно, так уютно...

Конечно, это не первый в ее жизни поцелуй. Она уже целовалась с Джейсом в свой день рождения: в ее теле тогда как будто открылась новая жила с чем-то сладким, горячим... Глаза Клэри потемнели. Не думать о Джейсе!.. Увы, тело помнило о нем, даже если рассудок приказывал забыть.

Клэри плеснула на лицо ледяной воды, потянулась за пижамой и обнаружила, что взяла только штаны, без верха. Нет, появляться из ванной топлес, пожалуй, рановато, хотя Саймон такой жест наверняка оценит.

Она вышла в спальню и обнаружила, что Саймон уснул посреди кровати, прижимая к груди подушку. Клэри еле удержалась, чтобы не засмеяться.

— Саймон... — прошептала она.

И тут на тумбочке запищал телефон. Клэри схватила его, раскрыла и увидела сообщение от Изабель. Она прочла его дважды, чтобы удостовериться, что глаза ее не обманывают, а потом метнулась к шкафу за курткой.

Из тьмы раздался голос — спокойный, мрачный, до боли знакомый:

— Джонатан.

Джейс открыл глаза, содрогнулся от холода и понял, что лежит на ледяном каменном полу — видимо, потерял сознание. Проклиная себя за проявление слабости, он перекатился набок; запястье немедленно пронзила пульсирующая боль.

— Кто здесь?

— Не узнаешь своего отца, Джонатан? — пророкотал голос.

Джейс не спутал бы этот голос ни с чем. Он попытался подняться, однако поскользнулся в какой-то луже и снова упал, ударившись плечом о каменную стену. Цепь загремела.

— Ты ранен?

Кромешную тьму прорезал ослепительный свет. Джейс зажмурился и сморгнул слезы. Валентин стоял за решеткой над телом брата Иеремии. Ведьмин огонь в его руке заливал подземелье ярким белым светом. Джейс увидел пятна давно засохшей крови на стенах и целую лужу свежей крови на полу — рядом с телом Безмолвного брата. Чувствуя прилив дурноты, Джейс подумал о бесформенном черном создании с горящими глазами.

— Что это за тварь? — прохрипел он. — Где она?

— Ты ранен. — Валентин подошел ближе к решетке. — Кто приказал бросить тебя сюда? Конклав? Лайтвуды?

— Инквизитор, — ответил Джейс.

И штаны, и рубашка у него были залиты кровью — он не знал, своей или чужой. Кровь понемногу сочилась из-под наручника. Валентин рассматривал его сквозь прутья. Впервые за многие годы Джейс увидел отца при полном боевом облачении Сумеречного охотника — в штанах и куртке из грубой кожи, не стесняющих движений и защищающих от яда большинства демонов. Наручи и поножи были испещрены рунами, над плечом тускло поблескивала рукоять меча в наспинных ножнах. Валентин присел на корточки, и, встретив взгляд его холодных черных глаз, Джейс с удивлением понял, что отец вовсе не рассержен.

— Инквизитор и Конклав — одно целое. Лайтвуды не должны были этого допустить. Больше я никому не позволю так поступать с тобой.

Джейс отодвинулся от решетки насколько пускала цепь.

— Пришел, чтобы убить меня? — спросил он.

— Убить? Зачем мне убивать тебя?

— А зачем ты убил брата Иеремию? Только не надо сказок про то, что он сам ненароком споткнулся, а ты мимо проходил!

Валентин в первый раз взглянул на тело брата Иеремии и спокойно сказал:

— Да, я убил его. И остальных Безмолвных братьев тоже. У них было то, что мне необходимо.

— И что же? Честь или совесть?

Вместо ответа Валентин уверенным движением вынул из ножен меч:

— Мэллертах.

Джейс подавил удивленный возглас. Именно этот огромный тяжелый меч с гардой в виде распахнутых крыльев висел над Говорящими Звездами в зале совета Безмолвных братьев.

— Ты украл меч Безмолвных братьев?!

— Он никогда им не принадлежал. Это меч нефилимов. Тот самый меч, который был в руке ангела, изгнавшего Адама и Еву из рая. — Валентин взглянул на клинок и торжественно процитировал Книгу Бытия: — «И поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни».

Джейс облизнул пересохшие губы:

— И что ты намерен с ним делать?

— Я расскажу, когда смогу тебе доверять, — ответил Валентин. — И когда ты будешь доверять мне.

— Доверять тебе? Как? Ты сбежал от меня в приюте Ренвика и разрушил за собой портал! Ты пытался убить Клэри!

— Я бы не сделал твоей сестре ничего дурного, — отрезал Валентин, сверкнув глазами. — По крайней мере, не более, чем тебе.

— Я не видел от тебя ничего хорошего! — крикнул Джейс. — Меня спасли Лайтвуды!

— Лайтвуды заперли тебя здесь. Разве я угрожаю тебе? Разве я отказываюсь тебе верить? Это все Лайтвуды и их дорогие друзья в Конклаве. — Валентин помолчал и добавил: — Но ты стоически переносишь все, чему они тебя подвергли. Я горжусь тобой.

От изумления Джейс так резко поднял голову, что перед глазами заплескали мушки. Рука ныла все сильнее. Он постарался вытеснить боль из сознания и дышать ровно.

— Что ты сказал?

— Теперь я понимаю, какую ошибку совершил в приюте Ренвика, — продолжал Валентин. — Я все еще считал тебя маленьким мальчиком, послушным моей воле. Именно таким я оставил тебя в Идрисе. За эти годы ты успел превратиться в упрямого и бесстрашного молодого человека, а я по старой памяти пытался обращаться с тобой как с ребенком. Неудивительно, что ты взбунтовался.

— Взбунтовался?! — переспросил Джейс.

Слова, которые он хотел произнести, застряли у него в горле, а сердце забилось в унисон с пульсирующей болью в запястье.

— Мне не представился случай объясниться...

— Не трудись. Ты держал в плену мою мать. Убил ее родителей. Истреблял Охотников ради достижения собственных целей, — произнес Джейс. Каждое слово сочилось горечью, как ядом.

— Тебе известна лишь часть правды, Джонатан. Пока ты был слишком мал, мне приходилось тебя обманывать. Но теперь я могу все рассказать.

— Так давай рассказывай.

Валентин потянулся через решетку и взял Джейса за руку. Пальцы у него остались такими же жесткими и шершавыми, как и тогда, в детстве.

— Я хочу доверять тебе, Джонатан.. Тебе можно верить?

Джейс не мог вымолвить ни слова. Грудь как будто сдавливал железный обруч, и дышать становилось все труднее.

— Хорошо бы.. — наконец прошептал он.

Наверху послышался какой-то шум — грохот железной двери, шаги и снова тихие голоса, эхом отдающиеся под каменными сводами. Валентин вскочил на ноги и прикрыл ведьмин огонь рукой.

— Раньше, чем я думал, — с досадой пробормотал он.

Джейс теперь видел лишь силуэт отца, освещаемый тусклым огоньком. Подземелье снова погрузилось во тьму. Перед глазами возникло воспоминание о жуткой твари, похожей на клубы черного дыма.

— Что раньше? — спросил Джейс, подползая к решетке на коленях. — Кто там?

— Мне пора, — сказал Валентин. — Имей в виду, наш разговор не окончен.

Джейс схватился свободной рукой за решетку:

— Сними наручники! Освободи меня! Не желаю умирать без боя.

— Поверь, оставить тебя на цепи сейчас будет гораздо милосерднее. — Валентин окончательно погасил ведьмин огонь.

Джейс бросился на решетку, игнорируя боль в сломанном запястье:

— Отец!

— Когда я тебе понадобится, ты меня найдешь, — сказал Валентин.

Еще цепляясь за решетку, Джейс медленно осел на пол. В беспросветной тьме были слышны лишь удаляющиеся шаги да его собственное прерывистое дыхание.

Всю дорогу в метро Клэри мерила шагами полупустой вагон, ни разу не присев; висящие на шее наушники плеера подпрыгивали в такт. Изабель не брала трубку, и Клэри теперь изнывала от необъяснимой тревоги.

Перед глазами стояло лицо Джейса – избитое, залитое кровью, зубы стиснуты в яростном оскале. В «Охотничьей луне» он и сам больше походил на оборотня, чем на Сумеречного охотника, призванного защищать правопорядок и держать нежить в узде.

От станции метро на Девяносто шестой улице она бежала и перешла на шаг, лишь когда впереди замаячила огромная серая тень Института. Ночной воздух охлаждал взмокшую шею. Девушка прошла по каменной дорожке ко входу в собор и уже хотела позвонить в висящий под архитравом колокол, но передумала.

В конце концов, она тоже нефилим и имеет полное право находиться в Институте – так же, как и Лайтвуды. Клэри решительно схватилась за дверную ручку и повторила слова Джейса:

– Именем Ангела я...

Закончить она не успела, потому что дверь распахнулась, открывая путь во тьму, озаренную огоньками свечей. Огоньки дрожали и плясали, как будто смеялись над Клэри. Она пробежала между рядами скамеек, открыла резную дверь лифта и нажала на кнопку дрожащим пальцем. Клэри и сама не знала, что заставляет ее дрожать – волнение за Джейса или волнение от того, что скоро она его увидит? Из зеркала на нее взирало обрамленное поднятым воротником бледное лицо с огромными зелеными глазами и бесцветными потрескавшимися губами. «Красота – страшная сила», – подумала Клэри в унынии и отвернулась от зеркала. Какая теперь разница? Джейса ее внешний вид вообще не должен волновать.

Лифт остановился, и Клэри вышла. Как обычно, ее встретил Черч. На приветствие кот ответил раздраженным мяуканьем.

– Что такое, Черч? – В тишине голос прозвучал неестественно громко. А если в Институте вообще никого нет? Мысль о том, что она здесь в полном одиночестве, заставила Клэри содрогнуться. – Кто-нибудь дома?

Голубой персидский кот направился вперед по коридору, девушка последовала за ним. В музыкальной комнате и в библиотеке никого не было. Наконец кот повернул за угол и уселся перед закрытой дверью, всем своим видом демонстрируя, что привел гостью в пункт назначения.

Не успела Клэри постучать, как дверь открылась, и на пороге возникла Изабель – в джинсах, мягком фиолетовом свитере и босиком.

– Вот это номер! – сказала она изумленно. – Что ты тут делаешь?

– Ты же сама прислала мне сообщение! Инквизитор отправила Джейса в тюрьму!

Изабель с опаской огляделась и прикусила губу:

– Это не значит, что надо мчаться сюда сломя голову.

– Изабель, он в тюрьме! – в ужасе воскликнула Клэри.

– Да, но... – начала было Изабель и махнула рукой: – Ладно, заходи. А ты брысь отсюда! Стереги лифт! – Последнее относилось к коту, который немедленно улегся на живот и притворился спящим. – Кошки! – фыркнула Изабель, хлопнув дверью.

В комнате на незаправленной кровати сидел Алек, свесив вниз обутые ноги.

– Привет, Клэри, – сказал он. – Ты откуда взялась?

Клэри опустилась на пуфик перед трюмо, на котором хозяйке удавалось поддерживать фантастический беспорядок.

– Получила сообщение о том, что произошло с Джейсом.

Алек бросил на сестру многозначительный взгляд.

– Ну да, я решила, что надо ей сообщить, – сказала Изабель, оправдываясь. – Кто же мог подумать, что она немедленно примчится?

– Разумеется, я приехала! Как он? Почему этому Инквизитору вообще взбрело в голову отправить его в тюрьму?!

– Да не в тюрьму... В Город молчания, – ответил Алек, притянув к себе подушку и задумчиво перебирая ее бисерную бахрому.

– Зачем? – спросила Клэри.

– На нижних ярусах есть камеры, – нехотя ответил Алек. – Там иногда держат преступников перед отправкой в Идрис, на суд Совета. Самые опасных преступников – убийц, вампиров-отступников, Охотников, нарушивших Договор. Джейса посадили туда.

Клэри вскочила в ярости:

– В одну камеру с убийцами?! Вы в своем уме?! И почему вы сидите тут как ни в чем не бывало?!

Изабель с Алеком переглянулись.

– Это всего на одну ночь, – сказала Изабель. – В камере, кроме Джейса, никого нет. Мы выяснили.

– Но за что?! Что он такого сделал?

– Насколько мне известно, пререкался с Инквизитором.

– Уму непостижимо... – пробормотала Изабель, присев на край трюмо.

– Значит, у Инквизитора не все в порядке с головой! – заявила Клэри.

— Да нет, у нее с головой как раз полный порядок, — отозвался Алек. — В вашей примитивной армии тоже можно угодить в карцер, если дерзить старшему по званию.

— Джейс не в армии!

— Почему же? Сумеречные охотники — все равно что солдаты. Если проводить аналогию с вашей армией, то Инквизитор — генерал, а Джейс скорее рядовой. И был обязан вести себя в рамках приличий.

— Если вы считаете, что место Джейса за решеткой, зачем позвали меня? Чтобы объяснить, как он неправ? Я не понимаю, чего вы от меня хотите!

— Никто не говорил, что Джейс должен сидеть в тюрьме! — огрызнулась Изабель. — Просто глупо было пререкаться с одним из самых высокопоставленных членов Конклава. А кроме того, — добавила она, понизив голос, — я надеялась, что ты сможешь помочь.

— Помочь? Чем?

Вместо Изабель ответил Алек:

— Последнее время Джейс ведет себя так, будто ему жить надоело. Мы бы хотели, чтобы он поменьше лез на рожон... и уж конечно, не пытался спорить с Инквизитором.

— И вы считаете, что я смогу заставить его действовать более осмотрительно? — в изумлении переспросила Клэри.

— Не думаю, что Джейса вообще можно заставить что-то сделать, — заметила Изабель. — Но ты могла бы напомнить, что ему есть ради чего жить.

Алек вдруг слишком сильно дернул злосчастную бахрому на подушке. Нитка не выдержала, и бисер дождем посыпался на постель.

— Алек, хватит! — прикрикнула Изабель, нахмурившись.

Клэри хотела сказать, что на самом деле семья Джейса — это они, Лайтвуды, и что их мнение всегда будет для него более весомым. Однако вспомнила слова Джейса: «Я слишком привык быть один. Но потом я понял, что мое место здесь, рядом с тобой».

— Мы можем сейчас пойти в Город молчания? — спросила она.

— Только если попытаешься уговорить Джейса не перечить Инквизитору, — потребовал Алек.

— Сначала я хочу его выслушать.

Нахмурившись, Алек отложил подушку и поднялся с кровати. Прежде чем он успел ответить, в дверь постучали, и Изабель пошла открывать. На пороге стоял темноволосый мальчик в джинсах и мешковатом свитере. В руках у него была книга, а на носу очки.

— Макс! — произнесла Изабель с некоторым удивлением. — Мы думали, ты спишь.

— Я сидел в оружейной, — ответил младший из Лайтвудов, — и услышал из библиотеки шум. По-моему, откуда-то пытаются выйти на связь с Институтом. А кто это у вас?

— Клэри, — отозвался Алек. — Сестра Джейса.

Макс вытаращил глаза:

— Я думал, у Джейса нет ни братьев, ни сестер.

— Мы все так думали, — сказал Алек, сняв со спинки стула свитер и натягивая его через голову. Наэлектризованные волосы немедленно встали торчком, и Алек пригладил их нервным жестом. — Пойду посмотрю, что там в библиотеке.

— Я с тобой, — заявила Изабель, вытаскивая из ящика свернутый золотой хлыст и засовывая его рукоять за пояс.

— А где ваши родители? — спросила Клэри.

— Пару часов назад поступил вызов — в Центральном парке нашли убитую фею. Они отправились туда вместе с Инквизитором.

— А вы почему не пошли?

— Нас не взяли, — ответила Изабель, скручивая две темные косы в узел на затылке и закрепляя его маленьким стеклянным кинжалом. — Присмотри пока за Максом, мы скоро вернемся.

— Я... — начала было Клэри, но Изабель уже скрылась в коридоре, а вслед за ней и Алек.

Клэри села на кровать и с опаской покосилась на Макса. Она понятия не имела, что делать с детьми, о чем с ними говорить, как их развлекать. По счастью, мальчик напомнил ей Саймона в том же возрасте — у него были тощие руки и ноги, а очки на лице казались чересчур большими.

Макс тоже рассматривал ее — глубокомысленно и ничуть не смущаясь.

— Сколько тебе лет? — произнес он наконец.

Клэри не ожидала вопроса.

— А сколько ты думаешь?

— Четырнадцать.

— Шестнадцать. Все думают, что я младше — рост подкачал.

— Вот и у меня то же самое, — вздохнул Макс. — Мне уже девять, а все думают, что семь.

– Я сразу поняла, что тебе девять, – заверила Клэри. – Что это у тебя? Книга?

Макс протянул ей книгу, которую прятал за спиной. Точнее, журнал – из тех, которые обычно лежат на кассе в супермаркетах. На яркой обложке значились иероглифы и английские слова. Клэри засмеялась:

– Ого, «Наруто»! Да ты, я смотрю, любитель манги.. Где ты это взял?

– В аэропорту. Мне нравятся картинки, но никак не пойму, как читать.

– Давай покажу. – Клэри открыла мангу. – Надо читать справа-налево, а не слева-направо, как ты привык. Теперь понятно?

– Ну конечно! – нетерпеливо ответил Макс. Клэри испугалась, что обидела его, однако мальчик, похоже, был вполне доволен. Он отобрал мангу и заглянул на последнюю страницу. – Девятый номер. Значит, надо добыть первые восемь.

– Отличная мысль. Предлагаю как-нибудь вместе наведаться в «Запретную планету».

– Куда? – недоуменно переспросил Макс.

Прежде чем Клэри успела ответить, дверь распахнулась, и в комнату, запыхавшись, влетела Изабель:

– Безмолвные братья пытались связаться с Институтом! В Городе костей что-то случилось!

– Что?!

– Не знаю! Братья еще никогда не просили о помощи! – Изабель была явно встревожена. – Макс, ступай в свою комнату и никуда не выходи, ясно?

– А вы с Алеком, значит, пойдете в Город молчания? – спросил Макс, сердито вздернув подбородок.

– Макс!

– Я с вами.

Изабель покачала головой; стеклянный кинжал в ее волосах сверкнул яркой искрой.

– И думать забудь. Ты еще маленький.

– Тебе самой нет восемнадцати!

– Хорошо, – сказала Изабель. – Только сначала мне надо кое о чем поговорить с Клэри.

Повинуясь ее отчаянному взгляду, Клэри поднялась на ноги и подошла. Изабель немедленно схватила ее за локоть, выпихнула из комнаты и выскочила следом, захлопнув дверь.

— Вот засада! — прошипела она, изо всех сил держа дверную ручку, за которую с другой стороны дергал возмущенный Макс. — Будь добра, достань у меня стило из кармана.

Клэри поспешно вытащила стило, которое дал ей Лжк:

— Вот, держи.

Изабель схватила его и несколькими быстрыми взмахами начертила запирающую руну и вернула стило Клэри с раздраженной гримасой. Макс продолжал безуспешно ломиться в дверь.

— Откуда ты это взяла?

— Моя мама была Охотником, — сказала Клэри и прикусила язык, мысленно запретив себе думать о маме в прошедшем времени.

— Ясно. — Изабель грохнула в дверь кулаком. — Макс! Если проголодаешься, возьми шоколадку в тумбочке. Мы постараемся вернуться как можно скорее.

Ответом ей был еще один гневный вопль. Изабель пожала плечами и направилась к выходу. Клэри последовала за ней.

— А что именно сообщили Братья?

— На них напали. Больше ничего не известно.

Алек ждал у библиотеки, уже успев облачиться в кожаные доспехи Охотника. По его горлу и запястьям змеились черные знаки, а в поясных ножнах сидели два клинка серафима, названные именами ангелов.

— Готова? — спросил он Изабель. — Где Макс?

— Заперла в комнате, — ответила Изабель, протягивая ему руки. — Нанеси знаки.

Чертя руны на ее запястьях, Алек быстро взглянул на Клэри:

— Лучше возвращайся домой. Если в пустом Институте тебя обнаружит Инквизитор, добра не жди.

— Я с вами! — вдруг вырвалось у Клэри.

— Прямо как Макс, — пробурчала Изабель, осторожно подув на свежие знаки, как будто на чашку с кофе.

— Максу девять, а я ваша ровесница!

— Тебя никто не учил, — назидательно произнес Алек. — Только мешать будешь.

— Вы хоть раз были в Городе молчания? — спросила Клэри. — А я была! Я знаю, как туда войти, и смогу найти там дорогу.

— Все-таки... — начал Алек.

Изабель перебила его:

— Вообще-то, она права. Пусть идет, если хочет.

— В тот раз, когда мы нарвались на демона, она только зажмурилась и визжала! — воскликнул Алек и, встретив испепеляющий взгляд Клэри, поспешно добавил: — Ты уж извини..

— Я считаю, что ей надо набраться опыта, — сказала Изабель. — Как любит повторять Джейс, порой опасность искать не надо — она приходит сама.

— Меня нельзя просто запереть, как Макса, — быстро добавила Клэри, увидев, что Алек колеблется. — Я не ребенок. И мне известно, как попасть в Город костей, так что, если не возьмете меня, пойду туда одна.

Алек отвернулся, бормоча что-то про упрямых девиц.

— Дай стило, — приказала ей Изабель. — Пора тебе получить знаки.

6

Город праха

Изабель начертила на предплечьях Клэри два знака: открытый глаз, украшавший руку каждого Охотника, и два скрещенных серпа — руну защиты. Прикосновение стило обжигало, но боль тотчас забылась. К моменту, когда они вышли из машины на Второй авеню, Клэри уже чувствовала в руках невероятную легкость, будто плыла в детских надувных браслетах.

В молчании друзья прошли под кованой железной аркой, ведущей на нью-йоркское Мраморное кладбище. В прошлый раз Клэри привел сюда брат Иеремия. Тогда она так спешила за ним, что почти не смотрела по сторонам, и лишь сейчас заметила выгравированные на стенах имена: Янгблад, Фэрчайлд, Трашкросс, Найтвайн, Рэйвенскар... Рядом с фамилиями значились руны. У каждой династии нефилимов был собственный символ: у Вэйландов — молот, у Лайтвудов — факел, а у Валентина — звезда.

В центре двора, под которым располагался склеп, возвышалась статуя ангела. На бесстрастном мраморном лице темнели разводы въевшейся городской пыли. Глаза ангела были закрыты, ноги покоились в густой траве, а в изящных руках он держал кубок, изображающий Чашу смерти.

— Вход в Город открывается руной на этой статуе, — сказала Клэри. — Я видела, что делал брат Иеремия.

— Я бы не рискнул использовать руны Безмолвных братьев, — мрачно ответил Алек. — Они должны были почувствовать нас, как только мы вошли в арку. Не нравится мне все это.

Он вытащил из-за пояса кинжал и провел лезвием себе по ладони. Из неглубокого пореза проступила кровь. Как только первые капли упали в мраморную чашу, глаза ангела открылись.

— Кровь нефилима, — сказал Алек. — Я знал, что сработает.

Клэри ожидала, что глаза статуи засияют, однако под веками ангела был лишь мрамор. В следующий миг трава у постамента расступилась, и по земле змеей поползла черная трещина. Не успела Клэри отскочить, как у ее ног разверзся темный провал. Приглядевшись, она различила ведущие вниз ступени. Раньше лестница освещалась факелами на стенах, но сейчас внизу чернела тьма.

— Что-то не так, — прошептала Клэри.

У Алека и Изабель не возникло желания спорить. Вынув из кармана ведьмин огонь, полученный от Джейса, Клэри подняла его над головой. Камень немедленно разгорелся ярким светом, и она уже хотела шагнуть на ступени, когда Алек отодвинул ее в сторону:

— Не спеши. Первым пойду я, ты за мной. Изабель, будешь замыкать.

Спускаться пришлось медленно и осторожно: промокшая обувь скользила на истертых ступенях. Лестница привела к короткому туннелю, за которым простирался огромный зал — целый каменный сад, сверкающий самоцветами. Под белыми сводами выстроились усыпальницы, похожие на шляпки огромных сказочных грибов. Их бесконечные ряды терялись во мраке, который был не в силах разогнать маленький ведьмин огонь.

— Не думал я попасть в Город молчания, — хмуро произнес Алек. — Даже после смерти.

— А что здесь хорошего? — спросила Клэри. — Брат Иеремия рассказал, что они сжигают мертвых, а из пепла создают вот этот самый мрамор, из которого построен Город.

Плоть и кровь воина-демоноборца заключает в себе мощную защиту от зла. Клэри подумала, что для Конклава даже смерть не преграда служению цели.

— Любой нефилим сочтет это за честь, — надменно промолвила Изабель. — Между прочим, примитивные тоже сжигают усопших.

В подземелье витал знакомый запах дыма и пепла, но теперь к нему примешивалось еще что-то, похожее на густой тяжелый запах гниющих фруктов. Алек потянул носом воздух, нахмурился и вытащил меч из ножен, прошептав: «Аратизель». Они нашли еще одну лестницу и стали спускаться.

Казалось, мрак стучается еще сильнее. Ведьмин огонь в руке Клэри слабо мерцал — оставалось надеяться, что он не погаснет в самый неподходящий момент, как фонарик с севшей батареей. При мысли о том, чтобы оказаться в полной темноте, у нее внутри все сжалось.

Запах гниющих фруктов усилился. Лестница заканчивалась длинным туннелем, ведущим в зал с колоннами из резной кости. Серебряные звезды блестели на полу как конфетти. В центре зала стоял черный стол, его поверхность была залита какой-то темной жидкостью, тонкими ручейками стекавшей на пол.

Клэри хорошо помнила: когда она предстала перед Советом Братьев, на стене над этим столом висел тяжелый меч. Теперь на его месте осталось лишь огромное пятно, будто на стену плеснули алой краской.

— Это кровь? — прошептала Изабель.

— Похоже на то, — отозвался Алек, озираясь вокруг.

В тусклом свете казалось, что тени вокруг шевелятся. Алек крепко сжимал рукоять клинка.

— Что тут могло произойти? — ошеломленно выдохнула Изабель. — Я думала, Безмолвные братья неуязвимы..

Ее внимание вдруг привлекла странная тень у колонны. Ведьмин огонь, послушный воле хозяйки, разгорелся ярче. Луч ослепительного света достиг угла, где скрывалась тень, — и взгляду Клэри предстало жуткое зрелище.

Как бабочка на булавке, к колонне был пригвожден мертвый Безмолвный брат. Окровавленные руки безвольно поникли. Судя по неестественному положению головы, шея была сломана. Лужа крови у ног несчастного в свете ведьминог огня отливала черным.

Изабель вскрикнула:

— Алек! Смотри!

— Вижу, — жестко произнес Алек. — Видел и похуже. Сейчас я больше боюсь за Джейса.

Изабель подошла к черному базальтовому столу и коснулась пальцами лужи на его поверхности:

— Кровь свежая. Все произошло совсем недавно..

Алек шагнул к мертвому телу, припиленному к колонне. От него во тьму вели кровавые следы.

— Кто-то бежал, — бросил Алек и жестом велел следовать за собой.

Изабель на ходу пыталась вытереть кровь с пальцев о кожаные штаны. Следы вели к узкому туннелю, уходящему во тьму. Алек вновь остановился, чтобы оглядеться. Нервы Клэри уже были на пределе, она не могла ждать, поэтому

просто сдвинула Алека с дороги и зашагала вперед, освещая путь ведьминым огнем. В конце туннеля показались распахнутые двери.

Джейс там. Клэри знала это, чувствовала. Она ускорила шаг и наконец припустила бегом, не обращая внимания на предостерегающие крики товарищей. Туннель привел в большую комнату с каменными стенами, разделенную крепкой металлической решеткой. В камере кто-то скорчился на полу бесформенным кулем, а перед самым входом лежал еще один Безмолвный брат.

Мертвый архивариус напоминал сломанную куклу. Его одежды цвета пергамента были разорваны, лицо искажала гримаса смертного ужаса. И все же Клэри узнала в нем брата Иеремию.

Она метнулась к решетке, нашла дверь, обыскала взглядом частые прутья, но не обнаружила ничего похожего на замок. Подоспевший Алек что-то говорил ей, но Клэри не обращала внимания. Нужно было как можно скорее открыть дверь. Конечно, никакого замка не видно, это ведь Безмолвные братья, любители незримых материй.. Сжимая в одной руке ведьмин огонь, второй рукой Клэри нашарила в кармане мамино стило.

За решеткой послышался какой-то звук, то ли вздох, то ли шепот. Клэри сразу узнала голос. Джейс!.. Она полоснула стилем по решетке, пытаясь удержать перед глазами образ открывающей руны, и черный символ ощерился зубцами на поверхности металла. Решетка оплавилась там, где ее коснулось стило. Открывайся, мысленно приказала Клэри. Открывайся. Открывайся! ОТКРЫВАЙСЯ!!!

Воздух рассек звук, похожий на треск разрываемой ткани, и за ним последовала настоящая какофония: Изабель закричала, дверь с грохотом слетела с петель, раздались скрежет металла и глухой дробот, как будто кто-то бросил горсть гальки на каменный пол. Клэри ворвалась внутрь, наступив на рухнувшую дверь.

Камера была так мала, что от ведьмино огня в ней стало светло, как днем. На полу лежали десятки наручников из стали, железа, золота и серебра – они разомкнулись и попадали на пол со штырей в стенах. Клэри не видела ничего вокруг, ее взгляд остановился на светловолосом юноше, скорчившемся в углу. Правое запястье, выскользнувшее из раскрытого наручника, было в жутких синяках и стерто в кровь. Клэри опустилась на колени, спрятала стило и осторожно повернула узника к себе лицом. Это и в самом деле был Джейс. На щеке у него темнел синяк, а лицо заливала мертвенная бледность, однако Клэри заметила движение век и нащупала на шее пульс. Живой..

Девушка облегченно вздохнула. Напряжение, толкавшее ее вперед, резко спало, прокатившись по телу горячей волной. Она выронила ведьмин огонь, но он продолжил гореть на полу. Клэри отвела волосы со лба Джейса с нежностью, которой сама от себя не ожидала. У нее ведь никогда не было братьев и сестер, даже двоюродных, ей не приходилось ни о ком заботиться, перевязывать раны, целовать разбитые коленки.. Она сказала себе, что имеет полное право испытывать теплые чувства к Джейсу. Отнимать ладонь от его лица совсем не хотелось – несмотря на то, что Джейс уже начал приходить в

сознание и застонал. В конце концов, это ее родной брат, разве она не должна о нем волноваться?

Джейс открыл глаза и потрясенно уставился на Клэри мутным взглядом:

– Клэри... Что ты здесь делаешь?

– Пришла за тобой, – честно ответила она.

По его лицу пробежала судорога.

– Ты правда здесь? Я же не... Я не умер?

– Нет, – ответила Клэри, глядя его по щеке. – Просто потерял сознание. А может, и головой ударился.

Джейс накрыл ее ладонь своей, сильнее прижимая ее к щеке.

– Оно того стоило, – прошептал он тихо.

В этот момент в камеру, пригнувшись, вошел Алек, а следом за ним Изабель. Клэри отдернула руку и мысленно обругала себя – ведь она не сделала ничего запретного!

Джейс с трудом приподнялся и сел. Лицо у него было серым, рубашку пятнала кровь.

– Ты живой? – обеспокоенно спросил Алек, опускаясь рядом с ним на колени.
– Что случилось? Что-нибудь помнишь?

– Полегче, не все вопросы сразу, – сказал Джейс, заслоняясь от брата здоровой рукой. – Голова раскалывается.

– Кто это сделал? – спросила Изабель, в ужасе глядя на его окровавленное запястье.

– Никто со мной ничего не делал, – поморщился Джейс. – Сам справился. Пытался освободиться от наручника.

– Дай сюда, – хором сказали Алек и Клэри, вытаскивая стило.

Они посмотрели друг на друга, и Клэри первой убрала руку. Алек быстрым движением начертил на запястье Джейса «иратце», исцеляющую руну, – прямо под кровотокающей ссадиной. Кожа немедленно начала затягиваться.

– Спасибо. Брат Иеремиа...

– Умер.

– Не просто умер – убит, – произнес Джейс. Он отказался от подставленного Алеком плеча и поднялся на ноги, держась за стену.

– Разве Безмолвные братья убивают друг друга? – изумленно спросила Изабель. – Не понимаю... не понимаю, как это могло...

— Их всех убила какая-то тварь. Я такой никогда раньше не видел, — сказал Джейс, морщась от боли. — Голова трещит...

— Может, пора уходить отсюда? — нервно спросила Клэри. — Пока эта самая тварь...

— ...не вернулась за нами? — закончил Джейс. — По-моему, она убралась восвояси. Хотя он может опять ее сюда притащить...

— Кто? — спросил Алек, но Джейс не ответил. Лицо у него из серого стало белым, как бумага, и он начал медленно сползать по стенке. Алек тут же подхватил его.

— Ничего, я вполне стою на ногах, — сказал Джейс, однако за рукав брата ухватился крепко.

— Ага, пока стенка рядом, — отпарировал Алек. — Это не называется «стоять».

— Это называется «прислоняться», — просветил его Джейс. — Прислоняться — это уже почти стоять.

— Хватит паясничать! — прикрикнула Изабель, отшвырнув валяющийся на полу факел носком сапога. — Пошли отсюда. Если эта тварь смогла перебить Безмолвных братьев, от нас она мокрого места не оставит.

— Иззи права, — сказала Клэри, подбирая с пола ведьмин огонь. — Джейс, идти сможешь?

— Прислоняться-то он может, вот ко мне и прислонится. — Алек забросил руку брата себе на плечо. — Потерпи, сейчас выберемся, и будешь как новенький.

Они медленно вышли из камеры и остановились над телом брата Иереми. Изабель опустилась на колени и закрыла обезображенное лицо Безмолвного брата капюшоном. Все помрачнели.

— Не думал, что Безмолвные братья способны бояться, — проговорил Алек. — Не думал, что увижу что-то подобное...

— Все чего-то боятся, — сказал Джейс.

Он все еще был очень бледен, и Клэри вдруг подумала, что причина этому вовсе не физическая боль. Джейс ушел глубоко в свои мысли, словно желая от чего-то спрятаться.

Они вернулись назад по тому же туннелю и узкой лестнице и вновь попали в зал Говорящих Звезд. В воздухе витал запах крови и гари, которого Клэри прежде не заметила. Джейс со смесью ужаса и растерянности уставился на запятнанную кровью стену, где раньше висел Меч смерти.

— Не смотри! — предостерегла его Клэри и смутилась.

Глупо говорить это Охотнику, который наверняка видел и более ужасные картины.

Джейс покачал головой:

— Что-то тут нечисто...

— Да тут все нечисто! — перебил его Алек и кивнул в сторону анфилады арок, ведущей к выходу. — Нам туда. Пошевеливайтесь!

Через Город костей они шли молча, с опаской оглядываясь по сторонам. В темных тенях то и дело мерещилось какое-то движение, будто из тьмы вот-вот могла выпрыгнуть какая-нибудь жуткая тварь. Изабель шептала что-то еле слышно — похоже, на латыни.

Добравшись наконец до лестницы, ведущей на поверхность, Клэри вздохнула с облегчением. Город костей, некогда такой прекрасный, сейчас заставлял кровь стыть в жилах. Когда из тьмы показался выход, девушка удивленно вскрикнула и зажмурилась. Из провала лился такой яркий свет, что статуя ангела на его фоне мерцала темным силуэтом.

— Сколько мы здесь пробыли? — шепотом спросила Изабель. — Неужели взошло солнце?

— Не может быть. — Алек взглянул на часы.

Джейс что-то прошелестел так тихо, что его никто не услышал.

— Что ты говоришь? — переспросил Алек, наклонившись к нему.

— Ведьмин огонь, — повторил Джейс.

Изабель и Клэри поспешили наверх, за ними шел Алек, почти неся Джейса на плечах. У самого выхода Изабель вдруг застыла как вкопанная. Клэри протиснулась мимо нее — и тоже замерла.

Вокруг статуи ангела собралась целая толпа Охотников — двадцать, а может, даже тридцать нефилимов при полной боевой экипировке. В руке у каждого сиял ведьмин огонь.

Впереди всех стояла Мариза Лайтвуд в черных доспехах и плаще с откинутым капюшоном. За ее спиной выстроились десятки незнакомых Клэри нефилимов. У всех были знаки на руках и лице.

— Ангелы Господни... — воскликнул чернокожий нефилим, заметив Изабель и Клэри. — Мариза! Там внизу кто-то был!

Алек и Джейс тоже вылезли на поверхность и теперь шурились на ярком свете. Мариза беззвучно вскрикнула и сжала губы в тонкую ниточку, как будто на ее лице нарисовали черту белым мелом.

— Я вижу, Малик, — сказала она. — Это мои дети.

Меч смерти

По толпе прокатился изумленный шепот. Все Охотники откинули капюшоны, и, судя по реакции Джейса и младших Лайтвудов, большинство присутствующих были им знакомы.

— Ангелы Господни... — проговорила Мариза, изумленно оглядывая Изабель, Алека и Джейса. Клэри она подчеркнуто не замечала.

Джейс перестал опираться на Алека, сделал шаг в сторону и встал чуть поодаль, небрежно сунув руки в карманы. Изабель нервно вертела в пальцах свой хлыст, Алек зачем-то вытащил из кармана телефон и начал щелкать по кнопкам, как будто ему вдруг срочно понадобилось написать сообщение.

— Что вы здесь делаете? — спросила Мариза. — Алек! Изабель! Из Города молчания поступил сигнал бедствия...

— И мы явились на зов, — сказал Алек.

Он настороженно оглядывал собравшихся, и Клэри не могла винить его за нервозность. Ей еще никогда не приходилось видеть столько Охотников в одном месте. Среди пришедших с Маризой были люди самых разных возрастов и разного цвета кожи, однако всех их объединяло одно — ореол большой сдержанной силы. Клэри чувствовала, что и ее рассматривают и оценивают, хотя никто из Охотников не смотрел на нее в упор. Никто, кроме женщины с волнистыми серебряными волосами, глядевшей ей в глаза так пристально, что Клэри стало не по себе, и она поспешила отвернуться.

Алек тем временем продолжал:

— Тебя не было в Институте, мы не могли никого позвать, поэтому пришли сами.

— Алек!

— Все равно было уже поздно. В Городе молчания никого не осталось в живых. Всех Братьев убили.

Повисло гробовое молчание. Охотники замерли, как прайд львов, заметивший газель.

— Убили? — ошеломленно повторила Мариза. — Что значит — убили?!

— По-моему, что это значит, как раз предельно ясно, — произнесла женщина в длинном сером плаще, неожиданно появившаяся из-за ее спины.

В мерцающем свете она напоминала черно-белую картинку из книг Эдварда Гори: острое, угловатое лицо, стянутые назад волосы, глаза — как черные провалы. В тощих пальцах она сжимала длинную серебряную цепь, на которой был подвешен ведьмин огонь.

— Все погибли? — спросила женщина Алека. — Никого не осталось в живых?

— Живых мы не нашли, Инквизитор, — ответил Алек, покачав головой.

Так, значит, это и есть Инквизитор.. Вот кто приказал бросить ни в чем не повинного человека в подземелье исключительно за дерзость.

— Значит, не нашли, — повторила женщина, пристально рассматривая Алека глазами-бусинками. Она повернулась к Маризе и повелительно произнесла: — Там могут быть выжившие. Я бы отправила ваших бойцов в Город, пусть проверят.

Мариза сжала губы. Клэри немного знала о приемной матери Джейса, однако успела понять одно: Мариза терпеть не могла выслушивать приказания.

— Будет сделано, — сухо сказала она и повернулась к пришедшим с ней Охотникам.

Теперь Клэри поняла, что на самом деле их не так много — пожалуй, не больше двадцати. Это поначалу с испуга ей померещилось, что перед входом в Город целая армия. Мариза что-то тихо сказала Малику, он кивнул и вместе с сребровласой женщиной повел Охотников вниз, в Город костей. Один за другим нефилимы уходили под землю, и наконец свет над кладбищем померк. Охотница с серебряными волосами замыкала колонну. Уже почти скрывшись в провале, она обернулась и посмотрела прямо на Клэри так, будто отчаянно хотела что-то ей сказать. В следующий миг она подняла капюшон и растворилась в ночных тенях.

— Кому могла понадобиться смерть Безмолвных братьев? — произнесла Мариза. — Они не воины, не носят знаки...

— Не будь наивной, — резко бросила Инквизитор. — Это нападение не случайно. Да, они не воины, но убить их не так просто. Они хранители. Кому-то понадобилось нечто, сокрытое в Городе молчания, и для этого пришлось устранить тех, кто его охраняет. Это была спланированная акция.

— Почему вы так уверены?

— Потому что был предпринят отвлекающий маневр. Все помчались в Центральный парк из-за какой-то ерунды. Кого там нашли, мертвую фею?

— Да, совсем ребенок. Ерунда, Инквизитор? Из тела жертвы опять выкачали кровь. Все это приведет к нарастанию напряжения между вампирами и остальной нежитью...

— Нас просто водили за нос, — презрительно сказала Инквизитор. — Он хотел выманить вас из Института, чтобы никто не ответил на сигнал бедствия. Очень изобретательно. Впрочем, изобретательности ему всегда хватало.

— Он? — подала голос Изабель. Ее бледное лицо резко выделялось в темноте.
— Вы хотите сказать...

А дальше Джейс произнес такое, что Клэри вздрогнула, как от удара током.

— Валентин. Он перебил Безмолвных братьев, чтобы забрать Меч смерти.

Губы Инквизитора вдруг изогнулись в улыбке, словно его слова ее очень обрадовали.

— Валентин?! — выдохнул Алек, изумленно уставившись на Джейса. — Ты не сказал, что он был здесь.

— Меня никто не спрашивал.

— Он не мог убить Братьев. Их же разорвали в клочья!

— Вероятно, он явился в сопровождении демона, — сказала Инквизитор. — Он и раньше не гнушался их помощью. А под защитой Чаши смерти он мог призвать весьма опасных тварей. Куда опасней жалких Отреченных или Пожирателя.

Это было как удар по лицу. Остаться неузнанной Клэри явно не удалось, хотя Инквизитор произнесла последние слова, не глядя на нее.

— Об этом мне ничего не известно. — На бледных щеках Джейса расцвели красные пятна, как будто его лихорадило. — Но гибель Братьев — дело рук Валентина. Он пришел к моей камере с Мечом смерти, чтобы подразнить меня из-за решетки. Прямо как в третьесортном кино...

Клэри посмотрела на него с беспокойством. Он говорил очень быстро и явно с трудом держался на ногах, однако Инквизитор не обращала на это никакого внимания.

— Так, значит, Валентин сказал тебе, что убил Безмолвных братьев, чтобы захватить Меч смерти? — холодно спросила она.

— Что еще он тебе сказал? — торопливо вмешалась Мариза. — Сказал, куда направляется? Что собирается делать с Орудиями смерти?

Джейс только покачал головой. Инквизитор шагнула к нему. Плащ струился с ее плеч, как клубы дыма, серые глаза и серые губы превратились в тонкие щелочки.

— Я тебе не верю.

— Я и не надеялся, — ответил Джейс, встретив ее взгляд.

— Вряд ли тебе поверит Конклав.

— Джейс не лжет! — горячо выпалил Алек.

— Очнись, Александр, — сказала Инквизитор, не сводя глаз с Джейса. — Забудь о преданности своему другу и посмотри на вещи трезво. Тебе не

кажется странным, что Валентин заглянул в подземелье поболтать с сыном о Мече душ и ни словом не обмолвился ни о своих планах, ни даже о том, куда направляется?

— S'io credesse che mia risposta fosse a persona che mai tornasse al mondo...[1] — произнес Джейс на языке, которого Клэри не знала.

— Данте, — усмехнулась Инквизитор. — «Ад»... Ты пока не в аду, Джонатан Моргенштерн, но можешь оказаться там, если продолжишь лгать Конклаву. — Она повернулась к остальным: — Неужели никого не настораживает это совпадение: Меч душ пропал как раз накануне того дня, когда им должны были испытать Джонатана Моргенштерна, и при этом украл Меч его отец?!

На лице Джейса отразилось искреннее изумление; такая интерпретация случившегося явно не приходила ему в голову.

— Отец украл Меч не ради меня! Он сделал это в своих целях. Сомневаюсь, что он вообще знал об испытании.

— Однако это определенно сыграло тебе на руку. А уж ему и подавно. Не придется волноваться о том, что ты разболтаешь его секреты.

— Ну да, например, что он мечтал сделать карьеру в классическом балете, — съязвил Джейс. Инквизитор молча смотрела на него. Тогда юноша продолжил уже серьезно: — Я не знаю никаких секретов. Отец мне ничего не рассказывал.

— Если твой отец украл Меч не для того, чтобы избавить тебя от испытания, тогда с какой целью? — спросила Инквизитор почти со скукой.

— Это Орудие смерти, — сказала Клэри. — Вместе с Чашей он даст ему еще большую власть. Валентин любит власть.

— От Чаши есть практическая польза, — отрезала Инквизитор. — С ее помощью можно собрать армию. Меч используется только для испытаний. Не понимаю, зачем он мог понадобиться Валентину.

— Может, он пытается выбить почву из-под ног Конклава? — предположила Мариза. — Подорвать боевой дух? Дать нам понять, что способен забрать у нас все, что захочет?

Клэри это предположение показалось вполне обоснованным, однако Мариза, похоже, сама не верила в то, что говорит. Инквизитор ничего не успела на это ответить, потому что Джейс вдруг поднял руку, будто просил слова, замер и упал на траву как подкошенный. Алек бросился к нему, но Джейс уже пытался встать.

— Оставь меня в покое. Все нормально.

— Не нормально! — сказала Клэри, опускаясь на колени рядом с ним.

Зрачки у Джейса были сильно расширены, хотя в глаза ему светил ведьмин огонь. От «иратце» на запястье не осталось и следа. Похоже, действие руны вообще не возымело эффекта.

– Плохо дело, – пробормотал Алек, встретившись с ней взглядом. – Боюсь, все очень серьезно.

– Ему нужна исцеляющая руна, вот и все, – раздраженно бросила Инквизитор. Она явно считала, что перебитое запястье не повод отвлекаться от серьезных вопросов.

– Мы уже пробовали, ничего не помогло, – ответил ей Алек. – Мне кажется, недуг демонического происхождения.

– Яд демона? – Мариза шагнула было к Джейсу, но Инквизитор удержала ее:

– Он просто симулирует. Следовало бы вернуть его в камеру.

Джейс лежал на траве, закрыв глаза.

– Как вы можете?! – воскликнул Алек, вскочив. – Посмотрите на него! Нужен врач! Нужно...

– Все Безмолвные братья убиты, – отчеканила Инквизитор. – Предлагаешь отправить его в городскую больницу?

– Нет, – твердо сказал Алек. – Я предлагаю позвать Магнуса.

Инквизитор непонимающе воззрилась на него, а Изабель сдавленно кашлянула и отвернулась.

– Это маг, – пояснил Алек. – Точнее, верховный Маг Бруклина.

– Ах, Магнус Вэйн... – проговорила Мариза. – У него довольно сомнительная репутация...

– Он исцелил меня после драки с высшим демоном, – сказал Алек. – Безмолвные братья были бессильны, а Магнус...

– Несерьезно! – перебила его Инквизитор. – Это даст Джонатану возможность сбежать, только и всего!

– Да он не в состоянии никуда бежать! – воскликнула Изабель. – Неужели вы не видите?!

– Магнус этого не допустит, – быстро сказал Алек, бросив предостерегающий взгляд на сестру. – Ссора с Конклавом совершенно не в его интересах.

– И как же, по-твоему, он помешает Джонатану бежать? – Голос Инквизитора сочился сарказмом. – Нефилима не просто удержать под замком.

– А вы спросите его сами, – любезно предложил Алек.

– Не премину, – с ехидной улыбкой ответила Инквизитор. – Где он?

Алек бросил быстрый взгляд на экран телефона и произнес:

— Уже здесь. Магнус! Иди сюда!

Из теней у ворот вышла фигура столь эффектная, что даже Инквизитор изумленно вскинула брови. На верховном маге Бруклина были черные кожаные штаны, ремень с искрящейся пряжкой в виде буквы М, прусский мундир глубокого синего цвета, небрежно распахнутый, чтобы продемонстрировать белоснежную сорочку, отделанную кружевом. В макияже верховный маг Бруклина отдал предпочтение блеску и перламутру. Его глаза на мгновение задержались на Алеке, блеснув весельем и чем-то еще, понятным ему одному. Затем маг подошел к лежащему на траве Джейсу и поинтересовался:

— Пациент мертв? Похоже на то...

— Разумеется, он жив!

— А вы проверяли? Может, пнуть его?

— Хватит! — рявкнула Инквизитор, совсем как учительница Клэри, отчитывавшая ее за рисование на парте в младших классах. — Он не мертв, он ранен. Требуется медицинская помощь. Этот человек должен быть в состоянии выдержать допрос.

— Хороню, — милостиво согласился маг. — Но это дорого.

— Я заплачу, — сказала Мариза.

— Оставаться в Институте я ему запрещаю, — заявила Инквизитор, не моргнув глазом. — Утрата Меча не отменяет необходимости допроса. Джонатан должен находиться под наблюдением. Он вполне может снова попытаться удрать.

— Снова?! — переспросила Изабель с негодованием. — Разве он пытался бежать из Города молчания?

— Он ведь покинул камеру, верно?

— Это нечестно! Он что, должен был оставаться в подземелье после того, как всех в Городе перебили?

— Нечестно? — холодно переспросила Инквизитор. — Ты действительно думаешь, что я поверю, будто вы с братом явились в Город молчания по сигналу бедствия, а вовсе не для того, чтобы вырвать Джонатана из заточения, которое оба считаете несправедливым? Хочешь, чтобы я поверила, что вы не попытаетесь укрыть его от следствия, если я позволю ему остаться в Институте? Ты правда думаешь, что меня так же легко одурачить, как твоих родителей, Изабель Лайтвуд?

Изабель вспыхнула, но не успела ничего ответить, потому что в разговор вмешался Магнус.

— Никаких проблем, — сказал он. — Я вполне могу подержать Джейса у себя.

Не удостоив его вниманием, Инквизитор обратилась к Алеку:

— Твой маг понимает, что Джонатан для Конклава — особо важный свидетель?

– Он не мой маг, – отрезал Алек. На его высоких скулах выступил румянец.

– Мне уже не раз приходилось держать у себя заключенных по поручению Конклава, – произнес Магнус, посерьезнев. – Можете заглянуть в архив и убедиться, что моя репутация безупречна. Я один из самых надежных партнеров Конклава. – Клэри показалось, что с этими словами маг особенно пристально посмотрел на Маризу.

Инквизитор хмыкнула:

– Хорошо, значит договорились. Прошу немедленно сообщить мне, как только Джонатан будет готов к допросу. У меня найдется о чем с ним поговорить.

– Разумеется, – рассеянно отозвался Магнус, грациозно подходя к Джейсу.

Клэри подняла глаза и удивилась тому, как много звезд закрывает собой тощий и долговязый маг.

– Он в сознании? – спросил ее Магнус.

Ответить Клэри не успела, потому что Джейс открыл глаза, посмотрел на Магнуса затуманенным взглядом и прошептал:

– Ты что здесь делаешь?

– Здравствуй, сосед, – сказал Магнус, сверкнув острыми зубами.

Часть вторая

Врата ада

Меня создали прежде твари сущей,

И после вечных, и мне века нет:

Оставь надежду всяк, сюда идущий! [2]

Данте, «Божественная комедия. Ад»

Во сне Клэри снова видела себя маленькой девочкой. Она шла вдоль воды по узкому песчаному пляжу на Кони-Айленде. Повсюду слышались смех и визг детей, в воздухе витал густой аромат хот-догов и жареного арахиса. Серо-голубая поверхность океана живо искрилась на солнце.

На Кэри была детская пижама, очень большая, поэтому края штанин волочились по мокрому песку. Песчинки попадали между пальцев босых ног и царапали кожу. Несмотря на ясное, безоблачное небо, Клэри зябко ежилась. Она шла по самой кромке воды к фигуре, маячащей на горизонте неясным силуэтом. Клэри подходила все ближе и ближе, и наконец фигура стала четкой и различимой, как будто наконец удалось настроить резкость видеокамеры.

Это была мама.

Она стояла на коленях рядом с остовом разрушенного песчаного замка, одетая в то же белое платье, которое Клэри видела на ней в приюте Ренвика. В руках мама держала какую-то просоленную ветку, выброшенную на берег морем.

— Ты пришла помочь мне? — спросила Джослин, поднимая голову. Ветер ласкал ее распущенные волосы, и она казалась совсем юной. — Так много нужно сделать, а времени так мало...

Клэри почувствовала комок в горле:

— Мама... Мне тебя не хватает.

— Мне тебя тоже, милая, — улыбнулась Джослин. — Но ведь я не оставила тебя навсегда. Я просто уснула.

— Как же разбудить тебя? — воскликнула Клэри, однако мама молчала, с тревогой глядя на горизонт. Небо над морем налилось серым свинцом, стугутились черные тучи, похожие на огромные утесы.

— Подойди ко мне, — сказала наконец Джослин. — Дай руку...

Клэри послушно подставила ладонь под обжигающее прикосновение. Мама начертила на ее коже черную руну, используя выброшенную океаном ветку как стило. Руна была Клэри незнакома, но отчего-то необъяснимо радовала глаз.

— Зачем этот знак?

— Он защитит тебя.

— От чего?

Вместо ответа Джослин снова посмотрела на океан. Вода вдруг далеко отступила, оставив на мокром песке беспомощно бьющихся рыбешек, кучи водорослей и мусора. Огромная волна горой нависла над городом. Радостный

детский визг на набережной сменился криками ужаса. Клэри застыла. Поверхность волны напоминала прозрачную пленку, и под ней кишели чудовищные бесформенные существа, пытающиеся вырваться на свободу. Клэри закрыла лицо руками и...

...и проснулась в ледяном поту, хватая ртом воздух. Она лежала в своей постели в доме Люка. Лучи клонящегося на запад солнца пробивались через занавески. Сердце бешено колотилось, мокрые волосы прилипли к шее, рука ныла, словно ее прижгли каленым железом. Клэри села на кровати, включила ночник и без тени удивления посмотрела на черную руну, змеящуюся по внутренней стороне предплечья.

Люк оставил на кухне завтрак: слоеную булочку в пропитавшейся маслом картонной коробке. На холодильнике висела записка: «Ушел в больницу».

Слойку пришлось жевать на ходу — в пять они с Саймоном договорились встретиться на углу Бедфорд-стрит у станции метро. Однако в назначенное время он не появился. Клэри уже начала нервничать, и тут вспомнила про магазин дисков на углу Шестой улицы. Разумеется, Саймон оказался там — рылся в секции «Новые поступления». На нем были ржавого цвета вельветовая куртка с рваным рукавом и синяя футболка с изображенными на ней железками — каким-то болтом и двумя гайками. Увидев Клэри, Саймон широко улыбнулся и сказал вместо приветствия:

— Эрик считает, что надо сменить название нашей группы на «Непростые кексы».

— А как она сейчас называется?

— «Шампанское ректально», — напомнил Саймон, выбирая диск Yo La Tengo.

— Да, лучше поменяйте, — кивнула Клэри. — Кстати, я знаю, что значит картинка на твоей футболке.

— Не знаешь, — невозмутимо ответил Саймон, направляясь к кассе. — Ты хорошая девочка.

На улице дул пронизывающий ветер. Клэри спрятала подбородок в полосатый шарф:

— Я уже начала волноваться, когда не увидела тебя на остановке.

Саймон натянул вязаную шапку на самые глаза, морщась от солнца:

— Извини. Вспомнил, что собирался купить этот диск, и решил забежать на минутку...

— Ничего. Просто я начала превращаться в параноика.

— Неудивительно, — заметил Саймон. — После того, на что ты насмотрелась в Городе молчания. Зачем только ты туда пошла?!

— Да, Люка это тоже очень интересовало, — призналась Клэри. — Ну и выволочку он мне устроил...

— Еще бы.

Они шагали через залитый солнцем Маккарен-парк по уже начавшей увядать траве. Среди деревьев с лаем резвились собаки, спущенные хозяевами с поводка. Странно, жизнь вдруг перевернулась с ног на голову, а мир вокруг остался неизменным.

— Говорила с Джейсом? — спросил Саймон нарочито равнодушным тоном.

— Нет. Созванивалась с Изабель и Алеком несколько раз. Вроде бы он поправляется.

— Мы идем туда, потому что он тебя позвал?

— Мне не нужно специальное приглашение, чтобы навестить брата, — ответила Клэри, сдерживая раздражение.

На улице, где жил Магнус, обитала богемная и весьма состоятельная публика. Местные дома когда-то давно были фабричными складами, но потом их переоборудовали под жилые помещения — огромные лофты с высокими потолками и большими окнами. Вдоль тротуара тянулся ряд очень дорогих машин.

Со ступеней, ведущих в дом Магнуса, поднялась долговязая фигура. Это был Алек, одетый в длинный черный плащ из жесткой, слегка блестящей ткани, в которую чаще всего облачались Сумеречные охотники. Помимо рун, темнеющих на руках и горле, Алек воспользовался и чарами невидимости, судя по исходящему от него слабому свечению.

— Не думал, что тебе придет в голову явиться сюда в компании примитивного, — сказал Алек, быстро взглянув на Саймона.

— Гостеприимные вы ребята, — улыбнулся Саймон. — Душа радуется.

— Да брось, Алек, — сказала Клэри. — Он тут не в первый раз.

С наигранным вздохом Алек пожал плечами и направился вверх по ступеням. Дверь в квартиру Магнуса он открыл маленьким серебряным ключом, который украдкой достал из нагрудного кармана и так же быстро запрятал обратно, пытаясь сделать вид, что никакого ключа и не было.

При свете дня квартира напоминала ночной клуб в нерабочие часы — пусто, грязно и неожиданно мало места. На голых стенах виднелись пятна светящейся краски, а паркет, на котором неделю назад отплясывали фейри, разохся и лоснился от старости.

— Привет-привет, — пропел Магнус, выходя им навстречу в длинном, до пола, зеленом шелковом халате, наброшенном поверх серебристой рубашки и черных джинсов. В левом ухе у него сверкал красный камень. — Алек, дорогой! И Клэри. И мальчик-крыса... как мило! — Верховный маг отвесил взбешенному Саймону церемонный поклон. — Чему обязан такой честью?

— Мы пришли к Джейсу, — сказала Клэри. — Как он себя чувствует?

— Затрудняюсь ответить, — произнес Магнус. — Он у вас любит валяться на полу без движения?

— Что?! — испуганно переспросил Алек, и маг расхохотался.

— Тебя так легко одурачить! Конечно, с вашим другом все хорошо. Разве что с головой беда. Постоянно прибирается! Я из-за этого ничего не могу найти в собственном доме! Псих какой-то...

— Он просто любит порядок, — сказала Клэри, вспомнив комнату Джейса в Институте, похожую на монашескую келью.

— Зато я не люблю, — отрезал Магнус, украдкой взглянув на Алека, который отвернулся от него с обиженным видом. — Джейс вон там, можете пройти к нему. — Он указал на дверь в противоположном конце комнаты.

За дверью скрывалась берлога с заляпанными краской стенами — маленькая и неожиданно уютная. Плотные бархатные портьеры совсем не пропускали солнце, и мягкие кресла в цветных тканевых чехлах маячили в полумраке, как айсберги, плывущие по бежевому ковру. На ядовито-розовом диване были расстелены простыня и одеяло, рядом стоял рюкзак, набитый одеждой. Освещалась комната ярким мерцанием телевизионного экрана, притом что шнур валялся на полу, выдернутый из розетки.

— Что по ящику? — поинтересовался Магнус.

— «Снимите это немедленно!» — ответил знакомый скучающий голос откуда-то из глубин кресла.

Джейс сел прямо, но на пришедших даже не посмотрел, лишь протянул неодобрительно:

— Камуфляжные штаны с высокой талией... разве это сейчас носят? Твои возможности безграничны, маг, а ты используешь их, чтобы смотреть старье по телику.

— Можно подумать, для этого нужна магия. Достаточно завести себе TiVo, — заметил Саймон.

— Лишние расходы, — ответил Магнус и хлопнул в ладоши. Комната немедленно озарилась ярким светом, так что Джейс, морщась, заслонил лицо рукой. — Это тоже можно сделать без помощи магии?

— Не поверишь, можно, — сказал Саймон. — Ознакомься на досуге с рекламой последних технических новинок — узнаешь массу интересного.

Клэри почувствовала, что атмосфера накаляется, и поспешила вмешаться:

— Хватит! Надо поговорить... всем вместе. Пора решать, что делать дальше.

Джейс щурился на свет с раздраженным видом:

— Дальше будет «Проект Подиум», и я собираюсь его смотреть.

— Это вряд ли. — Магнус щелкнул пальцами, и экран погас, выпустив клуб дыма. — Сначала разберешься со своими проблемами, нефилим.

— Откуда внезапный интерес к моим проблемам?

— Я заинтересован в том, чтобы поскорее от тебя избавиться. Твоя маниакальная тяга к порядку начинает действовать на нервы: — Магнус снова щелкнул пальцами с весьма угрожающим видом... — А ну вставай.

— А то он тебя в дым превратит, — добавил Саймон. Эта перспектива ему явно нравилась.

— Пожалуйста, без уточнений, — попросил маг. — Я способен вселить трепет одним жестом.

— Ладно, — сдался Джейс и встал. Выглядел он довольно усталым, но явно шел на поправку. — Если вам так хочется устроить круглый стол, давайте сядем за круглый стол.

— Круглые столы — это хорошо, — бодро провозгласил маг. — Лучше квадратных во всех отношениях.

Когда они вернулись из комнаты Джейса в гостиную, посреди нее и правда нарисовался стол — огромный и совершенно круглый. Вокруг него располагались пять деревянных стульев с высокими спинками.

— Вот это да! — выдохнула Клэри, усаживаясь на поразительно удобный стул. — И как тебе удастся создать все это великолепие из воздуха?!

— Ну... не то чтобы из воздуха... и не то чтобы создать... Это стол из магазина классической мебели на Пятой авеню. А вот это... — На столе вдруг возникло пять белых картонных стаканчиков с пластиковыми крышками. — Вот это из кофейни «Дин и Делюка» на Бродвее.

— Смахивает на воровство... — Саймон придвинул к себе стаканчик и снял крышку. — Ого, моккачино... Надеюсь, ты заплатил?

— Безусловно, — невинно ответил Магнус. — Заставил пару долларовых банкнот материализоваться в кассе.

Джейс и Алек приснули.

— Правда? — переспросил Саймон.

— Конечно нет. — Магнус снял крышку со своего стаканчика. — Но можешь думать, что так я и сделал, если тебе удобнее. Ну, каков первый пункт на повестке дня?

Грея руки о дымящийся стаканчик, Клэри думала, что кофеин ей сейчас совсем не помешает, а потом можно заглянуть в «Дин и Делюка» и бросить денег в банку для чаевых.

— Для начала надо понять, что вообще происходит, — сказала она и подула на кофейную пену. — То, что случилось в Городе молчания, дело рук Валентина?

— Да, — ответил Джейс, не поднимая глаз от стакана.

Алек положил ладонь на его руку:

— Ты его видел?

— Я был в камере, — бесцветным голосом произнес Джейс, — и слышал крики Братьев. Потом Валентин появился перед решеткой, и его сопровождало... нечто. Понятия не имею, что это за тварь. Похожа на ступок дыма с горящими глазами. Демон, конечно, но я таких никогда не видел. Валентин сказал...

Джейс умолк, и Алек схватил его за плечо:

— Что сказал?

Магнус кашлянул, Алек залился краской и отпрянул от Джейса. Саймон ухмыльнулся, сделав вид, будто рассматривает свой стакан. К кофе он не притронулся.

— Что ему нужен Мэллртах. Он перебил Братьев, чтобы получить Меч душ.

— Алек, а почему в Институте никого не оказалось, когда Братья звали на помощь? — спросил вдруг Магнус.

Алек явно не ожидал от него этого вопроса.

— В Центральном парке нашли мертвую фею. Очень юную. Из ее тела кто-то выкачал всю кровь.

— Инквизитор наверняка считает, что это тоже сделал я, — мрачно сказал Джейс. — Отпрыск Валентина продолжает держать город в щупальцах террора.

Магнус подошел к окну и приоткрыл портьеру. Лучи заходящего солнца осветили его орлиный профиль.

— Кровь... — произнес маг почти себе под нос. — Позапрошлой ночью я видел во сне город с костяными башнями. По его улицам рекой лилась кровь.

Саймон поднял глаза на Джейса:

— И часто он бормочет что-то про реки кровищи, стоя у окна?

— Нет, — отозвался Джейс. — Иногда он бормочет, сидя на диване.

Алек бросил на обоих острый взгляд и спросил:

— В чем дело, Магнус?

— Я видел во сне реки крови, — повторил Магнус, глядя в окно на темный силуэт города на фоне золотисто-лилового неба. — На этой неделе произошло сразу несколько убийств среди нежити. В жилом доме в районе порта Саут-стрит нашли мертвого мага с перерезанными горлом и запястьями. Кому-то понадобилась его кровь. У бара «Охотничья луна» убили оборотня — ему тоже перерезали плотку.

— Очень похоже на вампиров, — произнес Саймон, неожиданно побледнев.

— Не думаю, — сказал Джейс. — По крайней мере, Рафаэль утверждает, что Дети тьмы к этому не причастны.

— Ну конечно, с чего ему лгать, — пробормотал Саймон.

— Вероятно, сейчас он говорит правду. — Задержав портьеру, Магнус вернулся к столу, неся тяжелую книгу в зеленом бархатном переплете. Клэри могла поклясться, что секунду назад никакой книги у него в руках не было. — Оба раза на месте преступления нашли явные следы присутствия демона. Все это дело рук одного убийцы, и вампиры тут ни при чем. Это Валентин.

Клэри с опаской посмотрела на Джейса. Его губы сжались в тонкую ниточку, однако он лишь спросил:

— Откуда такие выводы?

— Инквизитор считает, что убийство феи — отвлекающий маневр, — быстро сказала Клэри. — Чтобы пробраться в Город молчания, не опасаясь Конклава.

— Есть масса простых способов устроить диверсию, — отмахнулся Джейс, — не навлекая на себя гнев волшебного народца. Он не стал бы убивать фею, не будь у него на то веской причины.

— Причина была, — сказал Магнус. — От феи ему требовалось то же, что и от мага с оборотнем.

— Что? — спросил Алек.

— Кровь. — Магнус открыл книгу и стал листать страницы, исписанные пылающими буквами. — Ага, вот! — провозгласил он наконец, ткнув в пергамент острым ногтем.

Алек склонился над книгой, но маг предупредил:

— Ты не прочтешь, это написано на языке демонов.

— Я узнаю рисунок, — сказал Алек. — Это Мэллертах. Я встречал его и в других книгах.

На пергаменте был изображен меч — тот самый, который пропал из Города молчания.

— Здесь описывается ритуал дьявольского обращения, — произнес маг. — Вот что задумал Валентин.

– Какой ритуал? – переспросила Клэри.

– У каждого магического предмета есть принадлежность, – объяснил Магнус.
– Родство с той или иной силой. Принадлежность Меча душ ангельская, это тоже клинок серафимов, вроде тех, что носят Сумеречные охотники, только гораздо более мощный, ведь он черпает силу у самого Ангела, не просто из звука ангельского имени. Валентин хочет изменить принадлежность Меча, сделать его демоническим.

– То есть сделать из законопослушного добра законопослушное зло, – повернул Саймон, весьма довольный собой.

– Это он про игру «Подземелья и драконы», не обращайтесь внимания, – пояснила Клэри.

– Пока Мэллертах – меч Ангела, Валентину от него мало пользы. Но если в мече окажется демоническая сила той же мощи, Мэллертах будет для него бесценен. Валентин получит настоящую власть над демонами, а не ограниченную защиту, которую дает ему Чаша. Он сможет призвать любого демона и заставить его служить себе.

– Он намерен собрать армию демонов? – сказал Алек.

– Ваш Валентин просто жить не может без армий, – заметил Саймон.

– Пожалуй, он даже сумеет разрушить Идрис, – закончил Магнус.

– Зачем ему вести демонов на Идрис? – спросил Саймон. – Там же все, как один, Сумеречные охотники – те, кто убивает демонов? Они уничтожат эту армию, вот и все. Разве не так?

– Демоны являются в наш мир из других измерений, – сказал Джейс. – И мы понятия не имеем, сколько их там. Возможно, несметные легионы. Пока печати их сдерживают, но никто не знает, что будет, если она навалится все разом.

Легионы.. Клэри вспомнила ужасающего высшего демона Аваддона и попыталась представить сразу сотни таких. Или даже тысячи. Внезапно она почувствовала себя совершенно беззащитной.

– Не понимаю, какая связь между этим ритуалом и убийствами нежити, – сказал Алек.

– «Чтобы провести ритуал обращения, должно четырежды раскалить меч докрасна и четырежды охладить в крови нежити. Прольет свою кровь дитя Лилит, дитя луны, дитя ночи и дитя фей, и четырежды будет закален Меч», – прочел Магнус.

– Господи, – прошептала Клэри, – значит, будут еще убийства? Ему нужно еще одно дитя...

– Вернее, два, – уточнил Магнус, захлопнув пыльную книгу. – Кровь оборотня Валентину добыть не удалось: его спугнули. Как бы то ни было, он

на полпути к обращению Меча. Возможно, наполовину завершённый ритуал уже даёт ему какую-то силу. Возможно, он уже собирает демонов.

— Если так, случаи проникновения демонов в наш мир участились бы, — возразил Джейс. — А Инквизитор сказала, что в последнее время все тихо и спокойно.

— Если Валентин собрал всех демонов под своим крылом, стоит ли удивляться, что в нашем мире стало тихо — до поры до времени, — резонно заметил маг.

Все ошеломленно переглянулись. Такая мысль никому не приходила в голову.

Напряжённую тишину вдруг взорвал звонок мобильного, и Клэри вздрогнула от неожиданности, пролив на руку горячий кофе.

— Это мама, — сказал Алек, взглянув на экран.

Он отошел с телефоном к окну, стараясь говорить как можно тише. Саймон взял Клэри за руку и нежно поцеловал алеющий на запястье след от ожога:

— Теперь не болит?

Клэри изумленно уставилась на него. Раньше Саймон никогда так не делал. Хотя раньше-то она не считалась его девушкой.. Клэри осторожно отняла руку, подняла глаза на Джейса и встретила его пристальный взгляд.

— Ты Сумеречный охотник и должна справляться с любыми травмами. Держи, — холодно сказал он, достал стило и запустил его по столешнице в ее сторону.

— Пустяки, не надо. — Клэри толкнула стило обратно.

— Клэри! — рявкнул Джейс, прихлопнув ладонью катящийся жезл. Получилось несколько громче, чем инцидент того заслуживал.

— Она сказала, что ей не нужна эта штукovina, — злорадно сказал Саймон. — Ха-ха.

— Ха-ха? — переспросил Джейс. — Это что, вершина примитивного остроумия?

— Что тут происходит? — Алек вернулся к столу и теперь смотрел на них с непониманием.

— Какая-то мыльная опера, — сообщил Магнус. — Причем третьеразрядная.

Алек отбросил с глаз непослушную прядь:

— Рассказал маме про ритуал...

— Дай-ка угадаю, — нахмурился Джейс. — Она тебе не поверила и обвинила во всем меня.

— Нет. Она намерена доложить об этом Конклаву, но боится, что ее не станут слушать. Похоже, Инквизитор полностью взяла бразды правления в свои руки. И судя по тону, мама там сейчас рвет и мечет. — Телефон в его руке снова зазвонил. — Изабель. Я на минутку. — С этими словами он снова удалился к окну.

— Думаю, ты прав насчет оборотня у «Охотничьей луны», — сказал Джейс магу. — Парень, который его нашел, видел, как кто-то убегал по переулку.

— Очевидно, Валентину помешали закончить начатое, — кивнул Магнус. — Теперь он попытается убить еще одного юного оборотня.

— Надо скорее сообщить Люку, — решила Клэри, поднимаясь со стула, но ее остановил возглас Алека:

— Подожди!

На лице у него было очень странное выражение.

— Что тебе сказала Изабель? — спросил Джейс.

— Что нас желает видеть королева Летнего двора, — неуверенно проговорил Алек. — И назначает мам сегодня аудиенцию.

— Ну да! — не поверил Магнус. — А Мадонна хочет нанять меня в подтанцовку.

— Какая еще мадонна? — спросил Алек.

— Какая еще королева? — спросила Клэри.

— Королева фейри, — ответил ей Магнус. — Ну, местная королева. Местных фейри.

Джейс устало опустил лоб на руки:

— Скажи Изабель, что мы никуда не идем.

— Но она считает, что это отличная идея!

— Значит, скажи ей «нет» более доходчиво. Ее «отличные идеи» имеют свойство заканчиваться форменной катастрофой. Ты помнишь, как она предложила срезать путь по заброшенным туннелям метро? И как мы нарвались там на гигантских крыс?

— Не надо, — вставил Саймон. — Я бы предложил не поднимать тему крыс.

— Изабель знакома с одним из придворных. Он передал ей, что королева желает нас видеть. Изабель слышала мой разговор с мамой и считает, что мы сумеем заручиться поддержкой фейри, если расскажем королеве про ритуал обращения Меча. Может, они даже вступят в союз с Конклавом против Валентина.

— А идти в этот Летний двор опасно? — спросила Клэри.

— Разумеется, опасно! — воскликнул Джейс, как будто в жизни не слышал более глупого вопроса.

— Я ничего не знаю про фейри и двор, — сказала Клэри, испепелив его взглядом. — С вампирами и оборотнями все понятно: про них есть куча книг и фильмов. А феи — это что-то такое из детских сказок. Когда мне было восемь, мама нарядила меня феей в День Всех Святых. И сделала мне шляпку в виде лютика.

— Да, помню, — ответил Саймон, откинувшись на спинку стула. — Я тогда был трансформером. Десептиконом.

— Давайте не отвлекаться, — попросил Магнус.

— Ну вот что, — решительно начал Алек, — Изабель считает, и я с ней совершенно согласен, что нельзя пренебрегать приглашением королевы фейри. Если удастся привлечь фейри на свою сторону, Конклав нас точно послушает!

Джейс невесело усмехнулся:

— Волшебный народец никогда не помогает людям.

— Охотники не совсем люди, — заметила Клэри.

— Для фейри — никакой разницы.

— Вряд ли они хуже вампиров, — негромко сказал Саймон. — Ас вампирами вы неплохо справились.

Джейс посмотрел на него, как на плесень, выросшую под раковиной.

— Неплохо справились? — переспросил он. — Ты хочешь сказать, унесли ноги живыми?

— Ну...

— Фейри, — зловеще продолжал Джейс, — это отпрыски ангелов и демонов. От ангелов они взяли красоту, а от демонов — коварство. Если переступишь границы владений вампиров, тебя просто убьют, но если явишься к фейри, они будут более изобретательны. Например, заставят тебя танцевать, пока ноги не превратятся в стертые пеньки и ты не упадешь замертво. Или заманят тебя в озеро и уташат на глубину — и будут держать, пока вода не разорвет легкие. Или бросят тебе в глаза горсть своей волшебной пыли, и ты сам вырвешь...

— Джейс! — прикрикнула на него Клэри. — Замолчи!

— Кроме того, вампира или оборотня можно одурачить, — продолжал Джейс. — А фейри живут сотни лет и коварны, как змеи. Они не способны лгать, зато очень любят искусно сервированную правду. Они всегда знают, чего ты хочешь больше всего на свете, и могут подарить тебе желаемое, но с таким бедами в довесок, что ты проклянешь тот день, когда дал мечтам волю... — Он

вздыхнул. — Фейри не будут помогать людям. Любая их помощь так или иначе закончится ударом в спину.

— То есть ты считаешь, что нам не хватит ума распознать подвох? — спросил Саймон.

— Не знаю, тебе же хватило ума позволить превратить себя в крысу, — отрезал Джейс.

— Вообще-то, твое мнение особой роли не играет, — заявил Саймон, смерив его неприязненным взглядом. — Потому что ты-то уж точно никуда отсюда не выйдешь.

Джейс вскочил, отшвырнув стул:

— Клэри не пойдет с вами в Летний двор без меня, и это не обсуждается!

Клэри раскрыла рот от изумления. Джейс стиснул зубы, его лицо побагровело от ярости, на шее вздулись жилы. При этом на нее он даже не посмотрел.

— Я вполне смогу позаботиться о Клэри, — сказал Алек с обидой в голосе, то ли из-за того, что Джейс усомнился в его надежности, то ли из-за чего-то еще.

— Нет, — ответил Джейс, пристально глядя ему в глаза. — Не сможешь.

Алек сглотнул и сказал, как будто извиняясь:

— Мы пойдем. Мы получили приглашение в Летний двор, и пренебрегать им было бы крайне опрометчиво. К тому же Изабель наверняка сообщила, что мы придем.

— Я тебе не позволю, Алек, — произнес Джейс очень нехорошим голосом. — Даже если придется применить силу.

— Звучит многообещающе, — вмешался верховный маг, взмахнув шелковыми рукавами. — Жаль, не придется полюбоваться. Ведь есть другое решение.

— Какое еще решение?! Конклав запретил мне покидать твой дом, и тут уж никак не выкрутишься!

— Не стоит недооценивать мой талант выкручиваться, — посоветовал маг с широкой улыбкой, — потому что он непревзойден. В договоре, подписанном Инквизитором, присутствовал один параграф, который она по каким-то загадочным причинам оставила без внимания. Согласно этому параграфу, я вправе отпустить тебя на короткое время, если твое место займет другой нефилим.

— И где мы сейчас возьмем другого... — Алек осекся и закончил обреченно: — Понятно... Я.

Джейс вскинул брови:

— Что, сядешь тут вместо меня? Значит, в Летний двор ты уже не рвешься?

— Думаю, от тебя там будет больше пользы, — сказал Алек, залившись румянцем. — Ты сын Валентина. Королева наверняка хочет видеть именно тебя. К тому же ты обаятельный.

Джейс глянул на него волком.

— Ну то есть ты умеешь быть обаятельным, — поправился Алек. — Когда хочешь. А фейри поддаются на обаяние.

— Оставайся — не пожалеешь, — сказал ему Магнус. — У меня есть диск с «Островом Гиллигана». Весь первый сезон!

— Вот это уж точно предложение, от которого нельзя отказаться, — съязвил Джейс, по-прежнему избегая взгляда Клэри.

— Изабель будет ждать в парке у Черепашьего пруда, — сказал Алек. — Она знает, как войти в Летний двор.

— И вот еще что... — добавил Магнус, воздев украшенный перстнем палец, — постарайся выбраться из Летнего двора живым, Охотник. Не то меня ждет малоприятная беседа с Инквизитором.

И тут Джейс вдруг улыбнулся так, что у Клэри екнуло сердце, — как будто сверкнул клинок, выхваченный из ножен.

— Подозреваю, из этого приключения и правда есть шанс не вернуться живым.

Черепаший пруд был окаймлен густым кружевом зеленого мха. Покой водной глади нарушала лишь легкая рябь в кильватере неспешно плывущих уток, да кое-где разбегались круги от плеснувшего хвоста серебристой рыбешки. Изабель сидела в маленькой деревянной беседке над водой и задумчиво смотрела на горизонт. Ее можно было принять за сказочную принцессу, заточенную в башне и ожидающую, когда прискачет вызволять ее из плена рыцарь на белом коне...

Вот только Изабель не стала бы ждать милостей от каких-то там рыцарей. Она бы выхватила свой хлыст и ножи, изрубила похитителей в капусту и беспечно пошла к свободе по их бранным останкам, при этом ухитрившись не испортить прическу. Поэтому Клэри никак не могла заставить себя испытывать к Изабель хоть какую-то симпатию.

— Привет, Иззи, — сказал Джейс, подойдя к беседке.

Изабель вскочила и обернулась к нему, ослепительно улыбаясь.

— Джейс! — воскликнула она и бросилась ему на шею.

Клэри сказала себе, что именно так и должны вести себя сестры — счастливые и любящие. Да, надо улыбаться нежно и смотреть ласково, а не прятать глаза и шархаться, как дикарка. Глядя на то, как Джейс обнимает

Изабель, она попыталась изобразить на лице счастливое и любящее выражение.

— Все нормально? — обеспокоенно спросил Саймон. — Что-то у тебя глаза в кучку...

— Тебе показалось, — кисло ответила Клэри, оставив тщетные попытки.

— Точно? Ты вся скривилась...

На Изабель были длинное черное платье, сапоги и плащ из мягкого бархата цвета зеленого мха.

— Как вам это удалось? — воскликнула она. — Как вы убедили Магнуса отпустить Джейса?

— Мы его обменяли, — объяснила Клэри. — На Алека.

— Как обменяли? Это же не навсегда? — встревоженно спросила Изабель.

— Нет, — успокоил ее Джейс. — На несколько часов. Хотя, если я не вернусь... Тогда он, наверное, оставит Алека себе. Вроде как аренда с правом последующего выкупа.

— Вряд ли маме с папой это понравится, — сказала Изабель.

— То, что вы отдали брата какому-то сомнительному магу, который одевается, как Вилли Вонка, и смахивает на голубого Соника-Супережика? — уточнил Саймон. — В обмен на потенциального преступника? Да, пожалуй, не понравится.

Джейс смерил его задумчивым взглядом и произнес:

— А что ты вообще тут делаешь, примитивный? Кто звал тебя в Летний двор? Там не любят тебе подобных.

Саймон закатил глаза:

— Начинается... Стоит мне сказать что-нибудь не так, и он немедленно прячется за вывеской «Примитивным вход воспрещен». Между прочим, в прошлый раз, когда ты пытался прогнать меня, я вам всем жизнь спас.

— Вотчина фейри — место очень опасное, — вмешалась Изабель. — И твое умение стрелять из лука тут совершенно не поможет.

— Я справлюсь, — отрезал Саймон.

Порыв ветра взметнул с гравия опавшие листья. Саймон зябко поежился и сунул руки в карманы куртки.

— Не надо тебе туда идти, — сказала Клэри, но встретила его твердый и решительный взгляд.

Она вспомнила, как тогда, в доме Люка, он назвал ее своей девушкой с той же твердой решимостью. Саймон всегда знал, чего хочет.

— Надо, — сказал он, дав понять, что разговор окончен.

Джейс хмыкнул:

— Ну тогда не будем терять времени. Не надейся на особое обращение, примитивный.

— Да ты не расстраивайся, — сказал ему Саймон. — Вдруг фейри потребуют человеческую жертву? Теперь у вас есть хоть одна удовлетворяющая условиям кандидатура.

— Приятно слышать, — радостно улыбнулся Джейс. — Очень удобно иметь под рукой добровольца на расстрел.

— Идем, — поторопила Изабель. — Врата вот-вот откроются.

Солнце уже село, и над горизонтом взошла почти полная луна, похожая на глаз со слегка опущенным веком. Поверхность Черепашьего пруда прочертила белая лунная дорожка. Ветви деревьев трепетали на ветру, и их шум был похож на грохот полых костей.

— Куда идти? — спросила Клэри. — Где врата?

На губах Изабель заиграла заговорщицкая улыбка.

— Сейчас увидишь.

Она направилась прямо к воде, оставляя на мокрой земле глубокие следы. Юбку и плащ ей пришлось подобрать выше колен, и над краем сапог белыми пятнами в темноте сверкали обнаженные ноги в темных сполохах знаков. Клэри порадовалась, что надела джинсы. Позади выругался Саймон, поскользнувшись в грязи. Джейс машинально поймал его за локоть, но Саймон с негодованием отдернул руку:

— Без тебя разберусь.

— Хватит! — Изабель в гневе топнула по воде ногой. — Прекратите, оба! В смысле, все трое! Если не будем держаться вместе, сгинем в Летнем дворе!

— Я же ничего... — начала Клэри.

— Вот именно! — с возмущением воскликнула Изабель и махнула рукой в сторону Саймона с Джейсом. — Молча смотришь на них и ничего не делаешь!

— Как будто я могу заставить их помириться!

— Как будто не можешь! Seriously, Клэри, если непустишь в ход свою женскую власть, я не знаю, что с тобой сделаю!.. — Изабель шагнула в воду и вновь обернулась к остальным: — Да, и вот еще что. Ради всего святого, в подземелье не ешьте и не пейте! Ясно?

— Ясно, — мрачно ответил Саймон. — Никто не говорил, что мы идем в подземелье...

Изабель с плеском нырнула в пруд. Плащ развернулся на воде, как огромней лист кувшинки.

— Давайте скорее, пота луна не ушла!

Пока луна не ушла, с ума сойти... Клэри, ежась, шагнула в холодную прозрачную воду. В лунном свете были видны мелкие рыбешки, снующие вокруг щиколоток. Стуча зубами, девушка направилась вперед. Джейс шел за ней со своей обычной ленивой грацией, а следом топал Саймон, ругаясь и поднимая фонтаны брызг. Изабель, по грудь в воде, уже ждала их в самой середине мелкого пруда.

— Стой где стоишь, — велела она, когда Клэри подошла.

Клэри замерла. Перед ней на воде дрожало отражение луны, как огромное серебряное блюдо. Умом она понимала: так не должно быть, отражение не должно оставаться на месте, к нему нельзя приблизиться. Однако пришлось поверить глазам: луна лежала на воде прямо перед носом, будто ее поставили на якорь.

— Джейс, ты первый, — распорядилась Изабель.

Джейс прошел так близко от Клэри, что она почувствовала исходящий от него запах дыма и мокрой кожи. Он улыбнулся, шагнул спиной вперед прямо в отражение — и исчез.

— Так... — с несчастным видом пробормотал Саймон. — Вот теперь мне это совсем не нравится.

Клэри улыбнулась ему ободряюще и сделала шаг. Вода там, где в ней отражалась луна, оказалась совсем ледяной, аж дух перехватило. Клэри почувствовала, что почва уходит у нее из под ног, тщетно попыталась удержать равновесие, словно балансируя на самом верху стремянки, — и ухнула вниз, в темноту.

Кто-то заботливо поймал ее за плечи, не дав упасть.

— Осторожно, — произнес Джейс.

Клэри вымокла до нитки, холодная вода ручейками струилась по спине, волосы облепили лоб. Мокрая одежда была жутко тяжелой.

Они с Джейсом стояли в прорытом под землей туннеле, поросшим тускло светящимся мхом. Тонкие корни деревьев свисали с потолка, как мертвые змеи; в конце коридора из них получилось что-то вроде занавеса. Только теперь Клэри осознала, что они и правда под землей. Было так холодно, что дыхание превращалось в пар.

— Замерзла? — спросил Джейс.

Он тоже насквозь промок, тонкие пряди волос, прилипшие к щекам и лбу, казались совсем бесцветными. С его джинсов и куртки лилась вода, а белая рубашка прилипла к груди и стала почти прозрачной, так что под ней были видны темные вензеля знаков и шрам на плече. Клэри поспешила отвести взгляд. На ресницах висели тяжелые капли, и все вокруг выглядело размытым, как от слез.

— Нет.

— Ты дрожишь...

Он был так близко, что Клэри чувствовала тепло, исходящее от его тела, даже через мокрую одежду..

В этот момент из темноты возник Саймон, с грохотом свалившись на утрамбованную землю. Он упал на колени и теперь лихорадочно озирался:

— Куда я дел очки?...

— Они у меня. — Клэри всегда держала его очки, пока он играл в футбол, иначе они непременно падали у него с носа и тут же гибли под ногами. — Держи.

Саймон протер линзы и водрузил очки на переносицу:

— Спасибо.

Клэри чувствовала, что Джейс наблюдает за ними; его взгляд давил ей на плечи, как тяжелая ноша. Саймон, похоже, заметил это и нахмурился. Изабель появилась последней — изящно, даже не покачнувшись, соскочила на землю. С ее роскошных длинных волос струилась вода, намокший плащ тяжело повис, но Изабель не обращала на это никакого внимания.

— Ух, весело! — с улыбкой сказала она.

— Ну все, — ответил Джейс, — на Рождество получишь от меня словарь.

— Зачем он мне?

— Посмотришь, что значит слово «весело». Сдается мне, ты не правильно его понимаешь.

— Вечно ты пытаешься подмочить мне удовольствие. — Изабель скрутила густую массу волос в жгут и выжала из них воду.

— Подмочить можно репутацию, и здесь тебе помощники не нужны. — Джейс огляделся: — Что теперь? Куда идти?

— Никуда. Будем ждать, пока за нами не придут.

Клэри это предложение в восторг не привело.

— Откуда фейри узнают, что мы уже на месте? Может, надо в какой-нибудь звонок позвонить?

— Летний двор знает обо всем, что происходит в его владениях. Наше появление наверняка заметили.

Саймон посмотрел на Изабель с подозрением:

— А откуда у тебя такая полная информация о фейри и их Летнем дворе?

К всеобщему изумлению, Изабель вдруг зарделась. В подземный коридор, откинув занавес из корней, вошел юноша с длинными черными волосами.

Клэри уже приходилось видеть фейри — на вечеринке у Магнуса. Дивный народ отличался холодной неземной красотой и какой-то пугающей отчужденностью. Даже когда фейри пили и веселились, никто не принял бы их за земных созданий. И этот юноша не был исключением: иссиня-черные волосы обрамляли прекрасное, словно точеное лицо, холодные глаза имели цвет зеленого мха, скулу украшал узор в виде листа — то ли татуировка, то ли родинка. Его грудь защищали латы серебристо-коричневого оттенка, похожие на заиндевевшую древесную кору; при каждом движении они переливались множеством цветов — мшисто-зеленым, темно-серым, пепельным, небесно-голубым.

Изабель с радостным криком бросилась ему на шею:

— Мелиорн!

— Ага, — вполголоса сказал Саймон, — вот и источник ее обширных познаний.

Фей Мелиорн чопорно посмотрел на Изабель сверху вниз и вежливо, но решительно снял ее руки со своей шеи:

— Не время для нежностей. Королева Летнего двора желает встретиться с тремя нефилимами, явившимися в ее владения. Вы готовы?

— Нас четверо, — быстро сказала Клэри, взяв Саймона за руку.

— Примитивные люди не допускаются ко двору королевы, — бесстрастно сообщил Мелиорн.

— Кто бы мог подумать... — произнес Саймон, ни к кому особо не обращаясь. — И что, придется ждать здесь, пока сам корни не пушу?

— Было бы любопытное зрелище, — без улыбки сказал Мелиорн.

— Этот человек с нами, ему можно доверять, — вдруг сказал Джейс. Все посмотрели на него с изумлением, а Саймон, похоже, и вовсе лишился дара речи, поскольку не отпустил в адрес Джейса никакого язвительного замечания. — Он бился с нами плечом к плечу не в одной битве.

— А именно в двух, — еле слышно прошептал Саймон. — Причем один раз в обличье крысы.

— Без него мы никуда не пойдём, — решительно заявила Клэри, взяв Саймона за руку. — Королева сама изъявила желание говорить с нами. Это нужно ей, а не нам.

В зеленых глазах Мелиорна промелькнула искра недоброго смеха.

— Как будет угодно. Только имейте в виду: Летний двор не имеет обыкновения потакать желаниям своих гостей.

С этими словами фей развернулся и пошел по коридору. Изабель поспешно догнала его и зашагала рядом. Джейс, Клэри и Саймон последовали за ними в молчании.

— А вам разрешают встречаться с дивным народом? — спросила Клэри. — Ну, в смысле... Лайтвуды знают, что Изабель гуляет с этим... как его?

— Мелиорном, — подсказал Саймон.

— Да я бы не сказал, что они гуляют, — мрачно произнес Джейс, сделав ударение на последнем слове. — Полагаю, они предпочитают проводить время под землей.

— Похоже, ты не одобряешь ее выбор. — Саймон отбросил в сторону свисающую с потолка плеть.

Теперь они шли по коридору, выложенному гладкими камнями, сквозь которые кое-где пробивались самые упрямые корни. Плиты пола были выточены из твердого камня, похожего на мрамор; прожилки и вкрапления переливались как толченые самоцветы.

— Дивный народ иногда развлекается со смертными, но заканчивается это всегда одинаково. Смертный надоедает, и его безжалостно бросают, причем в крайне изношенном состоянии. — Джейс говорил очень тихо, однако таким тоном, что у Клэри мурашки побежали по коже.

Изабель расхохоталась, и стало понятно, почему Джейс понизил голос. Каменный коридор отражал и многократно усиливал любой звук, так что казалось, будто Изабель смеется над самым ухом.

— Ты меня уморил! — Она вдруг споткнулась, попав каблуком в щель между плитами, но Мелиорн легко подхватил ее, причем на его бесстрастном лице не дрогнул ни один мускул.

— Не понимаю, зачем люди носят обувь на таких высоких каблуках.

— Мое кредо — «не меньше восемнадцати сантиметров», — заявила Изабель с обольстительной улыбкой.

Мелиорн посмотрел на нее с каменным выражением.

— Я про каблуки, — начала объяснять Изабель. — Шутка такая. Понимаешь?

— Надо спешить, — сказал фей. — Королева не любит, когда ее заставляют ждать.

Он ускорил шаг, оставив ошеломленную Изабель за спиной.

— Вечно забываю, что у дивного народа нет чувства юмора, — пробормотала она, когда остальные с ней поравнялись.

— Ну не скажи. Я знаю ночной клуб пикси, который называется «Горячие крыльшки», — возразил Джейс и быстро добавил: — Хотя сам конечно же там не бывал.

Саймон уже открыл рот, чтобы задать Джейсу какой-то вопрос, но так и захлопнул его, не произнеся ни слова, потому что коридор закончился и перед ними предстала огромная пещера с высокими каменными колоннами. Колонны увивали пышные лозы с яркими цветами; со стен свисали полотна тонкой небесно-голубой ткани. Пещеру наполнял яркий свет, хотя нигде не было видно ни одного факела, и вообще она больше напоминала залитую летним солнцем беседку, чем мрачное подземелье. И ее переполнял народ! Играла завораживающая, слегка дисгармоничная музыка — как будто в медовую сладость добавили резкой лимонной кислинки, — и под нее, едва касаясь ногами пола, танцевали феи. Их волосы развевались, как знамена, — синие, черные, алые, золотые, белоснежные.

Понятно, отчего фей прозвали дивным народом — они и в самом деле поражали красотой. Не хотелось отрывать взгляд от бледных лиц, от голубых, сиреневых и золотых крыльев... Зря Джейс так о них отзывался! Эти создания никому не могут причинить вреда. Музыка уже казалась Клэри невероятно плавной и гармоничной, ни одна резкая нота больше не резала слух. Ей захотелось распустить волосы и присоединиться к волшебному танцу, порхать так же легко, паря над землей...

Не успела Клэри сделать шаг вперед, как кто-то грубо дернул ее за плечо. Опять Джейс. Золотые глаза горят, как кошачьи.

— Если вздумаешь плясать с ними, придется плясать до самой смерти, — тихо сказал он.

Клэри ошеломленно моргала, пытаясь прийти в себя, словно ее резко разбудили посреди ночи. Ноги не слушались.

— Что-о? — невнятно переспросила она.

Джейс раздраженно хмыкнул, крепко схватил ее за руку и бегло начертил на внутренней стороне запястья обжигающий знак:

— Вот теперь посмотри вокруг.

Клэри подняла глаза и застыла. Лица фей были по-прежнему прекрасны, однако в их чертах проявилось что-то коварное, жестокое. Девушка с розово-голубыми крыльями манила Клэри к себе, и вместо пальцев у нее зеленели тонкие веточки с проклевывающимися листьями, а совершенно черные глаза не имели ни белка, ни радужки. У танцевавшего рядом с ней юноши были ядовито-зеленая кожа и витые рожки на висках, а когда его плащ распахнул, под ним мелькнула пустая грудная клетка с яркими ленточками, повязанными вокруг белых ребер. Клэри ощутила прилив дурноты.

— Пошли, — сказал Джейс, толкая ее в спину. Клэри огляделась в поисках Саймона, увидела, что его крепко держит за руку Изабель, и даже обрадовалась этому вопреки обыкновению.

Обойдя танцующих, они пробрались к голубому занавесу в дальнем конце зала и вышли в другой коридор. Его блестящие коричневые стены напоминали внешнюю сторону ореховой скорлупы. Изабель выпустила руку Саймона, и он немедленно встал как вкопанный. Оказалось, что глаза у него завязаны шарфом, и Саймон теперь тщетно пытался развязать тугий узел.

— Давай я сниму.

Клэри сняла шарф и вернула его Изабель, кивнув в знак благодарности. Саймон убрал со лба влажные волосы.

— Я слышал какую-то музыку. Какая-то интересная смесь кантри и рок-н-ролла.

— Тебе не понравилось? — спросил Мелиорн, слегка нахмурившись.

— Слишком понравилось, — сердито вмешалась Клэри. — Это что, проверка? Или веселая шутка?

Мелиорн пожал плечами:

— Вообще-то смертные легко поддаются действию чар, однако нефилимы составляют исключение. Я думал, у тебя есть защита.

— Защита у нее есть, — произнес Джейс, спокойно глядя ему в глаза.

Ничего не ответив, фей направился вперед по коридору. Какое-то время Саймон молча шел рядом с Клэри и наконец поинтересовался:

— Так что я пропустил? Неужели стриптиз?

Перед глазами у Клэри возникла пустая грудная клетка, выглянувшая из-под плаща.

— Ничего интересного, — сказала она, поежившись. — Смертный может присоединиться к празднеству фейри, если получит от них символический подарок — цветок или лист. Держи его при себе всю ночь, тогда утром сможешь спокойно вернуться домой. Ну, или если тебя сопровождает кто-то из фейри...

Она бросила взгляд на Мелиорна. Фей тем временем подошел к густому занавесу из зеленых лоз в конце коридора:

— Это чертоги королевы. Она специально прибыла с севера, чтобы выяснить, кто убил дитя нашего народа. В случае необходимости она готова объявить войну.

Он раздвинул лозы, украшенные янтарными каплями, и жестом пригласил всех войти.

Джейс пошел первым, Клэри последовала за ним, с любопытством оглядываясь по сторонам. После бальной залы комната выглядела простой. Земляные стены были завешены пастельной тканью, в стеклянных вазах мерцали болотные огоньки. На низкой софе полулежала прекрасная женщина в окружении сонма придворных самой разной наружности – от крошечных крылатых эльфов до очаровательных длинноволосых девушек, которых можно было бы принять за людей... если бы не абсолютно черные глаза без намека на радужку.

– Моя королева, – произнес Мелиорн с низким поклоном. – Я привел к вам нефилимов.

Королева выпрямилась, и алые волосы заструились по ее плечам, как листва на осеннем ветру.

– Здесь три нефилима и один примитивный человек, – сказала она.

Мелиорн попятился, но королева даже не посмотрела на него. Она не сводила глаз с Сумеречных охотников, ощупывая их почти осязаемым взглядом. Ее красоту никак нельзя было назвать хрупкой и беззащитной – королева блистала ярко, как слепящее глаза солнце.

– Прошу простить нас, миледи, – учтиво произнес Джейс, выходя вперед. – Мы взяли на себя обязательство защищать этого человека и покинуть его не могли.

Королева с интересом посмотрела на Джейса, по-птичьему склонив голову набок.

– Кровный долг? – пробормотала она. – Перед примитивным?

– Он спас мне жизнь, – сказал Джейс.

Клэри спинным мозгом почувствовала, как Саймон застыл от изумления. Только бы он не выдал себя! Джейс сказал, что фейри не могут лгать, да и сам он сейчас говорил правду. Саймон действительно спас ему жизнь, но взяли его с собой вовсе не из-за кровного долга... Теперь она начала понимать, что Джейс называл искусно сервированной правдой.

– Я надеюсь, вы простите нам эту дерзость, миледи. Я слышал, что вы столь же добры, сколь и прекрасны. Если молва не лжет, ваше милосердие, должно быть, поистине не знает границ.

Усмехнувшись, королева наклонилась вперед; сияющие волосы заструились, обрамляя лицо.

– А ты умеешь льстить так лее искусно, как и твой отец, Джонатан Моргенштерн, – промурлыкала она и указала на разбросанные по полу подушки. – Ну что ж, сядьте рядом со мной. Отведайте чего-нибудь, выпейте, отдохните.

Неожиданное предложение смутило Джейса, и на секунду он утратил свое напускное спокойствие. Мелиорн наклонился к нему и шепотом предостерег:

– Не стоит пренебрегать милостью королевы Летнего двора.

Изабель быстро взглянула на него и пожала плечами:

– Я думаю, если мы присядем, ничего ужасного не случится.

Мелиорн подвел гостей к шелковым подушкам рядом с ложем королевы. Клэри осторожно присела, почти ожидая, что в подушке окажется какой-нибудь острый корень. От дивного народа вполне можно было ожидать подобной шутки.

Пикси с голубоватой кожей поднесла на подносе четыре серебряных кубка, наполненных золотистой жидкостью с плавающими на ее поверхности розовыми лепестками.

Саймон немедленно поставил свой кубок на пол.

– Не хочешь попробовать? – спросила пикси.

– В прошлый раз напиток фей не пошел мне на пользу, – пробормотал Саймон.

Его голос прозвучал в ушах Клэри как будто издалека. От напитка поднимался головокружительный, дурманящий аромат, насыщенный, как благоухание розового сада, только еще более пьянящий. Она взяла из кубка лепесток и раздавила в пальцах. Аромат сделался гуще.

Джейс пихнул ее в бок и еле слышно процедил:

– Не вздумай пить!

– Но я...

– Я сказал, не пей.

Клэри послушно поставила кубок на пол. Раздавленный лепесток оставил на пальцах розовый след.

– Вы утверждали, что вам известно, кто убил фею в парке прошлой ночью, – произнесла королева. – Так сообщил мне Мелиорн. Однако едва ли я услышу от вас что-то, о чем не знаю сама. Тело бедняжки было обескровлено. Хотите сообщить мне имя вампира, который сделал это? Ни к чему. Виновно все их племя. Они нарушили Завет и должны понести наказание.

– Да бросьте вы, – не выдержала Изабель. – Вампиры тут ни при чем.

Джейс бросил на нее испепеляющий взгляд и продолжил обходительным тоном:

– Изабель хочет сказать, что мы почти уверены: убийца не вампир. Он намеренно пытался бросить тень на вампиров, чтобы отвести подозрения от себя.

– У вас есть доказательства?

— Помимо феи вчера убили всех Безмолвных братьев, и ни одно из тел не было обескровлено.

Джейс говорил спокойно, но, касаясь его плечом, Клэри чувствовала, что он напряжен, как сжатая пружина.

— И при чем здесь наше погибшее дитя? Смерть нефилимов важна для их собратьев, мне же до нее нет никакого дела.

Палец Клэри вдруг пронзила резкая боль. Она опустила глаза и увидела удирающего от нее по полу крошечного эльфа. На укушенном пальце выступила капля крови. Морщась, Клэри сунула палец в рот, удивляясь тому, какие острые зубы у этих миленьких эльфов.

— Был украден Мэллертах, — сказал Джейс. — Вы ведь знаете о Мече Душ:

— Меч, который заставляет нефилимов говорить правду, — ответила королева с недоброй улыбкой. — Для нас этот предмет не имеет никакой ценности.

— Меч украл Валентин Моргенштерн, — произнес Джейс. — Для этого он убил Безмолвных братьев. Мы считаем, что фею убил тоже он. Ему нужна кровь фейри, чтобы провести ритуал обращения меча.

— И на этом он не остановится, — добавила Изабель. — Ему потребуется еще кровь.

— Кровь фейри? — уточнила королева, вскинув брови.

— Нет, — ответил Джейс, бросив на Изабель предостерегающий взгляд. — Кровь нежити.оборотня и вампира.

В глазах королевы отразились болотные огоньки.

— В таком случае, нас это не касается.

— Он убил одну из вас! — воскликнула Изабель. — Вы не хотите отомстить?

Королева скользнула по ней мимолетным взглядом:

— Мы не торопимся. Мы очень терпеливый народ, ведь время нас не поджимает. Валентин Моргенштерн — давний враг, но у нас есть враги и более древние. Мы вполне можем подождать.

— Он призывает на свою сторону демонов, — сказал Джейс. — Создает армию.

Придворные зашущукались, а королева произнесла безмятежно:

— А разве демоны — не твоя забота, нефилим? Разве уничтожать их не твоя прямая обязанность? Разве не на этом основаны все ваши привилегии?

— Я здесь не за тем, чтобы раздавать приказы Конклава. Мы надеялись, что, узнав правду, вы захотите помочь нам, потому и пришли.

— В самом деле? — переспросила королева, склонив голову, и ее волосы вновь заструились, как живые. — Запомни, нефилим, среди нас есть те, кому надоело терпеть над собой власть Конклава. Надоело воевать за вас.

— Это не только наша война, — ответил Джейс. — Валентин ненавидит нежить еще больше, чем демонов. Уничтожив Конклав, он возьмется за вас. И когда это произойдет, я хочу, чтобы вы вспомнили: вас предупреждал об этом Сумеречный охотник.

Королева смотрела на него не мигая. Повисло гробовое молчание, даже придворные перестали шушукаться, внимательно следя за своей госпожой. Наконец королева откинулась на подушки и отпила из серебряного кубка.

— Выдаешь мне замыслы своего отца, — промолвила она. — А я-то думала, смертным не чужда сыновья любовь...

Джейс молчал, явно не зная, что сказать.

— Или, напротив, это ловкая попытка меня обмануть, — с улыбкой продолжала королева. — И враждебность по отношению к отцу — лишь маска. Известно, что любовь делает из смертных лжецов.

— Мы не любим своего отца, — сказала Клэри, напуганная молчанием Джейса.
— Мы его ненавидим.

— Неужели? — скужающим голосом переспросила королева.

К Джейсу наконец вернулся дар речи.

— Вы знаете, каковы бывают родственные узы, миледи. Они цепляют крепко, как побеги плюща. И так же, как плющ, могут удушить.

— И ты готов предать отца ради Конклава? — спросила королева, взмахнув ресницами.

— Да, миледи.

Королева звонко расхохоталась, ее смех напоминал звяканье ледяных сосул.

— Кто бы мог подумать, что однажды эксперименты Валентина обратятся против него самого!

Клэри с удивлением покосилась на Джейса, однако на его лице отразилось такое же замешательство — он явно не понимал, на что намекает королева.

— Какие эксперименты? — спросила Изабель.

Королева не удостоила ее взглядом, сияющие голубые глаза пристально смотрели на Джейса.

— Дивный народ любит секреты — как свои, так и чужие. Когда вновь встретишь отца, Джонатан, спроси его, чья кровь течет в твоих жилах.

– Я не собирался спрашивать его ни о чем, миледи. Но если таково ваше желание, я задам ему этот вопрос.

Королева улыбнулась одними губами:

– Ты лжец, Джонатан. Очаровательный лжец. Столь очаровательный, что я готова пообещать тебе: спроси об этом своего отца, и я всеми силами помогу тебе в войне против Валентина, если таковая будет объявлена.

Джейс улыбнулся:

– Ваша щедрость, миледи, не уступает вашей красоте.

Клэри подумала, что тут уж Джейс перегнул палку, но королева внимала лести с довольной улыбкой.

Джейс встал:

– А теперь разрешите откланяться.

Все последовали его примеру. Изабель немедленно упорхнула в сторонку к Мелиорну и что-то ему зашебетала. Вид у фея при этом был весьма загнанный.

– К сожалению, кое-кому из вас придется остаться, – произнесла королева.

Джейс замер:

– Остаться?

– Стоит смертному вкусить яства фей, и смертный останется в нашей власти.
– Королева кивнула на Клэри. – Тебе это прекрасно известно, нефилим.

– Я не выпила ни капли! – воскликнула Клэри. – Она лжет!

– Феи не лгут, – с зарождающимся беспокойством сказал Джейс. – Боюсь, вы ошиблись, миледи.

– Она облизала пальцы.

– Я слизнула кровь, – пожала плечами Клэри. – Меня укусил маленький эльф.

Она вспомнила о розовом лепестке, раздавленном между пальцев... и в панике попыталась рвануться к выходу, однако не смогла сделать ни шага, как будто невидимая рука удерживала ее на месте.

– Это правда, – прошептала Клэри, с ужасом глядя на Джейса. – Я не могу уйти.

Юноша смертельно побледнел.

– Мне стоило ожидать подобной подлости, – резко сказал он, отбросив вкрадчивую учтивость. – Что вам от нас надо?

— Всего лишь удовлетворить свое любопытство. — Голос королевы был мягок, как мохнатые лапки паука. — Нечасто в Летний двор заглядывают нефилимы. А ведь вы, так же как и феи, ведете свой род от ангелов. Это так интересно..

— В отличие от фей, в нас нет частицы ада, — отпарировал Джейс.

— Вы смертны, — пренебрежительно ответствовала королева. — Вы стареете и умираете. Если это не ад, то что же?

— От меня никакой пользы, — вмешалась Клэри. Все происходящее было так ужасно, а укушенный палец так ныл, что хотелось разреветься. — Я сама почти ничего не знаю, я даже не прошла обучение. Вам нужен кто-то другой.

Впервые за все время королева взглянула прямо на Клэри, да так, что та отшатнулась.

— На самом деле, Кларисса Моргенштерн, мне нужна именно ты. Отец многое изменил в тебе, и ты и отличаешься от прочих нефилимов. Твои дары иные.

— Мои дары?

— Твой дар — дар слов непроизносимых, — промолвила королева, — а брату достался иной дар. Ваш отец позаботился о том, чтобы Джейс получил его во младенчестве, а ты — в утробе матери.

— Я ничего не получила от отца, — ответила Клэри. — Даже имени.

Джейс явно был ошеломлен словами королевы не меньше Клэри.

— Феи никогда не лгут, — сказал он, — но их самих можно обмануть. Божь, вы стали жертвой какой-то шутки, миледи. Ни во мне, ни в моей сестре нет совершенно ничего особенного.

— Ловко ты пытаешься принизить силу своего обаяния, — усмехнулась королева. — Ты отлично знаешь, как отличаешься от прочих смертных, Джонатан. Не можешь этого не знать.

— Точно я знаю одно: сестру я вам не отдам, — отрезал Джейс и продолжил с холодной вежливостью: — Для изучения нефилимов мы все равно бесполезны.. сделайте одолжение, отпустите ее.

Теперь, когда вы наигрались, добавили его глаза. Королева улыбнулась — широко и жутко.

— Предположим, я освобожу Клариссу — в обмен на поцелуй.

— Хотите, чтобы Джейс поцеловал вас? — изумленно переспросила Клэри.

Королева разразилась хохотом, к которому немедленно присоединились ее придворные. Жуткая, потусторонняя смесь уханья, гоготанья и повизгивания напоминала звуки, издаваемые страдающим животным.

— Твой брат очень мил, но мне нужен другой поцелуй, — сказала королева, отсмеявшись.

Смертные переглянулись в замешательстве.

— Я могу поцеловать Мелиорна, — предложила Изабель.

— Нет.

Мелиорн сделал шаг в сторону, а Изабель оглядела своих спутников и заявила:

— Никого из вас я целовать не буду, говорю сразу.

— И не надо, — сказал Саймон, подойдя к Клэри и взяв ее за плечи. — Раз нужен просто поцелуй..

Клэри замерла, борясь с желанием оттолкнуть его. Конечно, она уже целовалась с Саймоном, однако совсем при других обстоятельствах. И все же поцелуй Саймона стал бы самым логичным решением задачи, которую поставила перед ними королева. Сама того не желая, Клэри посмотрела на Джейса — он сделался мрачным как туча.

— Нет, — прозвенел хрустальный голос королевы. — Я хочу видеть другой поцелуй.

Изабель закатила глаза:

— Да что же вам, Ангела ради, нужно?! Если иначе никак нельзя, я могу поцеловать Саймона. В конце концов, ничего страшного в прошлый раз не случилось...

— Спасибо, — сказал Саймон, — весьма польщен.

— Увы, я не готова отдать Клариссу за этот поцелуй, — притворно вздохнула королева.

На ее лице отражался восторг — словно возможность поставить всех в неловкое положение прельщала ее гораздо больше самого поцелуя.

— Так чего вы хотите? Чтобы я поцеловал примитивного? — съязвил Джейс. — Вынужден вам отказать. Лучше останусь гнить здесь навечно.

— Навечно? — пробормотал Саймон. — Вечность — это ужасно долго...

— Ага, — Джейс вскинул брови, — ты хочешь, чтобы я тебя поцеловал, примитивный? Видно, правду говорят, в окопах не бывает натуралов.

— В окопах не бывает атеистов, идиот, — свирепо ответил Саймон.

— Все это очень забавно, — холодно произнесла королева, — но придется дать вам подсказку. — Выражение ее лица стало еще более жестоким, каждое ее слово пронзало уши Клэри, как раскаленная игла. — Девушку освободит поцелуй, которого она желает больше всего на свете. Только это — и более ничто.

Саймон застыл, словно ему только что вlepили пощечину. Клэри хотела потянуться и взять его за руку, но страх приковал ее к месту.

— Зачем вы это делаете? — требовательно спросил Джейс.

— Вообще-то, я думала, что предлагаю тебе награду, — ответила королева.

Джейс покраснел, стараясь не смотреть на Клэри.

— Нелепо! — воскликнул Саймон. — Они же брат и сестра!

— Желание не всегда можно убить отвращением, — промолвила королева, изящно пожав плечами. — Так же, как нельзя заставить себя желать того, кто больше этого заслуживает. Мою магию не обманешь: Клариссу освободит лишь тот поцелуй, которого она действительно желает.

Саймон бросил в ответ что-то очень злобное, но Клэри не слышала его — в ушах стоял шум, как если бы в голове гудел целый рой разъяренных пчел.

Саймон в ярости развернулся к ней:

— Не надо, Клэри! Это какая-то ловушка!

— Это не ловушка, — сказал Джейс. — Это испытание.

— Не знаю, как ты, Саймон, — вмешалась Изабель, — а я хочу, чтобы Клэри вышла отсюда вместе с нами.

— Ты бы поцеловала Алека, если бы так велела королева фейри? — спросил Саймон.

— Ну конечно, — нетерпеливо ответила Изабель. — Если бы мне грозило остаться в Летнем дворе навечно... Всего лишь поцелуй! Тоже мне, проблема!

— Ты права, — сказал Джейс. Опустив глаза, Клэри видела сквозь ресницы, как он подходит к ней, берет за плечи и разворачивает лицом к себе. — Всего лишь поцелуй.

Его голос звучал резко, но прикосновение рук было невыразимо нежным. Клэри подняла взгляд. Глаза у Джейса потемнели — может, просто от того, что в зале царил полумрак. В его расширенных зрачках она увидела свое отражение, миниатюрную копию себя. — Закрой глаза и думай об Англии, если хочешь.

— Я никогда не была в Англии, — ответила Клэри, послушно смежив веки.

Она чувствовала, как мокрая одежда холодит и раздражает кожу, вдыхала неприятно-сладкий воздух пещеры, и единственное тепло исходило от горячих ладоней Джейса на плечах. А потом он поцеловал ее.

Сначала прикосновение его губ было легким, и Клэри почти против своей воли вдруг сделалась податливой и покорной. Она прильнула к груди Джейса, обвила его шею руками, встав на цыпочки, потянулась к нему всем телом, как подсолнух тянется к свету.

Руки Джейса сомкнулись вокруг нее, пальцы запутались в волосах, и в один краткий миг поцелуй превратился из нежного в яростный – так маленькая искра в одно мгновение вспыхивает жарким пламенем. Приближенные королевы вздохнули в один голос, но Клэри этого не услышала – вздох потерялся в стуке крови в висках. Тело стало невесомым, голова закружилась.

Ладони Джейса скользнули вниз, к лопаткам; он крепко прижал ее к груди – а потом отпустил, мягко отстраняясь, снял ее руки со своей шеи и отступил назад. Клэри испугалась, что сейчас она упадет как подкошенная, лишившись опоры, как будто от нее оторвали часть тела. Она смотрела на Джейса, пытаясь понять, что он чувствует. Ему все равно? Если ему все равно, то она этого просто не вынесет.

Джейс встретился с ней взглядом, и в его глазах Клэри увидела то же выражение, что и тогда, в приюте Ренвика, когда портал, отделявший юношу от родного дома, рассыпался на тысячи осколков.

Через мгновение Джейс отвел взгляд и сжал кулаки.

– Довольны зрелищем? – обратился он к королеве.

Королева улыбалась, прикрыв ладошкой рот.

– О да, очень довольны. Хотя, сдается мне, участники представления получили больше удовольствия, чем зрители.

– Полагаю, вы так любите играть с чувствами смертных, потому что лишены своих собственных, – сказал Джейс, и улыбка сползла с лица королевы.

– Полегче, Джейс, – шепнула Изабель. – Клэри, теперь тебя ничего не держит?

Невидимые узы и в самом деле исчезли. Она подошла к зеленому занавесу и обернулась. Саймон смотрел на нее так, словно никогда раньше не видел.

– Надо идти, – сказала Клэри. – Пока не поздно.

– Уже слишком поздно, – ответил он.

Мелиорн вывел их из Летнего двора обратно в Центральный парк, за всю дорогу не произнес ни слова. Вид у него был весьма недовольный. Как только они снова оказались в Черепашьем пруду, он развернулся и исчез в лунном отражении, даже не попрощавшись с Изабель, отчего та пришла в ярость:

– Ну все, может считать, что получил отставку!

Джейс усмехнулся и поднял воротник промокшей куртки. Все дрожали. Ночной ветер нес запахи земли, травы и города, Клэри даже почудился в воздухе вкус железа. Примыкающие к парку здания сияли яркими неоновыми огнями, их отблески мерцали в спокойных водах, неслышно ласкающих берег. Отражение

луны убежало на самый край пруда и дрожало там, как будто бы люди его пугали.

— Надо возвращаться, пока мы тут не замерзли насмерть, — сказала Изабель, зябко ежась.

— До Бруклина отсюда ужасно далеко, — подумала вслух Клэри. — Надо взять такси.

— Пойдем лучше в Институт, — предложила Изабель и быстро добавила, встретив взгляд Джейса: — Там никого нет. Все сейчас в Городе костей, ищут улики. Хоть переоденемся во что-нибудь сухое. Институт по-прежнему твой дом, Джейс.

— Ладно, — кивнул Джейс, к явному удивлению Изабель. — Мне все равно надо забрать кое-что из своей комнаты.

— Не знаю, — с сомнением проговорила Клэри. — Мы с Саймоном лучше возьмем такси.

Она хотела поговорить с Саймоном наедине и объяснить ему, что на самом деле все, что случилось в Летнем дворе, было совсем не тем, о чем он подумал. Джейс, который до этого момента сосредоточенно рассматривал наручные часы на предмет попавшей внутрь воды, поднял голову и сказал с прохладцей:

— Твой друг уже ушел.

Клэри резко обернулась. Саймон и правда куда-то делся; они остались на берегу пруда втроем. Клэри взбежала на холм и увидела высокую фигуру, решительно шагающую по бетонной дорожке к выходу из парка.

— Саймон! — крикнула она, но он даже не обернулся.

9

И смерть свою утратит власть

Изабель оказалась права — в Институте был только Макс. Он спал в прихожей, неуклюже скорчившись на красной кушетке. Очки съехали набок, упавшая книга валялась на полу. Клэри с нежностью подумала, что Макс очень похож на Саймона в детстве — те же очки, неловкость и оттопыренные уши.

— Макс как котенок — способен заснуть где угодно, — произнес Джейс с неожиданным теплом, бережно снял очки с носа Макса и положил на стоящий рядом столик.

– Не трогай его очки – перемажешь, – сварливо сказала Изабель, снимая мокрый плащ. Ее платье липло к телу, кожаный пояс, за который был заткнут хлыст, потемнел от воды. – Похоже, я простудилась. Надо бы принять горячий душ.

Джейс посмотрел ей вслед с чем-то вроде невольного восхищения:

– Иногда она напоминает мне героиню детского стишка. Ну, знаешь, про Изабель, которая съела медведя. «Не испугалась, не завопила...»

– А что, тебе приходилось пугаться и вопить?

– Не без того, – сказал Джейс, стягивая с плеч мокрую куртку. – Кстати, горячий душ – прекрасная идея.

– Мне не во что переодеться. А ты иди, я тебя подожду, – ответила Клэри, вдруг почувствовав острую необходимость остаться одной хоть на пару минут, позвонить Саймону, убедиться, что все в порядке.

– Ерунда, я дам тебе футболку.

Его джинсы потяжелели от воды, сползли и висели на самых косточках, обнажая полоску покрытой рунами кожи. Клэри поспешно отвернулась:

– Не надо.

– Пошли, – твердо сказал Джейс. – Я все равно должен кое-что тебе показать.

Идя за ним по коридору, Клэри тайком посмотрела на экран телефона. Саймон не звонил. Грудь как будто сковал лед. Клэри не ссорилась с Саймоном много лет подряд, а в последние две недели он то и дело на нее злился.

В аккуратной, как монашеская келья, комнате Джейса не было ничего, что могло бы рассказать о хозяине: ни плакатов на стенах, ни книг на прикроватном столике, кровать застелена простым белым покрывалом.

Джейс выудил из шкафа аккуратно сложенную синюю футболку с длинными рукавами и бросил ее Клэри:

– Села после стирки... хотя все равно, наверное, будет велика... Я иду в душ. Крикни, если что понадобится.

Клэри кивнула, прижимая к груди футболку, как щит. Джейс хотел было что-то еще сказать, но передумал и скрылся в ванной, захлопнув дверь. Клэри опустилась на кровать, вытащила из кармана телефон и набрала номер Саймона. После нескольких гудков включилась голосовая почта: «Привет, это Саймон. Либо я забыл где-то телефон, либо не хочу с вами говорить. Оставьте сообщение, и...»

– Что ты делаешь? – раздался голос у нее за спиной.

В открытых дверях ванной стоял Джейс. За его спиной клубился пар и шумела вода. Джейс был уже без рубашки и босиком, промокшие джинсы сползли с пояса, и прямо над их краем на коже виднелись резкие вмятины, оставленные ремнем.

Клэри захлопнула телефон и уронила его на кровать:

— Ничего. Смотрю, который час.

— На тумбочке стоят часы, — сказал Джейс. — А ты звонила своему примитивному.

— Его зовут Саймон, — поправила Клэри. — И мне не нравится, что ты все время к нему цепляешься. Он не раз выручал тебя.

Джейс смотрел на нее с глубокомысленным видом. Ванная комната быстро заполнялась густыми клубами пара, и от этого его волосы курчавились еще сильнее.

— Тебя мучает чувство вины, потому что он ушел, не попрощавшись. На твоём месте я бы не звонил. Он все равно не возьмет трубку.

— Тебе откуда знать? — отгрызнулась Клэри, не сдерживая раздражения.

— Я видел, с какой физиономией он развернулся. Ты не видела, потому что на него даже не посмотрела. А я посмотрел.

Клэри отбросила с лица все еще влажные волосы. Кожа чесалась от промокшей одежды, и от нее наверняка воняло тинной. Перед глазами стояло лицо Саймона, когда он смотрел на нее в Летнем дворе чуть ли не с ненавистью.

— Это все ты виноват, — выпалила она с закипающим гневом. — Не надо было целовать меня вот так!

Джейс, подпиривший дверной косяк, резко выпрямился:

— А как надо было тебя целовать? Есть конкретные пожелания?

— Нет. — Руки у Клэри дрожали, пришлось крепко сцепить их в замок. Пальцы замерзли, как ледышки, кожа на них сморщилась от воды. — Я вообще не хочу, чтобы ты меня целовал.

— Мне показалось, что в той ситуации выбора у нас не оставалось.

— Вот этого я и не могу понять! — взорвалась Клэри. — Зачем она это сделала?! Зачем королева заставила нас целоваться? Ей-то что за радость?!

— Ты прекрасно слышала: она хотела наградить меня.

— Неправда.

— Сколько раз тебе повторять? Феи никогда не лгут.

Клэри вспомнила, что сказал Джейс в доме Магнуса. Они всегда знают, чего ты хочешь больше всего на свете, и могут подарить тебе желаемое, но с таким бедою в довесок, что ты проклянешь тот день, когда дал мечтам волю.

— Значит, она ошиблась.

— Она не ошиблась, — произнес Джейс с горечью. — Она видела, как я смотрю на тебя, как смотрит на тебя Саймон, как ты смотришь на меня. Мы для нее инструменты, и она сыграла то, что ей в тот момент захотелось.

— Я не смотрю на тебя, — прошептала Клэри.

— Что?

— Я не смотрю на тебя, — повторила Клэри и разжала стиснутые пальцы. По ним пошли красные пятна. — По крайней мере, стараюсь не смотреть.

Джейс сузил глаза, из под ресниц блеснуло золото. Клэри вспомнила, как впервые увидела его и подумала, что он похож на льва — смертельно опасного золотого зверя.

— Почему?

— Сам-то как думаешь? — почти беззвучно произнесла Клэри.

— Тогда какого черта? — Голос Джейса дрогнул. — Зачем вся эта история с Саймоном? Зачем ты отталкиваешь меня?

— Потому что это невозможно! — Против ее воли слова прозвучали надрывно. — Сам прекрасно понимаешь.

— Потому что ты моя сестра, — сказал Джейс, и Клэри молча кивнула. — И ты, значит, решила, что старый друг Саймон поможет тебе отвлечься?

— Вовсе нет, — запротестовала Клэри. — Я люблю Саймона.

— Люка ты тоже любишь, — отмахнулся Джейс. — И маму.

— Саймона я люблю по-другому, — резко и холодно ответила Клэри. — Не надо рассказывать мне, что я чувствую.

— Я тебе не верю.

Клэри встала. Не в силах встретиться с ним взглядом, она стала смотреть на тонкий шрам на плече Джейса, похожий на звезду. Память о старой ране. Ходж когда-то сказал, что жизнь Сумеречного Охотника — сплошь шрамы и убийства, и Клэри нет в ней места.

— Зачем ты это делаешь?

— Потому что ты лжешь. — Глаза Джейса горели, а руки в карманах были сжаты в кулаки. — Ты лжешь не только мне, но и себе самой.

Что-то внутри Клэри треснуло и сломалось, слова сами сорвались с языка.

— А ты хочешь слышать правду? Что я люблю Саймона так, как должна любить тебя? Что мечтаю, чтобы он был моим братом, а ты — не был?! С этим ничего нельзя поделать! Или у тебя есть какие-то идеи, раз ты такой умный?!

Джейс со свистом втянул в себя воздух. По его лицу Клэри поняла, что такого он услышать никак не ожидал.

— Прости, Джейс. Я не хотела...

— Нет. Не надо, не извиняйся!

Он шагнул к ней, едва не оступившись на ровном месте — Джейс, который никогда не спотыкался, не допускал ни одного неверного движения! Он поднял руку, желая погладить Клэри по щеке, и замер в миллиметре от лица. Она чувствовала тепло, исходящее от его пальцев, понимала, что надо отстраниться... и не могла себя заставить.

— Ты не понимаешь. — Голос Джейса дрогнул. — Я никого никогда так... Я думал, что не могу... что неспособен... Меня воспитал отец...

— Любовь — это уничтожение, — глухо сказала Клэри. — Я помню.

— Я думал, что в моем сердце любви быть не может, — произнес Джейс так, будто сам не ожидал услышать от себя эти слова. — Никогда. Но ты...

— Не надо. — Клэри накрыла его ладонь своей, сплетя пальцы. — Это бессмысленно.

— Неправда! — с отчаянием воскликнул он. — Если мы оба чувствуем...

— Неважно, что мы чувствуем, — перебила его Клэри. Собственный голос звенел в ушах как чужой. — Мы не можем быть вместе. Куда мы уйдем, как будем жить?

— Будем держать все в тайне.

— Все равно рано или поздно все узнают. Я не хочу лгать своей семье. А ты хочешь?

— Какой еще семье? — горько усмехнулся Джейс. — Лайтвуды меня ненавидят.

— Неправда. И я не смогу рассказать Люку. И маме! Что она скажет, когда очнется?! Всем, кого мы любим, наши чувства будут внушать отвращение...

— Отвращение?! — Джейс отпрянул от нее, словно она его оттолкнула. — Вот, значит, что ты об этом думаешь!

Клэри не осмелилась поднять на него глаза.

— Может быть, — прошептала она. — Я не знаю.

— Так бы и говорила.

– Джейс!

Но он уже снова закрылся, спрятался за маской холодной небрежности. Невозможно было поверить, что только что он смотрел на нее совсем иначе.

– Забудь мои слова, – произнес Джейс ледяным тоном. – Больше я никогда не поцелую тебя, можешь не сомневаться.

Сердце у Клэри болезненно сжалось. Джейс отошел от нее, взял с комода полотенце и направился в ванную.

– Куда ты?

– В душ, ясное дело. И если сейчас окажется, что из-за тебя я впустую вылил всю горячую воду, я очень разозлюсь. – Джейс пинком захлопнул за собой дверь.

Клэри без сил рухнула на кровать и тоскливо уставилась в потолок. Из-под спины высовывался синий рукав футболки Джейса. Клэри перевернулась и вытащила футболку – она даже пахла совсем как Джейс: мылом, дымом и запекшейся кровью. Клэри прижала ее к груди, свернулась калачиком и закрыла глаза.

Во сне она видела под собой зеркальную гладь озера, в которой, мерцая, отражались звезды. Вода была и правда твердой, как зеркало, и легко выдерживала ее вес. Клэри шла, вдыхая запахи мокрой листвы и города, сверкавшего огнями на горизонте. Из-под ног разбегались тонкие трещины и брызгали в стороны мелкие стеклянные осколки.

В небе появилось какое-то свечение, тут и там возникали яркие сполохи, как горящие спичечные головки. Сверху дождем посыпались горящие угли, и Клэри в ужасе съежилась, закрывая голову руками. Пламенеющий уголь упал прямо перед ней и, едва коснувшись земли, превратился в Джейса. Он весь горел золотым светом – глаза, кудри и распахнутые белые крылья с густым оперением. Джейс улыбнулся по-кошачьи и указал на что-то за ее спиной.

Клэри обернулась и увидела темноволосого юношу, очень похожего на Саймона. Он тоже был крылат, только перья чернели, как ночная тьма, и кончик каждого из них обаграла кровь...

Вскрикнув, Клэри проснулась и уставилась в темноту. Скучный свет падал из узкого окна у кровати. Она села, все еще сжимая в руках футболку. Голова налилась тяжестью, и ужасно болела шея. Клэри оглянулась и вздрогнула, увидев две яркие искры, похожие на кошачьи глаза.

В кресле у окна сидел Джейс – в джинсах, сером свитере и с уже почти просохшими волосами. В руках он держал какой-то предмет, поблескивающий металлическим блеском. Оружие? Но от кого ему защищаться в Институте?

– Как спалось?

— Почему ты меня не разбудил? — После сна голос звучал хрипло.

— Подумал, что тебе не помешает отдохнуть. Тем более что спала ты как убитая, — сказал Джейс и добавил ехидно: — Даже слюней напустила. Прямо на мою футболку.

Клэри вспыхнула:

— Извини.

— Дрыхла разинув рот, — продолжал Джейс. — Неподражаемое зрелище.

— Хватит уже! — Клэри нашарила в складках покрывала телефон и с надеждой посмотрела на экран, хотя знала, что там увидит. Ни одного сообщения и пропущенного вызова. — Три часа ночи, — констатировала она с тревогой. — Думаешь, с Саймоном все в порядке?

— Я думаю, у него не все в порядке с головой. Причем в любое время суток.

Клэри засунула телефон в карман и направилась в ванную:

— Пойду переоденусь.

Белоснежная ванная комната Джейса была не больше, чем у Изабель, и содержалась в идеальном порядке. Клэри сняла мокрую футболку, умылась и провела расческой по волосам, которые от влажности пошли буйными кудрями. Футболка Джейса висела мешком, но материя оказалась очень мягкой и приятной на ощупь. Клэри закатала рукава и вышла из ванной.

Джейс сидел в том же положении, мрачно уставившись на блестящий предмет в руках. Она подошла и заглянула ему через плечо, опершись на спинку кресла:

— Что это?

Вместо ответа Джейс поднял предмет — зазубренный осколок зеркала, однако вместо собственного отражения Клэри увидела в нем зеленую траву, голубое небо и голые ветви деревьев.

— Осколок портала! — догадалась девушка. — Не знала, что ты его хранишь.

— За ним я сюда и пришел, — произнес Джейс с тоской в голосе. — Все думаю, что однажды увижу в отражении отца. Может, пойму, что он замышляет.

— Разве Валентин в Идрисе? Я думала, он где-то здесь, в городе.

Джейс покачал головой:

— Магнус считает, что в городе его нет.

— Он следит за Валентином? Но как?

— Магнус получил статус верховного мага не за красивые глаза — мощь его чар простирается за пределы города. И он чувствует, что происходит на его земле.

Клэри фыркнула:

— Ощущает волнения в Силе?

Джейс резко повернулся к ней, нахмурившись:

— Я не шучу. Магнус начал расследование после того, как в районе Трайбека был убит маг. Когда я оказался в его доме, он попросил у меня что-нибудь, что принадлежало отцу, и я отдал ему кольцо Моргенштернов. Обещал сообщить мне, как только Валентин объявится, но пока никаких признаков его появления нет.

— Может, ему просто кольцо понравилось? — предположила Клэри. — Магнус любит украшения.

— Пусть забирает, не жалко. Для меня оно ничего не значит. — Джейс стиснул осколок, и Клэри с испугом заметила, что острые края рассекли ему ладони.

Она отобрала окровавленный осколок и засунула его в карман куртки Джейса, висевшей на крючке.

— Пойдем, надо возвращаться к Магнусу, — сказала она как можно мягче. — Алек там уже давно...

— Не думаю, что ему там надоело, — сказал Джейс, но все же послушно поднялся на ноги, достал стило и вывел на руке исцеляющую руну. — Хотел задать тебе один вопрос... Когда ты вышибла дверь моей камеры в Городе молчания, как тебе это удалось? Что ты сделала?

— Просто начертила открывающую руну, самую обыкновенную...

Ее прервал резкий оглушительный звонок. Клэри машинально полезла в карман, прежде чем сообразила, что это не телефон.

— В дверь звонят, — сказал Джейс, снимая куртку с крючка. — Пошли.

На полпути к лифту они столкнулись с сонной Изабель, выскочившей из своей комнаты. На ней были банный халат и сдвинутая на лоб розовая маска для сна.

— Три часа ночи! Кто может звонить в дверь в три часа ночи?! — возмущенно возопила она так, будто все это подстроили Джейс и Клэри.

— А вдруг Инквизитор? — предположила Клэри, похолодев.

— Она бы просто вошла, как и любой другой нефилим, — сказал Джейс. — Институт закрыт лишь для нежити и примитивных.

У Клэри замерло сердце.

— Саймон! — воскликнула она. — Наверняка он!

— Неужели решил перебудить всех посреди ночи, чтобы признаться тебе в любви? — Изабель зевнула. — Не мог просто позвонить? Ох уж эти мне примитивные мужчины!

В прихожей было пусто — Макс уже перебрался в постель. Изабель повернула рычаг на стене, и внутри собора зарокотало — к ним поднимался лифт.

— Бедняге не хватило ума и самоуважения просто пойти надраться и заснуть в канаве, — сказал Джейс. — Я разочарован.

Клэри едва его слышала. От нарастающего страха кровь в жилах превратилась в кисель. Перед глазами возникли картины из сна: ангелы, лед, Саймон с окровавленными крыльями... Ее начала бить дрожь. Изабель посмотрела на Клэри с сочувствием, сняла с вешалки синий бархатный плащ и протянула ей:

— Надень, тут холодно.

Клэри закуталась в плащ — он был ей велик, зато сразу стало теплее. Отделанный атласом капюшон она откинула, чтобы не мешал смотреть.

Джейс открыл двери лифта. Клэри встретилась взглядом со своим отражением в зеркальной стене — бледным и перепуганным — и поспешно вошла в кабину.

— Эй, а ты куда? — вдруг спохватилась Изабель. — Никто не должен знать, что вы в Институте!

— Там Саймон, — объяснила Клэри. — Я знаю, что это он.

— А если...

— Заходи уже, — перебил ее Джейс, шагнув в лифт и придерживая дверь.

Изабель раздраженно вздохнула и послушалась. Вниз они ехали в молчании. Клэри пыталась поймать взгляд Джейса, но он намеренно не смотрел в ее сторону и что-то еле слышно насвистывал. Клэри вспомнила легкую дрожь его рук, когда он обнимал ее в Летнем дворе; перед глазами немедленно возникло лицо Саймона и то, как он почти бежал от нее по парку, исчезая в тенях. Ее не оставляло необъяснимое предчувствие надвигающейся беды.

Клэри первой выскочила из лифта в полумрак храма, освещенного пляшущими огоньками свечей, и чуть ли не со всех ног побежала по проходу между скамьями. Споткнувшись о подол плаща, нетерпеливо подобрала его повыше и метнулась к огромным двойным дверям. Изнутри они запирались на несколько бронзовых засовов толщиной с руку. Снова раздался звонок. Клэри уже открывала самый верхний засов. Изабель что-то прошептала Джейсу. Металлический брус поддавался с трудом, Клэри тащила изо всех сил, и вдруг на ее руку легла ладонь Джейса. Засов наконец отошел в сторону, и тяжелые ворота распахнулись.

В храм, гася свечи, ворвался ночной ветер, несущий запах города — соли, дыма, остывающего бетона и мусора. Но к этим знакомым запахам

примешивалось что-то еще. Привкус меди. Так пахнет новенькая одноцентовая монета.

Сначала Клэри показалось, что на пороге никого нет. Потом из ночных теней возник Рафаэль. Его черные кудри трепал ветер; ворот белой рубашки распахнулся, открывая шрам на горле. Он держал на руках чье-то бездыханное тело. Клэри в ужасе уставилась на него, не видя больше ничего вокруг. Человек на руках вампира был определенно мертв: его руки и ноги безжизненно повисли как плети, голова откинулась назад и на горле зияла чудовищная рана.

Джейс вдруг сжал Клэри за плечи — крепко, как тисками. В ужасе она различила во тьме знакомую вельветовую куртку с рваным рукавом, синюю футболку, залитую кровью, — и закричала.

Крик получился беззвучным. Колени подкосились, и Клэри непременно упала бы, если бы не Джейс.

— Не смотри, — прозвучал над ухом его голос. — Не смотри!

Но Клэри не могла отвести взгляд от запекшейся крови на темных волосах Саймона, от растерзанного горла, от длинных порезов, рассекших запястья. Перед глазами плясали черные точки, и невозможно было вздохнуть.

Первой пришла в себя Изабель: схватила со стены тяжелый пустой подсвечник и направила его трехконечное острие в грудь Рафаэлю.

— Что ты сделал с Саймоном? — спросила она холодным и требовательным тоном, став в эту секунду невероятно похожей на свою мать.

— *El no es muerto*, — бесстрастно ответил Рафаэль. Он легко и неожиданно бережно опустил Саймона наземь, к ногам Клэри. Она совсем забыла о том, какой чудовищной силой обладает вампир, несмотря на свою внешнюю хрупкость.

— Что ты сказал? — прошептала Клэри.

— Он жив. — Джейс сжал ее плечи еще сильнее. — Он жив.

Клэри резко вырвалась из его рук и опустилась на бетонный пол. Просунув руку Саймону под голову, она нежно приподняла ее и уложила к себе на колени. Кровь не внушала ей никакого отвращения; Клэри чувствовала лишь детский ужас. В последний раз она испытывала подобное в пять лет, когда разбила бесценную старинную лампу в маминной комнате. Ничто, безжалостно произнес внутренний голос, ничто теперь не сможет снова склеить эти осколки.

— Саймон, — шепотом позвала она, глядя его по щеке. — Саймон, это я.

— Он тебя не слышит, — произнес Рафаэль. — Он умирает.

Клэри вскинула голову:

— Ты же сказал...

— Я сказал, что он еще жив. Но пройдет несколько минут — может быть, десять, — и его сердце остановится. Уже сейчас ваш друг ничего не видит и не слышит.

— Надо срочно в больницу! — воскликнула Клэри, прижимая голову Саймона к груди. — Или нет, вызвать сюда Магнуса!

— Ты не понимаешь, — произнес вампир. — Ему уже никто не поможет.

— Да, мы не понимаем. — Голос Джейса струился, как шелк по острому лезвию. — Поэтому тебе стоит поскорее нам объяснить. Иначе я приду к выводу, что ты нарушил Завет, кровосос, и тогда придется вырезать тебе сердце. Что мне следовало сделать еще в прошлый раз.

Рафаэль улыбнулся одними губами:

— Ты дал клятву, что не тронешь меня, нефилим. Забыл?

— Зато я такой клятвы не давала, — сказала Изабель, не опуская подсвечник.

Рафаэль даже не посмотрел на нее, его глаза были прикованы к Джейсу.

— Я помню, как вы явились в Джуморт, чтобы спасти этого человека. Поэтому принес его сюда, а не отдал своим. Видите ли, он ворвался к нам без приглашения, и мы имели полное право его прикончить. Но я знал, что это ваш друг, поэтому сохранил ему жизнь. Я не хочу вражды с нефилимами.

— Ворвался? К вам? — недоверчиво переспросила Клэри. — Саймон не способен на подобную глупость!

— Он боялся превратиться в одного из нас. — На лице вампира промелькнула тень улыбки. — И пришел узнать, как остановить процесс превращения. Помните, он укусил меня, пребывая в облике крысы?

— Очень предприимчивый ход, — вставил Джейс. — Я одобрил.

— Возможно. Только при этом ему в рот попала моя кровь. А ведь обращение в вампира происходит именно через кровь.

Клэри вспомнила, как странно отреагировал Саймон на старый фильм про вампиров по телевизору, как морщился от солнца...

— Все эти дни он боялся превратиться в одного из вас! — с ужасом сказала она. — Так боялся, что даже решил вернуться в отель, чтобы все выяснить.

— Бедняга, — ответил Рафаэль. — Эффект от укуса вскоре рассеялся бы, следовало просто подождать. А теперь...

— Что теперь? — резко спросила Изабель. — Теперь он умрет?

– Умрет и восстанет из могилы. Он будет вампиром.

Глаза Изабель в ужасе расширились, острое подсвечника дрогнуло. Джейс выхватил импровизированное оружие из ее опустившихся рук и холодно посмотрел на Рафаэля:

– Ты лжешь.

– Подожди, сам увидишь, – посоветовал Рафаэль. – Он возродится и станет одним из нас, Детей Тьмы. Поэтому я все еще здесь. Саймон теперь мой.

Его голос не выражал никаких эмоций, и можно было только догадываться, какое злорадство на самом деле испытывает вампир от того, что все складывается в его пользу.

– Как этому помешать? Неужели ничего нельзя сделать? – в панике воскликнула Изабель.

Клэри молчала, отстраненно удивляясь тому, что Изабель и Джейс – те, кто вовсе не любит Саймона – задают вопросы и мечутся в поисках решения. Они говорили за нее, потому что сама Клэри не могла вы молвить ни слова.

– Можно, – ответил Рафаэль. – Можно отрезать ему голову и сжечь сердце.

– Нет! – закричала Клэри, крепче прижимая Саймона к груди. – Не смей его трогать!

– Я и не собирался, – сказал Рафаэль.

– Я не тебе. Даже не думай, Джейс! Даже не думай!

В наступившей тишине было слышно только взволнованное дыхание Изабель. Рафаэль же и вовсе не нуждался в дыхании.

Поколебавшись, Джейс спросил:

– Ты думаешь, Саймон хотел бы стать вампиром? Как поступил бы он сам?

Джейс стоял над Клэри, сжимая в руке подсвечник, как трезубец. Ей вдруг представилось, как Джейс хватает Саймона и вонзает трехконечное острие ему в грудь, разбрызгивая фонтаны крови.

– Отойди от нас! – закричала она так громко, что люди, идущие мимо собора, остановились и стали озираться по сторонам.

Джейс побелел как полотно. Золотые глаза на бледном лице горели нечеловеческим сиянием.

– Клэри... Ты же не думаешь, что я...

Саймон вдруг изогнулся в ее руках, хватая ртом воздух, и открыл глаза – невидящие и полные ужаса. Рыдая, Клэри прижала его к себе. Он потянулся к ней рукой – хотел то ли коснуться, то ли вцепиться в лицо, не узнавая ее.

— Это я. Саймон, это я, Клэри. — Она нежно взяла его руку и опустила ему на грудь, сплетя с ним пальцы, скользкие от крови и слез. — Саймон, я люблю тебя.

Его рука судорожно сжалась, из груди вырвался хриплый прерывистый выдох — и вдоха за ним больше не последовало.

Люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя... Слова эхом звучали в ушах Клэри. Безжизненное тело Саймона поникло. Рядом вдруг оказалась Изабель; она что-то говорила, но Клэри на какое-то время утратила способность слышать. В голове стоял гул, похожий на шум прилива, в котором тонули все звуки. Клэри безучастно смотрела, как Изабель пытается разжать ей руки. Странно — неужели она действительно держит Саймона так крепко? Потом Изабель бросила безуспешные попытки, вскочила на ноги и стала яростно кричать на Рафаэля. Где-то посередине ее тирады к Клэри вернулся слух, словно радиоприемник наконец-то поймал волну.

— ...и что теперь прикажешь с ним делать?!

— Похоронить, — ответил Рафаэль.

Джейс снова вскинул подсвечник к его груди:

— Не смешно.

— Я не шучу, — невозмутимо ответил вампир. — Так мы приходим в мир. У человека выпивают кровь, он умирает, и его хоронят. Затем он сам выходит из могилы. Так мы рождаемся.

— Я бы не смогла... — с отвращением пробормотала Изабель.

— Не всем удастся, — согласился Рафаэль. — Если рядом никого нет и некому помочь новорожденному вампиру выбраться из-под земли, он может так и остаться там, как крыса в западне.

Из груди Клэри вырвалось рыдание, похожее на крик боли.

— Я не могу его похоронить!

— Тогда он останется таким, как сейчас, — безжалостно сказал Рафаэль. — Ни живым, ни мертвым, погруженным в вечный сон.

Все посмотрели на Клэри. Изабель и Джейс затаили дыхание, ожидая ее решения. Только Рафаэль хранил равнодушный, почти скучающий вид.

— Ты стоишь на пороге, потому что не можешь войти в Институт? — спросила его Клэри. — Потому что это священная земля, а ты проклят?

— Не совсем так... — начал Джейс, но вампир прервал его резким жестом:

– Имейте в виду, что времени у вас мало. Чем дольше будете медлить с захоронением, тем меньше у вашего друга шансов выбраться из-под земли самостоятельно.

Клэри посмотрела на Саймона. Если бы не раны, можно было подумать, что он просто спит.

– Мы похороним его, – глухо сказала она. – Но только на еврейском кладбище. И я буду там, когда он очнется.

Глаза Рафаэля сверкнули в темноте.

– Предупреждаю, это не самое приятное зрелище.

– В жизни много неприятного. – Клэри вздернула подбородок. – Идем. До рассвета всего несколько часов.

10

Уединенный уголок

Кладбище находилось на окраине Квинса, где вместо многоквартирных зданий выстроились ряды опрятных викторианских домиков, похожих на пряничные. Друзья прошли по широким, практически вымершим улицам, по темной аллее, освещаемой единственным фонарем. Пришлось повозиться, рисуя руны на запертых воротах, а потом еще долго искать место, которое Рафаэль счел достаточно уединенным и спрятанным от посторонних глаз. Наконец такое место нашлось – на вершине небольшого холма, скрытого густой порослью деревьев. Клэри, Изабель и Джейс прибегли к чарам невидимости, но Рафаэля и Саймона спрятать было никак нельзя.

Всю сторону холма, не выходящую на дорогу, покрывали ряды могильных камней со звездой Давида, в лунном свете сияющие молочной белизной. Вдали мерцала подернутая зыбью поверхность озера. Клэри подумала, что это хорошее место. Хорошее место для того, чтобы прийти на могилу к кому-то близкому, возложить цветы и посидеть рядом, предаваясь воспоминаниям. Не для того, чтобы прокрасться сюда под покровом ночи и закопать своего друга в неглубокой могиле.

– Это больно? – спросила она Рафаэля.

Вампир перестал копать и оперся на лопату, как гамлетовский могильщик:

– Что?

– Вампиры причинили Саймону много боли? Он страдал?

– Нет. Пасть жертвой вампира – не худший способ покинуть мир, – негромко произнес Рафаэль. – Укус дурманит. Будто погружаешься в приятный сладкий сон.

У Клэри закружилась голова. Из оцепенения ее вывел окрик.

– Клэри! Иди сюда, незачем тебе на это смотреть.

Джейс протягивал ей руку. Клэри глядела мимо него, на Изабель. Саймона завернули в одеяло, и теперь Изабель стояла над ним с хлыстом в руке, охраняя тело... Клэри яростно одернула себя. Не тело – Саймона!

– Я не уйду. Я буду ждать, когда он очнется.

– Хорошо. Просто пока отойдем в сторону.

Клэри не двинулась с места, тогда Джейс взял ее за безвольную руку и увел на другую сторону холма, к россыпи валунов над верхним рядом могил. Джейс уселся на камень, застегивая куртку. Клэри села рядом и стала смотреть на озеро. За спиной слышались ритмичные удары лопаты. Могилу копал Рафаэль, при его нечеловеческой силе работа шла быстро. Да и яма требовалась неглубокая, Саймон ведь был не таким уж большим...

Клэри сложила пополам, прижав руки к животу:

– Мне нехорошо.

– Я понял, потому и увел тебя. Мне показалось, что тебя сейчас стошнит Рафаэлю под ноги... – Джейс помолчал. – Все его самодовольство сняло бы как рукой.

– Замолчи!

Боль начала отпускать. Клэри подняла голову и посмотрела на небо. В море звезд неспешно плыл серебряный диск луны.

– Это я виновата, – сказала она.

– Нет, не ты.

– Ты прав. Виноваты мы оба!

Джейс повернул к ней голову и осведомился раздраженно:

– И как ты пришла к этой мысли?

Клэри молча смотрела на него. Джейс давно не стригся, и волосы теперь завивались, в лунном свете отливая белым золотом. Казалось, что шрамы на лице и горле нарисованы металлическими чернилами. С щемящей грустью она подумала, что Джейс очень красив и в нем нет ничего, ни единой черточки, которая делала бы его похожим на нее или на маму, – ни линия скул, ни форма подбородка, ни изгиб рта...

– Почему ты на меня так смотришь? – спросил он.

Клэри одновременно хотелось разрыдаться у него на груди – и наброситься на него с кулаками. Она не сделала ни того, ни другого, а только сказала:

– Если бы не то, что произошло в Летнем дворе, Саймон бы не погиб.

Джейс наклонился, вырвал из земли клочок травы вместе с корнями и отбросил в сторону:

– Нас заставили. Мы это сделали не для собственного удовольствия и не для того, чтобы его позлить. Кроме того... – на его лице появился призрачный улыбки, – ты моя сестра.

– Мне не нравится, когда ты это говоришь.

Джейс покачал головой:

– В детстве я любил играть со словами. Если много-много раз повторить слово, оно теряет смысл. Когда я не мог заснуть, я лежал и повторял слова: «сахар», «шепот», «зеркало», «тьма»... «Сестра». Ты моя сестра.

– Сколько ни повторяй, ничего не изменится.

– Ничего не изменится и если ты запретишь мне повторять.

– Джейс! – раздался голос сзади.

Запыхавшись, подбежал Алек с черным пластиковым пакетом. За ним шел Магнус – мрачный долговязый, в длинном кожаном плаще, развевающимся, как крылья нетопыря. Алек протянул пакет Джейсу:

– Вот кровь, как ты просил.

Джейс приоткрыл пакет и заглянул внутрь, наморщив нос:

– Мне спросить, откуда вы это взяли? Или лучше остаться в приятном неведении?

– У мясника в Гринпойнте, – объяснил Магнус. – Из мяса выпускают кровь, чтобы сделать его халяльным. Это баранья кровь.

– Думаю, пойдет. – Джейс встал и посмотрел на Клэри с сомнением: – Рафаэль не лгал, говоря, что зрелище не слишком приятное. Лучше подожди здесь. Я попрошу Изабель посидеть с тобой.

Клэри посмотрела на него снизу вверх:

– Ты когда-нибудь видел, как рождается вампир?

– Нет, но...

– Тогда ты не знаешь, на что это похоже. – Клэри поднялась на ноги, запахнув плащ. – Я хочу присутствовать. Я должна быть рядом с Саймоном.

Лицо Джейса наполовину скрывалось в тени ветвей, но Клэри показалось, что он посмотрел на нее с уважением.

— Тебе не запретишь... Пошли.

Когда они вернулись к Рафаэлю, тот уже насыпал над могилой холмик. Тела Саймона нигде не было. Алек и Магнус отстали — о чем-то спорили. Изабель сидела на земле, у ее ног лежал хлыст, свернутый в золотое кольцо. Она заметно дрожала.

— Как же холодно... — прошептала Клэри, кутаясь в тяжелый плащ. По крайней мере, бархат согревал. О том, что полы плаща запятнаны кровью Саймона, Клэри предпочитала не думать. — Словно зима наступила.

— Радуйся, что действительно не зима, — сказал Рафаэль, прислоня лопату к стволу дерева. — Зимой земля становится твердой как камень, и тогда детеныш несколько месяцев страдает от голода, не в силах выбраться.

— Детеныш? — переспросила Клэри.

Слово показалось ей каким-то слишком мягким. Можно подумать, речь шла о котятах.

— Ну да, детеныш. Новорожденный. — Рафаэль заметил Магнуса, и на его безмятежном лице промелькнуло изумление. — Верховный маг? Какая неожиданность!

— Пришел полюбопытствовать, — сказал Магнус, сверкнув кошачьими глазами. — Никогда не видел, как рождаются дети ночи.

Рафаэль посмотрел на Джейса, который стоял в стороне, опираясь на ствол дерева:

— У тебя блистательная компания, нефилим.

— Ты это про себя? — уточнил Джейс, ковыряя землю носком сапога. — Высокомерное заявление.

— Наверное, он про меня, — к всеобщему удивлению, пошутил Алек. — Извините, нервы..

— Ничего страшного, — ободряюще сказал Магнус и хотел было погладить его по плечу, но Алек торопливо шарахнулся в сторону.

— Что теперь надо делать? — спросила Клэри, зябко ежась.

Она промерзла до костей. Все-таки странная погода для конца лета.

Рафаэль понимающе улыбнулся:

— Во время рождения вампира всегда холодно. Детеныш вытягивает силу из всего живого, что его окружает. Чтобы восстать из могилы, нужно много энергии.

— Зато ты, я смотрю, не мерзнешь, — раздраженно ответила Клэри.

— А я не живой, — пояснил вампир и отошел на шаг от края могилы. — Расступитесь. Вы ему мешаете.

Все поспешно отпрянули в разные стороны. Кто-то крепко схватил Клэри за локоть. Она обернулась и увидела Изабель, бледную как мел.

— Чудовищно... Может, нам стоило просто отпустить его?

— Отпустить? В смысле, дать ему умереть? — Клэри вырвала руку. — Не сомневалась, что ты это скажешь. Тот, кто не такой, как ты, просто не достоин жить.

— Нет, я имела в виду... — начала оправдываться Изабель. И осеклась.

Из-под ног донесся стук — громкий, ритмичный, похожий на сердцебиение самой земли. Утрамбованная почва над могилой вздыбилась и пошла волнами, как поверхность океана. Клэри рухнула на колени. Перед ней возникла трещина и вспучилась холмиком, как муравейник. Из самой середины высунулась рука, судорожно разгребаящая землю.

— Саймон! — Клэри вскочила на ноги и рванулась к трещине, но Рафаэль ухватил ее за плечо. — Пусти меня!

— Он должен выбраться самостоятельно, — сказал Рафаэль, не ослабляя хватку. — У нас так принято.

— Это у вас так принято! — крикнула Клэри, вырываясь. — У нас — нет!

Она подбежала к могиле, но тут земля снова вздыбилась, и Клэри упала. Перемазанное в грязи и крови существо, впиваясь черными пальцами во влажную почву, выбралось из цепких объятий могилы, отползло на пару шагов и упало замертво.

— Саймон, — прошептала Клэри.

Это ведь Саймон, не какое-то существо!.. Она вскочила и побежала к нему, оскальзываясь на разрытой земле.

— Клэри! Что ты делаешь?! — закричал Джейс.

Кроссовка провалилась в мягкую почву, и Клэри упала на колени рядом с Саймоном. Он лежал неподвижно, как будто и правда умер. Грязные волосы слиплись, очки слетели, футболка разорвалась, и кожа под ней была запятнана кровью. Клэри осторожно тронула его за плечо:

— Саймон, ты...

От прикосновения Саймон вздрогнул и напрягся, плечо под пальцами Клэри вдруг стало твердым, как сталь.

— ...живой? — закончила она.

Саймон распахнул невидящие, безжизненные глаза, с резким воплем перевернулся, кинулся на нее, как атакующая змея, и повалил наземь.

— Саймон! — закричала Клэри.

Его лицо исказилось до неузнаваемости, рот искривился в жутком оскале, острые звериные клыки блестели в лунном свете. Похолодев от ужаса, Клэри попыталась оттолкнуть его, однако Саймон крепко прижимал ее к земле. Руки у него были стерты в кровь, ногти обломаны, но при этом он стал невероятно силен, и Клэри не могла с ним справиться. Больно сжав ее за плечи, Саймон склонился к горлу девушки и...

...и вдруг кто-то схватил его и отбросил прочь, как перышко. Клэри вскочила, хватая ртом воздух, и встретила мрачный взгляд Рафаэля.

— Я же сказал, не подходи! — Он присел рядом с Саймоном, корчившимся на земле.

— Саймон не узнает меня! — всхлипнула Клэри.

— Он тебя узнал, просто ему все равно. — Рафаэль посмотрел через плечо на Джейса. — Он голоден, нужна кровь.

Бледный Джейс шагнул вперед и молча протянул черный пакет, как подношение. Рафаэль схватил пакет и высыпал из него десяток прозрачных пластиковых упаковок с алой жидкостью. Что-то бормоча, он разодрал одну упаковку острыми ногтями, забрызгав белую рубашку кровью.

Саймон изогнулся и жалобно заскулил. Его глаза закатились, пальцы с обломанными ногтями чертили в земле борозды. Рафаэль пролил несколько капель крови на его лицо.

— Пей, детеныш, пей, — произнес он почти ласково.

Саймон с десяти лет был вегетарианцем. Он пил молоко, только если на упаковке присутствовал значок «экологически чистое». Ему случалось падать в обморок при виде иглы. И вот теперь Саймон жадно выхватил из смуглой руки Рафаэля пакет с кровью, разодрал его зубами, несколькими глотками осушил, отбросил в сторону и снова жалобно взвыл. Рафаэль уже держал наготове второй.

— Не пей слишком быстро, пойдет обратно.

Но Саймон не стал его слушать. Он вскрыл пакет без посторонней помощи и жадно пил, запрокинув голову и прикрыв глаза. Кровь струйками стекала из уголков рта, лилась по шее и крупными каплями падала на руки.

— Сейчас ему не до приличий, — спокойно сказал Рафаэль. — Потом он будет питаться аккуратнее.

Клэри повернулась и, спотыкаясь, побежала прочь. Джейс что-то кричал ей, однако она не слушала, только бежала быстрее и быстрее. На полдороге с холма ее скрутило пополам и мучительно вырвало. Клэри отползла в сторону и упала на землю. Она понимала, что лежит на чьей-то могиле, но ей было

все равно. Прижимая горящий лоб к холодной земле, она думала о том, что смерть, пожалуй, еще не самая страшная из бед.

11

Дым и сталь

Отделение интенсивной терапии больницы «Бет-Израиль» напоминало Клэри фотографии Антарктики — потому что казалось таким же чужим и холодным. В нем не было никаких цветов, кроме белого, серого и бледно-голубого. Белые стены палаты, серые трубки вокруг маминой головы, пищание серые аппараты возле койки, бледно-голубое одеяло. Белое лицо. Единственным ярким пятном горели мамины рыжие волосы, разметавшиеся по белоснежной подушке, как яркий флаг на Южном полюсе.

Клэри не знала, откуда Льюк берет деньги, чтобы платить за отдельную палату, и решила спросить об этом, когда он вернется из жутковатого больничного кафетерия на третьем этаже. В кафетерии стоял кофейный автомат. То, что там лилось в стакан, по консистенции напоминало жидкую смолу, да и на вкус было не лучше, но Льюк привык и уже не обращал внимания.

Клэри выдвинула из-под койки металлический стул и уселась, разглаживая юбку на коленях. Каждый раз, навещая маму, она нервничала и чувствовала себя не в своей тарелке, как будто шла получать нагоняй. Может быть, оттого, что мамино лицо бывало таким неподвижным лишь тогда, когда она еле сдерживалась, чтобы не взорваться от ярости.

— Мама...

На мамином запястье виднелся след в том месте, где Валентин вводил трубку. Руки у мамы всегда были в пятнах краски, шершавые и потрескавшиеся от скипидара — вот и сейчас кожа на ощупь напоминала сухую древесную кору. Клэри сжала мамину ладонь, чувствуя, как к горлу подкатывает комок.

— Мам, я... Льюк говорит, что ты меня слышишь. Не знаю, правда это или нет, но мне очень нужно поговорить с тобой. Даже если ты не сможешь ответить. Дело в том, что... — Клэри сглотнула подступающие слезы и посмотрела в окно, на узкую полоску голубого неба над кирпичной стеной. — С Саймоном случилось страшное. И виновата я...

Слова сами полились с языка. Клэри выложила все: как встретила Джейса и других Охотников, как они искали Чашу, как их предал Ходж, как они столкнулись с демонами в приюте Ренвика, как она узнала о том, что Валентин ее отец и что она родная сестра Джейса. О том, как они спустились ночью в Город костей, о пропаже Меча душ, о том, как

Инквизитор ненавидит Джейса, о сребровласой женщине. И наконец, обо всем, что случилось потом: о Летнем дворе, о цене, назначенной королевой, и о том, что произошло с Саймоном. Горло ей жгли слезы, и все же рассказ облегчал душу — даже если мама все-таки не слышала.

— В общем, — закончила Клэри, — я ухитрилась испортить все, что только можно. Ты говорила, что взрослой становишься, когда у тебя возникает желание вернуться в прошлое и что-то исправить. Значит, я выросла. Только я надеялась... надеялась, что, когда это произойдет, ты будешь рядом..

Она всхлипнула и услышала за спиной негромкое покашливание. В дверях с пластиковым стаканом в руке стоял Люк. В свете больничных ламп было особенно заметно, насколько он устал. В его волосах поблескивала седина, а синяя фланелевая рубашка вся измялась.

— Давно ты там стоишь?

— Не очень. Принес тебе кофе. — Он протянул кружку, но Клэри отмахнулась:

— Я не могу это пить. На вкус как носки.

— Откуда ты знаешь, какой вкус у носков? — улыбнулся Люк.

— Знаю, и все. — Клэри поцеловала маму в щеку и встала. — Пока, мам.

Синий пикап Люка был припаркован на бетонной площадке перед больницей. До самого шоссе Рузвельта они ехали молча. Наконец Люк произнес:

— Я слышал, что ты рассказала.

— Так и знала, что ты подслушивал, — ответила Клэри без злобы. Люку она могла рассказать все, о чем рассказала бы маме.

— Ты не виновата в том, что случилось с Саймоном.

Слова отскочили от сознания Клэри, как будто его окружала невидимая стена, вроде той, что создал вокруг нее Ходж, когда предал ее ради Валентина. Внутри все онемело и покрылось коркой льда.

— Клэри, ты слышишь меня?

— Спасибо за поддержку, но я знаю, что это моя вина. Во всем, что произошло с Саймоном, виновата я.

— В чем? В том, что он злился, когда шел в Дюморт? Саймон пришел туда не из-за тебя. Я уже слышал о подобных случаях. Вампиры называют таких недообращенными. Их тянет вернуться сила, которой невозможно противостоять.

— Все оттого, что Саймон попробовал кровь Рафаэля. Это тоже случилось из-за меня. Именно я притащила его на вечеринку..

– Ты не ожидала, что там может быть опасно. Угроза для тебя самой была не меньше, чем для Саймона. Что уж теперь себя за это грызть! – сказал Люк, поворачивая на Бруклинский мост.

Клэри смотрела в окно на серебристо-серую воду, скорчившись на сиденье и засунув руки в рукава зеленой вязаной кофточки с капюшоном. Пряжа растрепалась по краям, и бахрома щекотала подбородок.

– Я знаю Саймона уже давно, – продолжал Люк. – И знаю, где именно он всегда стремился быть.

– И где же?

– Рядом с тобой. Помнишь, как в десять лет ты свалилась с дерева и сломала руку? Саймон тогда чуть ли не с боем прорвался в приехавшую за тобой машину «Скорой помощи» и отправился в больницу.

– Ты еще рассмеялся, а мама толкнула тебя в бок, – вспомнила Клэри.

– Сложно было не рассмеяться. Нечасто увидишь такую целеустремленность у десятилетнего мальчишки. Прямо как питбуль.

– Питбули не носят очки и не страдают аллергией на пыльцу.

– Такая преданность бесценна, – сказал Люк, посерьезнев.

– Я знаю. Зачем ты это говоришь? Я и так хочу умереть от раскаяния.

– Клэри, я пытаюсь объяснить, что Саймон сделал свой выбор сам. Сейчас ты коришь себя за то, что ты – это ты. Это бессмысленно. Ты сказала ему правду, и он сам принял решение, что ему делать дальше. Нельзя отказать человеку в праве выбирать – даже из любви к нему.

– В том то и дело! Когда любишь, выбрать не приходится! – Клэри вспомнила, как у нее внутри все оборвалось, когда Изабель сообщила, что Джейс пропал. Она тогда бросила все и побежала искать его. – Любовь не дает возможности выбора.

– Лучше так, чем наоборот, – веско сказал Люк, сворачивая на Флэтбуш-руд.

Клэри промолчала, тоскливо глядя в окно. За мостом располагалась не самая красивая часть Бруклина. По обеим сторонам дороги стояли уродливые офисные здания и автомастерские. Унылая картина за окном полностью соответствовала тому, что было на душе Клэри.

Люк решил сменить тему:

– А ты говорила с...

– Саймоном? Да, конечно.

– Вообще-то я хотел спросить про Джейса.

– Нет.

Джейс несколько раз звонил ей и слал сообщения, но Клэри не отвечала. Она хотела наказать себя за то, что случилось с Саймоном, и выбрала худшую кару, которую только могла придумать.

– Надо бы поговорить, – сказал Люк с нарочитым спокойствием. – Узнать, как он. Ему сейчас тоже нелегко, принимая во внимание...

– Ты ведь связывался с Магнусом, – ответила Клэри, неловко ерзая на сиденье. – Я слышала, вы говорили о Валентине и всей этой истории с обращением Меча. Если бы с Джейсом что-то случилось, он бы сообщил.

– Магнус может сообщить лишь о физическом состоянии Джейса, а не о том, что у него на душе.

– Я не буду звонить Джейсу! – Клэри сама удивилась тому, как холодно прозвучал ее голос. – Сейчас я должна думать о Саймоне. Вот уж кому сейчас точно нелегко.

Люк вздохнул:

– Если ему тяжело примириться с тем, кем он стал, может быть, стоит...

– Ну конечно, он не может примириться! – Клэри бросила на Люка испепеляющий взгляд, но он внимательно смотрел на дорогу и ничего не заметил. – Тебе ли не знать, каково это!

– Каково это – однажды превратиться в чудовище? – устало произнес Люк. – Да, прекрасно знаю. Если Саймон захочет поговорить со мной, я буду рад ему рассказать. Ничего, переживет и привыкнет.

Клэри нахмурилась. Заходящее солнце светило прямо в зеркало заднего вида, и от его яркого сияния слезились глаза.

– Тебе было проще. По крайней мере, ты с детства знал, что оборотни существуют. Тебе не пришлось объяснять это своим родным.

Люк хотел что-то сказать, но передумал. Они уже въехали в Вильямсбург и двигались по полупустой Кент-авеню среди зданий складов.

– И все-таки передай Саймону от меня одну вещь, на всякий случай. Достань из бардачка.

В бардачке лежал яркий глянцевый буклет – из тех, которые обычно лежат на стойках в больничных комнатах ожидания.

– «Как открыться родителям», – прочитала Клэри вслух. – Смешно! Саймон не гей, он вампир!

– Буклет о том, как рассказать родителям о себе то, что им будет непросто осознать и принять. Там есть варианты формулировок, их можно изменить по ситуации – или воспользоваться общими рекомендациями.

— Люк! — воскликнула Клэри с возмущением. Предположение, что Саймону могут помочь идеи из буклета, казалось просто смехотворным.

Взвизгнув тормозами, машина остановилась перед домом. Слева блестела темным серебром Ист-Ривер, смеркалось, и дом окружали неясные тени. Одна из них — самая темная — скорчилась на крыльце. Люк сощурился. В своей волчьей форме он обладал превосходным зрением, но как человек оставался близоруким.

— Это Саймон, — сказала Клэри, узнав знакомый силуэт. — Я пойду поговорю с ним.

— Хорошо. Мне как раз надо еще кое-куда заехать.

— Куда?

— За едой. Через полчаса вернусь. Только идите в дом и закройте.

Клэри проводила взглядом отъезжающий пикап и пошла к дому. Сердце колотилось. С той ночи она несколько раз говорила с Саймоном по телефону, но еще ни разу его не видела.

После превращения они привели Саймона — грязного, окровавленного, ничего не соображающего — к Люку, чтобы вымыть и переодеть, прежде чем везти домой. Сначала Клэри хотела идти с ним в Институт, но это было невозможно: Саймон больше никогда не войдет ни в церковь, ни в синагогу. Потом, сидя на заднем сиденье пикапа, она смотрела, как Саймон шел к своему дому — сторбившись, будто ему в лицо дул сильный ветер. На крыльце автоматически зажегся свет, и Саймон шарахнулся назад, потому что принял его за солнечный. Клэри беззвучно заплакала. Джейс хотел взять ее за руку, но она отшатнулась. Она больше никогда не прикоснется к Джейсу. Это будет ей наказанием — расплатой за то, что она сделала с Саймоном.

Сейчас слезы подступили опять. Клэри шла к крыльцу, глотая ком в горле, и приказывала себе не плакать — будет только хуже.

Саймон сидел в самом темном углу крыльца. Клэри заметила, что глаза у него поблескивают в темноте, но не могла вспомнить, было ли такое раньше.

— Привет, Саймон.

Он поднялся на ноги одним грациозным движением, и у Клэри мурашки побежали по коже. Чем Саймон никогда не отличался, так это грацией. В нем что-то неуловимо изменилось, что-то стало совсем другим...

— Прости, если я напугал тебя, — произнес Саймон сдержанным, почти чужим тоном.

— Нет-нет, ничего... просто... Ты давно здесь?

— Не очень. Я ведь теперь могу выходить на улицу только после заката. Вчера вот случайно высунул за окно руку, и пальцы чуть не обуглились. Хорошо, что на мне теперь все быстро заживает.

Клэри нашарила в кармане ключ и открыла дверь.

— Заходи, — сказала она. — Льюк велел сидеть дома.

— Правильно, — сказал Саймон, проходя мимо нее. — Чудовища охотятся в темноте.

В гостиной горел теплый желтый свет. Клэри захлопнула дверь и закрыла ее на щеколду. У входа на вешалке все еще висел синий плащ Изабель. Клэри хотела сдать его в химчистку, чтобы вывести пятна крови, но не успела. Несколько секунд она смотрела на плащ, собираясь с силами, и наконец повернулась к Саймону.

Он стоял посреди гостиной, неловко засунув руки в карманы куртки. На нем были джинсы и выдавшая виды отцовская футболка с надписью «Я люблю Нью-Йорк». Все это выглядело очень знакомым, однако Саймон отчего-то казался совсем чужим.

— Очки! — догадалась наконец Клэри. — Ты без очков!

— Ты когда-нибудь видела вампира в очках?

— Нет...

— Очки мне больше не нужны — прекрасное зрение входит в комплект.

Саймон опустился на диван, и Клэри села рядом, стараясь все-таки держаться на некотором расстоянии. Она обратила внимание, что кожа у него побелела и стали видны голубые прожилки вен. Глаза теперь казались огромными и темными в обрамлении густых черных ресниц.

— Конечно, приходится надевать очки дома, чтобы не пугать маму, — продолжал Саймон. — Надо будет сказать ей, что я перешел на контактные линзы.

— Надо будет сказать ей. Точка. — Клэри старалась, чтобы голос звучал как можно уверенней. — Ты не можешь удержать это от нее в тайне.

— Я могу попробовать. — Саймон взъерошил волосы и сказал скривив рот: — Клэри, что мне делать? Я не выходил из дома два дня, прикидывался, что у меня грипп, но как долго... Мама приносит мне еду, ее приходится выбрасывать за окошко. Рано или поздно мне вызовут врача, и что тогда? У меня не бьется сердце. Врач сообщит маме, что я умер.

— И напишет диссертацию о медицинском чуде, — пошутила Клэри.

— Не смешно.

— Прости...

— Я все время думаю о крови. И днем, и ночью. Она мне даже снится. Скоро я начну писать о ней жуткие эзотерики.

— Магнус дал тебе несколько бутылок. Они еще не закончились?

— Осталось три штуки, держу их в мини-холодильнике. — Голос Саймона звучал напряженно. — А что потом?

— Добудем еще, — заверила его Клэри, хотя твердый тон дался ей с трудом. Конечно, всегда можно достать баранью кровь в лавке, которую нашел Магнус, но сама мысль об этом вызывала тошноту. — Слушай, Люк считает, что ты должен открыться родителям. Все равно не получится бесконечно скрывать от них правду.

— Это мы еще посмотрим, — отрезал Саймон.

— Люк живет нормальной жизнью! — воскликнула Клэри в отчаянии. — И ты сможешь!

— А ты сама хочешь встречаться с вампиром? — спросил Саймон с горькой усмешкой. — Представляю романтический пикник на природе: ты пьешь свежавыжатый сок апельсина, я — свежавыжатую кровь девственницы.

— Считай, что это просто физический недостаток. Тебе надо научиться с ним жить. Человек ко всему привыкает!

— Я уже не человек.

— Для меня ты человек, — сказала Клэри. — Да и вообще, прелесть принадлежности к человечеству сильно преувеличена.

— Ладно, зато Джейс больше не будет называть меня примитивным... — Саймон посмотрел на буклет, который Клэри сжимала в руке: — Что это у тебя?

— Листовка с советами «Как открыться родителям».

— Что-то случилось? Ты что-то хочешь мне рассказать?

— Нет, я принесла буклет для тебя.

— Я не намерен открываться маме, — отрезал Саймон. — Она и так думает, что я гей, потому что не увлекаюсь спортом и до сих пор не обзавелся девушкой. Ну... в смысле, про мои отношения с девушками ей ничего не известно.

— Ты должен рассказать ей, что ты вампир. Люк предлагает использовать приемы из этого буклета, заменив некоторые ключевые слова. Ну то есть заменить словом «нежить» слово...

— Да понял я, понял, — сказал Саймон, открывая буклет. — Давай попробуем. — Он откашлялся и начал читать: — Мама, я хочу тебе кое в чем признаться. Дело в том, что я нежить. Да, я знаю, у тебя наверняка много предрассудков по поводу нежити. Я понимаю, что ты огорчишься. Но я по-прежнему такой же человек. Ну то есть уже не человек, но...

— Саймон!!!

— Ну ладно, ладно... Первое, что ты должна понять: я такой же, как и раньше. То, что я нежить, — вовсе не главное во мне. Это просто одна из сторон моей личности. Во-вторых, пойми, что это не результат моего осознанного выбора. Я таким родился. Ну, в смысле, возродился.

Клэри вздохнула:

— Ты и не пытаешься...

— По крайней мере, я смогу сказать маме, что меня похоронили на еврейском кладбище. — Саймон отложил буклет. — Может, начать с малого — сперва рассказать сестре?

— Если хочешь, я пойду с тобой. Помогу им понять.

Саймон удивленно посмотрел на нее, и Клэри увидела сквозь трещины в броне горького юмора скрытый под нею страх.

— Правда?

— Конечно! Я...

Договорить он не успела, потому что с улицы донесся оглушительный визг шин и звон разбитого стекла. Клэри и Саймон вскочили и бросились к окну. Посреди лужайки стоял пикап Люка с незаглушенным мотором, за ним через дорогу и тротуар тянулся черный след стертой резины. У пикапа горела одна фара, вторая разбилась вдребезги, на бампере виднелось темное пятно — а под передними колесами лежало что-то белое и неподвижное.

Клэри замутило. Неужели Люк кого-то сбил? Она пристально вгляделась в фигуру на траве, стирая с глаз иллюзии, будто пыль со стекла. Под колесами лежал не человек, а что-то похожее на отвратительную гладкую белую личинку, извивающуюся, как посаженный на иголку червяк.

Дверь кабины распахнулась; Люк, не обращая внимания на тварь, метнулся через лужайку к темной тени, расprostертой у крыльца. Вот это была определенно человеческая фигура — кто-то маленький, с копной тонких косичек.

— Это же та девчонка-оборотень! Майя! — воскликнул Саймон. — Что происходит?

— Не знаю.

Клэри схватила стило с книжной полки, и они с Саймоном выбежали из дома. Люк уже усадил Майю, прислонив спиной к перилам крыльца. На ее футболке зияла дыра, из раны на плече лилась кровь.

Саймон замер так неожиданно, что Клэри чуть не врезалась в него и еле сдержала рассерженный возглас, вовремя сообразив, что происходит. Саймон боялся крови. Он не мог на нее смотреть.

— Она жива, — сказал Люк и похлопал девушку по щеке. — Майя! Майя, ты слышишь меня?

Майя застонала, открыла глаза и уставилась на него мутным взглядом.

— Люк? — прошептала она. — Что случилось? Плечо болит...

— Надо перебраться в дом. — Люк легко подхватил Майю на руки.

Войдя в дом, он уложил девушку на потрепанный серый диван в гостиной, отправил Саймона за одеялом, а Клэри — на кухню за мокрым полотенцем.

Когда Клэри вернулась, Майя уже сидела, опираясь на подушку, и на ее щеках алел лихорадочный румянец. Она торопливо рассказывала Люку, что произошло.

— Я шла через лужайку, когда почувяла какую-то сильную вонь. Пахло чем-то сгнившим, как от мусорного бака. Я обернулась, и тут на меня напали...

— Кто? — спросила Клэри, передавая Люку полотенце.

— Не знаю. Меня сбили с ног. Я пыталась бороться, но все произошло так быстро...

— Я видел, — спокойно сказал Люк. — Я подъезжал к дому, когда ты шла по лужайке. За тобой кралась эта тварь. Я кричал тебе, но ты не слышала.

— Что за тварь? — спросила Клэри.

— Демон-древак, — мрачно ответил Люк. — Они слепые и охотятся по запаху. Я въехал на лужайку и раздавил его.

Клэри посмотрела в окно. Тварь уже исчезла — умирая, демоны возвращались в тот мир, из которого явились.

— Почему он напал на Майю? — спросила она и похолодела, осененная догадкой. — Его прислал Валентин? Ему нужна кровь оборотня, ведь в прошлый раз ему помешали...

— Вряд ли, — ответил Люк. — Древаки не сосут кровь... и уж точно не способны на то, что случилось в Городе молчания. Такой демон — скорее шпион или посланник. Полагаю, Майя ему просто помешала. — Он склонился над постанывающей девушкой и попросил: — Закатай рукав, я погляжу.

Майя закусил губу и подняла рукав. От плеча к локтю тянулась длинная резаная рана. Ее края были усеяны тонкими черными иглами, торчащими во все стороны. Майя уставилась на рану с нескрываемым ужасом:

— Что это?!

— У древаков вместо зубов ядовитые шипы. Они сломались и застряли в твоём плече.

— Ядовитые?! — У Майи стучали зубы. — Я умру?

— Нет, если не будем зря тратить время, — сказал Люк. — Шипы тянуть больно. Потерпишь?

Майя молча кивнула.

— Да, только... вытащи их!

— Что вытащить? — спросил Саймон, входя в комнату со свернутым одеялом в руках. Увидев утыканную шипами рану он непроизвольно попятился и выронил одеяло.

— Не выносишь крови, примитивный? — Майя криво улыбнулась и вскрикнула: — Больно!

— Понимаю, — сказал Люк, обернув ей предплечье полотенцем и достав из-за пояса узкий клинок.

Увидев нож, Майя зажмурилась:

— Делай что нужно, только я не хочу, чтобы на это кто-то смотрел!

Люк обернулся к Саймону и Клэри:

— Так, вы оба, марш на кухню. Сообщите в Институт, что случилось, пусть пришлют кого-нибудь. Желательно имеющего представление о медицине или Мага, раз Братьев нет.

Саймон и Клэри застыли в оцепенении, глядя на нож и наливающуюся багровым руку Майи.

— Живо! — прикрикнул Люк, и они поспешно вышли из комнаты.

12

Враждебность снов

Клэри прислонилась к холодильнику, закусив губу. Саймон знал, что она всегда кусает губы, когда нервничает. Он смотрел на Клэри и думал о том, какая она маленькая и хрупкая. В минуты, когда ему хотелось обнять ее, как сейчас, он боялся не рассчитать сил и прижать ее к себе слишком крепко. Особенно теперь, когда он и вовсе не представляет, сколько у него сил.

Джейс ничего подобного не испытывал. В Летнем дворе он стиснул Клэри в объятиях и целовал так яростно, что удивительно, как у нее не треснули ребра. Видеть это было невероятно больно, однако Саймон не мог заставить

себя отвести взгляд. Джейс сжимал Клэри так, будто хотел слиться с ней воедино и никогда не отпускать.

Конечно, Клэри сильная – сильнее, чем полагал Саймон. Все-таки она родилась Сумеречным охотником. Но это уже не имело значения, ведь тонкая связь между ней и Саймоном оставалась непрочной и уязвимой, как огонек свечи, хрупкой, как яичная скорлупа. И Саймон знал: если эта связь прервется, у него внутри тоже что-то навсегда сломается.

– Саймон! – Голос Клэри прервал его размышления. – Ты меня слышишь?

– Что? Да, да, конечно.

Саймон попытался слушать, но его отвлекала вода, капающая из крана: капли увеличивались, мерцая, наливались, как слезы, и наконец срывались вниз. Саймон еще не привык к новому вампирскому зрению и не уставал удивляться самым обыденным вещам – мельчайшим трещинкам в асфальте, переливающимся бензиновым пятнам на дороге...

– Саймон! – снова воскликнула Клэри, протягивая какой-то розовый металлический предмет. Саймон сообразил, что она зачем-то сует ему свой телефон. – Говорю же, позвони Джейсу.

Всю рассеянность сняло как рукой.

– Позвонить Джейсу?! Он меня ненавидит.

– Вовсе нет, – неуверенно ответила Клэри. – Пожалуйста! Я не хочу с ним разговаривать!

– И что мне ему сказать?

– Расскажи, что случилось. Он знает, что делать.

Джейс ответил с третьего гудка – таким голосом, словно у него перехватило дыхание.

– Клэри! Клэри, у тебя все в порядке?

Саймон запнулся и сообразил, чей номер Джейс видит на определителе. Он и не ожидал, что Джейс способен говорить таким тоном – взволнованным, обеспокоенным, без доли сарказма. Вот, значит, как он разговаривает с Клэри, когда никто не слышит... Саймон покосился на девушку – она не мигая смотрела на него своими зелеными глазами, кусая ноготь на указательном пальце.

– Клэри! – донеслось из трубки. – Я думал, ты не хочешь говорить со мной!

Саймон ощутил вспышку раздражения. Потянуло крикнуть Джейсу – не думай, что Клэри твоя собственность, ты ей всего лишь брат, и у тебя нет никакого права держаться так, будто... будто...

Будто у тебя разбито сердце. Любопытно, но, глядя на Джейса, Саймон никогда бы не подумал, что там есть чему разбиться.

— Ты совершенно прав, — холодно сказал он в трубку. — Она по-прежнему не хочет. Это Саймон.

Последовало долгое молчание; Саймон даже подумал, не нажал ли Джейс на отбой.

— Алло?

— Я тебя слушаю. — Голос Джейса был холоден и сух, как опавшая листва. — Если ты звонишь мне, чтобы просто поболтать, примитивный, тебе, видимо, совсем одиноко.

— Поверь, я не стал бы звонить тебе по своему желанию. Это из-за Клэри.

— С ней все в порядке? — В голосе Джейса появилось скрытое напряжение, словно опавшая листва подернулась коркой льда. — Если с ней что-то случилось...

— С ней все нормально. — Саймон изо всех сил сдерживал гнев.

Он кратко рассказал, что произошло на лужайке перед домом Люка и в каком состоянии находится Майя. Джейс дослушал до конца и выстрелил очередью коротких инструкций. Саймон поймал себя на том, что кивает. Он хотел что-то ответить, но Джейс уже повесил трубку. Саймон отдал телефон Клэри:

— Едет сюда.

— Прямо сейчас?

— Да, вместе с Алеком и Магнусом.

— С Магнусом? — переспросила Клэри в замешательстве. — Ну да, конечно, Джейс ведь сейчас у Магнуса. Я почему-то подумала, что он в Институте...

Ее прервал хриплый крик, донесшийся из гостиной. Саймона озноб продрал по коже.

— Ничего, — сказал он успокаивающе. — Люк постарается сделать все безболезненно.

— Безболезненно явно не выходит... — Майя снова вскрикнула, и Клэри схватилась за край стола, как будто ей самой было больно. — Как меня это бесит! Вот это все! Постоянно приходится бояться, убежать, думать, кто будет следующей жертвой! Я хочу, чтобы все снова стало так же просто, как раньше!

— Ничего уже не вернуть, — сказал Саймон. — Радуйся, что тебе не нужно прятаться от солнечного света.

Клэри повернулась к нему с открытым ртом, глаза у нее расширились и потемнели.

— Саймон, я не хотела...

— Я понимаю. — Саймон попятился, чувствуя, как что-то царапает ему горло.
— Посмотрю, как там Майя.

На секунду он подумал, что Клэри пойдет за ним, но она безропотно осталась за захлопнувшейся дверью.

В гостиной горели все лампы. Майя с посеревшим лицом лежала на диване, завернувшись в одеяло по грудь и закрыв глаза. К правому плечу она прижимала тряпку, пропитавшуюся кровью.

— Где Льюк? — спросил Саймон.

Майя выглядела ужасно: вокруг глаз залегли темные тени, губы были сжаты от боли.

— Отгоняет машину с лужайки, — выдохнула она, — чтобы не возникло проблем с соседями.

Саймон обернулся к окну. В темноте плясал луч уцелевшей фары — Льюк выводил пикап на дорогу.

— Как ты? Все шипы удалось вытащить?

Майя уныло кивнула.

— Я так устала, — прошептала она потрескавшимися губами. — И очень хочу пить.

Саймон увидел на столе графин, налил полный стакан тепловатой воды и принес Майе. Руки у него слегка дрожали, и немного воды пролилось, когда Майя взялась за стакан. Она подняла голову — видимо, чтобы поблагодарить, — их пальцы соприкоснулись, и произошло непредвиденное.

Майя шарахнулась назад так резко, что стакан упал и край журнального столика и разбился. Вода разлилась по паркету.

— Майя?! Что с тобой?

Девушка забилась в дальний угол дивана, вжавшись в спинку, и оскалила зубы. Ее глаза загорелись желтым огнем, из горла вырвалось низкое рычание. Сейчас она напоминала загнанную в угол собаку.

— Майя... — испуганно повторил Саймон.

— Вампир! — прорычала она.

Саймон отшатнулся, как от удара.

— Я думала, ты человек! А ты чудовище! Кровосос! Пиявка!

— Я и был человеком. Меня обратили несколько дней назад. — Голова у Саймона кружилась, мысли пугались. — Так же, как и тебя...

— Даже не думай сравнивать себя со мной! — Майя с отвращением смерила его взглядом горящих желтых глаз. — Я живая, а ты ходячий мертвец, сосущий кровь!

— Я пью баранью кровь.

— Просто потому, что не смеешь пить человеческую! Потому что тогда нефилемы сожгут тебя живьем!

— Майя! — воскликнул Саймон с мольбой и злостью и сделал шаг к ней.

И тут девушка выбросила вперед руку, мгновенно выпустив невероятно длинные когти, рассекшие Саймону щеку. Он неловко попятился, прижимая ладонь к лицу. Из-под пальцев побежала струйка крови. Саймон почувствовал на губах соленый привкус, и в животе у него немедленно заурчало.

Майя скорчилась в углу дивана, изготавившись к прыжку, острые когти пропоролли серую обивку, уши заострились. В оскале обнажив клыки — не острые и тонкие, как у Саймона, а мощные волчьи, — она отшвырнула тряпку, которую прижимала к ране, и по плечу снова струилась кровь.

Саймон почувствовал острую боль — в нижнюю губу врезались острые, как иглы, клыки. Какая-то его часть хотела немедленно наброситься на Майю, повалить ее и впиться ей в горло, глотая горячую кровь. Другая часть хотела завопить от ужаса. Саймон попятился, выставив перед собой ладони, как будто мог удержать нападающего оборотня.

Майя уже приготовилась броситься на него, и тут дверь, ведущая в кухню, распахнулась, и в комнату влетела Клэри. Она прыгнула прямо на журнальный столик, приземлившись мягко, как кошка. В руке у нее блеснуло что-то серебристое — кинжал с изящным изгибом лезвия, похожим на птичье крыло. Кинжал просвистел в миллиметре от лица Майи и вонзился в спинку дивана по самую рукоять. Майя попыталась отпрянуть в сторону и вскрикнула: кинжал крепко приколол ее к месту за рукав.

Клинок принадлежал Люку. Услышав звон стекла и заглянув в гостиную, Клэри сразу метнулась в кабинет, где Люк держал оружие. Пусть Майя сейчас и ослабла, у нее хватило бы сил прикончить Саймона.

— Вы в своем уме?! — Собственный голос прозвучал в ушах как чужой. — Вампиры и оборотни должны быть на одной стороне!

— Оборотни не охотятся на людей и друг на друга! Вампиры — убийцы! Они совсем недавно убили одного из наших у «Охотничьей луны».

— Убили не вампиры, — отрезала Клэри, заметив, что Майя смешалась от уверенности ее голоса. — И если вы прекратите винить друга во всех бедах, может быть, нефилемы наконец-то начнут воспринимать нежить всерьез и попытаются хоть как-то помочь... — Она обернулась к Саймону. Жесткие порезы на его щеке почти затянулись, превратившись в тонкие серебристо-красные черточки. — Ты цел?

– Да, – еле слышно отозвался Саймон.

Клэри по глазам прочла, как сильно его ранило это происшествие, и ей немедленно захотелось обругать Майю последними словами.

– Твое счастье, что Саймон не расист, в отличие от тебя! Стоило бы направить в Конклав жалобу, чтобы за твое поведение ответила вся стая!

Она выдернула кинжал из спинки дивана, освобождая рукав Майи.

– Ты не понимаешь! – ошетибилась Майя. – Вампиры заражены демонической энергией!

– Насколько мне известно, то же верно и про оборотней.

– В том-то и дело. Демонические энергии изменяют нас – можешь считать это болезнью, чем угодно. Но демоны, давшие начало оборотням, всегда враждовали с демонами, от которых произошли вампиры. Ненависть друг к другу у нас в крови. Оборотню не быть другом вампира. – Майя обратила взгляд горящих глаз на Саймона: – Скоро ты тоже возненавидишь меня. И Люка. Это неизбежно.

– Возненавижу Люка? – переспросил Саймон с посеревшим лицом.

Клэри хотела заверить его, что все это ерунда, но не успела сказать ни слова – с грохотом распахнулась входная дверь. На пороге возник Джейс – весь в черном, с двумя клинками серафимов в поясных ножнах. За ним вошли Алек и Магнус; на последнем красовался длинный струящийся плащ, сверкавший так, будто его усыпали осколками разбитого зеркала.

Золотые глаза Джейса немедленно зафиксировались на Клэри – с точностью лазера.

– Потрудись объяснить, что ты делаешь, Кларисса, – потребовал он ледяным тоном.

Клэри внезапно осознала, что по-прежнему сидит скорчившись на журнальном столике, и с трудом подавила желание немедленно спрятать нож за спину.

– Маленькое недоразумение, – быстро сказала она. – Я уже все уладила.

– В самом деле? – Голос Джейса буквально сочился сарказмом. – Неужели научилась управляться с ножом? Не пырнув ненароком себя или ни в чем неповинных окружающих?

– Никто не пострадал, – процедила Клэри сквозь зубы.

– Кроме дивана, – бесцветным голосом сообщила Майя, прикрывая глаза.

Ее лицо заливала жуткая бледность, только на щеках пылал лихорадочный румянец.

– По-моему, ей становится хуже, – с тревогой сказал Саймон.

Магнус кашлянул. Намек не был понят, тогда маг заявил раздраженно:

— Брысь с дороги, примитивный!

Отбросив сверкающую полу плаща, он присел рядом с Майей и произнес, рассматривая ее из-под ресниц:

— Значит, это ты моя пациентка?

Майя уставилась на него мутным взглядом.

— Меня зовут Магнус Бейн, пришел лечить тебя, — ласково сообщил маг, начиная плести над ней пассы. Воздух засверкал синими искрами. — Разве тебе не сказали?

— Я знаю, кто ты, просто... — Майя смешалась. — Ты такой... такой... блестящий...

Алек прыснул и сделал вид, что закашлялся. Маг невозмутимо продолжил плести тонкими пальцами искристый занавес.

— Где Лжк? — спросил Джейс.

— На улице, — ответил Саймон. — Пошел отогнать машину с лужайки.

Джейс и Алек переглянулись.

— Забавно... — произнес Джейс, хотя ясно было, что ему не до шуток. — Возле дома мы его не видели.

В груди у Клэри зашевелился тонкий росток страха.

— А пикап вы видели?

— Да, припаркован на подъездной дорожке, — сказал Алек. — Фары выключены.

Теперь даже Магнус настороженно поднял голову. Черты его лица словно мерцали за тонкой паутиной заклятия, окружающей их с Майей, как если бы их скрывала стена воды.

— Мне это не нравится. Древаки редко ходят по одному.

Рука Джейса легла на рукоять клинка.

— Пойду посмотрю. Алек, оставайся охранять дом.

Клэри спрыгнула со стола:

— Я с тобой.

— Нет, — отрезал Джейс, даже не оглянувшись. Клэри догнала его у самой двери и преградила дорогу:

— Стой!

На секунду ей показалось, что сейчас Джейс просто отшвырнет ее в сторону и уйдет, но он остановился буквально в паре сантиметров от нее – Клэри почувствовала его дыхание на своих волосах.

– Если мне придется сбить тебя с ног, Кларисса, я это сделаю.

– Прекрати называть меня так!

– Клэри, – сказал он тихо.

От звука собственного имени по спине у Клэри побежали мурашки. Глаза Джейса сверкнули металлическим блеском, и в какой-то миг она подумала, что он сейчас и правда бросится на нее, собьет с ног, схватит за руки, прижимая запястья к полу.. От этих мыслей кровь прилила к щекам горячей волной и перехватило дыхание.

– Он мой дядя, не твой!

– Никакого дяди у нас с тобой нет, дорогая сестрица, – промолвил Джейс с горькой усмешкой. – Люк нам обоим не родня.

– Джейс!

– Кроме того, времени наносить тебе знаки у меня нет, – продолжал он, окидывая девушку ленивым взглядом. – А нож против демонов тебе не поможет.

Клэри в ярости вонзила нож в дверной косяк. Наградой ей было искреннее изумление на лице Джейса.

– Так дай мне клинок серафима! – выпалила она. – У тебя все равно их два.

– Да хватит уже, ради.. – Рядом с ними вдруг нарисовался Саймон; глаза черными углями горели на бледном лице. – Я сам пойду. По крайней мере, не буду тратить время на флирт, когда Люку нужна помощь.

Джейс сжал губы.

– Хорошо. Пойдем все вместе. Держи. – Он протянул Клэри клинок серафима.

– Какое у него имя? – спросила она, открывая дверь.

– Накир.

С Ист-Ривер дул пронизывающий ветер, и в одной вязаной кофточке было очень холодно.

– Люк! – позвала Клэри. – Люк!

Пикап стоял на подъездной дорожке с распахнутой настезь передней дверью и включенными фарами.

Джейс нахмурился:

– Он оставил ключ в машине...

– Ты откуда знаешь? – спросил Саймон, захлопывая за собой дверь.

– Слышу, – отозвался Джейс и смерил его задумчивым взглядом. – Между прочим, если ты постарайся, тоже услышишь, кровосос.

Он усмехнулся и сбежал вниз по ступенькам.

– Кровосос мне нравится еще меньше примитивного, – пробормотал Саймон.

– Джейс не интересуется пожеланиями клиента при выборе оскорбительного прозвища, – вздохнула Клэри.

Она порылась в кармане джинсов и извлекла гладкий прохладный камешек. Ведьмин огонь засветился в ее руке, как маленькое солнце, и Клэри подняла его высоко над головой.

Джейс начал обходить пикап, остановился и нахмурился:

– Ну-ка посвети мне...

Он опустился на колени, провел по траве кончиками пальцев и достал из внутреннего кармана куртки знакомый Клэри предмет – гладкий металлический брусок, испещренный тонкой рунной вязью. Сенсор. Прибор резко затрещал, как зашкаливший счетчик Гейгера.

– Демон. След совсем свежий.

– Может, его оставил тот, который напал на Майю? – предположил Саймон.

– Слишком высокий уровень. Демонов было несколько. – Джейс встал. – Возвращайтесь в дом. Скажите Алеку, чтобы шел ко мне. Все-таки он не новичок.

Клэри уже хотела возмутиться, но тут заметила краем глаза какое-то движение на другой стороне улицы, на закопанном в бетон берегу Ист-Ривер. Там мелькнуло что-то очень быстрое, очень длинное – нечеловеческое...

– Смотрите! У воды! – закричала Клэри, указывая на фигуру пальцем.

Джейс коротко вскрикнул и помчался к реке, и Клэри с Саймоном побежали за ним, через Кент-стрит и полосу вытоптанной травы вдоль бетонного берега. Ведьмин огонь плясал в руке, разбрасывая лучи во все стороны и выхватывая из темноты то кучу мусора, то обломок расколотого бетона, о который Клэри едва не споткнулась, то разбитую бутылку – и наконец фигуру лежащего на земле человека.

Клэри сразу поняла, что это Люк, хотя лица его не разглядела – над ним нависали две темные горбатые тени. Люк лежал на спине, и на одну ужасную секунду Клэри показалось, что горбатые твари пытаются утопить его. Потом они отпрянули, испуская шипение круглыми безгубыми ртами, и Клэри увидела, что затылок Люка покоится на гравии, далеко от воды. Лицо у него было землисто-серым.

— Раумы.. — прошептал Джейс.

Саймон посмотрел на него круглыми глазами:

— Такая же тварь напала на Майю?

— Нет. Эти гораздо хуже, — отозвался Джейс, заслоняя собой Клэри и Саймона. — Назад, вы оба!

Он поднял клинок серафима и с криком «Исрафель!» бросился вперед, к ближайшему врагу. Лезвие засияло жарким огнем, и в его свете демон стал виден в мельчайших деталях — мертвенно-белая чешуя, идеально-круглая черная дыра вместо рта, жабыи глаза навыкате и руки с щупальцами вместо кистей. Одно из щупалец метнулось к Джейсу с невероятной скоростью, но он успел раньше. С отвратительным звуком Исрафель перерубил запястье демона, и щупальце, извиваясь, упало на землю прямо под ноги Клэри. Оно было грязно-белым, с кроваво-красными присосками, внутри каждой из которых виднелись мелкие и острые, как иглы, зубы.

Саймона передернуло. Клэри с отвращением отшвырнула бьющееся в агонии щупальце далеко в грязную траву. Подняв глаза, она увидела, что Джейс уже сбил раненого демона с ног и теперь они, сцепившись, катятся по камням к воде. Джейс размахивал сияющим клинком, уклоняясь от уцелевшего щупальца и брызг черной крови, хлещущей из обрубка. Клэри не знала, что делать — бежать к Люку или на помощь Джейсу, — и тут Саймон закричал:

— Берегись!!!

Клэри обернулась и увидела морду демона, прыгающего прямо на нее.

Времени хвататься за клинок серафима уже не было — тем более что его имя с перепугу вылетело из головы. Поэтому Клэри лишь выставила вперед локти, защищая лицо, и демон легко сбил ее с ног. Девушка с воплем упала, больно ударившись плечом о какую-то кочку. Одно гладкое лоснящееся щупальце обвилось вокруг ее запястья и больно сжало, второе метнулось к горлу.

Клэри в панике вцепилась в щупальце, пытаясь сорвать его с шеи, не дать ему задушить себя. Легкие уже горели огнем. Она изо всех сил пыталась вырваться из хватки демона, и вдруг... он отпустил ее сам!

Щупальца разжались, тварь отпрянула в сторону. Клэри со свистом втянула воздух и перекатилась на колени. Демон скорчился неподалеку, глядя на нее черными глазами без зрачков. Снова готовится прыгнуть? Клэри выхватила клинок и выкрикнула: «Накир!» Лезвие ослепительно засияло. Ей еще никогда не приходилось держать в руках Ангельский меч. Рукоять подрагивала в ладони — клинок казался живым. Воодушевленная, девушка вскочила на ноги, снова крикнула «НАКИР!» и направила удлинившийся клинок на демона.

К ее удивлению, демон попятился, размахивая щупальцами, словно испугался ее. Клэри увидела бегущего к ней Саймона с какой-то стальной трубой наперевес, позади него Джейс поднимался с земли. Второй демон пропал из виду — должно быть, Джейс его убил. Оставшийся раум, открыв круглую пасть, издавал ухающие звуки, как огромная напуганная сова. И вдруг он

развернулся, поскакал к берегу, размахивая щупальцами, и прыгнул в реку. Поднялся фонтан брызг, и от твари остались лишь пузыри.

Подскочил Джейс – запыхавшийся, весь забрызганный черной кровью.

– Что... произошло? – прохрипел он, сложившись пополам и тяжело дыша.

– Не знаю, – честно ответила Клэри. – Он бросился на меня, я попыталась отбиться, но он уже держал меня за горло. И вдруг отпустил! Как будто увидел что-то страшное.

– Ты цела? – выпалил подбежавший Саймон.

Он ничуть не запыхался, потому что вообще больше не испытывал потребности дышать, но был очень напуган. В руках он сжимал кусок трубы.

– Где ты это взял? – спросил Джейс.

– Оторвал от телефонной будки, – ответил Саймон и посмотрел на трубу так, словно только сейчас ее заметил. – Ничего себе... Чего не сделаешь на адреналине...

– Чего не сделаешь, когда у тебя нечистая сила проклятого, – сказал Джейс.

– Да заткнитесь вы! – в сердцах воскликнула Клэри, заслужив мученический взгляд от Саймона и гневный от Джейса.

Впрочем, Клэри сейчас было не до них – она бежала к Люку. Он лежал без сознания, но дышал! Его лицо покрывала мертвенная бледность, рукав на плече пропитался красным. Девушка как можно бережней отвела в сторону разорванную ткань рубашки и увидела несколько круглых отверстий там, где щупальце демона впилось Люку в плечо. Из отверстий сочилась кровь пополам с чем-то черным.

Клэри в ужасе вскрикнула:

– Скорее, надо отнести его в дом!

Джейс и Саймон подняли Люка и понесли. Магнус успел закончить с Майей и отправил ее спать в комнату Люка, поэтому диван в гостиной пустовал, и Люка уложили туда.

– Он выживет? Выживет? – Клэри в панике нарезала круги вокруг мага, который снова плел в воздухе сеть синих огоньков.

– Да все с ним будет нормально, – отмахнулся Магнус. – Яд раумов посложнее, чем у древаков, но для меня никакой проблемы не представляет. Особенно когда не стоят над душой... так что брысь отсюда!

Клэри нехотя отошла и села в кресло. Алек с Джейсом что-то оживленно обсуждали, стоя у окна. Джейс размахивал руками – видимо, рассказывал Алеку о демонах. Саймон прислонился к стене рядом с кухонной дверью, явно не зная, куда себя деть, и о чем-то глубоко задумался. Чтобы не глядеть

на серое лицо и запавшие глаза Люка, Клэри принялась рассматривать Саймона. Без очков его глаза были очень темными и казались в два раза больше, кожа сделалась белой и гладкой, как мрамор, с прожилками вен на висках и заострившихся скулах. Даже волосы стали темнее – возможно, на фоне фарфоровой кожи. Девушка вспомнила, как рассматривала вампиров в отеле «Дюморт» и думала о том, что среди них нет ни одного некрасивого. Тогда она решила, что физически непривлекательных людей просто не обращают, но теперь напрашивалась другая мысль – а не является ли привлекательная внешность побочным эффектом превращения в вампира? Может, идеальная кожа, блестящие глаза и волосы необходимы для выживания вида и нужны для приманивания жертвы?

Тут Клэри сообразила, что Саймон заметил, как она на него уставилась, и явно очень удивлен. Она быстро отвернулась и увидела, что синие огоньки погасли, а Магнус встает на ноги. Люк по-прежнему лежал с закрытыми глазами, но жуткая серая бледность сошла с его лица, а дыхание стало спокойным и глубоким.

– Магнус его вылечил! – воскликнула Клэри.

Алек, Джейс и Саймон сразу же подошли посмотреть. Саймон взял Клэри за руку, и она благодарно сжала его ладонь, радуясь его поддержке.

– Так с ним все будет в порядке? – спросил Саймон. – Ты уверен?

Магнус без сил опустился в кресло. Вид у него был совершенно измочаленный.

– Разумеется, уверен. Я верховный маг Бруклина, и знаю, что делаю. – Маг перевел взгляд на Джейса, который что-то тихо говорил Алеку. – И кстати, раз уж об этом зашла речь, не совсем понимаю, на каком вообще основании вы бежите ко мне из-за любого пустяка? Зачем беспокоить меня из-за проблем вроде вросшего ногтя, если в городе полно менее квалифицированных магов, которые окажут всю необходимую помощь по гораздо меньшим расценкам?

– Ты что, потребуешь плату? – изумилась Клэри. – Ведь Люк твой друг!

– Люк мне не друг, – произнес маг, вынимая из нагрудного кармана тонкую синюю сигарету, – просто знакомый – встречались с ним пару раз, когда он вместе с твоей мамой приводил тебя на очередной сеанс блокирования памяти. – Магнус провел над сигаретой рукой, и ее кончик немедленно загорелся. – То есть вы считаете, что я помогаю вам по доброте душевной? Или вы просто не знакомы больше ни с одним магом?

Джейс слушал этот монолог, и в его янтарных глазах начали тлеть искры гнева.

– Нет. Но ты в самом деле единственный маг, который крутит роман с кем-то из нас.

Все воззрились на Джейса: Алек – с ужасом, Магнус – в ярости, а Клэри и Саймон – с изумлением. Первым опомнился Алек.

– Зачем ты это сказал? – спросил он дрогнувшим голосом.

– А что такого?

– Это неправда, я вовсе не кручу с ним роман!

Джейс смерил его взглядом и произнес:

– Вообще-то я не называл имен. Отчего же ты принял мои слова на свой счет?

– Я не кручу с ним роман, – повторил Алек.

– В самом деле? – переспросил Магнус. – То есть ты просто так ласков со всеми?

– Магнус, – начал Алек умоляюще, но не нашел сочувствия.

Маг откинулся на спинку кресла, скрестил руки на груди и прикрыл глаза.

– Джейс, ты ведь не думаешь, что я... Я вовсе не...

Джейс покачал головой:

– Не понимаю, зачем ты пытаешься скрыть от меня свои отношения с Магнусом, если я равным счетом ничего против них не имею.

Это было сказано явно с целью утешить Алека, но, похоже, возымело прямо противоположный эффект. Тогда Джейс обратился к Магнусу:

– Помоги мне убедить его! Пусть встречается с кем хочет, мне абсолютно все равно!

– Не стоит усилий, – негромко ответил маг. – Он об этом прекрасно знает.

– Тогда я не понимаю, – в искреннем замешательстве сказал Джейс.

По лицу Магнуса стало ясно, что он борется с желанием немедленно объяснить Джейсу, в чем дело. Клэри стало жалко Алека. Она выпустила руку Саймона и сказала:

– Перестань, Джейс, оставь его в покое.

– Кого оставить в покое? – раздался голос Люка.

Люк сидел на диване и, хоть и морщился от боли, выглядел уже вполне здоровым. Клэри хотелось немедленно броситься ему на шею, но она удержалась, видя, что он все еще держится за раненое плечо.

– Ты помнишь, что с тобой случилось?

Люк провел рукой по лицу:

— Я вышел из машины, и что-то сильно ударило меня в плечо и отбросило в сторону. Боль была невероятная... Потом я, видимо, просто отключился. А когда пришел в себя, надо мной о чем-то спорили пять человек. Может, теперь расскажете, из-за чего шум?

— Просто так, — хором отозвались Клэри, Саймон, Алек, Магнус и Джейс в поразительном и, вероятно, неповторимом единодушии.

Люк вскинул брови, но больше вопросов задавать не стал.

Поскольку в комнате Люка спала Майя, он заявил, что останется на диване, отказавшись от предложения лечь в комнате Клэри. Тогда Клэри пошла за одеялом и простыней. Стаскивая плед с верхней полки бельевого шкафа в коридоре, она почувствовала, что за спиной кто-то стоит. От неожиданности девушка выронила плед и резко обернулась. Перед ней стоял Джейс.

— Прости, я тебя напугал.

— Ничего, — ответила Клэри, наклоняясь за пледом.

— Вообще-то я об этом не жалею, — продолжил Джейс. — По-крайней мере я добился отражения хоть каких-то эмоций у тебя на лице — впервые за несколько дней.

— Ты вообще не видел меня несколько дней.

— И кто в этом виноват? Я звонил тебе, ты не брала трубку. Между прочим, сам к тебе прийти я не мог. Я до сих пор под арестом, если ты вдруг забыла.

— Ничего, тебе есть с кем поболтать, — сказала Клэри с напускным легкомыслием. — У тебя есть Магнус. И «Остров Гиллигана».

Джейс довольно грубо ответил, что и куда весь актерский состав «Острова Гиллигана» может себе засунуть. Клэри вздохнула:

— Разве тебе не нужно уходить вместе с Магнусом?

В глазах Джейса на мгновение сверкнула затаенная боль.

— Не терпится поскорее прогнать меня?

Не в силах поднять глаза на Джейса, Клэри стала рассматривать его руки, его прекрасные тонкие пальцы, покрытые шрамами. На правом указательном пальце виднелась светлая полоска незагорелой кожи — там, где он носил кольцо Моргенштернов. Желание коснуться его руки было столь сильно, что Клэри хотелось швырнуть одеяло на пол и разрыдаться.

— Нет, Джейс, я не питаю к тебе ненависти.

— Я к тебе тоже.

Клэри наконец подняла голову и заговорила с облегчением:

— Я так рада это слышать...

— Я хотел бы ненавидеть тебя, — добавил Джейс. Хотя его голос звучал спокойно, а губы изогнулись в подобии беззаботной улыбки, глаза переполняла боль. — Я пытаюсь возненавидеть тебя. Это сильно упростило бы мне жизнь. Порой даже кажется, что мне наконец удалось, но потом я снова вижу тебя и...

Клэри затаила дыхание, крепко сжимая плед:

— И что?

— Сама-то как думаешь? Почему я должен открывать тебе свои чувства, если ты ничего не говоришь в ответ? Это все равно что биться головой о стену.

Губы Клэри дрожали так сильно, что сложно было говорить.

— А ты думаешь, мне легко?! Ты думаешь...

— Клэри?

В коридоре возник Саймон — появился так неожиданно, что Клэри снова вздрогнула и выронила одеяло. Она поспешила отвернуться, однако не успела — Саймон заметил выражение ее лица и предательский блеск глаз.

— Все ясно, — произнес он после долгой паузы. — Простите, что помешал.

И Саймон пошел обратно в гостиную, оставив Клэри смотреть ему вслед сквозь пелену слез.

— Чтоб тебе провалиться, Джейс! — выпалила она. — Почему ты всегда все портишь?!

Получилось гораздо более яростно, чем входило в ее намерения. Клэри сунула плед в руки Джейсу и побежала за Саймоном.

Она догнала его на крыльце. Входная дверь с грохотом захлопнулась за спиной.

— Саймон! Куда ты?

Он обернулся почти нехотя:

— Домой. Уже поздно. Не хотелось бы застрять здесь, когда взойдет солнце.

Отговорка получилась довольно неправдоподобной — до восхода было еще несколько часов.

— Ты же знаешь, что можешь переждать здесь день, если не хочешь попадаться на глаза маме. Ложись в моей комнате...

— Не самая лучшая идея.

— Почему? Зачем тебе вообще уходить?

Саймон невесело улыбнулся:

— Знаешь, что для меня ужасней всего?

Клэри моргнула:

— Нет.

— Не верить тому, кого люблю больше всех на свете.

Клэри схватила его за рукав. Саймон не стал вырываться, но и никак не ответил на прикосновение.

— Ты про...

— Да, — перебил Саймон. — Про тебя.

— Ты можешь мне верить!

— Раньше верил. А теперь мне кажется, что ты скорее готова умереть с тоски по тому, с кем быть не можешь, чем попытаться построить отношения с тем, кто всегда рядом с тобой.

Клэри почувствовала, что лгать сейчас бесполезно, и сказала:

— Просто дай мне время. Позволь со всем этим справиться.

— Вот, ты даже не пытаешься отрицать... — В свете фонаря его глаза были огромными и совсем темными.

— Прости меня.

— Не за что. — Саймон отвернулся и пошел вниз по ступенькам. — По крайней мере, я услышал правду.

Клэри сунула руки в карманы и смотрела ему вслед, пока он совсем не скрылся в ночных тенях.

Магнус и Джейс остались ночевать — маг решил подождать и посмотреть, как будут чувствовать себя Люк и Майя. Джейс сел за пианино, раскрыл ноты и полностью погрузился в разбор какой-то пьесы с листа. Клэри поболтала со скучающим Магнусом о пустяках и вскоре отправилась спать.

Сон не шел. Через стену было слышно, как Джейс играет на пианино, но Клэри не давала заснуть вовсе не музыка. Она думала о Саймоне; об отчаянии, с которым Джейс заявил ей, что хочет ее возненавидеть; о Магнусе, который не сказал Джейсу правды: Алек скрывает свои отношения с магом, потому что все еще влюблен в Джейса. Магнусу наверняка очень хотелось сказать правду, но он не стал этого делать, потому что Алек

намерен продолжать лгать и скрываться, а Магнус любит его и уважает его желания. Возможно, королева Летнего двора сказала правду: любовь и правда делает из людей лжецов.

13

Воинство мятежных ангелов

В «Призраках ночи» Равеля три части. Джейс сыграл первую, встал из-за инструмента, вышел на кухню, снял со стены телефон и сделал единственный звонок. Затем вновь вернулся к пианино и «Призракам ночи».

Когда третья часть произведения подходила к концу, на лужайке перед домом заплескал луч прожектора. Через пару секунд он погас, но Джейс уже встал и потянулся за курткой.

Бесшумно закрыв за собой входную дверь, он спустился с крыльца. На лужайке его ждал мотоцикл – странная машина, похожая на живой организм. Выхлопные трубы напоминали вздутые вены, погасшая фара тускло поблескивала, как глаз циклопа. Мотор глухо рокотал. Мотоциклист в коричневой кожаной куртке вопросительно смотрел на Джейса прищуренными глазами из-под спадающих на лоб кудрей. Острые клыки обнажились в улыбке. Разумеется, ни мотоцикл, ни его хозяин не принадлежали к живым, пусть даже таковыми казались, – их обоих питала энергия демонов, сила ночи.

– Рафаэль, – произнес Джейс вместо приветствия.

– Я пригнал машину, – ответил вампир. – Как ты и просил.

– Вижу.

– Мне очень любопытно, для чего нефилиму демонический мотоцикл, – продолжал Рафаэль. – Вряд ли Конклав это одобрил бы. Кроме того, по слухам, один такой у тебя уже есть.

– Да, есть, – признал Джейс, придирчиво осматривая мотоцикл со всех сторон. – Вот только он сейчас на крыше Института, и мне туда не добраться.

Вампир усмехнулся:

– Надо же, теперь дорога в Институт закрыта для нас обоих.

– А что, вы, кровососы, до сих пор числитесь в розыске?

Рафаэль сплюнул:

— Нас обвиняют в убийствах, которых мы не совершали.оборотня, фейри и даже мага! Я же сказал им, что мы не пьем кровь магов — она горькая и очень плохо сказывается на самочувствии.

— Ты объяснил это Маризе?

— Ну да, как же! — Глаза вампира сверкнули. — Я бы не смог поговорить с ней, даже если бы захотел. Сейчас все решения принимает Инквизитор, все вопросы и требования проходят через нее. Очень плохая ситуация, друг, очень плохая.

— Кому ты рассказываешь! — вздохнул Джейс. — И я тебе не друг. Я согласился не ставить Конклав в известность о том, что вы сделали с Саймоном, лишь потому, что мне пригодится твоя помощь, а вовсе не потому, что ты мне нравишься.

Рафаэль широко улыбнулся, сверкнув в темноте белыми зубами.

— Я тебе нравлюсь, — сообщил он утвердительно и добавил, склонив голову набок: — Странно... Я думал, что немилость Конклава собьет с тебя спесь. Но утрата статуса любимчика ничуть на тебе не сказалась.

— Стабильность — признак мастерства, — ответил Джейс. — Так ты собираешься отдавать мне мотоцикл? До рассвета всего несколько часов.

Рафаэль грациозно соскользнул с седла; на шее у него сверкнула золотая цепь.

— Насколько я понимаю, до дома ты меня не подбросишь?

— Нет, — ответил Джейс. — Но ты можешь поспать в подвале, если боишься не успеть до света.

Рафаэль хмыкнул. От Джейса он отличался меньшим ростом и миниатюрным сложением, но достаточно было взглянуть вампиру в глаза, чтобы понять, что он намного старше.

— Так мы в расчете за Саймона, нефилим?

Джейс завел мотоцикл и развернул его к реке:

— Едва ли мы когда-то будем в расчете, кровосос. Но будем считать, что начало положено.

С реки дул пронизывающий ветер, и Джейс сразу замерз. Холод проникал под тонкую куртку и джинсы тысячей ледяных иголок. Хорошо хоть руки были защищены кожаными перчатками.

В лунном свете мир утратил все краски. Река стала цвета стали, небо — сизым, как голубиное крыло, а горизонт темнел, как проведенная черной тушью линия. Над Вильямсбургским и Манхэттенским мостами мерцали огоньки; в воздухе пахло снегом, хотя до зимы оставалось еще несколько месяцев.

В прошлый раз за спиной у Джейса сидела Клэри и обнимала его, вцепившись в куртку маленькими пальцами. Тогда он не чувствовал холода...

Заложив крутой вираж, Джейс помчался над водой, глядя на собственную тень на поверхности. Выровняв курс, он наконец увидел то, что искал, — черный корабль без единого опознавательного знака и без единого фонаря. Его нос рассекал воду, как узкое лезвие. Корабль напоминал акулу — изящную, быструю, смертельно опасную.

Джейс сбавил скорость и стал осторожно снижаться — легко и бесшумно, как осенний лист на ветру. Он не чувствовал, что падает; напротив, казалось, что корабль сам приближается к нему, поднимаясь на волне. Колеса коснулись палубы, и мотоцикл остановился. Глушить мотор не пришлось — его рев перешел в мягкий рокот и наконец совсем затих, как только Джейс соскочил с седла. При этом вид у мотоцикла был такой же недовольный, как у собаки, хозяин которой ушел, приказав ей ожидать.

Джейс улыбнулся:

— Я за тобой вернусь. Только прогуляюсь по кораблю.

Простор для прогулок открывался довольно внушительный. Джейс стоял на левой стороне широкой палубы. Все вокруг покрывала черная краска — доски палубы, металлические перила, даже стекла иллюминаторов. Корабль оказался неожиданно большим — длиной с футбольное поле, а может, и больше. Джейсу еще не случалось видеть ничего подобного. Слишком большой для яхты, слишком маленький для военного корабля, да еще и абсолютно черный от носа до кормы. Интересно, где отец его достал...

Оставив мотоцикл на месте, Джейс не спеша стал обходить палубу. Облака разошлись, и теперь на небе сияли необыкновенно яркие звезды. Оба берега реки переливались городскими огнями, и Джейс шел словно по узкому коридору, освещенному с двух сторон. Каждый шаг гулко отдавался в тишине. Вдруг пришла мысль, что Валентина тут может не оказаться. Корабль выглядел совершенно заброшенным.

Река шрамом пролежала между Манхэттеном и Лонг-Айлендом. По ней бежали частые волны с серебряными бурунчиками, и дул сильный ветер — такой, который бывает только над водой. Джейс раскинул руки, и ветер тут же расправил куртку за его спиной, швырнул волосы в лицо и до слез обжег глаза.

Их особняк в Идрисе стоял у самого озера. Отец научил мальчика ходить под парусом, научил языку воды и ветра, показал, как держаться на воде и использовать воздушные потоки. Он говорил, что ходить под парусом должен уметь каждый человек. Отец вообще очень редко говорил «каждый человек», а не «каждый Сумеречный охотник», — и сказал тогда так, желая напомнить: кем бы ты ни был, ты принадлежишь к человеческой расе.

Смаргивая выступившие от ветра слезы, Джейс отвернулся от корабельного носа и увидел между двумя черными иллюминаторами дверь. Он быстрым шагом подошел к ней и подергал ручку. Заперто. Достав стило, он бегло начертил на металле несколько открывающих рун, и с возмущенным визгом петель дверь

распахнулась, подняв облако ржавой пыли. Джейс пригнул голову, чтобы не удариться о низкую притолоку, вошел внутрь и попал в полутемный колодец под железной лестницей. Пахнуло ржавчиной и запустением. Дверь за спиной захлопнулась с оглушительным металлическим звоном, и все погрузилось во тьму.

Джейс выругался и полез в карман за ведьминым огнем. Замерзшие пальцы в перчатках не хотели слушаться. Ему показалось, что внутри корабля еще холоднее, чем на палубе. Воздух обжигал, как лед. Джейс наконец нащупал рунный камень и вытащил его из кармана. Руки дрожали, причем не только от озноба. Джейса переполнял необъяснимый страх, от которого натянулся каждый нерв, а волосы на шее встали дыбом.

Ведьмин огонь вспыхнул в вздетой руке, и от его яркого света глаза начали слезиться еще сильнее. Сквозь радужную пелену Джейс увидел перед собой хрупкую девушку, прижимающую руки к груди. Ее рыжие волосы были как пятно яркой краски на черном металле.

Рука с ведьминым огнем затряслась так сильно, что лучи света заплясали по лестничному колодцу, как стая перепуганных светлячков.

— Клэри?

Она обратила к Джейсу белое как мел лицо с дрожащими губами, и вопрос замер у него на языке. Что она здесь делает? Как оказалась на корабле? С Клэри что-то не так!.. Грудь Джейса сжало в тисках страха — страха более сильного, чем он когда-либо испытывал за себя. Как только он шагнул к Клэри, она протянула руки ему навстречу. Ее пальцы обагрят кровь. Кровь заливала белое платье, как алый фарфур.

Клэри пошатнулась и стала падать; Джейс подхватил ее одной рукой, чуть не выронив из другой ведьмин огонь. Он чувствовал биение ее сердца, знакомое прикосновение волос к подбородку. Только запах от нее исходил совсем чужой — вместо аромата цветочного мыла и чистого хлопка от Клэри сейчас пахло железом и кровью. Ее голова запрокинулась назад, глаза вкатились, сердце билось все медленней и медленней, пока наконец...

— Нет! — закричал Джейс, сильно встряхивая Клэри за плечи так, что ее голова безвольно прикинула к его груди. — очнись!

Он снова встряхнул ее, и ресницы Клэри затрепетали. От облегчения Джейса прошиб холодный пот. Но когда она открыла глаза, они были не зелеными, а мутно-белыми и горели слепящим светом, как фары на ночной дороге. Джейс успел подумать, что уже видел где-то эти глаза, а потом тьма накрыла его с головой, и наступила тишина.

В темноте мерцали яркие светящиеся точки — дыры, пробитые в черной стене. Джейс закрыл глаза, пытаясь успокоиться. Он лежал на ледяной железной поверхности; холод проникал сквозь одежду и промораживал до костей. Джейс стал считать про себя от ста до одного в обратном порядке, пока дыхание не успокоилось. Тогда он снова открыл глаза. Вокруг по-прежнему была тьма, но теперь она превратилась в знакомое ночное небо, усыпанное

звездами. Джейс лежал лицом вверх на палубе в тени Бруклинского моста, нависшего над корабельным носом, как серая гора из камня и металла.

Застонав, Джейс приподнялся на локтях.. и замер. Над ним нависала тень, имевшая явно человеческие очертания.

— Ты основательно ударился головой, — произнес голос, преследовавший его в кошмарах. — Как себя чувствуешь?

Джейс с усилием приподнялся и сел, тут же пожалев об этом, потому что желудок немедленно взбунтовался. Не стошнило лишь потому, что за последние часов десять Джейс ничего не ел. Рот наполнился отвратительным вкусом желчи.

— Паршиво, — ответил Джейс отцу.

Валентин улыбнулся. Он восседал на стопке сложенных пустых картонок в аккуратном сером костюме и галстукe с таким непринужденным видом, будто сидел за письменным столом из красного дерева в своем особняке в Идрисе.

— У меня к тебе еще один вполне ожидаемый вопрос. Как ты меня нашел?

— Один из твоих раумов раскололся на допросе, — сообщил Джейс. — Ты сам когда-то показал мне, где у них сердце. Стоило приставить к нему клинок, и демон любезно согласился поделиться всем, что знает. Раумы, конечно, не отличаются сообразительностью, но у этого хватило мозгов объяснить мне, что он явился с корабля на реке. Я посмотрел и увидел тень на воде. Демон также сообщил, что прислал его именно ты, но это мне и так было известно.

— Ясно. — Валентин, похоже, прятал улыбку. — В следующий раз предупреждай, когда соберешься меня навестить. Это позволит избежать неприятностей с охраной.

— Охраной? — Джейс прислонился к железным перилам и полной грудью вдохнул чистый холодный воздух. — Ты про демонов? Призвал их с помощью Меча?

— Не буду отрицать, — сказал Валентин. — Люциан уничтожил мою армию Отреченных, и я не имел ни времени, ни желания создавать новую. Теперь, когда у меня есть Меч смерти, я могу призвать на свою сторону солдат получше.

Джейс подумал о Клэри, истекающей кровью у него на руках, и приложил ладонь ко лбу. Кожа стала холодной там, где касалась перил.

— Там на лестнице ведь была не Клэри? — спросил он.

— Клэри? — повторил Валентин с некоторым удивлением. — Так ты видел Клэри?

— А что такого? — произнес Джейс как можно более ровным голосом.

Он довольно спокойно относился к секретам — как к своим, так и к чужим, — однако понимал, что сможет жить со своими чувствами к Клэри, только если не будет в них копать. А Валентин всегда во всем копается, изучает,

анализирует и решает, какую извлечь для себя выгоду. Этим он напоминал королеву Летнего двора – холодную, недобрую, расчетливую.

– На лестнице тебя встретил Аграмон, – сказал Валентин. – Демон страха. Он принимает форму того, чего человек боится более всего на свете, и питается страхом. Насытившись, он убивает жертву – если, конечно, она еще жива. Как правило, человек успевает прежде умереть от ужаса. Так что мои поздравления, ты держался молодцом.

– Аграмон? – переспросил Джейс в изумлении. – Высший демон? Как ты до него добрался?

– Призвал один очень юный и самонадеянный маг. Больше всего глупый мальчишка боялся, что демон вырвется из пентаграммы и убьет его. Именно так и произошло.

– Так, значит, вот как он умер... – пробормотал Джейс.

– О чем ты?

. – Мага звали Илия, ему было шестнадцать. Впрочем, тебе все это известно. Ты использовал его для ритуала обращения меча.

Валентин расхохотался:

– Да ты, я смотрю, времени зря не терял. Значит, ты уже в курсе, зачем я прислал демонов к дому Люциана.

– Ты прислал их за Майей, – ответил Джейс. – Она дитя оборотней. Тебе нужна ее кровь.

– Вообще-то, я прислал древаков, желая узнать, что делает Люциан. Одного из них он убил, но второй вернулся и доложил о присутствии молодой особи ликантропа...

– ...и ты прислал раумов за ней. – Джейс вдруг почувствовал невероятную усталость. – Майя дорога Льюку, а ты не упустишь случая навредить ему. – Он помолчал и добавил спокойным тоном: – Это очень подло, даже для тебя.

На секунду в глазах Валентина вспыхнула ярость, потом он запрокинул голову и расхохотался:

– Я восхищаюсь твоим упрямством! Просто моя копия. – Он встал и протянул Джейсу руку: – Пойдем, я хочу тебе кое-что показать.

Джейс хотел оттолкнуть предложенную руку, но рассудил, что едва ли сможет подняться без посторонней помощи, кроме того, не следовало злить отца раньше времени. Что бы Валентин ни говорил о своем восхищении упрямством, он не терпел непослушания.

Ладонь отца была сухой и прохладной, а прикосновение – неожиданно ободряющим. Как только Джейс встал на ноги, Валентин отпустил его и вытащил из кармана стило.

– Позволь исцелить тебя, – сказал он.

Джейс отвел его руку – после секундного колебания, наверняка не укрывшегося от глаз Валентина.

– Мне не нужна твоя помощь.

– Как знаешь.

Валентин убрал стило и пошел по палубе. Джейс припустил трусцой, чтобы его догнать. Он хорошо знал отца: тот не будет оглядываться, не сомневаясь, что сын идет за ним следом.

Действительно, Валентин уже начал что-то говорить, заложив руки за спину и шагая вперед с безмятежной грацией, необычной для человека столь внушительной комплекции. Он слегка наклонился вперед, как будто шел против сильного встречного ветра.

– ...насколько я помню, ты знаком с поэмой «Потерянный рай» Джона Мильтона? – услышал Джейс.

– В общих чертах. Ты заставил меня прочесть ее десять или пятнадцать раз. Лучше быть Владыкой Ада, чем слугою Неба, и все такое.

– Non serviam, – промолвил Валентин. – «Я не буду служить». Этот девиз написал на своем знамени Люцифер, когда повел воинство мятежных ангелов против несправедливой власти.

– И что ты хочешь сказать? Что выбрал сторону дьявола?

– Некоторые считают, что Милтон сам был на стороне дьявола, – произнес Валентин. – По-крайней мере, Сатана у него вышел гораздо более интересной фигурой, чем Бог.

Они почти дошли до носа корабля. Валентин перегнулся через перила, Джейс встал рядом с ним. Корабль миновал мосты и теперь шел в сторону открытой воды между Стейтен-Айлендом и Манхэттенем. Отражения неоновых вывесок ведьминскими огнями плясали на воде. Небо припорошила алмазная пыль, и река хранила свои тайны под гладкой черной поверхностью, на которой тут и там всплескивал серебристый хвост – то ли рыбий, то ли русалочий. Джейс пытался думать об этом городе как о своем, но ничего не выходило. Родными для него по-прежнему были хрустальные башни Аликанте, а не высокие небоскребы Манхэттена.

– Зачем ты явился сюда, Джонатан? – спросил Валентин после паузы. – Я думал, что после увиденного в Городе костей ты воспылал ко мне ненавистью. Признаться, я уже оставил надежду увидеть тебя рядом с собой.

Под мнимым спокойствием и сдержанностью его тона явственно слышалось что-то незнакомое – если не уязвимость, то по меньшей мере искреннее любопытство. Валентин совсем не ожидал, что Джейс может удивить его.

– Королева Летнего двора велела задать тебе один вопрос, – сказал Джейс, глядя на воду. – Чья кровь течет в моих жилах?

На лице Валентина отразилось сильнейшее удивление, как рукой снявшее все другие эмоции с его лица.

— Ты говорил с королевой?

Джейс ничего не ответил.

— Ну что ж, просьба вполне в духе дивного народца. Все, что они говорят, имеет скрытый подтекст. Если королева снова спросит тебя, можешь сказать ей, что в твоих жилах течет кровь Ангела.

— Как и у любого нефилима, — разочарованно протянул Джейс. Он действительно ожидал услышать что-то новое. — Ты ведь не стал бы лгать королеве Летнего двора?

— Нет, — резко бросил Валентин. — А ты не стал бы искать меня только затем, чтобы задать глупый вопрос. Зачем ты пришел на самом деле, Джонатан?

— Захотелось поговорить с кем-нибудь, — сказал Джейс. Он владел своим голосом не так хорошо, как отец, поэтому в его словах ясно слышалась боль, словно кровь лилась из открытой раны. — Лайтвудам от меня теперь одни неприятности. Люк наверняка меня ненавидит. Инквизитор желает моей смерти. Я чем-то обидел Алека, и не имею ни малейшего представления чем именно.

— А сестра? — спросил Валентин. — Как твои отношения с Клариссой?

Почему ты всегда все портишь?!

— Она тоже от меня не в восторге... — Джейс подумал и добавил: — В Городе костей ты обмолвился, что тебе не представилось возможности сказать мне правду. Знай, я не верю тебе. Но я подумал, что по крайней мере надо дать тебе шанс все объяснить.

— У тебя есть на это право, Джонатан. — В голосе Валентина слышались такие чуждые ему нотки смирения, что Джейс вздрогнул. — Ты наверняка хочешь задать мне очень много вопросов.

— Зачем ты убил Безмолвных братьев? Зачем украл Меч смерти? Чего ты добиваешься? Почему тебе было мало одной Чаши?

Джейс замолчал, прежде чем с языка сорвались другие вопросы. Почему ты покинул меня во второй раз? Почему сказал, что я больше тебе не сын, а потом вновь вернулся за мной?

— Ты знаешь, чего я добиваюсь? Конклав прогнал насквозь. Его нужно уничтожить и создать заново. Идрис должен освободиться от влияния дегенеративных рас, а угроза нападения демонов на этот мир должна быть полностью устранена.

— Да-да, кстати о демонах... — Джейс оглянулся, словно ожидая увидеть у себя за спиной черную тень Аграмона. — Я думал, ты ненавидишь демонов, а

они, значит, теперь тебе служат? Пожиратель, древаки, Аграмон – впечатляющий штат прислуги. Охрана, дворецкий, личный повар... Наверняка еще кто-нибудь есть.

– Демоны мне не друзья, – ответил Валентин, барабанил пальцами по перилам. – Я всегда останусь нефилимом, что бы я ни думал о бесполезности Завета и несправедливости Закона. Истинному патриоту порой необходимо превратиться в отступника и отказаться от своего места в обществе из любви к родной земле. За мои убеждения меня объявили врагом, изгнали из Идриса, заставили скрываться. Но я всегда буду нефилимом. Я не смог бы изменить кровь в своих жилах, Даже если бы захотел. А я не хочу.

Зато я хочу, подумал Джейс, вспомнив о Клэри.

И все же он понимал, что лжет себе. Он бы не смог отказаться от охоты, от жизни, полной адреналина, от уверенности в своей силе и скорости реакции. Он воин – и не может быть никем другим.

– А ты хочешь? – спросил Валентин.

Джейс быстро отвел взгляд, надеясь, что Валентин не успел по глазам прочитать его мысли. Они жили вдвоем так долго, что успели прекрасно изучить друг друга. Когда-то Джейс знал лицо отца в мельчайших деталях – лучше своего собственного. Валентин был единственным человеком, от которого Джейс не мог скрыть свои чувства. Ну, может быть, первым человеком, потому что иногда Джейсу казалось, что Клэри тоже видит его насквозь.

– Нет, не хочу.

– Останешься нефилимом навсегда?

– Я останусь тем, кого ты из меня сделал.

– Хорошо, – заключил Валентин. – Именно это я и хотел услышать. – Он прислонился спиной к перилам и поднял лицо к ночному небу. – Это война. Вопрос в том – на чьей ты стороне?

– Я полагал, что все мы на одной стороне – против демонов.

– Не все так просто. Неужели ты считаешь, что я стал бы бороться с Конклавом, если бы думал, что он действует в интересах этого мира и делает все возможное для его защиты? Ради чего тогда, во имя Ангела, стал бы я бунтовать?

Ради власти, подумал Джейс, однако промолчал. Он уже не знал, что ему говорить и чему верить.

– Если Конклав будет продолжать действовать в том же духе, демоны почувствуют слабость и нанесут удар. Конклав, поглощенный заигрыванием с дегенеративными расами, не сможет дать отпор. Демоны уничтожат все, не оставят в нашем мире камня на камне.

Дегенеративные расы... Знакомые слова. Они напоминали Джейсу об Идрисе и поэтому почти не резали слух. Перед глазами вдруг всплыло неясное воспоминание из далекого детства – жаркое солнце, свежескошенная лужайка, огромная широкоплечая фигура отца, который склоняется над ним, совсем маленьким, подхватывает на руки и несет к дому. Прошло много лет, но Джейс прекрасно помнил, как пахла трава, как сияли светлые волосы вокруг головы отца, будто нимб, и как хорошо и спокойно ему было в сильных родных руках.

– Я не считаю, что Люк принадлежит к дегенеративной расе, – сказал он, сделав над собой усилие.

– Люциан – особый случай. Он родился нефилимом, – бесстрастно произнес Валентин. – Я говорю сейчас не о конкретных представителях нежити, Джонатан. Я говорю о судьбе всего живого. Нефилимы избраны Ангелом неслучайно. Мы ближе всех стоим к богам, мы лучшие дети этого мира, и наше предназначение – спасти его, чего бы это нам ни стоило.

Джейс оперся на перила локтями. Дул пронизывающий ветер, и кончики пальцев онемели. Но мысли его уносились туда, где зеленели холмы, плескалась голубая вода и солнце золотило теплые камни особняка Вэйландов.

– Сатана тоже сказал Адаму и Еве, что они станут равны богам. Они послушали его – и были изгнаны из райского сада.

Повисло молчание, а потом Валентин расхохотался:

– Затем ты и нужен, Джонатан. Чтобы не дать мне впасть в грех гордыни.

– Гордыня не единственный грех. – Джейс выпрямился и посмотрел на отца. – Ты не ответил на мой вопрос о демонах. Чем ты можешь оправдать то, что призвал их на свою сторону? Ты намерен выставить их против Конклава?

– Разумеется, – ответил Валентин убежденно, без малейшего колебания, ни на секунду не усомнившись, не побежит ли Джейс сообщать о его замыслах Конклаву. Джейса потрясло то, насколько отец уверен в успехе. – Конклав не внемлет доводам разума, он понимает лишь силу. Сначала я пытался создать армию Отреченных; затем с помощью Чаши я мог бы собрать армию новых нефилимов. Однако на это нужны годы, которых у меня нет. Меч дает мне власть над демонами. Они сделают все, что я им прикажу. А когда я добьюсь всего, что запланировал, я прикажу им уничтожить самих себя.

Голос отца звучал совершенно бесстрастно. Джейс до боли стиснул руки на перилах:

– Ты не можешь перебить нефилимов, которые будут тебе противостоять. Это убийство.

– Когда Конклав поймет, какая сила противостоит ему, он сдастся. Они не пойдут на верную гибель. Кроме того, в Конклаве есть те, кто поддерживает меня. – В этих словах не было ни доли высокомерия, лишь спокойная уверенность. – Они еще заявят о себе, когда придет время.

— Думаю, ты недооцениваешь Конклав, — сказал Джейс, стараясь говорить уверенно. — По-моему, ты не понимаешь, как сильно они тебя ненавидят.

— Ненависть — ничто по сравнению с жадой жизни. — Рука Валентина легла на рукоять меча в поясных ножнах. — Не надо верить мне на слово. Сейчас ты все увидишь своими глазами.

Он вытащил меч и вручил его сыну. Джейс уже видел Мэллертах на стене в зале Говорящих Звезд в Городе молчания. Он также видел его рукоять, торчащую из ножен за плечом Валентина. Но он никогда не видел легендарный Меч вблизи. Меч Ангела. Тяжелый, темный, тускло блестящий. Свет будто проходил сквозь него, словно Меч был соткан из воды. На его рукояти огненной розой цвела искра света. У Джейса пересохло во рту.

— Красивый.

— Возьми его, — сказал Валентин, протягивая сыну Меч так, как сам всегда учил, — рукоятью вперед.

В свете звезд лезвие отбрасывало черные отблески. Джейс колебался:

— Не надо...

— Возьми! — Валентин вложил рукоять ему в ладонь.

Как только пальцы Джейса сомкнулись на рукояти, по Мечу прокатилась волна яркого света. Джейс покосился на отца, но лицо Валентина ничего не выражало.

Руку пронзила странная боль, поднимавшаяся к груди. Не то чтобы Меч был тяжел — вовсе нет. Просто он хотел утешить Джейса вниз, сквозь палубу корабля, сквозь зеленую морскую воду, сквозь самую хрупкую земную кору. Дыхание перехватило. Джейс задрал голову и отяделся.

На ночное небо будто набросили сияющую золотую сеть, и звезды мерцали сквозь ее ячейки, как шляпки блестящих гвоздей, забитых в темный небесный купол. Джейс на мгновение застыл, пораженный красотой. А потом небесный купол раскололся, как стекло, и вместе с осколками из дыры посыпались уродливые темные фигуры — кривые, горбатые, клыкастые и вообще безликие. Целый легион, и все они испускали чудовищный беззвучный вой, выжигающий сознание. Под ледяным ветром скакали шестиногие лошади, выбивая копытами кровавые искры из железной палубы, а на их спинах восседали совершенно неопишуемые твари. В небе парили безглазые существа с кожистыми крыльями, вереща и плюясь ядовитой зеленой слизью.

Не в силах справиться с тошнотой, Джейс перегнулся через перила, все еще сжимая Меч в руке. Внизу вода кишела демонами, как адское варево. Какие-то твари с налитыми кровью глазищами и острыми плавниками отчаянно отбивались от скользких черных шупалец; десятиногий водяной паук вонзал челюсти в бьющийся хвост русалки, и та жалобно вопила. Глаза паука хищно мерцали кроваво-красными бусинами.

Меч выпал из руки и со звоном упал на палубу. Ужасающее видение тут же исчезло. Ночь снова была тиха и спокойна. Вцепившись в перила, Джейс

смотрел вниз, на морские волны, и не видел там ничего, кроме белых барашков от ветра...

— Что это? — прошептал он. — Это все демоны, которых ты призвал?

— Нет, — ответил Валентин, убирая Мэллертах в ножны. — Это демоны, которых Меч собрал на границе этого мира. Я привел корабль именно сюда потому, что здесь тонка грань между мирами. Ты видел мою армию, которая ждет, когда я поведу ее в бой. — Он посмотрел на Джейса с мрачной решимостью и спросил: — По-прежнему думаешь, что Конклав откажется капитулировать?

Джейс закрыл глаза:

— Найдутся те, кто откажется. Например, Лайтвуды.

— Так убеди их. Если примешь мою сторону, я обещаю тебе, что Лайтвуды не пострадают.

Тьма под веками Джейса окрасилась красным. Он видел пепелище дома, в котором вырос, обугленные кости бабушки и дедушки, которых он так и не встретил, и лица дорогих ему людей — Алека, Изабель, Макса, Клэри...

— Я уже причинил им так много зла... С ними больше ничего не должно случиться. Ничего!

— Конечно, — сказал Валентин. — Я понимаю.

И Джейс вдруг с удивлением осознал, что отец действительно понимает сейчас его чувства, как никто другой не мог бы понять.

— Ты думаешь, что виноват во всех бедах, постигших твою семью и друзей, — продолжал Валентин.

— Я действительно в них виноват.

— Ты прав.

Этих слов Джейс никак не ожидал. Удивление смешалось в нем с ужасом и облегчением от того, что отец с ним согласен.

— Да?

— Разумеется, ты причинил им вред ненамеренно. Но мы с тобой одинаковы — мы отравляем и губим все, к чему испытываем любовь. И тому есть причина.

— Какая же?

Валентин посмотрел на небо:

— Наше предназначение — служить высшей цели, не отвлекаясь ни на какие соблазны. Забыв о служении цели, мы несем справедливую кару.

– Кару, которая обрушивается на тех, кого мы любим? Не слишком ли жестоко по отношению к близким?

– Судьба никогда не бывает справедлива. Нет смысла пытаться плыть против течения, которое явно сильнее тебя, – так точно утонешь и потопишь всех, кто рядом. Но если будешь плыть по течению, ты выживешь.

– А Клэри?

– С твоей сестрой ничего не случится, если ты будешь на моей стороне. Я сделаю все возможное и невозможное, чтобы защитить ее. Я увезу ее в Идрис, где ей ничто не угрожает. Обещаю.

– Алек? Изабель? Макс?

– Я обещаю защиту и детям Лайтвудов.

– А Льюк? – спросил Джейс тихо.

Валентин помедлил:

– Я обещаю защиту всем твоим друзьям. Почему ты не веришь мне, Джонатан?

Джейс не мог произнести ни слова. В его душе осенний холод боролся с воспоминаниями о лете.

– Ты принял решение?

Джейс не видел лица Валентина, но понял, что этот вопрос будет последним. Тогда он открыл глаза. Свет звезд вспыхнул так ярко, что все вокруг попросту исчезло.

– Да, отец. Я принял решение.

Часть третья

День гнева

День гнева, тот день,

повергнет мир во прах,

тому свидетель Давид с Сивиллой.

Секвенция «Судный день» [3]

Бесстрашие

Когда Клэри проснулась, в окна лился яркий дневной свет. Очень болела левая щека. Девушка подняла голову: она уснула на своем блокноте, и в щеку впился его острый угол. Да еще незакрытый фломастер упал на диван, и по обивке теперь расплывалось черное пятно. Застонав, Клэри села, яростно потерла щеку и направилась в душ.

Ванная хранила следы всех событий вчерашней ночи: из мусорной корзины торчали окровавленные тряпки, на раковине засохли ржаво-красные потеки. Клэри поежилась, схватила флакон грейпфрутового геля и юркнула в душ, надеясь смыть с себя неприятные воспоминания.

После душа, закутавшись в банный халат Люка и обернув влажные волосы полотенцем, она вышла из ванной и столкнулась нос к носу с верховным магом Бруклина. В одной руке Магнус держал полотенце, а другую запустил в свою сверкающую, но довольно помятую шевелюру.

— И почему девчонки вечно зависают в душе? — спросил он. — Неважно, кто эта девчонка по жизни — Сумеречный охотник, оборотень, вампирша или примитивная: если она пошла в душ «на минуточку», смело рассчитывай на два часа. Между прочим, я не молодею, стоя тут под дверью!

— А кстати, сколько тебе лет? — поинтересовалась Клэри.

Маг лукаво подмигнул и ушел от ответа:

— Я помню времена, когда Мертвое море еще было озером! Давай, копуша, двигай попой, мне надо принять душ. С такой головой нельзя показываться в приличном обществе.

— Смотри не вылей на себя весь мой гель — он дорогой, — сказала ему Клэри и пошла на кухню делать кофе.

От восхитительного аромата, разлившегося по кухне, настроение тут же наладилось. Этот мир не так уж плох, покуда в нем есть кофе. Клэри направилась в комнату одеваться — и вернулась через десять минут в джинсах и свитере в сине-зеленую полоску. Она потрясла Люка за плечо, и тот со стоном сел, потирая заспанное лицо.

— Как себя чувствуешь? — спросила Клэри, вручая ему шербатую чашку, над которой курился ароматный пар.

— Уже лучше. — Люк рассматривал разорванный и запятнанный кровью рукав рубашки. — Где Майя?

— Спит в твоей комнате, — сказала Клэри, усаживаясь на подлокотник. — Ты ее сам туда отправил, забыл?

Люк протер глаза.

— Я вообще плохо помню прошлую ночь, — признался он. — Помню, что выходил отогнать машину, а дальше все как в тумане.

— Возле дома были еще демоны. Они на тебя напали, но мы с Джейсом с ними разобрались.

— Древаки?

— Нет, — неохотно сказала Клэри. — Раумы.

— Раумы?! — Люк выпрямился. — Это очень серьезно! Они даже опаснее древаков.

— Мы справились.

— Кто «мы»? Ты или Джейс? Клэри, я не хочу, чтобы ты подвергала себя опасности! А Магнус что делал? Почему он не пошел с вами?

— Я был занят. — Источая аромат грейпфрута, в кухню важно вплыл Магнус в синем атласном спортивном костюме с серебряными лампасами; его голову украшала чалма из полотенца. — Лечил сначала девчонку, потом тебя. И где благодарность?

— Я тебе благодарен. Просто если бы что-то случилось с Клэри...

— Они с Джейсом прекрасно справились, — отмахнулся Магнус, садясь в кресло. — А я не мог бросить пациента.

— На самом деле все произошло не так... — начала объяснять Клэри, но тут в комнату вошла Майя во фланелевой рубашке Люка, наброшенной поверх вчерашней футболки.

— Тут пахнет кофе? — спросила она с надеждой, потягивая носом воздух.

Клэри смотрела, как Майя с трудом ковыляет через комнату и осторожно садится, — и думала о том, что вообще-то оборотню не положено иметь такую женственную фигуру. Лучше бы Майя была большой, косматой и желательно с мохнатыми ушами... Тут Клэри одернула себя: именно из-за такого отношения к девушкам у нее совсем нет подруг. Пора уже исправляться.

— Принести тебе кофе? — спросила она, вставая.

— Да, пожалуйста, — попросила Майя. — С молоком и сахаром.

Когда Клэри вернулась с дымящейся кружкой, Майя жаловалась:

— Я вообще ничего не помню... Только душа отчего-то не на месте, как будто с Саймоном что-то случилось...

— Вероятно, потому, что вчера ты пыталась его убить, — сказала Клэри, усевшись обратно на подлокотник.

Майя побледнела и невидящим взглядом уставилась на свою кружку:

— Я совсем забыла. Он же теперь вампир. — Она подняла глаза на Клэри: — Я не хотела! Я просто...

— Ну? — Клэри вскинула брови. — Просто что?

Майя залилась краской и опустила кружку на журнальный столик.

— Тебе стоило бы прилечь, — посоветовал Магнус. — Очень помогает при внезапно нахлынувшем чувстве вины.

И вдруг неожиданно для всех глаза девушки-оборотня наполнились слезами. Клэри в ужасе посмотрела на Магнуса и Люка.

— Сделай что-нибудь! — еле слышно прошептала она Люку.

Пусть Магнус и умел врачевать самые серьезные клееные раны, вожак оборотней явно располагал большим опытом по части утешения плачущих девочек. Люк уже хотел встать, но тут входная дверь отворилась, и в гостиную вошел Джейс в сопровождении Алека, который нес в руках белую коробку. Магнус быстрым движением снял с головы полотенце и уронил его за спинку кресла. Без геля и блестящего лака его волосы были темными и длинными, почти до плеч.

Джейс выглядел напряженным, как натянутая струна, и в то же время очень усталым. Под глазами темнели круги. Его взгляд бесстрастно скользнул по Клэри и остановился на Майе, тихо плачущей и явно не замечающей ничего вокруг.

— Да я смотрю, тут все в отличном настроении, — произнес он холодно. — Прямо-таки в боевом.

Майя быстро вытерла слезы и пробормотала:

— Зараза... Ненавижу реветь на глазах у Охотников!

— Так иди поплачь где-нибудь еще, — посоветовал Джейс. — Не слишком удобно обсуждать серьезные вещи, когда над ухом кто-то хнычет.

— Джейс! — одернул его Люк, но Майя уже вскочила и убежала.

— Мы не обсуждаем ничего серьезного, — сказала Клэри с укором.

— Сейчас начнем, — сообщил ей Джейс, усевшись на табурет у пианино и вытянув длинные ноги. — Вот прямо сейчас Магнус начнет на меня орать. Правда же, Магнус?

— Совершенно верно, — отозвался маг, с трудом отведя взгляд от Алека. — Где тебя черти носили?! Я вполне доходчиво объяснил, что ты не должен выходить из дома!

— Я думала, он не может выйти, — пробормотала Клэри. — Я думала, его держат специальные чары..

— Вообще-то, да, — сварливо заметил маг. — Но вчера я слишком сильно выложился, пока лечил оборотней.

— Выложился? То есть...

— Ну! — злобно оборвал ее Магнус. — Мои силы небезграничны! В конце концов, я тоже человек, пусть и наполовину.

— Ты знал, что твои чары ослабли? — спросил Льюк с сочувствием.

— Разумеется. Поэтому пришлось взять с маленького поганца честное слово, что он из дома не выйдет. Теперь я знаю, чего стоит пресловутая клятва нефилима.

— Надо было заставить поклясться как следует, — невозмутимо сказал Джейс. — Именем Ангела. Все прочие клятвы — пустой звук.

— Это правда, — подтвердил Алек.

— Разумеется, правда, — сказал Джейс, взял со стола чашку Майи, к которой она так и не притронулась, отхлебнул и скривился: — Ну вот, с сахаром..

— И где же ты шлялся всю ночь? — спросил маг. — Прогуливался с Алеком под луной?

— Просто не мог заснуть и пошел подышать свежим воздухом, — отозвался Джейс. — А этого унылого олуха обнаружил киснушим на крыльце, когда вернулся.

Лицо мага тут же просветлело.

— Ты что, сидел там всю ночь? — спросил он Алека.

— Нет! Я уходил ночевать домой, а затем вернулся. Разве не видишь, на мне другая одежда!

На самом деле на Алеке красовались ровно те же самые джинсы и темный свитер, что и вчера, но Клэри решила не акцентировать на этом внимание.

— А что в коробке? — спросила она.

Алек растерянно посмотрел на коробку, словно вообще успел о ней забыть:

— Пончики. — Он открыл крышку. — Никто ведь не откажется от пончика?

Действительно, никто не отказался. Джейс не отказался от двух. После кружки кофе и пончика с заварным кремом Льюк слегка ожил, откинул одеяло и сел повыше.

— Одно не могу понять... — начал он.

— Только одно? — переспросил Джейс. — Круто! Значит, вы можете дать фору всем присутствующим.

— Когда я вчера не вернулся, вы пошли за мной вдвоем..

— Втроем, — уточнила Клэри. — С нами пошел Саймон.

— Саймон тоже? — Вид у Люка сделался еще более несчастный. — Замечательно.. Значит, втроем против двух раумов. Все остались живы, хотя Клэри утверждает, что вы не убили ни одного демона. Так что же все-таки произошло?

— Одного я просто упустил, — сказал Джейс.

— Не понимаю, почему раумы сбежали, — сказал Алек. — Их было двое, вас трое. Неужели они испугались численного перевеса?

— Вы уж не обижайтесь, — вмешался Магнус, — но раумы не испугались бы очень молодого необстрелянного нефилима и свежее испеченного вампира, у которого поджилки трясутся. Достойным противником они могли счесть только Джейса.

— По-моему, они испугались меня, — сказала Клэри и добавила в ответ на раздраженный возглас мага: — Не потому, что я такая грозная, а потому, что увидели на мне вот эту руну.. — Она вытянула руку, показывая всем знак на внутренней стороне предплечья.

Внезапно повисла тишина. Первым заговорил Люк:

— Я никогда не видел такого знака. А вы?

— Я не видел, — сказал Магнус. — И мне он не нравится.

— Не знаю, что означает эта руна, — сказала Клэри, опуская руку. — Ее нет в Серой книге.

— В Серой книге есть все руны, — уверенно сказал Джеймс.

— Этой нет. Я увидела ее во сне.

— Во сне? — Джейс воспринял эти слова как личное оскорбление. — Ты издеваешься?

— И не думала! Помнишь, что случилось в Летнем дворе? — Джейс посмотрел на нее так, будто Клэри его ударила, поэтому она поспешила добавить: — Королева сказала, что отец ставил на нас эксперименты. Пытался сделать нас особенными. Помнишь? «Твой дар — дар слов непроизносимых, а брату достался иной дар».

— Дивный народ очень любит выдать какую-нибудь бессмыслицу высоким стилем!

— Фейри не лгут, Джейс. Дар слов непроизносимых — это руны! У каждой из них есть значение, но их нельзя произнести, их можно только нарисовать! — Не обращая внимания на его скептический взгляд, Клэри продолжала: — Помнишь, ты хотел знать, как я открыла дверь твоей камеры в Городе молчания? Я использовала одну-единственную открывающую руну.

— И все? — удивленно переспросил Алек. — Дверь просто снесло с петель!

— Руна открыла не только дверь, — продолжила Клэри. — В камере отворилось все, что закрывалось на замок, в том числе наручники Джейса. По-моему, королева хотела сказать, что я способна рисовать очень сильные руны и, возможно, даже создавать новые.

Джейс покачал головой:

— Никто не может создавать новые руны.

— А если может? — сказал Алек. — У нее на руке действительно знак, которого никто никогда не видел.

— Алек прав, — произнес Лжк. — Клэри, принеси-ка свой блокнот.

Клэри посмотрела на него с удивлением. Серо-голубые глаза Люка смотрели устало, но так же спокойно и решительно, как и тогда, когда Клэри было шесть лет и он стоял под лесенкой для лазания на детской площадке Проспект-парка, чтобы в любой момент поймать ее.

— Хорошо, — сказала Клэри. — Сейчас принесу.

Проходя через кухню, она увидела, что Майя по-прежнему сидит там с несчастным видом. При виде Клэри девушка-оборотень тут же вскочила:

— Можно с тобой поговорить?

— Вообще-то я спешу за одной вещью...

— Мне жаль, что так вышло с Саймоном. Я не соображала, что делаю.

— Да ну? А как же твои слова про то, что вампиры и оборотни обязаны ненавидеть друг друга?

Майя тяжело вздохнула:

— Вообще-то, с этим действительно ничего нельзя поделать. Но мне явно не стоило торопить события.

— Зачем ты говоришь это мне? Скажи Саймону.

Майя снова покраснела:

— Вряд ли он захочет теперь со мной общаться.

— Почему бы нет? Он парень отходчивый.

Майя посмотрела на нее внимательным взглядом:

— Не хочу показаться настырной... У вас с ним роман?

Клэри почувствовала, что сама заливается краской:

— А почему тебя это интересует?

Майя пожала плечами:

— Когда я впервые его увидела, он назвал тебя своим другом. В следующий раз — уже своей девушкой. Вот мне и любопытно — вы сами-то определились?

— Ну, вообще-то сначала мы просто дружили... Долгая история.

— Понятно, — На губах Майи уже играла самоуверенная ухмылка. — Что я могу сказать: повезло тебе! Пусть он и вампир. Ты Охотник, наверняка привыкла иметь дело с нежитью, так что вряд ли тебя это смущает.

— Смущает, — ответила Клэри несколько резче, чем рассчитывала. — Я не Джейс.

— Конечно нет. — Майя улыбнулась еще шире. — Джейс уникален.

— И что ты этим хочешь сказать?

— Сама прекрасно понимаешь. Джейс очень похож на одного моего бывшего. Знаешь, у некоторых парней в глазах написано, что они хотят с тобой переспать. А у некоторых — что вы уже переспали, было здорово, а теперь вы просто друзья, даже если ты сама не против повторить. Девчонки по таким с ума сходят. Понимаешь, о чем я?

— Нет, — соврала Клэри.

— Неудивительно, ты ведь его сестра... Значит, придется поверить мне на слово.

— Мне надо идти, — сказала Клэри, но на пороге обернулась: — А почему вы расстались?

— С кем?

— Ну, с этим твоим бывшим. Который похож на Джейса.

— А... — сказала Майя. — Он превратил меня в оборотня.

Клэри вернулась в гостиную с блокнотом и коробкой цветных карандашей и уселась за обеденный стол. Стол редко использовался по назначению — Люк ел либо на кухне, либо в кабинете, — поэтому столешница была завалена какими-то бумагами и старыми счетами. Раскрыв перед собой блокнот, Клэри почувствовала себя как на экзамене в художественной школе. Только вряд ли ей сейчас предложат нарисовать яблоко.

– И что мне делать?

– Сама как думаешь? – поинтересовался Джейс.

Он опирался локтями на крышку пианино и имел вид человека, который не сомкнул глаз всю ночь. Алек стоял у него за спиной – старался находиться как можно дальше от Магнуса.

– Прекрати к ней цепляться, Джейс, – сказал Люк. – Ты говорила, что можешь рисовать новые руны.

– Я думаю, что могу.

– Тогда попробуй.

– Что, прямо сейчас?

Люк слабо улыбнулся:

– А у тебя есть другие планы?

Клэри уставилась на чистую страницу. Никогда еще белый лист бумаги не казался ей таким пустым. Она чувствовала, что все замерли и смотрят на нее в ожидании: Магнус – со сдержанным любопытством, Люк – с надеждой, Алек – почти равнодушно, явно думая о собственных проблемах, Джейс – с холодным, пугающим бесстрашием. Недавно он сказал, что хочет возненавидеть ее... вдруг однажды ему это удастся?...

– Я не могу придумать руну просто так, лишь потому, что от меня этого ждут, – сказала она, опуская карандаш. – Нужна идея.

– Какая идея? – спросил Люк.

– Я не знаю, какие руны уже существуют. Дайте мне понятие, идею, которую должна обозначать новая руна, тогда я попробую ее нарисовать.

– Вообще-то, мало кто помнит наперечет все существующие руны... – начал было Алек, но его вдруг перебил Джейс.

– Бесстрашие. Нарисуй бесстрашие, – сказал он, и добавил, встретив ее удивленный взгляд: – Руны, придающие храбрость, существуют, но нет таких, которые полностью лишают страха.

Люк с Алеком изумленно уставились на него.

– Слушайте, я сказал первое, что пришло мне в голову. Насколько я помню, такой руны нет. И я не вижу в ней никакого вреда.

Люк пожал плечами:

– Ладно, пусть будет бесстрашие.

Клэри вытащила из коробки темно-серый карандаш, прикоснулась его кончиком к белому листу и стала представлять абстрактные формы и переплетения линий, знаки из Серой книги — древние и прекрасные воплощения языка, слишком совершенного, чтобы быть облеченным в слова. В ее душе зазвучал тихий голос: кто ты такая, почему возомнила, будто владеешь языком небес?

Кончик карандаша заскользил по бумаге, ведя четкую линию. Сердце екнуло. Клэри подумала о маме, о том, как она сидела перед мольбертом, задумавшись, и воплощала свое видение мира масляными красками. Кто я? Я дочь Джослин Фрэй. Бесстрашие, бесстрашие... Клэри повторяла про себя единственное слово, и карандаш уверенно скользил, словно сам вел ее руку. Закончив, Клэри окинула взглядом результат.

Руна бесстрашия представляла собой сплетение вихрящихся линий — знак стремительный и обтекаемый, как парящий орел. Клэри вырвала страницу и продемонстрировала руну окружающим:

— Готово.

Наградой ей был скептический взгляд Люка и едва заметно расширившиеся глаза Джейса.

— Круто, — сказал Алек.

Джейс встал, подошел к Клэри и взял из ее рук лист с рисунком:

— И что же, она работает?

Клэри не знала, в самом ли деле Джейс хочет это знать или просто пытается уязвить ее.

— В смысле?

— Ну, пока я вижу просто рисунок. Нельзя сделать бесстрашной бумагу. Руну надо опробовать на ком-то из нас.

— Сомнительная идея, — произнес Люк.

— Превосходная идея! — заявил Джейс, закатывая рукав. — Стило при мне. Ну, кто хочет мной заняться?

— Хорошая формулировка... — пробормотал Магнус.

Люк встал:

— Нет, Джейс. Ты и так ведешь себя, будто никогда не слышал слово «страх». Даже если руна подействует, мы не увидим разницы.

Алек прыснул. Джейс только улыбнулся жесткой, недоброй улыбкой:

— Я слышал слово «страх», просто предпочитаю думать, что ко мне оно не имеет никакого отношения.

— В том-то и беда, — сказал Люк.

– Попробовать на тебе? – предложила ему Клэри, по Люк покачал головой:

– На нежить знаки не действуют. Демоническая энергия нейтрализует всякий эффект.

– А попробуй на мне, – вдруг вызвался Алек. – Мне бы пригодилось бесстрашие. – Он снял куртку, бросил на табурет перед пианино и подошел к Джейсу: – Давай наноси знак.

Джейс посмотрел на Клэри:

– Может, лучше ты?

– Нет. Я рисую на бумаге, а ты лучше умеешь наносить знаки по-настоящему.

Джейс пожал плечами:

– Давай руку.

Алек послушно закатал рукав свитера. Выше локтя у него уже был постоянный знак – изящный свиток, дарующий идеальное равновесие. Все подошли, чтобы посмотреть, даже Магнус. Джейс осторожно вывел руну бесстрашия. От обжигающего прикосновения Алек слегка поморщился. Закончив, Джейс полюбовался результатом своих трудов и сунул стило обратно в карман:

– Выглядит неплохо. Правда, пока непонятно, работает или нет.

Алек поднял глаза и обнаружил, что все уставились на него.

– Ну? – спросила Клэри.

– Что «ну»?

– Ты что-нибудь чувствуешь? Что-нибудь изменилось?

– Да нет, пока ничего, – ответил Алек, подумав.

– Значит, не сработало, – вздохнул Джейс.

– Необязательно, – сказал Люк. – Просто прямо сейчас Алеку нечего бояться.

Магнус окинул Алека взглядом и вскинул брови.

– Гав! – сказал он.

Джейс улыбнулся:

– Давай, Алек, напрягись и вспомни. Должна же быть у тебя какая-нибудь фобия. Чего ты боишься?

– Пауков? – предположил Алек после паузы.

– У тебя где-нибудь живет паук? – спросила Клэри у Люка.

– Откуда я возьму вам паука?! – спросил Люк с раздражением. – Я похож на того, кто их коллекционирует?

– Не обижайтесь, но есть немного, – сказал Джейс.

– По-моему, эксперимент с самого начала был глупым, – кисло протянул Алек.

– А темноты боишься? – спросила Клэри. – Хочешь, запрем тебя в подвале?

– Я Охотник на демонов, – сообщил ей Алек преувеличенно спокойным тоном.

– Разумеется, я не боюсь темноты.

Других предложений уже не последовало, потому что в дверь позвонили.

– Кто это? – спросила Клэри Люка. – Саймон?

– Нет, днем он прийти не может.

– Точно! – Клэри никак не могла свыкнуться с мыслью, что Саймон больше никогда не выйдет на солнечный свет. – Мне открыть?

– Нет, – сказал Люк и со стоном поднялся. – Я сам. Наверно, покупатели интересуются, почему не работает магазин.

Он подошел к входной двери, распахнул ее и застыл па пороге. Раздался раздраженный женский голос, и в дом вошли Изабель и Мариза Лайтвуд. За их спиной возникли угрожающая серая фигура Инквизитора и еще один смутно знакомый человек – высокий и плотный, с темными волосами, оливковой кожей и густой черной бородой. Клэри видела этого человека на фотографии, которую показывал ей Ходж. Роберт Лайтвуд, отец Изабель и Алека.

Магнус резко вскинул голову. Джейс заметно побледнел. Алек окинул взглядом сестру и родителей, и глаза его потемнели. Он сделал шаг вперед и встал посреди комнаты.

Мариза явно не ожидала увидеть своего старшего сына в доме Люциана Греймарка.

– Алек! Как ты тут оказался?! Я ведь ясно сказала тебе...

– Мама! – перебил ее Алек решительным тоном. – Папа! Я должен вам сообщить одну важную вещь. – Он вдруг улыбнулся. – У меня роман.

Роберт Лайтвуд посмотрел на сына с некоторым раздражением:

– Алек, сейчас не лучшее время для разговоров о твоей личной жизни.

– Сейчас самое лучшее время. Дело в том, что у меня не просто роман. Я встречаюсь с нежитью. А именно с...

Магнус сделал быстрое движение пальцами. Вокруг Алека возникло еле заметное свечение, он закатил глаза и рухнул на пол как подкошенный.

— Алек! — вскрикнула Мариза.

Изабель упала на колени рядом с братом, но Алек уже пришел в себя и открыл затуманенные глаза:

— Что... почему я на полу?...

— Хороший вопрос! — воскликнула Изабель. — Что это был за номер?!

— Какой номер? — Алек сел, держась за голову, и тут в его глазах промелькнул испуг. — Я что-то сказал перед тем, как упасть? Что я сказал?!

Джейс усмехнулся:

— Мы хотели проверить, работает ли то, что создала Клэри. Вот проверили — работает!

Эти слова привели Алека в крайний ужас.

— Что я сказал?!

— Что у тебя роман, — напомнил Роберт. — Но не успел объяснить, почему нам важно узнать об этом прямо сейчас.

— Совершенно неважно, — быстро ответил Алек. — И нет никакого романа.

Магнус посмотрел на него как на полного идиота:

— У вашего сына горячка. Побочный эффект яда демона. Это довольно неприятно, но скоро пройдет.

— Яд демона?! — повысила голос Мариза. — Никто не сообщал в Институт о появлении демонов! Что здесь происходит, Люциан? Тебе хорошо известно, что обо всех атаках демонов надо немедленно сообщать в Институт!

— Демоны напали как раз на Люка, — сказала Клэри. — Он был без сознания.

— Как удобно. Все либо в горячке, либо без сознания. — Резкий голос Инквизитора прорезал комнату, как нож, и наступила тишина. — Ты прекрасно знаешь, ликантроп, что Джонатан Моргенштерн не должен находиться в твоём доме. Он арестован и должен находиться под опекой этого мага.

— Вообще-то у меня имя есть, — не сдержался Магнус и тут же одернул себя: — В смысле, это конечно же совершенно не важно.

— Я знаю твое имя, Магнус Бейн, — произнесла Инквизитор. — Один раз ты подвел меня. Другого раза не будет.

— Подвел? — нахмурился Магнус. — Чем же? Тем, что привел парня сюда? Контракт позволяет мне выводить его из дома под мою ответственность.

– Нет, не этим. Ты позволил Джонатану увидеться с отцом этой ночью.

Наступила тишина. Алек с трудом встал и попытался поймать взгляд Джейса, но Джейс не смотрел ни на кого. Его лицо застыло как маска.

– Что за бред! – воскликнул Люк. Клэри еще никогда не видела его настолько рассерженным. – Джейс даже не знает, где находится Валентин. Прекратите цепляться к парню!

– Я выполняю свою работу, – отрезала Инквизитор. – Говори правду, Джонатан. Так будет гораздо проще.

Джейс вздернул подбородок:

– Мне нечего сказать вам.

– Если ты невиновен, скажи нам правду: где ты был этой ночью? Расскажи нам о корабле, который завел Валентин для увеселительных прогулок.

Клэри не сводила глаз с Джейса. Он говорил, что пошел дышать свежим воздухом. Но ведь это ничего не значит. Может, он и правда пошел проветриться... Но сердцем она чувствовала, что это не так. Саймон сказал, что для него самое ужасное – не верить тому, кого он любит больше всех на свете. Теперь Клэри его хорошо понимала.

Джейс молчал. Тогда глубоким басом заговорил Роберт Лайтвуд:

– Имоджен, ты хочешь сказать, что Валентин сейчас...

– На корабле посреди Ист-Ривер.

– Вот почему я не мог его обнаружить! – воскликнул Магнус. – Он был посреди текущей воды! Это помешало чарам...

– Что может Валентин делать посреди реки? – спросил Люк в замешательстве.

– Спроси Джонатана, – ответила Инквизитор. – Он одолжил мотоцикл у предводителя местного вампирского клана и перебрался на корабль по воздуху. Верно, Джонатан?

Джейс молчал. По его лицу было невозможно прочитать, что творится у него в душе. На лице Инквизитора, напротив, отражался хищный восторг, как будто она питалась напряжением, повисшим в воздухе.

– Достань то, что лежит в кармане твоей куртки, – велела она. – То, что ты положил туда, когда в последний раз заходил в Институт.

Джейс медленно повиновался и достал из кармана серо-голубой блестящий предмет. Клэри узнала в нем осколок портала.

– Дай сюда! – Инквизитор вырвала осколок.

Джейс вздрогнул, когда острый край рассек ему ладонь. Мариза издала еле слышный стон, но не двинулась с места.

— Я знала, что ты вернешься, — сказала Инквизитор с явным злорадством. — Ты слишком сентиментален, чтобы бросить этот предмет.

— Что это? — с непониманием спросил Роберт Лайтвуд.

— Осколок зеркала, служившего порталом. Когда портал разбился, в зеркале осталось отражение того места, куда он когда-то вел. — Инквизитор перевернула осколок длинными тонкими пальцами, похожими на паучьи лапы. — Это дом Вэйланда.

Джейс не сводил глаз осколка. В нем отражался кусочек голубого неба. Клэри подумала, бывает ли вообще в Идрисе дождь. Вдруг Инквизитор швырнула зеркало оземь — резкие, яростным движением, плохо вязавшимся со спокойствием ее голоса. Осколок рассыпался в пыль. Джейс резко втянул воздух, но даже не пошевелился.

Инквизитор извлекла из складок своего одеяния пару серых перчаток, опустилась на колени и выудила из того, что осталось от куска портала, клочок тонкой бумаги. Она высоко подняла его, демонстрируя всем начертанный на бумаге черный знак:

— Следящая руна. Я аккуратно прикрепила ее к обратной стороне зеркала и оставила осколок на прежнем месте. Не расстраивайся, мальчик. Конклаву удавалось перехитрить и тех, кто гораздо старше тебя.

— Вы шпионили за мной! — В голосе Джейса зазвенел гнев. — Значит, Конклав не брезгует совать нос в частную жизнь Охотников!

— Выбирай выражения, мальчик. Ты не единственный, кто нарушил Закон. — Инквизитор ледяным взглядом окинула всех, находившихся в комнате. — Твои друзья освободили тебя из камеры в Городе молчания, а затем — из-под контроля мага. Они тоже виновны.

— Джейс нам не друг, — сказала Изабель. — Он наш брат.

— Будь осторожна со словами, Изабель Лайтвуд. Как бы тебя не признали сообщницей.

И тут, ко всеобщему изумлению, вмешался Роберт Лайтвуд.

— Сообщницей? — переспросил он. — Моя дочь пытается помешать вам разрушить нашу семью. Опомнитесь, Имоджен, мы говорим о детях...

Инквизитор обратила на него ледяной взгляд:

— Вы были такими же детьми, когда начали замышлять против Конклава. Такими же, как и мой сын, когда... — Она умолкла и глубоко вздохнула, явно пытаясь взять себя в руки.

— Я знал, что причина всему этому — Стивен, — сказал Люк, и в голосе его прозвучало что-то вроде жалости.

Лицо Инквизитора исказила гримаса.

— Стивен тут ни при чем! Я защищаю Закон!

Мариза стиснула руки, переплетя тонкие пальцы:

— Что будет с Джейсом?

— Завтра он вернется со мной в Идрис. Больше я ничего не скажу — Лайтвуды утратили право знать о его судьбе.

— Зачем вы ведете его туда? — упрямо спросила Клэри. — Когда он вернется?

— Клэри, не надо, — попросил Джейс, но она не собиралась сдаваться:

— Ваш враг не Джейс, а Валентин!

— Клэри, прекрати! — рявкнул Джейс. — Тебе же хуже будет!

Клэри невольно отшатнулась. Джейс никогда на нее так не кричал, даже когда она притащила его в больницу к маме.

Люк положил руку ей на плечо:

— Парень пошел к отцу, даже зная о том, что он за человек. Выходит, это мы подвели Джейса, а не он подвел нас.

— Избавь нас от софистики, Люциан, — оборвала его Инквизитор. — Ты стал мягкотелым, как примитивный.

— Она права. — Алек скрестил руки на груди и решительно выставил вперед подбородок. — Джейс солгал. Ему нет оправданий.

От изумления Джейс даже рот открыл — Алек всегда был на его стороне. Даже Изабель с ужасом уставилась на брата:

— Алек, как ты можешь?!

— Закон суров, Иззи, — ответил Алек, не глядя на сестру, — но это Закон.

Изабель вскрикнула в ярости и разочаровании и выбежала прочь, оставив входную дверь распахнутой настежь. Мариза хотела побежать за ней, однако Роберт удержал ее, сказав что-то вполголоса.

Магнус встал:

— Ну что ж, мне тоже пора откланяться. — Он демонстративно не смотрел на Алека. — Хотел бы сказать, что рад встрече, но не стану лгать ради пустой любезности. На самом деле вся эта заварушка была ужасно неприятной, и я надеюсь не видеть всех вас как можно дольше.

С этими словами он ушел, хлопнув дверью. Алек смотрел в пол.

– Минус два, – произнес Джейс с демонической веселостью. – Кто следующий?

– Довольно разговоров, – отрезала Инквизитор. – Дай руки.

Джейс вытянул руки перед собой. Инквизитор дослала стило и начертила знак на его скрещенных запястьях. Знак напоминал кольцо из языков пламени и выглядел очень пугающе.

– Что это?! – вскрикнула Клэри. – Ему больно?

– Не бойся, сестренка, – сказал Джейс. Он говорил спокойно, но в глаза Клэри смотреть избегал. – Пламя обожжет, только если я попытаюсь освободиться.

Инквизитор посмотрела на Клэри – к немалому ее удивлению, потому что прежде Имоджен Эрондейл вообще не замечала ее существования.

– Тебе повезло, что Джослин увела тебя из-под влияния Валентина. Но я все равно слежу за тобой.

Рука Люка сжалась у Клэри на плече.

– Это угроза?

– Конклав не угрожает, Люциан Греймарк. Он лишь дает обещания и держит их.

Голос Инквизитора звучал почти радостно. Этим Имоджен сильно выделялась на фоне окружающих, поскольку все остальные вид имели совершенно оглушенный. Все, кроме Джейса. Он обнажил зубы в оскале, вероятно сам этого не замечая, и был похож на льва в западне.

– Идем, Джонатан, – велела Инквизитор. – Пойдешь первым. Попытаешься бежать, и я всажу нож тебе в спину.

Клэри стиснула зубы, чтобы не закричать, глядя, как Джейс с трудом открывает дверь связанными руками. Потом он скрылся из виду, а за ним Инквизитор и Лайтвуды, причем Алек так и шел опустив глаза. Дверь захлопнулась, и Клэри с Люком остались в гостиной вдвоем, не в силах вымолвить ни слова.

15

Острей зубов змеиных

– Люк, что теперь делать?! – воскликнула Клэри, придя в себя.

Люк сжимал голову руками так, будто боялся, что она расколется пополам.

— Мне нужен кофе. Прямо сейчас.

— Я ведь принесла тебе кофе. Люк уронил руки и вздохнул:

— Надо еще.

Он пошел на кухню, налил кофе, уселся за стол и рассеянно запустил пятерню себе в волосы. — Плохо, очень плохо...

— Да неужели? — вырвалось у Клэри. Она не понимала, как можно в такой момент пить кофе. Нервы у нее были натянуты до предела. — Что ждет Джейса в Идрисе?

— Суд Конклава. Весьма вероятно, он будет признан виновным и понесет наказание. Джейс еще очень юн, поэтому, возможно, все обойдется лишением знаков, а до проклятия дело не дойдет.

— Что это значит?

Люк ответил, не глядя ей в глаза:

— Значит, что его вышвырнут из Конклава — и он превратится из нефилима в обычного человека. В примитивного.

— Это его просто убьет!

— Думаешь, я сам не знаю? — Люк залпом опрокинул в себя кофе и отрешенно уставился на пустую кружку. — Но Конклав это мало волнует. Раз до Валентина они добраться не могут, за него пострадает его сын.

— А что будет со мной? Я дочь Валентина.

— В отличие от Джейса, ты не из их мира. И все же лучше тебе залечь на дно. Если бы только мы могли уехать за город...

— Ты что, предлагаешь бросить Джейса?! — возмутилась Клэри. — Я никуда не поеду!

— Никто никуда не едет, — отмахнулся Люк. — Я сказал «если бы только». Вопрос в том, что предпримет Имоджен, зная, где находится Валентин. Как бы не развязалась война...

— Если она хочет убить Валентина — пожалуйста! Не жалко! Но пусть вернет Джейса!

— Все не так просто, — сказал Люк. — На этот раз Джейс действительно сделал то, в чем его обвиняют.

— Ты думаешь, что он убил Безмолвных братьев?! — в гневе воскликнула Клэри.

— Нет, я не об этом. Он действительно втайне встречался с отцом.

— Почему ты сказал, что это мы подвели его? Ты считаешь, что он ни в чем не виноват?

— Идти к отцу было невероятно глупо с его стороны. Валентину нельзя верить. Но когда Лайтвуды отвернулись от Джейса, что ему оставалось? Он еще мальчишка, ему нужны родители. Лайтвуды дали ему понять, что он им не нужен, и он пошел искать поддержки в другом месте.

— Я думала, что искать родительской поддержки он будет у тебя, — сказала Клэри.

— Я тоже, — ответил Люк с бесконечной печалью. — Я тоже так думал.

Из кухни доносились едва различимые голоса. В гостиной уже прекратили кричать и ругаться. Теперь самое время уйти. Майя оставила на постели Люка наскоро нацарапанную записку и подошла к окну, которое последние двадцать минут пыталась открыть, пока наконец не справилась с заржавевшими петлями. С улицы тянуло прохладой — стоял один из тех осенних дней, когда небо невозможно голубое и далекое, а ветер слегка пахнет дымом.

Майя вскочила на подоконник и посмотрела вниз. Когда-то, до обращения, такая высота была бы для нее опасной, но теперь она помедлила пару секунд, прикидывая, как уберечь раненое плечо, и спрыгнула на задний двор. Оглянулась на дверь — никто не спешил выбежать на крыльцо, никто не мешал ей уйти.

Майя почувствовала внезапный укол разочарования. Не слишком-то их волнует, что она делает... Перебравшись через ограду из металлической сетки, Майя оказалась на улице. Никто никогда не обращал на нее внимания, никто не считался с ее чувствами. Кроме Саймона.

При мысли о Саймоне она поморщилась от стыда и припустила по переулку в сторону Кент-авеню. Конечно, она солгала Клэри, что ничего не помнит. Перед глазами стояло лицо Саймона в тот момент, когда она шарахнулась от него. Самое удивительное в том, что Саймон до сих пор казался ей человеком. Куда человечнее многих.

Майя перебежала через дорогу, чтобы не светиться под окнами Люка. Улица почти пустовала — жители Бруклина не спешили вылезать из постелей воскресным утром. Майя направилась к станции метро Бедфорд-авеню, продолжая думать о Саймоне с чувством пустоты в груди. Впервые за много лет ей захотелось кому-то довериться — и вот пожалуйста, именно этот человек превращается в вампира, и доверять ему теперь невозможно.

Невозможно? А зачем тогда ты к нему идешь? В сложные моменты Майя всегда слышала в голове тихий шепот Даниэля, задающего каверзные вопросы. «Заткнись, — твердо сказала она внутреннему голосу, — даже если друзьями нам не быть, по крайней мере, я должна извиниться».

Вдруг тишину нарушил чей-то смех — он эхом отразился от высоких стен фабрики по левую сторону улицы. Майя в испуге обернулась, однако за спиной никого не было, только вдалеке какая-то старушка выгуливала собак на набережной.

Майя ускорила шаг и напонила себе, что может обогнать почти любого человека, даже не переходя на бег, а уж если она побежит, то и подавно. Ей нечего бояться насильников и грабителей — даже несмотря на то, что рука болит так, словно по ней ударили кузнечным молотом. Когда она только приехала в Нью-Йорк, два парня напали на нее с ножами, когда она шла вечером через Центральный парк. В тот раз только Бэт помешал ей прикончить обоих.

Тогда чего же она так испугалась?

Майя снова посмотрела назад. Старушка ушла, на Кент-авеню не было ни души. Впереди высился заброшенный сахарный завод «Домино». Внезапно почувствовав желание как можно скорее убраться с улицы, Майя юркнула в переулок, идущий вдоль завода, и очутилась в узком проходе между стенами, заваленном пустыми пластиковыми бутылками и прочим мусором. Под ногами сновали крысы. Сюда почти не проникало солнце, потому что крыши зданий соприкасались, — и переулок напоминал темный туннель. Кирпичные стены зияли маленькими грязными окнами, разбитыми уличной шпаной. За щербатыми осколками проглядывало то, что осталось от завода: металлические бойлеры, цистерны и печи. В воздухе пахло жженым сахаром.

Майя прислонилась к стене, пытаясь успокоить бешено бьющееся сердце, когда из теней раздался невозможно знакомый голос:

— Майя?

Она резко обернулась. Владелец голоса стоял в самом начале переулочка. Солнце светило ему в спину, и волосы сияли вокруг прекрасного лица как нимб. Темные глаза в обрамлении густых ресниц смотрели на нее с любопытством. Несмотря на осенний холод, на нем были только джинсы и футболка с коротким рукавом. Он по-прежнему выглядел на пятнадцать лет.

— Даниэль, — прошептала Майя.

— Давно не виделись, сестренка, — отозвался он, сделав шаг вперед.

Она хотела побежать прочь, но ноги вдруг сделались ватными. Майя отчаянно вжалась в стену:

— Ты же умер!

— А ты не плакала на моих похоронах. Не пролила ни слезинки по старшему брату.

— Чудовище! — прошептала она. — Ты пытался меня убить...

— Я не прилагал к этому серьезных усилий.

В руке он держал нечто длинное и острое. Нечто, сверкнувшее серебром в полумраке. Когда брат шагнул к ней, она осела на землю – ноги перестали держать ее.

Даниэль опустился рядом на колени. Теперь Майя видела, что в руке у него острый кусок разбитого оконного стекла. Ее окатила волна всепоглощающего ужаса – при виде даже не оружия в руке брата, а пустоты в его глазах. В них не было ничего, кроме глубокой тьмы.

– Помнишь, я обещал отрезать тебе язык, чтобы ты не разболтала маме с папой наши маленькие секреты?

Майю полностью парализовал страх. Она уже чувствовала, как стекло рассекает кожу, как рот наполняется кровью, – и ей хотелось умереть прямо сейчас, только чтобы прекратился этот убийственный ужас...

– Довольно, Аграмон, – раздался мужской голос.

Голос был тихий, сдержанный и несомненно человеческий. Где-то Майя уже слышала его... или очень похожий, но не могла вспомнить где.

– Как вам будет угодно, лорд Валентин, – выдохнул Даниэль с разочарованием.

А потом его лицо стало таять и рассыпаться, а вместе с ним и парализующий ужас, буквально вытягивающий жизнь из Майи. Она жадно хватала ртом воздух.

– Еще дышит. Хорошо, – произнес тот же голос. Теперь в нем слышалось раздражение. – Ты переходишь границы, Аграмон. Еще несколько секунд, и она бы погибла.

Майя подняла глаза. Над ней возвышался Валентин – весь в черном, от скрывающих руки перчаток до сапог на толстой подошве. Носком сапога он приподнял подбородок Майи и холодно произнес:

– Сколько тебе лет?

Нависшее лицо было узким, угловатым, лишенным всяких красок. Черные глаза и белые волосы делали его похожим на негатив фотографии. На левой стороне шеи, прямо над воротником, виднелся закрученный спиралью знак.

– Вы Валентин? – прошептала Майя. – Я думала, вы...

Сапог опустился ей на руку, и Майя вскрикнула.

– Я задал вопрос. Сколько тебе лет?

– Сколько лет?! – Пульсирующая боль и зловоние гниющего мусора заставили желудок сжаться. – А не пойти бы вам?...

Меж пальцев Валентина сверкнула полоса света; он ударил Майю по лицу так быстро и неожиданно, что она не успела увернуться. Щеку обожгло. Майя прижала руку к лицу, и пальцы тут же стали скользкими от крови.

— Отвечай, — произнес Валентин тем же ровным и сдержанным тоном. — Сколько тебе лет?

— Пятнадцать! Мне пятнадцать!

Она скорее почувствовала, чем увидела его улыбку.

— Превосходно.

Оказавшись в Институте, Инквизитор немедленно увела Джейса прочь от Лайтвудов, в тренировочный зал, расположенный на самом верху. Увидев свое отражение в зеркальных стенах зала, Джейс непроизвольно вздрогнул. В последние несколько дней как-то не случилось заглянуть в зеркало, а прошлая ночь вышла очень тяжелой. Теперь под глазами закали темные тени, лицо осунулось, футболка была заляпана засохшей кровью и грязью с берега Ист-Ривер.

— Никак собой не налюбуйешься? — раздался голос Инквизитора. — Ты уже не будешь таким хорошеньким, когда Конклав воздаст тебе по заслугам.

— Отчего вам так не дает покоя моя внешность? — Джейс отвернулся от зеркала с некоторым облегчением. — Неужели это любовь?

— Ну и манеры.. — Инквизитор достала из серого поясного мешка четыре длинных металлических бруска. Клинки серафимов. — Ты мне в сыновья годишься.

Джейс вспомнил, что Люк упоминал о ее сыне.

— Стивен? Так ведь его звали?

Инквизитор резко обернулась. Клинки в ее руках задрожали от ярости.

— Никогда не смей произносить его имя!

На секунду Джейс подумал, что она и правда может его убить, и молча ждал, пока Инквизитор успокоится. Не глядя на него, она указала клинком в центр тренировочного зала:

— Будь добр, встань вон там.

Джейс повиновался. Ему сейчас совсем не хотелось видеть свое отражение, но в зеркальном зале этого было сложно избежать. Отражения множились, уходя в бесконечную глубину зеркал, и вот уже тысячи Инквизиторов направляли клинок на тысячи Джейсов.

Он опустил глаза и стал смотреть на свои руки. Запястья не просто ныли, в них ощущалась острая пульсирующая боль, однако Джейс не подавал вида. Инквизитор назвала один из клинков Иофилом и вонзила его в паркет у своих ног. И... ничего не случилось.

– Бум! – сказал Джейс. – И что должно было произойти?

– Молчи и стой где велено, – отрезала Инквизитор.

Джейс с нарастающим любопытством смотрел, как она обходит его с другой стороны и вонзает в пол второй клинок – Харахель. Когда Инквизитор загнала в паркет третий клинок, Сандалфон, Джейс наконец понял, что она делает. Инквизитор отмечала стороны света – север, юг и восток.

Инквизитор вонзила последний клинок, Тахариаль, на западе и удовлетворенно выпрямилась:

– Ну вот...

– Что «вот»? – спросил Джейс.

Инквизитор лишь отмахнулась:

– Сейчас узнаешь, Джонатан.

Она подошла к клинку, отмечающему юг, опустилась перед ним на колени, быстрым движением извлекла стило и начертила на полу единственную черную руну. Когда Инквизитор встала, тренировочный зал наполнился мелодичным звоном, как будто кто-то ударил в маленький колокольчик. Из ангельских клинков хлынул слепящий свет, и Джейсу пришлось опустить голову и зажмуриться. Секундой позже он поднял глаза и увидел, что стоит в клетке, сотканной из нитей света – подвижных, как струи дождя, освещенные солнцем.

Инквизитор теперь казалась размытой фигурой за светящейся стеной.

– Что это? Что вы сделали? – выкрикнул Джейс. Голос внутри клетки звучал слабо и глухо, как сквозь пелену воды.

Инквизитор рассмеялась. Разозлившись, Джейс шагнул вперед, слегка задев плечом сияющую стену. И тут его шибануло током, словно он коснулся оголенного провода. Удар был настолько силен, что Джейса отбросило назад, и он рухнул на пол, даже не имея возможности смягчить удар связанными руками.

– Если попытаешься пройти сквозь стену, легким испугом уже не отделаешься, – сказала Инквизитор со смехом. – Конклав именует это наказание «конфигурацией Малахи». Стены будут стоять, пока клинки остаются на своих местах. Не советую, – добавила она, когда Джейс потянулся к ближайшему клинку. – Если прикоснешься к нему, сразу погибнешь.

– Вы-то можете их вытащить, – проговорил Джейс с нескрываемым презрением.

– Могу, – ответила Инквизитор. – Но не стану.

– И что, я буду сидеть тут без еды и воды?

– Всеу свое время, Джонатан.

Джейс поднялся, глядя вслед удаляющемуся Инквизитору.

— А руки? Вы меня не развяжете? — крикнул он. Огненные языки, оплетающие запястья, жгли кожу, как кислота, и под ними уже выступила кровь.

— Потерпишь. Надо было думать, прежде чем идти к Валентину.

— Знаете, так вы только рассеиваете мой страх перед судом Конклава. Хуже вас уже не может быть ничего.

— Никакого суда не будет, — произнесла Инквизитор с ледяным спокойствием, которое не предвещало ничего хорошего.

— Что значит, не будет суда?!

— Ты не вернешься в Идрис. Я собираюсь отдать тебя отцу.

От изумления у Джейса едва не подкосились ноги.

— Моему отцу?

— Совершенно верно. Я обменяю тебя на Орудия смерти.

— Это что, шутка?

— Нет, я не шучу. Так проще, чем действовать через суд, — сказала Инквизитор и добавила обыденным тоном: — Разумеется, ты будешь изгнан из Конклава, но наверняка ты именно этого и ожидал.

— Не на того напали, — покачал головой Джейс. — Надеюсь, вы это поймете.

На лице Инквизитора отразилось крайнее раздражение.

— Твои попытки прикинуться невиновным совершенно несостоятельны, Джонатан.

— Я не об этом. Я об отце.

Впервые он увидел, что Имоджен Эрондейл растерялась.

— Что ты хочешь сказать?

— Отец не станет выменивать меня на Орудия смерти. — Джейс произнес это спокойно, как нечто само собой разумеющееся. — Он скорее позволит вам убить меня, чем расстанется с Мечом и Чашей.

— Тебе не понять, — отмахнулась Инквизитор со странной обидой. — Дети никогда не понимают. Нет ничего сильнее родительской любви. Ни один отец — даже Валентин — не пожертвует сыном ради куска металла, пусть даже очень могущественного.

— Вы плохо знаете моего отца. Он рассмеется вам в лицо и предложит денег на доставку в Идрис моих бранных останков.

– Не мели ерунды!

– Пожалуй, вы правы, – согласился Джейс. – Почтовые расходы вам придется оплатить самостоятельно.

– И все же ты настоящий сын Валентина, – сказала Инквизитор. – Ты не хочешь, чтобы он утратил Орудия смерти, потому что так ты тоже не получишь над ними власти. Ты не хочешь жить как презренный сын преступника, поэтому готов сказать все что угодно, лишь бы заставить меня изменить решение. Но меня не одурачишь!

– Да послушайте! – Джейс старался говорить спокойно, хотя сердце бешено колотилось. Надо ей все объяснить! – Понимаю, вы ненавидите меня, уверены, что я лжив, как и мой отец. Однако сейчас я говорю правду. Мой отец свято верит в то, что поступает правильно. Вы считаете его злодеем, но он убежден, что борется за правое дело, что выполняет Божью волю. И он не отступится от своей цели ради меня. Вы следили за мной, вы же слышали, о чем мы говорили!

– Я только видела вас, – сказала Инквизитор. – Я ничего не слышала.

Джейс еле слышно выругался.

– Я говорю правду. Могу поклясться чем угодно. Отец использует Меч и Чашу, чтобы призывать демонов и управлять ими. Пока вы тратите время со мной, он собирает армию. Когда поймете, что ни на какую сделку он не пойдет, будет слишком поздно!

Инквизитор фыркнула и отвернулась:

– Мне надоело слушать твои рассказы.

С этими словами она зашагала к выходу. У Джейса перехватило дыхание.

– Поверьте мне! – крикнул он.

Инквизитор остановилась в дверях и посмотрела на него. Джейс видел лишь треугольный силуэт ее лица, острый подбородок и темные тени на висках. Ее серые одежды совсем потерялись в тенях; складывалось впечатление, что от Инквизитора остался парящий в воздухе череп.

– Не думай, что я хочу вернуть тебя отцу. Валентин Моргенштерн заслуживает не этого.

– И чего же он заслуживает?

– Держать на руках бездыханное тело своего ребенка. Смотреть на мертвого сына и понимать, что уже ничто – ничто, никакое заклинание, никакие чары, никакая сделка с дьяволом – не вернет его к жизни! – Голос Имоджен Эрондейл сорвался. – Хотела бы я, чтобы он это узнал, – прошептала она и толкнула дверь, проскрипев ногтями по полированному дереву.

Джейс остался смотреть ей вслед в замешательстве.

Клэри, нахмурившись, повесила трубку:

— Никто не отвечает...

— Кому ты звонишь?

Люк пил уже пятую кружку кофе, и Клэри начала за него беспокоиться. Наверняка ведь можно отравиться, перебрав с кофеином? На всякий случай она потихоньку выдернула шнур кофеварки из сети.

— Саймону?

— Нет, мне неловко будить его днем, хотя он и говорил, что это не проблема, лишь бы только не видеть дневного света... Я звоню Изабель. Хочу узнать, что там с Джейсом.

— Не отвечает?

— Нет.

В животе заурчало. Клэри вытащила из холодильника персиковый йогурт и начала его есть, совершенно не чувствуя вкуса. Наполовину его опустошив, она вдруг вспомнила:

— Пойду посмотрю, что с Майей!

— Я сам, — сказал Люк. — Я вожак стаи, она мне доверяет. Я смогу утешить ее, если она опять плачет. Я мигом вернусь.

— Лучше не говори так, — попросила Клэри. — Когда обещаешь тут же вернуться, всегда что-то происходит.

Люк криво улыбнулся и вышел. Через пару минут он вновь появился в дверях с изумленным видом:

— Ее нет.

— Как нет?!

— Она сбежала, выскользнула потихоньку из дома.

Люк выложил на стол какую-то бумажку. Клэри взяла ее и прочитала наспех нацарапанные слова:

— «Простите. Ушла заглаживать вину. Спасибо за то, что вы для меня сделали. Майя». Ушла заглаживать вину? Что она хочет сказать?!

— Я надеялся, ты это знаешь, — вздохнул Люк.

— Волнуешься?

— Раумы — это ищейки. Они находят и доставляют то, что им приказано. Демон может все еще подстергать Майю.

— Ой, кажется, я знаю, куда она пошла. К Саймону!

— У нее есть его адрес? — удивленно спросил Люк.

— Понятия не имею, — честно сказала Клэри. — Может, и есть, они сошлись довольно близко. Сейчас я ему позвоню!

— Ты вроде говорила, что неловко беспокоить его днем.

— В таких обстоятельствах не до церемоний.

Саймон взял трубку после третьего гудка. Голос у него был заспанный.

— Алло?

— Это я. — Клэри отвернулась от Люка скорее по привычке, чем из желания скрыть разговор.

— Ты ведь знаешь, что я теперь бодрствую по ночам, — простонал Саймон. — А днем сплю!

— Ты дома?

— Ну конечно, где мне еще быть? — Саймон окончательно проснулся, и его голос зазвучал обеспокоенно. — Что случилось, Клэри?

— Майя сбежала. Судя по оставленной записке, она собралась пойти к тебе.

— Она не приходила, — сказал Саймон с недоумением.

— Ты один дома?

— Да, мама на работе, Ребекка на занятиях. Ты уверена, что Майя собиралась ко мне?

— Позвони, если она...

— Клэри! — вдруг перебил ее Саймон. — Подожди... Похоже, кто-то пытается ворваться в дом.

Время шло. Джейс смотрел на стены своей тюрьмы, сотканые из серебряных струй, с чем-то вроде отстраненного интереса. Пальцы начали неметь, и это не сулило ничего хорошего, но ему было все равно. Интересно, знают ли Лайтвуды о том, что он здесь, или кого-то ждет неприятный сюрприз — войти в тренировочный зал и обнаружить здесь его. Хотя Инквизитор наверняка все предусмотрела и опечатала зал до тех пор, пока не разберется с пленником — так, как посчитает нужным. Наверное, Джейсу следовало злиться и даже бояться, но он не мог побороть безразличие. Все казалось каким-то далеким, лишеным смысла: Конклав, Завет, даже отец.

Джейс лежал на спине, уставившись в потолок. Вдруг он услышал негромкие шаги и тут же сел, озираясь. За мерцающей завесой стояла темная фигура. Вернулась позлорадствовать Инквизитор? Джейс подобрался, готовясь к отпору, и с изумлением различил знакомое лицо и темные волосы.

— Алек?!

— Да.

Алек опустился на колени перед светящейся стеной. Джейс видел его будто сквозь поверхность воды, подернутую рябью, — черты лица были то совсем четкими, то дрожали и расплывались вместе с вибрацией огненных струй.

— Объясни, Ангела ради, что это такое?!

Алек уже хотел коснуться сияющей стены, когда Джейс крикнул «Не надо!», машинально протянул руку, чтобы остановить его, но вовремя ее отдернул.

— Тебя ударит током. Если попытаешься пройти насквозь, может вообще убить.

Алек присвистнул:

— Я смотрю, Инквизитор настроена серьезно.

— Конечно, я ведь опасный преступник. Ты разве не слышал? — Это прозвучало очень едко, и Джейс с приливом жестокой радости увидел, как Алек отшатнулся.

— Вообще-то, я не называл тебя преступником.

— Нет, просто очень нехорошим парнем. Я делаю всякие нехорошие вещи — пинаю котят, показываю монахиням непристойные жесты...

— Сейчас не до шуток, — мрачно произнес Алек. — Все очень серьезно. Какая нелегкая понесла тебя к Валентину? О чем ты думал?!

Джейсу пришли в голову сразу несколько остроумных вариантов ответа, но он слишком устал, чтобы острить.

— Я думал о том, что он мой отец.

Алек, похоже, досчитал про себя до десяти, чтобы не взорваться.

— Джейс...

— А если бы это был твой отец, ты бы...

— Мой отец никогда не сделал бы то, что сделал Валентин!

Джейс вскинул голову:

– Твой отец делал ровно то же самое, что и мой! Наши родители – одного поля ягоды! С одной лишь разницей: твоих поймали и наказали, а моих нет!

Алек окаменел:

– С одной лишь разницей?

Джейс опустил глаза и посмотрел на свои руки. Пылающие кандалы явно не предназначались для столь длительного использования. На запястьях каплями выступила кровь.

– Я сейчас не о преступлениях Валентина вообще, – сказал Алек. – Не понимаю, зачем ты пошел к нему после того, как он поступил именно с тобой!

Джейс не ответил.

– Столько лет позволял тебе думать, что он погиб... – продолжал Алек. – Может, ты и забыл, каково тебе пришлось в десять лет, но я помню. Тот, кто любит, никогда бы так не поступил.

По рукам Джейса бежали тонкие струйки крови.

– Валентин обещал защитить всех, кто мне дорог, если я вместе с ним выступлю против Конклава, – тихо произнес он. – Сказал, что никто не пострадает – ни ты, ни Изабель, ни Макс, ни Клэри, ни твои родители. Сказал...

– Никто не пострадает? – насмешливо вставил Алек. – То есть не пострадает от его рук? Хороша защита.

– Я видел, на что он способен и каких демонов может призвать под свои знамена. Если он выставит против Конклава армию демонов, будет война. А люди на войне умирают... – Джейс поколебался и спросил: – Если бы у тебя был шанс обеспечить защиту всем, кто тебе дорог...

– Да какой еще шанс?! Чего вообще стоит слово Валентина?!

– Если он клянется именем Ангела, он выполняет клятву. Я знаю его.

– Значит, он обещал тебе это, если ты вместе с ним выступишь против Конклава?

Джейс кивнул.

– Здорово он, наверное, разозлился, когда ты ему отказал, – заметил Алек.

Джейс поднял глаза от своих кровоточащих запястий и пристально посмотрел на него:

– Что?

– Я говорю...

– Я слышал. Почему ты так уверен, что я отказался?

– Потому что так и было. Ты ведь отказался?

После долгой паузы Джейс кивнул.

– Ну вот, я же тебя знаю, – заявил Алек с безграничной уверенностью и поднялся на ноги. – Ты наверняка выложил Инквизитору замыслы Валентина, но она и ухом не повела. Так ведь?

– Не то чтобы совсем ухом не повела... Просто не поверила ни единому слову. У нее есть хитрый замысел, как нейтрализовать Валентина. Одна беда: замысел отстойный.

– Подробности потом. Сначала надо придумать, как тебя отсюда вытащить.

– Что?! – снова переспросил Джейс. От изумления у него даже голова закружилась. – А как же вся эта высокопарная ахинея, которую ты нес? «Закон есть закон, Изабель!» Солгал – нет оправданий, на выход с вещами!

На этот раз пришел черед Алека удивляться.

– По-твоему, я говорил все это от чистого сердца?! Да я просто не хотел, чтобы Инквизитор шпионила за мной! За Изабель и Максом она уже следит, потому что знает – они на твоей стороне.

– А ты? Ты на моей стороне?

– Я всегда с тобой, – твердо сказал Алек. – Не понимаю даже, почему ты спрашиваешь. Я уважаю Закон, но то, что делает с тобой Инквизитор, выходит за его рамки. Ее ненависть к тебе явно личного характера. Конклав тут ни при чем.

– Я наговорил ей дерзостей, – сказал Джейс. – Ничего не могу с собой поделать – не терплю зловредных бюрократов.

Алек покачал головой:

– Нет, тут какая-то давняя ненависть, нутром чую.

Колокола собора зазвонили, и звук раскатился под крышей оглушительным эхом. Джейс посмотрел вверх, почти ожидая увидеть Хьюго, выписывающего неторопливые круги под потолком. Ворон очень любил сидеть на верхних балках. Когда-то Джейс думал, что ворону просто нравится вонзать когти в мягкое дерево, но теперь он понимал: Хьюго выбрал себе удобный наблюдательный пункт, чтобы шпионить.

В голове зародилась идея – пока еще темная и бесформенная.

– Люк что-то говорил о сыне Имоджен Эрондейл, которого звали Стивен. Якобы она пытается отомстить за него. Вопрос о нем вызвал вспышку ярости. Возможно, ее ненависть ко мне как-то связана с судьбой сына...

Колокола умолкли.

– Может быть, – сказал Алек. – Я спрошу у родителей, хотя вряд ли они мне ответят.

– Не надо. Лучше спроси Люка.

– Предлагаешь опять тащиться в Бруклин? Сложно будет выскользнуть отсюда так, чтобы никто ничего не заподозрил.

– Отправь с телефона Изабель сообщение Клэри. Пусть у Люка спросит она.

– Хорошо... – Алек помедлил. – От тебя что-нибудь передать?

– Нет, – ответил Джейс. – Мне нечего ей сказать...

– Саймон! – Сжимая телефон, Клэри развернулась к Люку. – Кто-то пытается вломиться в его дом!

– Скажи ему, чтобы уходил!

– Я не могу никуда выйти, – раздался из трубки напряженный голос Саймона. – Если окажусь на свету, сразу сгорю.

– Сейчас еще день! – сказала Клэри Люку, но он уже сам все понял и начал рыться в карманах, пока не нашарил ключи от машины.

– Скажи Саймону, что мы уже едем. Пусть запрется в комнате.

– Ты слышал? Запрись в комнате!

– Слышал.

Клэри услышала какой-то скребущий звук и тяжелый удар.

– Саймон!

– Спокойно, я просто припер тут кое-чем дверь...

– Чем именно? – Клэри уже была на улице, дрожа от холода в тонком свитере. Люк закрывал дом.

– Письменным столом, – сказал Саймон с некоторым удовлетворением. – Ну и еще кроватью.

– Кроватью? – переспросила Клэри, влезая в кабину и пытаясь одной рукой справиться с ремнем безопасности. Люк вывел машину на дорогу и рванул по Кент-стрит. – Ты ухитряешься vorочать такими тяжелыми предметами?!

– Опять забыла. Теперь я вампир, у меня нечеловеческая сила.

– Спроси, что он слышит, – велел Люк.

Для такой скорости разбитая бруклинская дорога явно не предназначалась. Клэри охала, подпрыгивая на каждом ухабе.

— Что ты слышишь?

— Вышибли входную дверь... В комнату влетел Йоссариан и спрятался под кроватью. Так что я точно знаю, что в доме кто-то чужой.

— А потом?

— Больше я ничего не слышал.

— Это, наверно, хорошо? — Клэри повернулась к Люку: — Он говорит, что сейчас ничего не слышит. Может, они ушли?

— Может, и так, — с сомнением ответил Люк, ведя машину по скоростному шоссе к дому Саймона. — Все равно пусть не кладет трубку.

— Что происходит сейчас?

— Ничего. Припер дверь всем, что было в комнате, и пытаюсь достать Йоссариана из-за батареи.

— Да пускай там сидит!

— Все это будет очень непросто объяснить моей маме, — сказал Саймон, а потом что-то щелкнуло, и связь пропала. На экране телефона появилась надпись «Вызов завершен».

— Нет! Нет! — закричала Клэри, дрожащими пальцами нажимая на кнопку повтора.

Саймон тут же ответил:

— Извини. Йоссариан царапнулся, и я выронил телефон.

У Клэри защипало в горле.

— Ничего, главное, ты цел...

Из телефона донесся звук набегающей волны, и голос Саймона пропал. Клэри посмотрела на экран — Там светилась надпись «Установлено соединение».

— Саймон!!! Ты слышишь меня?

Волна откатилась, теперь из телефона слышался звон бьющегося стекла и пронзительный вой — видимо, кошачий. Потом раздался тяжелый удар по полу.

— Саймон? — прошептала Клэри.

В трубке что-то щелкнуло, и ленивый злорадный голос произнес:

— Кларисса? Не сомневался, что на другом конце провода будешь именно ты.

Клэри зажмурилась, чувствуя, что внутри все проваливается, как на американских горках.

– Валентин..

– Ты хотела сказать «отец»? – произнес голос с искренним раздражением. – Не понимаю эту новомодную манеру называть родителей по имени.

– То, как я хотела назвать тебя, не прошло цензуру! – выпалила Клэри. – Где Саймон?

– Ты про вампира? Сомнительная компания для девушки из хорошей семьи нефилимов. Отныне, выбирая друзей, тебе придется учитывать мое мнение.

– Что ты сделал с Саймоном?

– Ничего, – весело сказал Валентин. – Пока ничего.

И нажал на отбой.

Когда Алек вернулся в тренировочный зал, Джейс лежал на полу и, желая отвлечься от боли в запястьях, представлял себе танцующих девушек – впрочем, без особого успеха.

– Что ты делаешь? – спросил Алек, опускаясь па колени в опасной близости от сверкающей стены.

Джейс попытался напомнить себе, что Алек всегда задавал такие вопросы всерьез и что прежде эта манера вовсе не раздражала, а казалась милой и трогательной. Ничего не вышло.

– Решил прилечь на пол и немного покорчиться от боли. Очень расслабляет.

– Правда? – спросил Алек и спохватился: – А.. сарказм.. Значит, все не так уж плохо. Сядь, если можешь, я попробую прокатить тебе кое-что сквозь стену.

Джейс сел так быстро, что у него закружилась голова.

– Алек, не надо!

Но Алек уже толкнул что-то по полу, как будто катил мячик ребенку. Красная сфера легко прошла сквозь сияющую завесу и мягко ударилась о колено Кейса.

– Яблоко.. – произнес он, с трудом поднимая красный шар. – Вот это вовремя.

– Ты, наверное, проголодался..

– Верно. – Джейс откусил от яблока; сок полился по рукам и зашипел на синих языках пламени, сковавших запястья. – Отправил сообщение Клэри?

– Нет. Изабель меня даже на порог не пустила – стала вопить и швырять что-то тяжелое в дверь. Грозилась выпрыгнуть в окно, если войду, причем вполне серьезно.

– Да, это она может.

Алек улыбнулся:

– Никак не смирится с тем, что я тебя предал. С ее точки зрения.

– Умница, – сказал Джейс с одобрением.

– Я не предавал тебя, придурок.

– Она-то этого не знает.

– Я принес еще кое-что, – сказал Алек. – Не знаю, сработает ли, но попробовать стоит.

Он прокатил сквозь стену что-то маленькое, металлическое – серебристый диск размером с четверть доллара. Джейс отложил яблоко и поднял диск:

– Что это?

– Позаимствовал из письменного стола в библиотеке. Видел, как родители использовали ее для снятия разного рода замков. Скорее всего, тут какая-то отпирающая руна. Попробуй, может...

Джейс начал неловко жонглировать диском скованными руками. Наконец ему удалось прокатить диск к синим языкам пламени; они тут же замерцали и погасли.

– Спасибо, – сказал Джейс, разминая запястья, на которых остались красные кровоточащие полосы. – Это, конечно, не напильник в батоне, но, по крайней мере, руки у меня теперь не отвалятся.

– Знаешь, мне пришла в голову одна идея... Когда Изабель пригрозила выпрыгнуть и окна, я ей сказал, что она разобьется.

– Разумный совет старшего брата, – кивнул Джейс.

– А потом я подумал: то, что опасно для Изабель, может быть не опасно для тебя. Ты не раз проделывал самые дикие трюки. Я видел, как ты благополучно падал с третьего этажа, запрыгивал с земли на крышу...

– Приятно, что мои достижения обрастают легендами, но я не понимаю, к чему ты ведешь.

– К тому, что у твоей тюрьмы четыре стены, не пять.

– Надо же, значит, прав был Ходж, геометрия и в самом деле небесполезная наука! – съязвил Джейс. – Да, тут действительно четыре стены. Вот если бы Инквизитор ограничилась двумя...

– Джейс! – выпалил Алек, теряя терпение. – В твоей клетке нет потолка!

Джейс запрокинул голову. Деревянные балки терялись в полумгле.

– Ты рехнулся, – заключил он.

– Может быть, – ответил Алек. – А может, просто знаю, на что ты способен. Почему не попытаться?

Джейс посмотрел на Алека, на его открытое честное лицо и решительные голубые глаза, – и подумал, что приемный брат сошел с ума. Конечно, Джейсу приходилось проделывать довольно рискованные трюки, как и любому нефилиму, у которого за плечами годы тренировок. Но он не сможет прыгнуть вертикально вверх на десяток метров!

И все же в голове звучал знакомый голос: откуда ты знаешь, если не пробовал?

Голос Клэри. Джейс вспомнил о ее рунах, о том, как и Городе молчания разомкнулся и слетел с руки наручник, будто разбитый невероятным давлением. Они с Клэри одной крови. Если ей подвластно невозможное, почему бы и ему не попробовать...

Он поднялся почти с неохотой и не спеша обвел глазами тренировочный зал – огромные зеркала до пола, коллекцию разнообразного оружия на стенах, тускло блестящие клинки... Подняв с пола недоеденное яблоко, Джейс в задумчивости посмотрел на него и, размахнувшись, бросил в сверкающую стену. Яблоко описало в воздухе дугу и вспыхнуло синим пламенем, едва коснувшись завесы.

Алек охнул. Похоже, Инквизитор не блефовала – попытка прорваться сквозь стену изнутри равносильна самоубийству.

– Знаешь, Джейс, лучше не надо...

– Помолчи! И не смотри на меня – это только мешает.

Он медленно вращался вокруг себя, не сводя пристального взгляда со стропил. Началось действие рун, обостряющих зрение: Джейс видел стропильные балки в мельчайших деталях – шершавые края, узловатую и сучковатую древесину, темные пятна от старости. Балки были крепкими – они держали на себе крышу Института сотни лет и, безусловно, выдержат вес человека. Джейс размял пальцы, сделал несколько размеренных глубоких вдохов – так, как когда-то учил его отец. Мысленно он представил себе, как летит вверх, хватается за балку, подтягивается и влезает на нее. Я легкий, сказал он себе, легкий и быстрый, как стрела. Стремительный и неудержимый. Все просто. Очень просто.

– Я стрела Валентина, – прошептал Джейс. – Неважно, знает он об этом или нет.

И прыгнул.

Каменное сердце

Клэри нажала кнопку повтора вызова, но телефон Саймона сразу переключился на голосовую почту, и она с проклятием отшвырнула мобильник. По щекам катились горячие слезы.

— Мы почти на месте, — сказал Люк.

Они съехали со скоростного шоссе и приблизились к дому Саймона — деревянному строению, выкрашенному в теплый красный цвет. Не успел Люк затормозить, как Клэри выскочила из машины и помчалась к крыльцу. Не обращая внимания на его окрик, взбежала по ступенькам и начала колотить в дверь:

— Саймон! Саймон!

— Клэри, хватит! — одернул ее Люк. — Соседей переполошишь!

— К черту соседей!

Она нашарила в кармане связку ключей, нашла нужный, отперла замок и распахнула дверь.

Налево по коридору располагалась кухня, и там все осталось по-прежнему и на своих местах — от блестящего чистотой стола до магнитов на холодильнике и раковины, рядом с которой всего несколько дней назад Клэри целовалась с Саймоном. Из окон лились яркие солнечные лучи, наполняя кухню теплым желтым светом. Светом, который мог превратить Саймона в пепел.

Комната Саймона находилась в самом конце коридора. Дверь была приоткрыта, но за ней виднелась лишь темнота. Клэри вытащила из кармана стило и крепко сжала его: не оружие, конечно, и все-таки спокойнее. Окна в комнате закрывали плотные черные портьеры, единственный свет исходил от экрана электронных часов на тумбочке у кровати. Люк потянулся включить свет, и вдруг из темноты на него набросилось нечто — нечто шипящее, плюющееся и рычащее, как демон.

Клэри завизжала. Люк схватил ее за плечи и грубо оттолкнул, так что она споткнулась и чуть не упала. Опомившись от испуга, девушка увидела, что Люк держит в руках вопящего и вырывающегося белого кота. Шерсть у него встала дыбом и топорщилась во все стороны — не кот, а ватный шар с когтями.

— Йоссариан! — воскликнула Клэри.

Люк разжал руки; кот плюхнулся на пол и рванул в коридор.

— Вот дуралей!

— Он не виноват, кошки меня вообще не любят, — сказал Люк и щелкнул выключателем.

Комната была в полном порядке: вещи на своих местах, на коврике ни единой складки, постель аккуратно заправлена.

— Не понимаю.. Нам глаза отводят?

— Вряд ли. Просто прибрали за собой.

Люк прошел в центр комнаты, внимательно оглядываясь. Когда он собрался отдернуть штору, Клэри увидела на полу что-то блестящее:

— Люк, подожди!

Она подняла предмет — серебристый телефон Саймона. Он был сильно искорежен, антенна и вовсе оторвана. С бешено колотящимся сердцем Клэри раскрыла телефон и обнаружила на треснувшем экране сообщение: «Теперь я собрал всех».

Оглушенная, девушка осела на кровать. Люк отобрал телефон и резко втянул воздух, прочитав текст.

— Кого собрал? — спросила Клэри. — Что это значит?

Люк провел ладонью по лицу:

— Боюсь, Валентин схватил не только Саймона, но и Майю. Тогда он собрал все необходимые компоненты для ритуала обращения Меча.

Клэри в ужасе подняла глаза:

— То есть это не просто попытка свести счеты с тобой или со мной?

— Для Валентина наши переживания — лишь приятное дополнение к основной цели: обращению Меча душ. А для этого ему нужна...

— Кровь детей нежити. Но ведь Майя и Саймон не дети, они подростки.

— Когда создавалось заклятие для обращения Меча, вообще не было такого понятия — подросток. В обществе нефилимов взрослым считается тот, кто достиг восемнадцатилетнего возраста. Все, кто младше, — дети. Так что Майя и Саймон для замысла Валентина вполне подходят. Кровь феи и мага у него уже есть. Не хватало лишь оборотня и вампира.

Из груди Клэри будто вышибли весь воздух.

— Почему же мы ничего не сделали? Почему мы их не защитили?!

– До сих пор Валентин шел по пути наименьшего сопротивления. Он выбирал жертв, до которых проще всего добраться. Найти мага – задача несложная. Валентин просто нанял его, чтобы он вызвал демона. Фею в парке найти тоже легко, если знать, где искать. Самое вероятное место, где можно встретить оборотня, – «Охотничья луна». Не понимаю, зачем Валентину понадобилось зря рисковать, чтобы..

– Джейс, – сказала Клэри.

– При чем тут Джейс?

– Валентин хотел расквитаться с Джейсом. Видимо, вчера Джейс чем-то его очень разозлил – настолько, что Валентин решил изменить свои первоначальные планы.

– С чего ты взяла, что внезапные перемены планов как-то связаны с твоим братом? – с непониманием спросил Льюк.

– Потому что, – ответила Клэри с мрачной уверенностью, – только Джейс способен взбесить настолько сильно.

– Изабель! – крикнул Алек, колотя по двери. – Изабель, открывай! Я знаю, что ты там!

Дверь чуть-чуть приоткрылась. Алек попытался заглянуть в щелку, но никого не увидел.

– Она не хочет с тобой разговаривать, – произнес хорошо знакомый голос.

Алек посмотрел вниз и встретился взглядом с парой серых глаз, сердито сверкающих из-под очков.

– Привет, Макс, – сказал он. – Давай, братец,пусти меня.

– Я тоже не собираюсь с тобой разговаривать. – Макс попытался захлопнуть дверь, но Алек быстро сунул в щель ногу, дверь застыла.

– Не заставляй меня применить силу.

– Не посмеешь. – Макс навалился на дверь всем телом.

– Тогда я приведу родителей, а Изабель этого явно не хочет, – пригрозил Алек и повысил голос, чтобы сестра услышала: – Так ведь, Иззи?

– Ах чтоб тебя... – раздался разъяренный голос Изабель. – Ладно, Макс,пусти его!

Макс отступил в сторону, и Алек ворвался в комнату, оставив дверь за собой приоткрытой. И увидел сестру в узком проеме, служившем в ее спальне окном. Изабель присела, словно изготовилась к прыжку. На ней было полное боевое облачение – ботфорты, грубые черные штаны, облегающая рубашка, покрытая тончайшей серебряной вязью рун. Вокруг левой руки обвился

золотой хлыст, черные волосы трепал ветер, врывающийся в открытое окно, глаза пылали гневом. Она напомнила Алеку Хьюго, черного ворона Ходжа.

— Ты в своем уме? Жить надоело?! — воскликнул Алек, бросившись к Изабель.

Хлыст тут же змеей взмыл в воздух и обвился вокруг его лодыжек. Алек замер. Теперь сестра могла повалить его на пол легким движением руки.

— Лучше не подходи ко мне, Александр Лайтвуд, — предупредила Изабель самым разъяренным тоном.

— Иззи..

— Как ты мог предать Джейса? После всего, что мы вместе пережили! А ведь мы все принесли клятву защищать друг друга!

— В первую очередь Закон, — напомнил Алек. — А потом уже друг друга.

— Закон! — с отвращением выпалила Изабель. — Есть закон, который превьше Закона Конклава. Это закон семьи, Алек. А Джейс — часть нашей семьи!

— Закон семьи? В первый раз слышу, — раздраженно бросил Алек. Он понимал, что сейчас нужно наладить мир с сестрой, но многолетняя привычка поправлять ошибки младших взяла верх. — Видимо, оттого, что ты только что этот закон придумала.

Изабель дернула кистью, и земля ушла у Алека из-под ног. Он еле успел сгруппироваться, чтобы смягчить удар о пол, перекатился на спину и посмотрел на сестру, грозно возвышающуюся над ним. Макс стоял с нею рядом.

— Как с ним поступим, Максвелл? — спросила Изабель. — Свяжем и оставим валяться на полу, дожидаясь родителей?

Тут у Алека лопнуло терпение. Он выхватил из рукава нож, извернулся и полоснул по струне, стягивающей лодыжки. Струна с треском лопнула, и Алек немедленно вскочил. Хлыст засвистел и свернулся в руке у Изабель, с напряжением ожидавшей следующего шага брата.

Конец этой семейной сцене положил негромкий смех, донесшийся от входа.

— Ну хватит, хватит, вы уже достаточно его помучили. Я здесь.

Глаза Изабель расширились.

— Джейс!

— Собственной персоной. — Джейс проскользнул н приоткрытую дверь и захлопнул ее за собой. — Можете прекратить драку и... ай, полегче! — Последнее было адресовано Максу, с воплем прыгнувшему на него с разбегу. Мягко отстранив мальчишку, Джейс объяснил: — Я сейчас не в лучшей форме.

– Вижу, – сказала Изабель, окинув встревоженным взглядом его окровавленные запястья, слипшиеся волосы, грязь и сукровицу на лице и руках. – Что Инквизитор с тобой сделала?!

– Ничего особенного. Просто заперла в тренировочном зале. Алек помог мне выбраться.

Хлыст поник в руке Изабель, как увядший цветок.

– Правда? – спросила она брата.

– Да, – отозвался Алек, сосредоточенно отряхивая пыль с одежды. И, не удержавшись, добавил: – Вот так вот!

– Предупреждать надо.

– А тебе надо хоть немного в меня верить!

– Хватит, некогда препираться! – оборвал их Джейс. – Изабель, какое у тебя тут есть оружие? И бинты, мне нужны бинты!

– Бинты? – Изабель отложила хлыст и вытащила стило. – Может, лучше «иратце»?

– «Иратце» устранил синяки, однако бессильно против рунных ожогов, – сказал Джейс, демонстрируя ей запястья.

На свету следы от пылающих оков выглядели еще более путающими – почерневшая кожа растрескалась и сочилась кровью и сукровицей. Изабель побледнела.

– Оружие, – напомнил Джейс. – Мне надо достать оружие, прежде чем...

– Сначала бинты, – отрезала Изабель. – Потом оружие.

Она потащила Джейса в ванную и начала рыться в корзине со всякими мазями, пластырями и марлевыми повязками. Алек наблюдал за ними через полуоткрытую дверь. Джейс оперся на раковину, а приемная сестра промывала его ожоги и перевязывала их белой марлей.

– Теперь снимай футболку, – приказала она.

– Я так и знал, что ты не откажешь себе в удовольствии.

Джейс снял куртку и, морщась, стянул футболку через голову. Мышцы играли под золотистой кожей, виньетки знаков чернели на обоих плечах. Обычный человек мог счесть изъясном многочисленные белые шрамы от нанесенных когда-то рун, но только не Алек. Такие шрамы с гордостью носил каждый нефилим – не изъясны, а знаки отличия.

Джейс заметил его взгляд и крикнул из ванной:

– Алек, можешь принести телефон?

– Он на тумбочке, – добавила Изабель, не повернув головы.

Они с Джейсом о чем-то очень тихо переговариваюсь, – наверное, не хотели зря пугать Макса. Алек посмотрел на тумбочку.

– Телефона нет, – сообщил он.

Изабель выругалась себе под нос, чертя «иратце» на спине Джейса.

– Я забыла его на кухне! Вот засада... А если я пойду за ним и нарвусь на Инквизитора?

– Я принесу, – предложил Макс. – На меня она даже внимания не обратит.

– Ну может быть... – протянула Изабель с неохотой. – Зачем вам вообще сейчас телефон.

– Нужен, и все, – сказал Алек, теряя терпение.

– Чтобы написать Магнусу «Превед кросафчег чмоке-чмоке»? Если так, я тебя убью.

– Кто такой Магнус? – требовательно спросил Макс.

– Маг, – коротко ответил Алек.

– Очень сексапильный маг, – уточнила Изабель, не обращая внимания на испепеляющий взгляд старшего брата.

– Но ведь маги плохие, и водиться с ними нельзя, – сказал Макс с недоумением.

– Вот именно, – ответила Изабель.

– Я ничего не понимаю, – произнес Макс. – Но телефон вам принесу.

С этими словами он выскользнул из комнаты. Джейс натянул футболку и куртку, вышел из ванной и принялся искать оружие в вещах Изабель, в беспорядке разбросанных по всей комнате.

– Что будем делать? – спросила Изабель. – Сбежим? Инквизитор просто взбесится, когда обнаружит, что ты удрал!

– Она взбесится гораздо сильнее, когда обнаружит, что Валентин не намерен с ней торговаться. – Джейс вкратце изложил замыслы Иможден Эрондейл. – Единственная проблема этого плана в том, что Валентин на него не купится.

– Еди... единственная проблема?! – переспросила Изабель. От ярости она начала заикаться, чего с ней не случалось с шестилетнего возраста. – Какой позор! Вот так продавать тебя этому психу! Ты член Конклава! Ты наш брат!

– Инквизитор так не считает.

— Да мне плевать, что там считает себе эта уродливая стерва! Мы ей не позволим!

— Когда она поймет, что ее план обречен на неудачу, наверняка станет стоворчивей, — сказал Джейс. — Но я не собираюсь сидеть сложа руки и ждать. Я уйду.

— Это будет непросто, — заметил Алек. — Посложнее, чем демону вырваться из пентаграммы. Инквизитор согнала половину Конклава в оцепление.

— Слишком высокого обо мне мнения, — произнес Джейс, отбрасывая с дороги стопку журналов.

— Может, она и права, — сказала Изабель, глядя на него в задумчивости. — Ты правда выбрался из «конфигурации Малахи», вспрыгнув на балку, до которой было десять метров? Правда, Алек?

— Правда, — подтвердил Алек. — Никогда не видел ничего подобного.

— Никогда не видел ничего подобного, — эхом повторил Джейс, поднимая с пола кинжал длиной сантиметров двадцать пять. С его устрашающего острия свисал розовый кружевной лифчик.

Изабель выхватила лифчик и одарила приемного брата испепеляющим взглядом:

— Не уходи от вопроса! Как тебе удалось?

— Просто прыгнул. — Джейс выудил из-под кровати два стальных диска с бритвенно-острыми краями и сдул с них толстый слой пыли пополам с кошачьей шерстью. — Индийские чакры! Круто. Особенно против демонов с жестокой аллергией на кошек.

— Ты мне не отвечаешь! — возмутилась Изабель, шлепнув его лифчиком.

— Да потому что сам не знаю, Иззи! Может, королева Летнего двора не ошибалась. Может, у меня и правда есть какие-то силы, о которых мне неизвестно, потому что я никогда ими не пользовался. У Клэри ведь есть.

Изабель наморщила лоб:

— Что, в самом деле?

Алека вдруг осенила идея.

— Джейс! А твой вампирский мотоцикл до сих пор на крыше?

— Наверное, только какой от него толк при свете дня...

— Тем более мы все на нем не поместимся, — добавила Изабель.

Джейс уже распихал по карманам несколько клинков серафимов и теперь засовывал метательные диски за пояс, рядом с длинным кинжалом.

— Это не важно, я иду без вас.

— Что значит без нас?! — начала было Изабель и умолкла, потому что в комнату влетел запыхавшийся Макс, держа в руке выдавший виды розовый телефон. — Братец, ты герой! — Она выхватила телефон и бросила сердитый взгляд на Джейса: — Ну и кому надо звонить? Клэри?

— Да, Клэри, давай я поговорю, — предложил Алек.

— Нет уж, я сама, — отрезала Изабель, хлопнув его по руке. — Я ей больше нравлюсь. — Она набрала номер и стала ждать ответа, высунув кончик языка. — Клэри? Это Изабель. Я... Что?! — С ее лица вдруг исчезли все краски. — Как?! Но зачем...

— Что там? — выпалил Джейс, пересекая комнату в два прыжка. — Что с ней?

Изабель сжала телефон так, что побелели костяшки:

— Валентин похитил Саймона и Майю. Он намерен использовать их для ритуала.

Быстрым уверенным движением Джейс выхватил у нее телефон и приложил к уху.

— Садитесь в машину и езжайте к Институту. Внутри не входите, ждите меня. Я к вам выйду. — Он захлопнул телефон и передал его Алеку: — Звони Магнусу, пусть встречается нас где-нибудь у реки в Бруклине. Место по его выбору, только безлюдное. Нам потребуется его помощь, чтобы попасть на корабль Валентина.

— Нам? — вскинулась Изабель.

— Мне, Люку и Магнусу, — уточнил Джейс. — Вас двоих я прошу остаться здесь и взять на себя Инквизитора. Когда она поймет, что сделки не будет, вам придется убедить ее срочно направить против Валентна все силы Конклава.

— Я не понимаю — как ты намерен отсюда выбраться? — спросил Алек.

Джейс ухмыльнулся.

— Сейчас узнаешь, — сказал он и вскочил на подоконник.

Изабель закричала, но Джейс уже вылез из окна, пару секунд постоял на самом краю, а потом исчез. Алек подскочил к окну и в ужасе высунулся, но внизу, на пожухшей траве институтского сада, не было ничего и никого. И прохожие на Девяносто шестой улице не вопили при виде человека, выпавшего из окна. Джейс как будто растворился в воздухе.

Первое, что он услышал, когда очнулся, — бесконечно повторяющийся плеск воды. В воздухе пахло металлом, во рту тоже стоял металлический привкус. Левая рука ныла. Со стоном Саймон открыл глаза.

Он лежал на неровном железном полу, выкрашенном в грязно-зеленый цвет. Единственным источником света служило круглое окошко под самым потолком. Солнечные лучи проникали в него очень скупо, но Саймону хватило и этого: рука, оказавшаяся на свету, уже покраснела и пошла волдырями. Вновь застонав, он перекатился в тень и сел.

...И обнаружил, что не один. В помещении царил полумрак, но Саймон прекрасно видел в темноте и без труда разглядел Майю, сидящую в углу напротив. Ее запястья сковывали наручники, от которых тянулась цепь к большой паровой трубе, одежда была разорвана, на щеке темнел огромный синяк, на виске запеклась кровь. Заметив, что Саймон очнулся и сел, Майя тут же залилась слезами:

— Я думала... я думала, ты мертв...

— Ну да, я уже мертв, — сказал Саймон, рассматривая обожженную руку.

Волдыри исчезли, боль утихала, кожа снова обрела нормальный цвет.

— Знаю. Но я подумала, что совсем-совсем мертв.

Майя утирала слезы связанными руками. Саймон попытался встать и подойти к ней, но его не пустила толстая стальная цепь. Одним концом цепь была приварена к железному кольцу на его лодыжке, а другим уходила в железный пол. Валентин не любил рисковать.

— Не плачь, — сказал Саймон и тут же пожалел об этом. У Майи были веские причины для слез. — Со мной все нормально.

— Пока нормально, — всхлипнула Майя, утирая мокрые щеки рукавом. — Это и есть Валентин? Человек с белыми волосами?

— Ты его видела? Я не видел ничего, только какая-то огромная штуковина выбила дверь и сшибла меня с ног, как локомотив.

— Тот самый Валентин? Про которого все говорят, который начал Восстание...

— Он отец Клэри и Джейса, — сказал Саймон. — Больше мне про него ничего не известно.

— Вот почему голос показался мне знакомым! Точь-в-точь как у Джейса! — воскликнула Майя и добавила мрачно: — Теперь понятно, в кого Джейс такой мерзавец.

Тут Саймон не мог с ней поспорить.

— Значит, ты не... — Голос у Майи сорвался. — Извини за странный вопрос... Когда Валентин пришел за тобой, ты не видел рядом с ним никого знакомого... никого уже умершего? Ну, вроде призрака?

— Нет, — удивился Саймон. — А что?

— Я видела брата, — ответила Майя, помедлив. — Призрака брата. Наверное, Валентин вызвал у меня галлюцинации.

— Ну, со мной он ничего такого не делал. Я говорил с Клэри и выронил телефон, когда эта штука сбила меня с ног. Вот и все.

— Ты говорил с Клэри? — переспросила Майя почти с воодушевлением. — Может быть, они догадаются, где мы, и спасут нас!

— Может быть. — Саймон пожал плечами. — А где мы?

— На корабле... я еще была в сознании, когда Валентин меня сюда притащил. Огромная черная гора металла. Тут нигде нет света и повсюду... твари. Одна из них на меня прыгнула, и я завизжала. Тогда он схватил меня за волосы и ударил головой о стену. Затем я отключилась.

— Твари? Какие твари?

— Демоны, — поежившись, объяснила Майя. — Тут очень много демонов. Больших, маленьких, летучих — самых разных. Они делают все, что Валентин им прикажет.

— Но Валентин — Охотник! Он ненавидит демонов!

— Может и так, только демоны об этом не знают. Зачем ему понадобились мы? Разумеется, он ненавидит нежить, однако зачем прилагать такие усилия, чтобы прикончить именно нас? — Майя начала дрожать, стуча зубами, как игрушка из магазинчика ужасов. — Должно быть, хочет добиться чего-то от Конклава. Или от Люка.

Саймон знал, зачем они нужны Валентину, но решил не сообщать об этом Майе — она и так была очень напугана. Он снял куртку и бросил ей:

— Держи, ты замерзла.

Скованными руками Майя неловко накинула куртку па плечи и с благодарностью улыбнулась:

— Спасибо. А тебе самому разве не холодно?

Саймон покачал головой. Ожоги на руке совсем пропали.

— Я больше не чувствую холода.

Майя хотела что-то сказать, но осеклась. В ее взгляде отразилась внутренняя борьба.

— Прости, что набросилась на тебя вчера, — сказала она наконец и прошептала после долгой паузы: — Я до смерти боюсь вампиров. Когда я приехала в город, все время гуляла с тремя ребятами — Бэтом, Стивом и Греггом. Один раз мы нарвались на вампиров в парке — они сидели под мостом и сосали кровь из пакетов. Началась драка, и один из вампиров схватил Грегга — просто-напросто схватил, поднял и разорвал пополам... — В голосе у нее послышались истеричные нотки, и Майя прижала ладонь к губам. — Пополам... и все кишки вывалились наружу. А потом вампиры начали его есть...

Саймона замутило, и он почти обрадовался, что эта история вызвала у него приступ тошноты, а не голода.

— Я бы так не сделал. Мне нравятся оборотни. Нравится Люк.

— Я знаю. — У Майи дрожали губы. — Когда мы познакомились, ты был таким... насквозь человеком. Ты мне напомнил о том, какой я была когда-то.

— Ты по-прежнему человек.

— Нет, это не так.

— В тебе осталось то, что нужно, чтобы быть человеком. И во мне тоже.

Майя попыталась улыбнуться. Саймон понимал, что она не верит ему, но не мог ее за это винить, потому что не понимал, верит ли себе сам.

Небо потемнело, обретя стальной оттенок, и набухло тяжелыми тучами. В пасмурном свете Институт огромным утесом высился на горизонте; грифельно-серая крыша тускло блестела, как старое серебро. У входа Клэри померещились какие-то фигуры, облаченные в капюшоны, но разглядеть что-то сквозь грязное стекло было невозможно — Люк припарковал машину в квартале от собора.

— Сколько времени прошло? — поинтересовалась Клэри в четвертый раз.

— Пять минут с последнего раза, как ты спросила.

Люк откинулся на спинку кресла. Вид он имел совершенно изможденный, щеки поросли серебристой щетиной, а под глазами залегли темные тени. Клэри с внезапной тревогой подумала, что он почти не спал, просиживая ночи в больнице, а потом еще этот демон... Теперь она понимала, почему они с мамой так долго пытались скрыться от такой жизни. Сейчас она сама не отказалась бы спрятаться.

— Хочешь пойти туда? — спросил Люк.

— Нет, Джейс велел ждать снаружи.

Клэри снова уставилась в окно. Наверняка закутанные в плащи фигуры ей не померещились, вход кто-то охранял. Один раз она даже мельком разглядела серебристо-седые волосы под капюшоном.

— Смотри! — воскликнул Люк, резко выпрямившись.

Клэри не увидела ничего необычного.

— Ты про людей у входа?

— Нет, охрана там уже давно. Посмотри на крышу!

Клэри прижалась лбом к стеклу и стала вглядываться в серые башенки и шпили, высеченных из камня ангелов и стрельчатые окна. Она уже хотела с раздражением сообщить, что не видит ничего, кроме облезлых горгулий, и вдруг заметила какое-то движение. На крыше кто-то был – тонкая, гибкая фигура быстро бежала между шпилями, от одной горгульи к другой. Вот она осторожно спустилась к самому краю невероятно крутой крыши, и светлые волосы блеснули латунью в пасмурном свете.

Клэри вылетела из машины прежде, чем успела сообразить, что делает, и помчалась к собору, игнорируя окрик Люка. Огромное здание нависло над ней отвесной скалой. В мыслях было одно – нет, не может быть, он этого не сделает, только не Джейс!.. А потом он шагнул с края так же легко и спокойно, как будто прыгал с крыльца на дорожку перед домом, и камнем упал вниз. Клэри закричала во весь голос..

...и застыла разинув рот. Джейс легко приземлился на ноги, слегка присев, выпрямился и сказал с улыбкой:

– Ну вот, как снег на голову. Прости за избитую метафору.

– Как.. Как тебе это удалось?! – прошептала Клэри.

Тут она заметила, что Люк, выскочивший из машины, смотрит куда-то мимо нее, схватившись за голову. От входа к ним бежали два стража – Малик и женщина с серебряными волосами. Чертыхнувшись, Джейс схватил Клэри за руку и потащил за собой. Как только они запрыгнули в кабину, Люк завел двигатель и рванул вперед. Дверь со стороны пассажирского сиденья осталась распахнутой; Джейс рывком захлопнул ее, коснувшись Клэри плечом. Пикап промчался мимо двух нефилимов. Клэри увидела, что Малик занес руку с чем-то вроде метательного ножа и целится по колесам пикапа. Джейс выругался и попытался достать оружие, но тут среброволосая женщина кинулась Малику наперерез и повисла у него на локте. Что было дальше, Клэри уже не увидела, потому что пикап завернул за угол и помчался по Йорк-авеню в плотном потоке машин.

Завернувшись в куртку Саймона и прислонившись к паровой трубе, Майя провалилась в тревожный сон. Саймон следил за лучами света, падающими из иллюминатора, и безуспешно пытался понять, сколько прошло времени. Обычно он пользовался часами на телефоне, но телефона он не нашел, сколько ни шарил по карманам. Должно быть, уронил, когда Валентин вломился в комнату.

Впрочем, его занимали вопросы гораздо более серьезные, чем который час. Во рту пересохло, и горло уже горело от жажды – необычной жажды, знакомой только вампиру.

Требовалась кровь. При мысли о бутылках, оставшихся в холодильнике у кровати, вены начинали гореть, как натянутые под кожей серебряные провода.

– Саймон?

Майя проснулась и подняла голову. На щеке у нее белели вмятины от неровной трубы, на которую она опиралась. Саймон смотрел, как вмятины постепенно розовеют по мере того, как кровь приливает к лицу.

— Что?

— Долго я спала?

— Часа три, может, четыре. Сейчас уже, наверное, вечерет.

— Ого! Спасибо, что охранял.

Вообще-то Саймон и не думал никого охранять, просто сидел, погружившись в свои мысли.

— Не за что, без проблем, — отозвался он, ощутив легкий укол совести.

— Саймон?

— Да?

— Знаешь, конечно, ужасно, что ты здесь оказался, но я очень рада, что ты со мной.

Саймон растянул пересохший рот в улыбке; нижняя губа тут же треснула, на языке почувствовался вкус крови. В животе заурчало.

— Спасибо.

Майя наклонилась вперед. Ее светло-янтарные глаза как будто меняли оттенки при движении.

— Ты можешь до меня достать? — спросила она, протянув руку.

Саймон потянулся ей навстречу, гремя цепью, сковывающей лодыжку. Кончики их пальцев соприкоснулись...

— Как трогательно!

Саймон одернул руку. Голос, раздавшийся из тени, был спокойным, сдержанным и каким-то неуловимо чужим. Майя посмотрела на человека, стоявшего и дверном проеме, и явственно побелела.

— Неужели Дети луны и ночи решили оставить давнюю вражду?

— Валентин, — прошептала Майя.

Саймон молчал, не в силах отвести взгляд. Следовательно, это и есть отец Клэри и Джейса? В таком случае, они оба на него непохожи. Копна серебристо-белых волос, горящие черные глаза... Впрочем, Клэри могла унаследовать от него резкие черты лица и разрез глаз, а Джейс — лениво-высокомерную грацию движений. Больше у них не было ничего общего — Валентин отличался высоким ростом и могучим телосложением.

Грудь крест-накрест перехватывали широкие кожаные ремни с серебряными пряжками, в наспинных ножнах и лежал меч с массивной рукоятью. Еще один ремень опоясывал талию, и на нем сверкало такое количество ножей, кинжалов и узких стилетов, которому позавидовал бы любой мясник. Оружия хватило бы на целый взвод, но, несмотря на весь этот арсенал, Валентин ступал по зеленому железному полу легче кошки.

– Вставай, – сказал он Саймону. – К стене.

Саймон вскинул подбородок. Он почувствовал на себе перепуганный взгляд Майи... и вдруг накатило желание всеми силами защитить ее. Нет, с Майей ничего не случится – только через его труп!

– Так вы и есть отец Клэри? Теперь понятно, почему она вас терпеть не может.

Лицо Валентина было бесстрастно, почти неподвижно. Едва разомкнув губы, он спросил:

– И почему?

– Потому что вы явно помешанный, – объяснил Саймон.

Валентин улыбнулся – одними губами, более на его лице не дрогнул ни один мускул, – и поднял руку, сжатую в кулак. Саймон непроизвольно отшатнулся. Однако Валентин не стал его бить. Он разжал пальцы, и на широкой ладони оказалась горсть мерцающего порошка, похожего на театральные блестки. Валентин повернулся к Майе и дунул на ладонь в гротескной пародии на воздушный поцелуй. Порошок полетел на Майю, как рой мерцающих пчел.

Майя заметалась на цепи, хватая ртом воздух и безуспешно пытаясь уклониться. Крик превратился в плач.

– Что вы с ней сделали?! – заорал Саймон.

Он вскочил на ноги и бросился на Валентина, но предательская цепь не дала ему сделать и пары шагов.

Улыбка Валентина стала шире.

– Это серебряный порошок. Он обжигает ликантропов.

Майя скорчилась клубком на полу, тихо всхлипывая. Из ужасных ожогов на руках сочилась кровь.

У Саймона снова заурчало в животе, и он отступил к стене, испытывая отвращение к самому себе и всему происходящему.

– Какой же вы гад! – выкрикнул он, глядя, как Валентин равнодушно стряхивает с пальцев остатки порошка. – Она вам ничем не угрожает! Она сидит на цепи! Опомнитесь, ради...

Он поперхнулся.

— Ради Бога? — расхохотавшись, спросил Валентин. — Ты ведь это хотел сказать?

Саймон не ответил. Валентин потянулся к наспинным ножам и вытащил тяжелый Меч. Казалось, что лезвие соткано из самого солнечного света. Его сияние обожгло Саймону глаза, и он отвернулся.

— Клинок Ангела обжигает тебя, а имя Господа стискивает тебе горло, — жестко произнес Валентин. — Говорят, тот, кто умрет от этого меча, достигнет врат рая. Так что можешь считать, что я оказываю тебе услугу, нелюдь.

Он опустил клинок, коснувшись его кончиком горла Саймона. В глазах Валентина цвета черной воды не было ни гнева, ни сострадания, ни даже ненависти. Лишь пустота свежeverытой могилы.

— Желаеть что-нибудь сказать напоследок?

Саймон знал, что должен сказать. *Sh ' ma Yisrael, adonai dtihanu, adonai echod* («Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь — один!»). Саймон попытался произнести эти слова, но горло обожгла резкая боль. И тогда он прошептал совсем другое:

— Клэри...

По лицу Валентина пробежала гримаса раздражения, как будто ему было неприятно слышать имя дочери из уст вампира. Он быстро отвел клинок и плавным уверенным движением перерезал Саймону горло.

17

К востоку от рая

— Как тебе это удалось?! — спросила Клэри.

Пикап мчался в сторону Бруклина; Люк склонился над рулем.

— Ты спрашиваешь, как я попал на крышу? — Джейс сидел, откинувшись на спинку кресла и прикрыв глаза. На руках у него белели марлевые повязки, у корней волос виднелись пятна засохшей крови. — Вылез из окна Изабель и забрался по стене. Там горгульи, есть за что зацепиться. Кстати говоря, мотоцикла на крыше я не нашел. Видимо, Инквизитор позаимствовала его для увеселительной поездки за город.

— Но как тебе удалось прыгнуть с крыши собора и не расшибиться в лепешку?

— Не знаю. — Джейс поднял руки и протер глаза, слегка задев девушку плечом. — А как тебе удалось создать новую руну?

— Тоже не знаю, — прошептала Клэри. — Думаешь, королева фей была права? Валентин что-то с нами сделал?

— Сейчас есть вещи поважнее, — сказал Люк. — Куда едем, Джейс? Тебе нужно попасть куда-то конкретно или просто уехать как можно дальше от Института?

— Саймон и Майя на корабле Валентина, и он намерен убить их, чтобы провести ритуал обращения Меча, — сказал Джейс, дергая повязку на запястье. — Я должен попасть туда и остановить его.

— Нет, — отрезал Люк.

— Хорошо, мы должны попасть туда и остановить его.

— Джейс, я не позволю тебе вернуться на корабль. Это слишком опасно.

— Вы беспокоитесь за меня?! — переспросил Джейс с изумлением. — Вы же видели, что я только что сделал!

— Да, я за тебя беспокоюсь.

— Ерунда. Когда отец прикончит ваших друзей, он соберет такую армию демонов, которая не снилась вам в самых жутких кошмарах. И тогда его уже нельзя будет остановить.

— Конклав...

— Инквизитор не намерена ничего делать. И позаботилась о том, чтобы перекрыть Лайтвудам доступ к Конклаву. Она отказалась собирать войска, даже когда я рассказал ей, что замышляет Валентин. Она одержима бредовой идеей.

— Какой идеей? — спросила Клэри.

— Обменять меня на Орудия смерти, — горько произнес Джейс. — Я пытался ей объяснить, что Валентин ни за что на это не пойдет, но она и слушать не стала... — Он резко и коротко рассмеялся. — Изабель с Алеком расскажут ей о том, что он похитил Саймона и Майю. Только вряд ли это повлияет на ее решение. Она не верит мне и не станет отказываться от своего гениального плана ради спасения какой-то нежити.

— Но мы не можем ждать! — воскликнула Клэри. — Надо скорее пробраться на корабль. Ты знаешь, где он?

— Вы уж извините, что перебиваю, — вмешался Люк, — но, чтобы попасть на корабль, нужна лодка. Вряд ли Джейс способен пройти по воде аки посуху.

Телефон Клэри запищал — пришло сообщение от Изабель.

— Какой-то адрес... У самой реки.

Джейс заглянул Клэри через плечо:

— Там нас ждет Магнус.

Он прочитал адрес вслух; Льюк тут же развернул машину на сто восемьдесят градусов, едва сбавив скорость, и рванул на юг.

— Магнус поможет нам перебраться через воду... и еще кое с чем, — объяснил Джейс. — На корабле охранные заклятия. Мне удалось пробраться туда в прошлый раз, потому что отец хотел меня видеть. Теперь этот номер не пройдет. Придется Магнусу устранить заклятия.

— Не нравится мне это. — Льюк барабанил пальцами по рулю. — Лучше туда отправлюсь я, а вы останетесь на берегу с Магнусом.

Глаза Джейса сверкнули.

— Нет! Пойти должен именно я!

— Почему? — спросила Клэри.

— Валентин повелевает каким-то демоном страха. Этот демон истребил всех Безмолвных братьев, убил мага на Фронт-стрит, оборотня у «Охотничьей луны». И наверняка ту фею в Центральном парке. На лицах Братьев застыли гримасы ужаса — они ведь в буквальном смысле умерли от страха.

— А кровь?

— Кровь Валентин откачивал уже потом. Возле «Охотничьей луны» его спугнули, и кровь он собрать не успел, потому и похитил Майю. — Джейс запустил пальцы себе в волосы. — Никто не может противостоять демону страха. Он проникает в душу и убивает ее.

— Аграмон, — сдавленно произнес Льюк.

— Да, Валентин назвал его именно так.

— Это не «какой-то демон страха». Это единственный в своем роде великий Демон Страх. Как Валентину удастся держать его в повиновении? Не всякий маг с этим бы справился, а уж без пентаграммы.. — Льюк осекся. — Так, значит, вот как погиб тот юный маг? Призвал Аграмона?

Джейс кивнул и коротко рассказал о том, как Валентин одурачил Илию.

— Чаша Смерти, — закончил он, — дает ему власть над Аграмоном и, видимо, некоторыми другими демонами. Но это не та власть, которая будет в его руках после обращения Меча.

— Тем более я тебя туда не пушу, — заявил Льюк. — Против высшего демона нужна целая армия нефилимов!

— С помощью руны бесстрашия, которую нарисует мне Клэри, я смогу его сразить. Ну, по крайней мере, попытаюсь.

— Нет! — запротестовала Клэри. — Не хочу, что бы твоя жизнь зависела от моей дурацкой руны! А если она не работает?!

— В прошлый раз сработала, — сказал Джейс.

Они свернули с моста и теперь ехали по узкой Ван-Брант-стрит между высокими кирпичными стенами фабрик с зарешеченными окнами и глухими воротами, запертыми на висячие замки. Вдалеке меж домами уже поблескивала гладь реки.

— А если в этот раз я ошибусь?!

Джейс повернул к ней голову, и на какой-то миг их взгляды встретились.

— Не ошибешься.

— Адрес правильный? — спросил Люк, затормозив. — Магнуса не видно.

Клэри огляделась. Фабрика явно пережила пожар — от здания остался обгорелый кирпичный остов, местами ошестинившийся арматурой. Вдалеке темнел финансовый район Манхэттена и темный горб Губернаторского острова.

— Придет, — сказала она. — Раз обещал Алеку, точно придет.

Они вышли из пикапа. Было очень тихо — слишком тихо для фабричного района в воскресенье. Ни души вокруг и никакого городского шума — ни рева машин, ни голосов, лишь крики чаек и холодный ветер с реки. Клэри, ежась, натянула капюшон и застегнула молнию на куртке. Люк молча протянул ей пару шерстяных перчаток. Перчатки были велики и смотрелись как лапы от маскарадного костюма.

— Стоп, а куда делся Джейс?

Люк кивнул в сторону реки, на темную фигуру, стоящую на коленях у самой воды. Золотые волосы сияли единственным ярким пятном на фоне сизого неба и бурой реки.

— Думаешь, он хочет побыть один? — спросила Клэри.

— Сейчас не та ситуация, когда можно позволить себе роскошь погрузиться наедине с собой, — отозвался Люк и пошел к Джейсу.

Клэри последовала за ним. Мелкие волны лизали поросшие водорослями камни; несколько бревен были свалены вокруг черной ямы, в которой когда-то жгли костер. Повсюду валялись бутылки и ржавые банки.

Джейс без куртки стоял у края воды и швырнул в реку какой-то маленький белый предмет, тут же исчезнувший в волнах.

— Что ты делаешь? — спросила Клэри.

Он обернулся, и ветер бросил волосы ему в лицо.

— Отправляю сообщение.

Клэри увидела у самой поверхности воды что-то светящееся — как будто щупальце или живой побег какого-то растения. Оно крепко обвилось вокруг клочка чего-то белого и в следующий миг скрылось с глаз.

— Кому?

— Неважно, — резко ответил Джейс и пошел к тому месту, где бросил куртку на гравий.

За поясом у него Клэри заметила два металлических диска с остро заточенными краями. На куртке лежали три длинных клинка — плоских и тускло поблескивающих в ожидании, когда хозяин назовет их по имени. Джейс присел и мягко провел пальцами по лезвиям:

— До оружейной я добраться не смог, так что это — все, что у нас есть. Когда явится Магнус, мы должны быть в полной готовности. — Он поднял клинок и произнес: — Абрариэль.

Лезвие засияло, и Джейс протянул его Люку.

— Не нужно, — отозвался тот и откинул полу куртки, демонстрируя кинжал на поясе.

Тогда Джейс вручил Абрариэль Клэри, и она приняла его молча, почувствовав тепло, словно в клинке трепетала жизнь.

— Камаэль! Телантес!

Джейс вложил клинки в поясные ножны и надел куртку.

— А именем Разизэля оружие называют? — спросила Клэри.

— Нет, — ответил Люк. — Никогда.

Магнус все не появлялся. Телефон Клэри коротко пискнул. Она молча передала мобильник Джейсу. Он прочел сообщение и вскинул брови.

— Инквизитор дала Валентину время на размышления до заката и уже несколько часов ругается с Маризой. Надо же, мое исчезновение до сих пор не обнаружили!

Он протянул Клэри телефон. Их пальцы соприкоснулись, и Клэри отдернула руку как ужаленная, несмотря на то, что была в толстых перчатках. По лицу Джейса пробежала тень, но он промолчал и обернулся к Люку:

— Инквизитор потеряла сына? В этом причина ее выходок?

Люк вздохнул и сунул руки в карманы:

— Как ты догадался?

— Она очень болезненно отреагировала, когда я упомянул его имя. Прежде она вообще не проявляла человеческих эмоций.

— Причин много, Джейс. — Льюк поднял очки на лоб; глаза на резком ветру заслезались. — Стивен — лишь одна из них.

— Странно. Она не похожа на человека, который любит детей.

— Чужих — нет, своих — да, — ответил Льюк. — Стивен был ее любимцем.. да и просто всеобщим любимцем. Бесконечно добрым и очень красивым при этом не скучным и не имевшим завистников.. Впрочем, иногда он нас раздражал, самую малость.

— Вы вместе учились? — спросила Клэри. — Ты, мама и Валентин?

— Семейство Эрондейл управляло лондонским Институтом, и Стивен учился там. Мы познакомились, когда он вернулся в Аликанте. — Взгляд Льюка стал бесконечно далеким. — А потом было время, когда я имел с ним дело действительно часто. Когда он женился.

— Так он входил в Круг?

— В Круг он вступил позднее, после того, как я.. в общем, после того, что случилось со мной. Валентин выбирал, кто станет его правой рукой, и остановился на Стивене. Имоджен не могла с этим смириться, ведь она была всецело предана Конклаву. Умоляла сына изменить решение, но он не стал с ней даже разговаривать. Валентин имел на него невероятное влияние: Стивен даже согласился развестись с женой, Аматис. Валентин считал, что для его первого помощника у нее.. нежелательные родственные связи. — В голосе Льюка явно слышалась боль; Клэри не понимала, отчего; неужели его настолько волновала судьба этих людей? — В общем, Валентин убедил Стивена подать на развод и жениться на другой женщине — вернее, совсем молоденькой девушке по имени Селин. Ей было восемнадцать, и она тоже полностью находилась под влиянием Валентина. Беспрекословно выполнила бы любой приказ. А потом Стивен погиб во время налета на гнездо вампиров. Узнав об этом, Селин, находившаяся на восьмом месяце беременности, в тот же день наложила на себя руки. Отец Стивена умер от сердечного приступа. Так Имоджен в одночасье потеряла всю семью. Она даже не могла похоронить невестку и нерожденного внука в Городе костей, потому что там не хоронят самоубийц. Их пепел зарыли на перекрестке за пределами Аликанте. Вот тогда Имоджен и превратилась в лед. Когда во время Восстания погиб предыдущий Инквизитор, ей предложили его место. Имоджен вернулась из Лондона в Идрис и с тех пор о сыне никогда не говорит. Вот почему она так сильно ненавидит Валентина.

— Потому что мой отец отравляет все, к чему прикасается? — с горечью произнес Джейс.

— Потому что, несмотря на все злодеяния твоего отца, судьба сохранила ему сына, а сын Имоджен погиб. И она считает, что в смерти Стивена виноват Валентин.

— Она права, — сказал Джейс. — Это действительно его вина.

— Не совсем, — заметил Люк. — Стивен сам сделал свой выбор. Валентин никого не тащил в Круг шантажом или угрозами. Ему были нужны только преданные сторонники.

— Свобода воли, — пробормотала Клэри.

— Нет в этом никакой свободы, — возразил Джейс. — Валентин...

— Валентин и тебе предложил выбрать, — перебил его Люк. — Так ведь? Когда ты явился к нему на корабль, он предложил тебе остаться?

— Да, предложил. — Джейс разглядывал Губернаторский остров на горизонте. В его глазах отражалась река, и от этого они приобрели совсем стальной цвет, как будто серая вода смыла все золото.

— И ты отказался.

— Неужели я настолько предсказуем? — вдруг вспыхнул Джейс.

Люк отвернулся от него, пряча улыбку, и замер:

— Сюда кто-то идет.

К ним и правда шел некто очень высокий, с развевающимися на ветру темными волосами.

— Магнус! — воскликнула Клэри. — Только он... как-то странно выглядит.

Волосы мага, обычно торчащие шипами и залитые тремя литрами лака с блестками, сейчас незатейливо струились вдоль щек. Вместо разноцветных кожаных штанов Магнус надел строгий старомодный костюм и черный куртук с блестящими серебряными пуговицами. Кошачьи глаза искрились янтарной зеленью.

— Что вы на меня так смотрите? — спросил маг. — Не ждали?

Джейс взглянул на часы:

— Мы думали, ты не придешь.

— Если я обещал, значит, приду. Просто нужно было время на подготовку. Это тебе не кролика из шляпы достать, нефилим. Потребуется серьезная магия. — Он повернулся к Люку. — Как рука?

— Благодарю, все отлично, — учтиво ответил Люк.

— Возле фабрики твоя машина? Довольно мощный драндулет для торговца книгами...

— Производственная необходимость, — отозвался Люк, не моргнув глазом. — Нужно немало сил, чтобы ворочать тяжелые книги...

Магнус рассмеялся:

— Откроешь? Я, конечно, могу обойтись и без ключей, но это будет невежливо.

Они вместе направились к пикапу. Клэри хотела было пойти за ними, но Джейс удержал ее за плечо:

— Подожди, надо поговорить.

Клэри смотрела вслед оборотню и магу и думала о том, какая странная из них получается пара — долговязый Магнус в элегантном черном сюртуке и коренастый Люк в джинсах и фланелевой рубашке. Причем у них гораздо больше общего, чем может показаться на первый взгляд: оба они — нежить, оба живут на пересечении обычного и сверхъестественного миров.

— Земля вызывает Клэри! — окликнул Джейс. — Где ты витаешь?

Прямо у него за спиной заходящее солнце опускалось в реку, поэтому лицо Джейса было в тени, а золотые волосы нимбом сияли вокруг головы.

— Извини.

— Ничего. — Он слегка коснулся ее щеки тыльной стороной ладони. — Порой ты полностью уходишь в свои мысли. Видимо, там так интересно, что хочется за тобой последовать.

Ты и так там, подумала Клэри. Ты все время живешь в моих мыслях.

— О чем ты хотел поговорить? — сказала она вслух.

Джейс уронил руку:

— Начерти на мне руну бесстрашия. Пока Люк не видит.

— Почему пока не видит?

— Потому что он начнет причитать, что это безрассудная идея. Но другого способа одолеть Аграмона нет. Люк не сталкивался с этим демоном и не знает, на что это похоже. А я теперь знаю.

— И на что это похоже? — Клэри пристально посмотрела на него, однако лицо Джейса было непроницаемо.

— Демон показывает то, чего ты боишься больше всего на свете.

— Я понятия не имею...

— И хорошо, оставайся в приятном неведении. — Джейс опустил глаза. — Стило есть?

— Есть. — Клэри стянула с правой руки перчатку и выудила из кармана стило. — Куда наносить знак?

— Чем ближе к сердцу, тем лучше. — Он повернулся к ней спиной, сбросил куртку и задрал футболку, обнажив спину. — Давай на лопатку.

Клэри ухватила за него, чтобы рука не дрожала. Кожа на спине у Джейса была светлее, чем на лице и руках. Он вздрогнул, когда она повела по лопатке кончиком стила.

— Не надо нажимать так сильно.

— Извини. — Клэри постаралась сделать прикосновение стила совсем легким, представляя, как руна перетекает из ее сознания прямо на спину Джейса. Линия на коже напоминала пепельный след, проведенный углем. — Готово.

Джейс натянул футболку и обернулся:

— Спасибо.

Солнце пылало совсем низко над горизонтом, окрасив небо в розовый и кроваво-красный. Река за западе стала похожа на жидкое золото, и даже замусоренный городской пустырь в таком освещении не казался уродливым.

— Теперь ты.

— Что я?

— Закатай рукава, я нанесу знаки.

— А... ну да! — спохватилась Клэри и послушно вытянула руки.

Прикосновение стило походило на касание острого кончика иглы. Клэри наблюдала за тем, как Джейс рисует черные линии почти с восхищением. Знак, который появился во сне, был до сих пор заметен, только слегка размылся по краям.

— «И сказал Господь: всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его».

Клэри обернулась и увидела Магнуса, с усмешкой наблюдавшего за ними.

— Хорошо знаешь Библию? — поинтересовался Джейс, наклонившись за курткой.

— Я был рожден в глубоко религиозные времена, мой мальчик. И всегда полагал, что вот это самое «знамение» Каина и стало первым знаком. Оно ведь действительно защищало.

— Каин не имел к ангелам никакого отношения, — сказала Клэри. — Он убил своего брата.

— А мы собираемся убить отца, — сказал Джейс.

— Это совсем другое дело! — начала Клэри, но чем разница — так никто и не узнал, потому что берег выехал пикап Люка, разбрызгивая фонтаны гравия из-под колес.

— Порядок, — сказал Люк, высунувшись из окна. — Залезайте.

— Мы что, на машине поедем? — изумленно спросила Клэри.

— Сейчас узнаешь, — усмехнулся Магнус и указал на кузов. — Вы двое — туда.

Джейс запрыгнул в кузов и помог влезть Клэри. Усевшись спиной к запасному колесу, она заметила черную пентаграмму, вписанную в круг на металлическом дне кузова. Лучи пентаграммы испещряли незнакомые символы, не похожие на привычные ей руны.

Люк высунулся из окна и крикнул:

— Имейте в виду, мне это не нравится! Клэри, ты останешься с Магнусом в машине. На корабль пойдём мы с Джейсом. Ясно?

Клэри кивнула и съезжилась в углу кузова. Джейс сел рядом, обхватив себя за лодыжки:

— Похоже, будет интересно.

Пикап тронулся, расшвыривая гальку из-под колес, и въехал прямо в реку. Клэри швырнуло на заднее окно кабины. Люк решил их всех утопить?! В кабине сверкали сполохи синего света. Колеса пикапа ударились о что-то твердое, словно машина переехала бревно. А потом они легко заскользили вперед, как по очень хорошей дороге.

Клэри ухватилась за край кузова и заглянула через него, уже догадываясь, что именно там увидит. Пикап ехал по темной воде, едва касаясь шинами ее поверхности. Вокруг снова воцарилась тишина, только ровно гудел мотор да над головой кричали чайки.

Джейс широко улыбнулся:

— Валентин это точно оценит.

— Ну да, — сказала Клэри. — Кто-то умеет ползать по стенам, как паук, кто-то кидает супербумеранги, а у нас вот водоплавающий пикап.

— Если господ нефилимов что-то не устраивает, — раздался голос Магнуса из кабины, — пусть попробуют прогуляться по воде.

— Давай просто войдем? — предложила Изабель, прижимавшая ухо к двери библиотеки. — Ты что-нибудь слышишь?

Алек подошел к двери и прислушался, бережно сжимая в руке телефон. Магнус обещал позвонить, если будут новости или возникнут проблемы. Пока телефон молчал.

— Нет, ничего.

— Вот именно! Они перестали друг на друга орать. Значит, ждут Валентина.

Алек отошел от двери и выглянул в окно. Небо было цвета угля, засыпанного алым пеплом.

— Солнце садится.

Изабель схватилась за ручку:

— Пошли.

— Стой!

— Нельзя тянуть. Она опять солжет нам о том, что скажет Валентин. И вообще, я хочу посмотреть на отца Джейса. Ты разве нет?

— Хочу, конечно, но все-таки это не очень хороша и идея, потому что...

Изабель не стала его слушать. Она распахнула дверцу и шагнула внутрь; Алеку не оставалось ничего другого, кроме как последовать за ней, ругаясь себе под нос.

Инквизитор и Мариза стояли друг напротив друга по разные стороны огромного письменного стола, как боксеры на ринге. Щеки у Маризы пылали, волосы растрепались. Изабель покосилась на Алека. Она уже явно жалела, что ворвалась без приглашения, прекрасно зная: матери не стоит попадаться под горячую руку.

Если Маризой владела ярость, то Инквизитором — форменное безумие. Имоджен резко обернулась к вошедшим с перекошенным ртом:

— Вам что здесь нужно?!

— Имоджен... — предостерегающе начала Мариза.

— С меня довольно! — рявкнула Инквизитор. — Довольно вашей семейки и этого сборища малолетних преступников!

— Имоджен! — повторила Мариза, и какие-то нотки в ее голосе заставили Инквизитора обернуться.

Воздух у медного глобуса заискрился, как вода в солнечный день. Искры начали сливаться в фигуру, будто черная краска проступала на белом холсте, и наконец приняли форму широкоплечего человека. Изображение расплывалось; с уверенностью можно было сказать лишь, что человек этот высокого роста и с коротко остриженными белыми волосами.

— Валентин, — выдохнула Инквизитор, отчего-то захваченная врасплох, хотя несколько часов ждала его появления.

Воздух заискрился еще сильнее, и Валентин просто шагнул в библиотеку, словно вынырнул из морских глубин. Отец Джейса обладал выдающимися пропорциями — ростом выше ста восьмидесяти сантиметров, широкой грудью и мощными руками, на которых вздувались мускулы. Лицо его имело почти треугольную форму, с жестким острым подбородком. Пожалуй, он был красив —

и поразительно не похож на Джейса. Над его левым плечом виднелась рукоять Меча смерти. В оружии Валентин сейчас не нуждался, поскольку явился на переговоры в форме бестелесной проекции, — значит, Меч он нацепил, исключительно чтобы позлить Инквизитора. Впрочем, вряд ли ее можно было разозлить сильнее.

— Имоджен, — произнес Валентин в качестве приветствия. Темные глаза смотрели с самодовольным весельем. — И Мариза, моя Мариза... сколько лет прошло!

Мариза с трудом сглотнула:

— Я не твоя, Валентин.

— А это твои дети? — продолжал Валентин, как будто не слыша ее. — Очень на тебя похожи.

От его взгляда Алек ощутил легкую дрожь. Отец Джейса говорил сдержанным, почти обходительным тоном, но его глаза сияли чем-то настолько хищным, что Алеку захотелось немедленно заслонить собой Изабель.

— Оставь моих детей в покое, — сказала Мариза, с трудом сохраняя спокойствие.

— Разве это справедливо? — произнес Валентин и обернулся к Инквизитору: — Ведь моего ребенка вы в покое не оставили. Сообщение я получил. Это все, на что вы способны?

Инквизитор не пошевелилась, только моргнула медленно, как ящерица:

— Надеюсь, суть моего предложения тебе понятна.

— Вы хотите, чтобы я обменял Орудия смерти на сына, верно? В противном случае он будет казнен.

— Казнен?! — эхом повторила Изабель. — МАМА!

— Помолчи! — резко бросила ей Мариза.

Инквизитор смерила младших Лайтвудов ядовитым взглядом:

— Ты понял меня совершенно верно, Моргенштерн.

— В таком случае я отвечаю отказом.

— Отказом? — переспросила Инквизитор с выражением человека, у которого вдруг твердая земля ушла из-под ног. — Не советую блефовать. Я поступлю именно так, как обещала.

— О, не сомневаюсь, Имоджен. Ты всегда была женщиной целеустремленной и безжалостной. Я сам обладаю теми же качествами.

— Не сравнивай меня с собой! Я следую Закону...

— Это какой же закон предписывает убить несовершеннолетнего парня ради мести отцу? — произнес Валентин. — Закон тут ни при чем, Имоджен. Ты ненавидишь меня и хочешь расквитаться за гибель собственного сына. Только все это уже не имеет значения. Я не отдам Орудия смерти — даже в обмен на жизнь Джонатана.

Инквизитор не сводила с него глаз:

— Он твой сын! Твой ребенок!

— Дети сами выбирают, как им жить. Ты никогда этого не понимала. Я предложил Джонатану защиту, если он останется со мной. Он отверг меня и вернулся к вам, и теперь Конклав грозит ему смертью. Я предупредил Джейса, что именно так все и произойдет. Ты предсказуема, Имоджен.

Не в силах поверить в равнодушие Валентина, Инквизитор вновь повторила:

— Если не отдашь Орудия смерти, Конклав будет настаивать на казни твоего сына. И даже я не смогу им помешать.

— Я знаю, — кивнул Валентин. — И тоже ничего не могу сделать. Я дал ему шанс — он отказался.

— Мерзавец! — вдруг выкрикнула Изабель и попыталась броситься на него, но Алек схватил ее за плечи, — Ничтожество! — прошипела она. — Вы просто...

— Изабель! — рявкнул Алек, зажав ей рот ладонью.

Валентин лишь насмешливо посмотрел на них.

— Ты предложил ему... — Инквизитор напоминала робота, у которого закоротило контакты. — И он отказался?... Он ведь твой шпион... твое оружие...

— Вот как вы решили? — произнес Валентин с искренним изумлением. — Меня интересуют не тайны Конклава, а его уничтожение. И для достижения этой цели у меня есть оружие куда более мощное, чем какой-то мальчишка.

— Но...

— Думай что хочешь, Имоджен Эрондейл. Все равно ты — никто. Олицетворение режима, которым вот-вот будет уничтожен.

Инквизитор с криком бросилась на него. Валентин скривился в отвращении, шагнул назад и исчез.

На темном небе догорали последние сполохи заката. Клэри плотнее запахнула кофту и зябко поежилась. Джейс стоял на краю кузова и смотрел назад, на две пенные полосы, которые оставляли на воде колеса пикапа.

— Замерзла?

Он подошел и сел рядом, прислонившись спиной к окну кабины. Окно изнутри заволокло голубоватым дымом.

— А ты?

— Я — нет.

Он снял куртку и передал ей. Клэри с наслаждением завернулась в нее, касаясь пальцами мягкой кожи.

— Надеюсь, ты послушаешь Люка и будешь ждать в машине?

— Можно подумать, у меня есть выбор...

— Выбора у тебя нет, — согласился Джейс.

Клэри стянула перчатку и взяла его за руку, и Джейс крепко сжал ее ладонь. Девушка опустила глаза и посмотрела на сплетенные пальцы — его, длинные и тонкие, и свои собственные, маленькие, с квадратными ногтями.

— Ты спасешь Саймона. Я знаю, ты сможешь.

— Клэри, возможно, он уже...

— Нет, — произнесла девушка с непоколебимой уверенностью. — Он жив. И с ним все в порядке.

Джейс вздохнул. В его глазах отражалась рябь на темной речной воде.

— Хочу задать тебе один вопрос. Раньше я боялся, но сейчас не боюсь ничего.

Он прижал горячую ладонь к ее щеке, и Клэри немедленно покинул всякий страх, словно руна бесстрашия подействовала и на нее. Она подняла голову, приоткрыла губы, и Джейс коснулся их своими — легко, как перышком. Воспоминание, призрак поцелуя... А потом Джейс отшатнулся, и Клэри увидела в его глазах темную тень — огромную черную стену надвигающегося на них корабля.

Джейс, вскрикнув, вскочил на ноги. Клэри неловко поднялась следом — куртка оказалась очень тяжелой. В призрачном свете синих искр из окон кабины она видела черный металлический борт корабля, узкие железные перила вдоль него и тонкую лесенку, спускающуюся к воде. На перилах, как на насесте, сидели большие уродливые птицы. Корабль, как огромный айсберг, буквально излучал волны холода. Джейс что-то крикнул, и дыхание вырвалось из его рта клубами пара. Слова заглушил внезапный рев корабельного двигателя.

— Что ты сказал?

Джейс схватил ее, сунул руку ей под куртку, вытащил из-за пояса клинок серафимов и вложил рукоять ей в ладонь:

— Хватай оружие! Они приближаются!

— Кто?

— Демоны!

Джейс указал наверх. Сначала Клэри ничего не раз глядела, а потом увидела: огромные уродливые птицы одна за другой снялись с перил, взмыли в воздух и устремились прямо к пикапу. И это были вовсе не птицы! Чудовищные летучие твари напоминали птеродактилей с кожистыми крыльями, треугольными головами и когтями, острыми как бритва. В разверстых пастьях виднелись ряды острых акульих зубов.

Вскарабкавшись на крышу кабины, Джейс занес пылающий меч. Первому подлетевшему демону он снес полголовы — легко, будто разрубил яйцо. Чудовище забилось в конвульсиях и рухнуло в реку; вода над ним забурлила. Второй демон прыгнул на капот машины, взрезав металл острыми когтями. Он всем весом ударился о лобовое стекло, и оно пошло мелкими трещинами. Клэри закричала, и тут третий демон камнем упал на нее сверху. Клэри просто задрала рукав, демонстрируя твари защитную руну. Демон завизжал и попытался затормозить в воздухе, бешено хлопая крыльями, но уже оказался слишком близко. Клэри ударила его мечом в грудь, и чудовище свалилось в воду, оставив за собой лишь дымный след.

— Умница! — крикнул Джейс.

Он спрыгнул в кузов за еще одной верещащей тварью. В левой руке у него был кинжал, по рукоять перемазанный в черной крови.

— Что это за мерзость? — выдохнула Клэри, ударяя демона в грудь.

Монстр забился, пытаясь достать ее крылом, которое увенчивал острый костяной шип. Шип вошел в рукав куртки и разорвал его по всей длине.

— Моя любимая куртка!.. — прорычал Джейс, нанося по твари сокрушительный удар.

Два демона вцепились когтями в крышу кабины и с оглушительным скрежетом пытались ее сорвать. Люк выскочил на капот, размахивая кинжалом. Одного демона ему удалось ударить и сбросить вниз, второй поднялся в воздух с оторванной крышей в когтях и с радостным воплем полетел к кораблю.

Больше демонов не осталось. Клэри бросилась к кабине и заглянула внутрь. Магнус сторбился на сиденье. В темноте было непонятно, ранен он или нет.

— Магнус! Ты цел?

— Да... — Маг безуспешно попытался выпрямиться. — У меня просто не осталось сил... На корабль наложены сильные защитные чары. Снять их будет очень... непросто. Но если этого не сделать, всякий, кто ступит на корабль, погибнет.

— Может, лучше пойдешь с нами? — предложил Люк.

– Там я не смогу бороться с защитными чарами. Я должен действовать извне...
– Магнус болезненно улыбнулся. – Кроме того, боец из меня никудышный. У меня другие таланты.

– Клэри! – вдруг закричал Льюк.

Слишком поздно. Летучую тварь, неподвижно застывшую на боку пикапа, никто не заметил. Теперь она взлетела, крепко ухватила Клэри когтями за воротник и с победным воплем взмыла в воздух.

– Клэри!

Льюк замер на краю кузова, безнадежно глядя вверх на удаляющуюся крылатую тварь и ее безвольно оомякшую ношу.

– Демон несет ее к Валентину, – сказал Джейс.

В его тоне прозвучало что-то такое, от чего Льюк похолодел. Он обернулся, но сказать ничего не успел, потому что Джейс уже нырнул в реку, войдя в нее почти без всплеска, и быстро поплыл в сторону корабля, поднимая пенные бурунчики сильными ногами. Льюк поднял руку и посмотрел на Магнуса, маг кивнул в ответ.

Тогда Льюк сунул кинжал за пояс и прыгнул в реку вслед за Джейсом.

Алек отпустил Изабель, ожидая, что она немедленно закричит. Но Изабель молча смотрела на Инквизитора. Иможден Эрондейл шатало, лицо у нее сделалось серовато-белым, как грязный мел. Она безвольно осела в кресло Ходжа и произнесла, уставясь вперед невидящим взглядом:

– Боже мой... Что я наделала?

– Приведи отца, – приказала Мариза дочери.

Алек еще никогда не видел Изабель такой перепуганной. Она кивнула и выбежала из библиотеки.

Мариза подошла к Инквизитору и посмотрела на нее сверху вниз:

– Что вы наделали? Я вам скажу. Вы вручили Валентину победу.

– Нет, – выдохнула Инквизитор.

– Вам было прекрасно известно, что замышляет Валентин, когда вы сажали Джейса под замок, – безжалостно продолжала Мариза. – Но вы решили не ставить Конклав в известность, потому что это помешало бы вам осуществить собственный план. Вы хотели заставить Валентина страдать так же, как страдали вы. Хотели показать ему, что можете убить его сына так же, как он убил вашего. Хотели усмирить его.

– Да...

– Никто не усмирят Валентина. Мне это хорошо известно. У вас не было власти над ним – ни на секунду. Он сделал вид, что думает над вашим предложением, чтобы выиграть время. Чтобы удостовериться, что мы уже точно не успеем вызвать подкрепление из Идриса. И ему это удалось.

Инквизитор посмотрела на Маризу безумным взглядом. Теперь она больше походила на живого человека, но Алек не испытывал никакого удовлетворения. Слова матери приморозили его к месту: ему удалось.

– Нет, мы еще можем успеть... – пробормотала Инквизитор.

– Что успеть? – Голос Маризы надломился. – Сообщить Конклаву? Если нам придется сразиться с Валентином – а выбора у нас нет...

– ...то нам придется сделать это прямо сейчас, – закончил за нее густой бас. За спиной Алека возник мрачный Роберт Лайтвуд.

Алек уставился на отца: он уже много лет не вид его в боевом облачении Сумеречного Охотника. Последнее время Роберт занимался исключительно административной работой: текущими делами Конклава и дипломатическими отношениями с нежитью. Теперь, глядя на его темные одежды, броню, широкий меч в наспинных ножнах, Алек вспомнил, что когда-то в детстве отец был самым большим, самым сильным, самым грозным человеком на земле. Грозным он оставался и сейчас. Алек еще не говорил с ним с тех пор как опозорился в доме у Люка, и теперь попытал поймать его взгляд, однако Роберт смотрел только на Маризу.

– Мы готовы выступить, – произнес он. – Лодки ждут в доке.

Инквизитор закрыла лицо руками:

– Бесполезно... Нас слишком мало...

Роберт даже не взглянул на нее.

– Надо выступать как можно скорее, – сказал он Маризе, и в его тоне было уважение, в котором он отказал Инквизитору.

– Прежде надо сообщить в Конклав... – проямлила Инквизитор.

Мариза с грохотом поставила перед ней телефонный аппарат:

– Вот вы и сообщите. Расскажите им, что вы сделали. В конце концов, это ваша работа.

Инквизитор молча смотрела на телефон, прижав пальцы к губам. Алеку даже стало ее немного жалко. В этот момент дверь распахнулась, и вошла Изабель с хлыстом в одной руке и с японским мечом-нагината – в другой.

– Чего ждешь? – бросила она брату, нахмурившись. – Собирайся! Мы идем драться с Валентином!

Алек не смог сдержать улыбки. Изабель всегда такая целеустремленная...

— Ты это мне принесла? — спросил он, кивнув на нагината.

— Свои бери! — отрезала сестра.

Есть вещи, которые никогда не меняются...

Алек пошел к двери и остановился на полпути — на плечо легла отцовская рука. Он поднял глаза на изрезанное морщинами усталое лицо и увидел, что отец смотрит на него, хоть и без улыбки, но с гордостью.

— Если тебе нужно оружие, Александр, можешь взять мою гизарму.

Алек кивнул, проглотив комок.

— Держи, мам, — сказала Изабель, передавая Маризе нагината.

— Спасибо.

Острие клинка со свистом рассекло воздух и замерло у груди Инквизитора — прямо напротив сердца. Глаза Имоджен Эрондейл опустели, утратили осмысленное выражение.

— Убьешь меня?

— Не надейтесь, — прошипела Мариза сквозь зубы. — Нам нужен каждый Охотник в городе, а вы пока в наших рядах. Вставайте, Имоджен, и готовьтесь бою. Теперь здесь командую я, и вот вам первый приказ: немедленно освободите моего сына из «конфигурации Малахи».

Алек невольно залюбовался матерью. Сейчас она была просто великолепна — настоящий нефилим, пылающий праведным гневом...

Ужасно не хотелось портить такой момент, но выбирать не приходилось. Следовало как-нибудь помягче сообщить, что Джейс и не думает смиренно сидеть в тренировочном зале, ожидая милости от Конклава.

Алек кашлянул:

— Знаете, я должен вам кое о чем рассказать...

Клэри терпеть не могла «американские горки» и отвратительное ощущение, когда все обрывается внутри на спуске. Висеть пойманной мышью в когтях крылатого демона было в десять раз хуже. Когда тварь схватила ее, как пушинку, и взлетела, Клэри начала вопить и барахтаться — однако быстро затихла, едва посмотрев вниз. Они поднялись так высоко над водой, что падение из когтей означало бы верную гибель. Пикап выглядел детской игрушкой, плавающей по воде, а вокруг вертелся калейдоскоп городских огней — в других обстоятельствах Клэри, наверное, залюбовалась бы.

Демон резко пошел на снижение, чуть ли не камнем падая вниз. Клэри живо представила удар о ледяную черную воду и зажмурилась, но так стало еще хуже, поэтому глаза пришлось открыть. Черная палуба корабля приближалась чудовищной ладонью, готовой прихлопнуть их с демоном как мух. Клэри завизжала падая на палубу — и сквозь нее, в зияющий квадратный люк.

Внутри корабля демон полетел гораздо медленнее, уходя все глубже по лестничному колодцу. Клэри мельком видела машины и механизмы — похоже, не работающие. Электричества тоже не было, хотя воздух пронизывало слабое свечение. Очевидно, Валентин использовал какой-то другой источник энергии, забиравший тепло прямо из окружающей атмосферы. Щеки Клэри обжигало холодом.

Демон опустился до нижней палубы и полетел по длинному темному коридору. Со своей ношей он обращался не слишком бережно — поворачивая за угол крепко приложил девушку коленом о железную трупу и расхохотался, услышав ее крик. А потом просто сбросил с высоты. Клэри извернулась в воздухе, пытаясь приземлиться на колени и локти, рухнула на железный пол и откатилась в сторону.

Помещение, видимо, когда-то служило грузовым трюмом; в его голых стенах не было ни дверей, ни окон, лишь квадратный люк в потолке, сквозь который лился слабый свет. Клэри чувствовала, что тело превратилось в один сплошной синяк.

Вдруг кто-то позвал ее по имени. Морщась, она повернулась на бок к тени, присевшей рядом. Когда глаза привыкли к темноте, стали видны невысокая фигурка, косички и темные глаза. Майя!

— Клэри, ты?

Клэри тут же села, забыв о резкой боли в спине. Кроме них двоих, в трюме никого не было.

— Майя! О господи! Где он? Где Саймон?

Майя закусил губу. Клэри заметила на ее руках кровь, а на лице — грязные потеки от высохших слез.

— Мне очень жаль. Саймон погиб.

Джейс рухнул на палубу корабля. Вода ручейками лилась с волос и одежды. Он промерз до костей, насквозь вымок и теперь лежал на спине, глядя в

пасмурное ночное небо и восстанавливая дыхание. Было нелегко забраться по шаткой железной лестнице, кое-как привинченной к борту корабля, особенно при том, что хвататься за перекладины приходилось скользкими мокрыми руками, а набравшая воды одежда так и тянула вниз.

Наверное, если бы не руна бесстрашия, он бы волновался о том, не решит ли какая-нибудь летучая тварь подхватить его с лестницы, как мышку со стебелька. Но руна работала, а крылатые демоны, когда Клэри была поймана, убралась в недра корабля. Джейс не знал почему, он давно отказался от попыток понять, почему отец поступает так или иначе.

Над краем борта возникла голова. Люк с трудом перелез через перила и посмотрел на Джейса сверху вниз.

— Ты как?

— Порядок. — Джейс поднялся на ноги, дрожа от холода. Куртка осталась у Клэри. — Тут где-то должна быть дверь, ведущая внутрь корабля. Видел в прошлый раз. Надо обойти палубу и найти ее. Подождите, я первый!

Люк взглянул на него в замешательстве, но все же позволил Джейсу выйти вперед. Они направились к носу корабля, где Джейс еще вчера говорил с Валентином. Далеко внизу слышался плеск маслянистой воды.

— Что сказал тебе отец, когда ты пришел к нему? Что он тебе обещал?

— Ну как обычно — полмира, — беззаботно отозвался Джейс, хотя внутри у него все сжалось от воспоминания. — Обещал защиту — мне и всем, кто мне дорог, — если я оставлю Конклав и вернусь с ним и Идрис.

Люк помедлил.

— Думаешь, он может что-то сделать с Клэри, чтобы отомстить тебе?

Они обошли нос корабля. Вдалеке столпом света виднелась статуя Свободы.

— Нет. Ему просто нужен был козырь, способ заставить нас явиться на корабль.

— Вряд ли Валентин нуждается в козырях, — тихо сказал Люк и вынул из ножен кинжал.

Джейс проследил за его взглядом и застыл как вкопанный.

На западной стороне корабля в палубе зияла черная квадратная дыра, и из ее глубин им навстречу хлынула целая орда демонов. Джейс уже имел удовольствие познакомиться с отцовской армией, когда Валентин вложил ему в руку Меч. И вот теперь твари шли в наступление — мертвенно бледные раумы, напавшие на Люка, зеленокожие рогатые демоны-бни, крадущиеся черные демоны-кури, пауки с ядовитыми жалами вместо глаз и восемью лапами с клещами на концах... Не сводя глаз с бессчетной орды чудовищ, Джейс нащупал рукоять Камаэля и выхватил клинок, освещая палубу его ярким сиянием. Руна бесстрашия запылала на спине. Интересно, сколько демонов он успеет убить, прежде чем она совсем выгорит?

— Стой! — Люк ухватил его за ворот и дернул назад. — Их слишком много! Надо отступить к лестнице!

— Не выйдет... — Джейс вырвался из хватки и указал Люку за спину: — Мы окружены.

Обернувшись, Люк увидел фалангу демонов-молохов с пламенеющими пустыми глазницами. Он выругался и скомандовал Джейсу:

— Прыгай за борт, я их задержу!

— Сами прыгайте. Я справлюсь.

Люк запрокинул голову, и его уши стали заостряться. Обнажив волчьи клыки, он зарычал на Джейса:

— Ты-ы...

Закончить он не успел, потому что на него бросился первый молох. Джейс невозмутимо вогнал клинок ему в хребет, а Люк схватил визжащую тварь когтями и швырнул в реку. Глаза у него сверкали янтарным огнем.

— На тебе руна бесстрашия! — прорычал оборотень.

— Не буду отрицать.

— Господи... — простонал Люк. — Сам нанес?

— Нет, Клэри, — сообщил Джейс, разрубая сияющим клинком сразу двух древаков. Несколько десятков их собратьев уже приближалось, протягивая усеянные шипами щупальца. — Кстати, у нее отлично получается.

— Подростки! — процедил Люк так, будто это было грязнейшее из ругательств, и бросился наперерез наступающей орде.

— Погиб? — Клэри уставилась на Майю так, словно та говорила на другом языке. — Он не мог погибнуть.

Майя молча смотрела на нее печальными темными глазами.

— Я бы сердцем почувствовала, — уверенно сказала Клэри, прижав кулак к груди.

— Раньше я тоже так думала, — промолвила Майя. — На самом деле такие вещи нельзя почувствовать.

Клэри поднялась на ноги, раздраженно отбросив тяжелую куртку Джейса, мешающую двигаться. Куртка была безнадежно испорчена, располосована бритвенно-острыми когтями. Джейс наверняка разозлится. Надо будет купить ему другую... Надо будет...

Клэри сделала глубокий прерывистый вздох. Бешеное биение собственного сердца слышалось откуда-то издалека.

— Что с ним произошло?

— Нас схватил Валентин. — Майя так и осталась на полу на коленях. — Запер и посадил на цепь. А потом пришел с каким-то очень большим сияющим мечом. В меня бросил горсть серебряного порошка, чтобы я не могла драться, а Саймону перерезал горло. — Ее голос угас до еле слышного шепота. — Валентин рассек Саймону запястья и стал собирать кровь в миски. Ему помогали демоны. Потом он ушел, бросив Саймона на полу, как выпотрошенную игрушку. А меня демон перетащил сюда.

Клэри прижимала пальцы к губам — сильнее и сильнее, пока не почувствовала соленый вкус крови.

— Надо выбираться отсюда.

— Надо-то оно надо, — сказала Майя, вставая. — Только выхода отсюда нет. Даже для нефилима. Вот если бы ты была...

— Кем? — поинтересовалась Клэри, меряя шагами трюм. — Джейсом? Ну да, я не Джейс. — Она пнула железную стену и услышала то, что хотела. За стеной была пустота. — У меня свои таланты.

Она вытащила из кармана стило и принялась выводить руну — яростную, как пылающий в сердце гнев. Стило скользило по стене размашистыми росчерками, и черные линии вырывались из-под его кончика, как языки пламени. Наконец она отступила, тяжело дыша, и поймала на себе изумленный взгляд Майи.

— Ты что сделала?

Клэри сама не знала ответа на этот вопрос. Она будто выплеснула на стену ведро кислоты. Металл вокруг руны плавился и оплывал, как мороженое жарким днем. В стене теперь зияла дыра, в которую пролезла бы крупная собака. Отверстие, ведущее в железные недра корабля, перестало расползаться, хотя края еще шипели и шкворчали. Майя отодвинула Клэри с дороги и заглянула в дыру.

— Подожди! — вдруг занервничала Клэри. — Расплавленный металл может быть очень токсичным!

— Я из Нью-Джерси, меня токсинами не испугаешь, — фыркнула Майя и сообщила: — Вниз железные мостки, попробую пролезть.

Она просунула в отверстие обе ноги, стала потихоньку протискиваться и вдруг замерла:

— Застряла! Плечи не проходят! Толкни меня.

Клэри уперлась ей в ладони и стала толкать. Майя побагровела и наконец с визгом вылетела на ту сторону, как пробка из бутылки. Послышался звук удара.

Клэри высунулась в дыру:

— Ты как?

Майя лежала на узких железных мостках в паре метров внизу. Она медленно приподнялась, морщась от боли:

— Лодыжку ушибла. Не волнуйся, заживет как на собаке.

— Хорошо. Ладно, я полезла.

Клэри приготовилась скользнуть в дыру вслед за Майей. Стило больно кололо живот. Прыгать на железные подмости было страшновато, но далеко не так страшно, как сидеть в трюме и ждать, кто явится по твою душу. Она повернулась животом вниз, просунула ноги в отверстие..

И тут кто-то схватил ее за свитер. Стило вывалилось из-за пояса и покатилося по полу. Клэри вскрикнула от неожиданности и боли — ворот свитера врезался в шею. В следующий миг ее швырнули коленями на железный пол. Хватая ртом воздух, Клэри подняла глаза, уже догадываясь, кого увидит.

Над ней возвышался Валентин. Одной рукой он держал девушку за шкурку, в другой сжимал источающий белый свет клинок серафимов. Его бледное лицо исказила презрительная гримаса.

— Ты вся в мать, Кларисса, — произнес он. — И что ты натворила на этот раз?

Рот наполнился металлическим вкусом крови из разбитой губы; при взгляде на Валентина в груди пышным ядовитым цветком расцвел гнев. Этот человек, ее отец, убил Саймона и бросил его бездыханное тело валяться на полу, как мусор. Раньше Клэри думала, что ей доводилось испытывать ненависть. Она заблуждалась, настоящую ненависть она впервые ощутила лишь сейчас.

— Где девчонка-оборотень? — требовательно спросил Валентин.

Вместо ответа девушка плюнула кровью ему на сапоги. С возгласом отвращения Валентин отшатнулся и поднял меч. На какой-то миг в глазах отца отразилось дикое бешенство; Клэри подумала, что он и правда сейчас убьет ее — убьет за то, что, валяясь под его ногами, она плюнула ему на сапоги.

Валентин медленно опустил клинок, отвернулся и выглянул в дыру. Клэри украдкой огляделась, пытаясь найти мамино стило. Вот оно.. Затаив дыхание, Клэри потянулась за ним, но тут Валентин обернулся, увидел, что она делает, и ногой отпихнул стило в сторону. Оно покатилося и упало в отверстие в стене. Клэри прикрыла глаза. Эта потеря была жестоким ударом..

— Ничего, твою подружку отыщут демоны, — холодно произнес Валентин, убирая клинок серафимов в ножны. — Отсюда бежать некуда. Вставай, Кларисса.

Клэри медленно поднялась на ноги. От ушибов болело все тело. А дальше произошло то, чего она никак не ожидала: Валентин схватил ее за плечи, развернул спиной к себе и пронзительно засвистел. Над головой захлопали отвратительные кожистые крылья. Клэри взвизгнула и безуспешно попыталась вырваться из сильных рук. Потом их обоих что-то подхватило и понесло вверх, и Валентин прижимал Клэри к груди так, будто и правда был ей отцом.

Джейс сам не понимал, как им с Люком до сих пор удалось продержаться. Палуба стала скользкой от крови, а он сам был покрыт грязью, кровью и слизью с ног до головы. Демон рассек ему правое плечо, но времени нанести исцеляющую руну не было. Каждый раз, когда он поднимал руку, ее пронзала жгучая боль.

Они с Люком забились в угол и отчаянно пытались отбросить волну все прибывающих демонов. Обе чакры Джейс уже использовал, теперь у него оставался только клинок серафимов и кинжал, позаимствованный у Изабель. В лучшие времена он не вышел бы с таким скудным вооружением даже против нескольких демонов, а сейчас приходилось отбиваться от целой орды. И тем не менее Джейс чувствовал не страх, а лишь отвращение к врагу и гнев на Валентина. Он даже понимал, что отсутствие страха не всегда хорошо — например, его совершенно не пугало то, что из раны в плече хлещет кровь.

Вперед метнулся гигантский паук, вереща и плюясь желтым ядом. Джейс увернулся, но несколько капель все же попали на футболку и с шипением прожгли ее насквозь. В кожу вонзилась сотня каленых иголок. Злорадно затрещав, демон выпустил еще одну струю яда. Джейс пригнулся, и струя попала прямоком в демона-бни. Зеленая тварь завопила в агонии, набросилась на паука, и чудовища, сцепившись, покатались по палубе.

Демоны отпрянули от разлившегося яда, и Джейс воспользовался короткой передышкой, чтобы оглянуться на напарника. Люк стал почти неузнаваем — уши по-волчьи заострились, зубы сверкали в жутком оскале, когти почернели от крови демонов.

— Надо прорываться к борту! Уходить с корабля! Мы с ними не справимся, если только Магнус...

— А по-моему, у нас неплохо получается. — Джейс взмахнул мечом, и рукоять чуть не выскользнула из мокрой от крови руки. — Если принимать во внимание все обстоятельства.

Из пасти Люка вырвался звук, похожий на рычащий смех. А потом что-то огромное и бесформенное обрушилось сверху, сбив с ног их обоих.

Клинок серафимов выпал из руки Джейса, с грохотом прокатился по палубе и упал за борт. Выругавшись, Джейс вскочил. Громадина, упавшая им на головы, оказалась демоном-бни — необычайно большим и необычайно умным, раз уж он догадался залезть на крышу и напасть сверху. Теперь он навалился на Люка и рвал его острыми клыками, растущими из самого лба. Люк отбивался когтистыми лапами, но ему уже крепко досталось. Он безуспешно пытался дотянуться до выпавшего кинжала. Демон ухватил его за

ногу своей лопатообразной лапой и согнул под неестественным углом, как ветку. Послышался хруст ломающейся кости, и Льюк закричал.

Джейс подхватил кинжал и вонзил его демону и основание шеи с такой силой, что перебил позвоночник и отсек голову. Разбрызгивая во все стороны черную кровь, демон застыл – и растворился в воздухе. Кинжал со стуком упал на палубу.

Джейс опустился на колени рядом с Льюком.

– Нога...

– Сломана, – простонал оборотень, силясь приподняться.

– Но ведь на вас все быстро заживает? – с надеждой спросил Джейс.

Льюк поднял глаза и мрачно посмотрел на крышу, демон-бни погиб, однако показал своим собратьям отличный пример. Теперь все они лезли наверх, чтобы атаковать оттуда. Десятки? Сотни? После некоторого предела цифры уже не имели значения.

Льюк стиснул рукоять кинжала:

– Недостаточно быстро...

Джейс вытащил из-за пояса клинок, взятый у Изабель, – свое последнее оружие. Страх он по-прежнему не испытывал, зато сердце пронзила необыкновенно острая печаль. Перед глазами возникли улыбающиеся Изабель и Алек, Клэри, протягивающая к нему руки на пороге дома...

Джейс поднялся, чтобы стоя встретить лавину демонов, закрывшую собой луну. Он попытался заслонить Льюка, но демоны окружили их со всех сторон. Прямо перед собой Джейс видел двухметровый скелет, скалящий щербатые зубы. С полусгнивших костей свисали разноцветные тибетские молитвенные флаги. В руке он держал катану, что было весьма необычно – демоны редко прибегали к помощи оружия. Клинок испещряли демонические руны.

Джейс нанес удар. Кинжал застрял в грудной клетке скелета, очевидно не причинив ему вреда. Демон надвигался, неотвратимый, как смерть, источая вонь разрытой могилы. Он поднял катану...

Воздух рассекала серая тень – стремительная, точная и смертоносная. Удар катаны пришелся по металлу; серая фигура отбросила клинок демона и нами другой рукой молниеносный удар снизу вверх. Мер демона рассыпался на мелкие осколки. Уши Джейса наполнили вопли и завывания гибнущих демонов. Он резко обернулся и увидел, что через перила на борт корабля лезут люди – десятки людей! – и бросаются на бесформенную массу шипящих, воющих, пресмыкающихся демонов; в руках у них сияют клинки серафимов...

– Охотники! – выпалил Джейс.

В темноте сверкнула белозубая улыбка.

– А ты как думал?

– Малик?!

– Прости, что я с тобой сегодня так обошелся. Сам понимаешь, приказ есть приказ.

Джейс уже хотел сказать ему, что все это полная ерунда на фоне только что спасенной жизни, но ему помешали раумы, размахивающие шипастыми щупальцами. Малик с криком поднял пылающий клинок и ринулся в атаку. Джейс собрался последовать его примеру, но тут кто-то схватил его за руку и оттащил в сторону.

Это был Сумеречный охотник, в капюшоне, надвинутом на самые глаза.

– Иди за мной.

Джейс вырвал рукав из цепкой хватки:

– Пустите! Мне надо к Люку, он ранен!

– О, ради Ангела! – с раздраженным возгласом фигура откинула капюшон, открывая узкое бледное лицо и горящие серые глаза. – Ты можешь хоть раз сделать то, что велено, Джонатан?

Перед ним стояла Инквизитор.

Клэри ничуть не заботило то, что демон нес их ввысь с огромной скоростью, – она все равно пыталась вырваться из железной хватки Валентина. Увы, бесполезно – сколько она ни брыкалась, ей ни разу не удалось пнуть отца.

Демон вдруг затормозил и ринулся вниз. Клэри завизжала, чем вызвала смех Валентина. Крылатая тварь нырнула в туннель и вылетела из него в большое помещение. На этот раз демон не стал бесцеремонно швырять свою ношу, а бережно опустил людей на пол.

Как только Валентин разжал руки, Клэри шарахнулась от него и отбежала к середине зала, затравленно озираясь. Похоже, раньше здесь было машинное отделение; сейчас все оборудование сдвинули к стене, чтобы освободить пространство в центре. Там стояли четыре емкости. Две крайние были запяtnаны чем-то ржаво-красным, третья наполнена темно-красной жидкостью, четвертая – чиста и пуста. За ними стоял железный сундук, накрытый темной тканью. Подойдя ближе, Клэри увидела лежащий на нем серебристый меч, источающий черный свет – сияющую, зримую тьму.

Клэри резко обернулась и встретилась взглядом с Валентином:

– Как ты мог?! Как ты мог так поступить с Саймоном? Он же обычный человек, он ни в чем...

– Он не человек, – возразил Валентин мягким, бархатистым голосом. – Он превратился в чудовище. Ты не могла разглядеть этого, потому что у чудовища осталось лицо твоего друга.

— Это и был мой друг, Саймон!

Клэри сделала еще один шаг к Мечу, прикидывая, сможет ли поднять его. А нанести удар?

— Не сомневайся, я прекрасно понимаю твои чувства. — Валентин неподвижно стоял в луче света, льющегося из люка в потолке. — Я испытал то же самое, когда оборотень укусил Люциана.

— Да, он рассказывал, — брезгливо бросила Клэри. — Ты дал ему кинжал, чтобы он покончил с собой.

— Я допустил ошибку.

— Хорошо, что ты это признаешь!

— Мне стоило самому убить его, — уточнил Валентин. — Таким образом я показал бы, что его судьба мне небезразлична.

— Тебе все безразлично, — отрезала Клэри. — Ты никогда никого не любил. Даже мою маму. Даже Джейса. Ты просто считал их своей собственностью!

— А разве любовь — не собственность, Кларисса? Разве не говорится в «Песни песней» «Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой — мне»?

— Не нужно мне Библию цитировать, вряд ли ты верно ее понимаешь. — Теперь Клэри стояла совсем рядом с сундуком и уже могла дотянуться до рукояти Меча. Ладони вспотели, и девушка тайком вытерла их о джинсы. — Важно не то, кто тебе принадлежит, а кому ты даришь себя. Ты никому ничего не дарил. Разве что кошмары.

Валентин по-прежнему улыбался:

— Значит, важно кому-то подарить себя? Как ты подарила себя Джонатану?

Рука Клэри, уже тянущаяся к Мечу, непроизвольно сжалась в кулак.

— Что?!

— Ты думаешь, я не видел, как вы друг на друга смотрите? Не слышал, как он произносит твое имя? Ты полагаешь, что своих чувств у меня нет, однако чужие чувства, поверь, я различаю. — Валентин говорил очень спокойно; каждое слово звенело, как острая ледяная сосулька. — Наверное, это всецело наша с Джослин вина. Вы росли в разлуке и не имели возможности развить в себе отвращение друг к другу, естественное для брата и сестры.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. — Зубы у Клэри стучали.

— По-моему, я выразился предельно ясно. — Валентин вышел из столба света, и теперь его лицо скрывала тень. — Кстати, демон страха явился Джонатану в твоём обличье. Так я узнал все, что мне было нужно. Больше всего на свете Джонатан боится своей любви к родной сестре.

– Мне нельзя приказывать, – сказал Джейс. – Но я могу пойти навстречу, если вежливо попросить.

У Инквизитора не осталось сил даже на то, чтобы нахмуриться.

– Мне надо с тобой поговорить.

– Сейчас?!

Инквизитор положила руку ему на плечо:

– Да, сейчас.

– Вы рехнулись? Какие разговоры посреди битвы?!

Палуба корабля напоминала ад, изображенный Босхом. Тьма наполнилась демонами – воющими, гогочущими, скалящими жуткие клыки. Меж ними, озаряя тьму пылающими клинками, металась нефилиты. Джейс уже понимал, что Охотников слишком мало.

– Идем, – настойчиво произнесла Инквизитор, неожиданно сильно стиснув его плечо костлявыми пальцами.

Она затолкала его в угол, выудила из складок одеяния два клинка серафимов, прошептала их имена и еще какое-то неизвестное Джейсу заклинание и вонзила клинки в палубу. Вспыхнуло голубовато-белое пламя, и Джейс с Инквизитором оказались отгорожены от всего происходящего на корабле стеной света.

– Что, опять запрете меня?!

– Это не «конфигурация Малахи», ты можешь выйти в любой момент. – Инквизитор стиснула руки. – Джонатан...

– Меня зовут Джейс.

За непроницаемой белой стеной ничего не было видно, но звуки проходили, и до ушей доносились крики и рев демонов.

– Что вы здесь делаете, Инквизитор?

– Ты был прав, когда сказал, что Валентин не пойдет на сделку.

Джейс почувствовал неожиданное головокружение.

– Когда он ответил отказом, я немедленно связалась с Конклавом и привела сюда Охотников. Я... я должна перед тобой извиниться.

– Проехали. – Джейс терпеть не мог всяческие извинения. – Где Алек с Изабель? Их накажут за то, что они помогли мне?

— Они здесь, и никакого наказания не будет. — Инквизитор не сводила с него цепких глаз. — Не понимаю Валентина. Так легко отказаться от своего единственного...

— Вот загадка-то, — перебил ее Джейс, мечтая о том, чтобы какой-нибудь демон милосердно избавил его от продолжения этого разговора. — Хотя...

К изумлению Джейса, Инквизитор ткнула его пальцем в плечо:

— Откуда это у тебя?

Джейс опустил глаза и увидел, что яд демона прожег в футболке на левом плече огромную дыру.

— С зимней распродажи в «Мэйси». Хорошая была футболка.

— Я спрашиваю — откуда у тебя шрам?

— А... шрам... — Джейс невольно поежился под ее пристальным взглядом. — Сам не знаю. Отец сказал, что я поранился в раннем детстве. А что?

— Нет, исключено, — выдохнула Инквизитор. — Неужели ты..

— Неужели я — что?

— Все эти годы... — Голос Инквизитора дрогнул. — Неужели все эти годы ты и правда верил, что твой отец — Майкл Вэйланд?

Джейса захлестнула волна гнева, усиленная уколом разочарования.

— Ангела ради, вы притащили меня сюда посреди битвы, чтобы снова и снова задавать те же idiotские вопросы?! Вы не верили мне раньше, не верите сейчас и никогда не поверите, несмотря на все, что случилось! Я сейчас должен драться с демонами! Какого черта вы держите меня здесь?! Чтобы потом доложить Конклаву, что я не пожелал драться на вашей стороне против своего отца? Неплохая идея, только ничего не выйдет!

Она побелела как полотно:

— Джонатан, я совсем не это хотела...

— Меня зовут Джейс!!!

Инквизитор вздрогнула и открыла рот, но Джейс больше не желал ее слушать. Он почти оттолкнул женщину с дороги и подхватил один из клинков. Стена света погасла, и вновь воцарился хаос. По палубе метались темные бесформенные тени, демоны карабкались по изломанным телам убитых и раненых, воздух наполнился дымом и воплями. Джейс безуспешно пытался разглядеть знакомые лица. Где Изабель и Алек?

— Джейс! — Инквизитор бежала за ним с застывшим от страха лицом. — Джейс, у тебя нет оружия! Возьми хотя бы...

Она осеклась, потому что из тьмы перед Джейсом возник огромный демон. Таких он сегодня еще не видел. У чудовища были сморщенная морда, ловкие обезьяньи лапы и длинный скорпионий хвост, увенчанный шипом. Тараща огромные желтые глаза, тварь зашипела сквозь острые зубы, и ее хвост метнулся вперед. Джейс даже не успел прийти в себя и попытаться увернуться, только смотрел на летящий в лицо шип..

И во второй раз за сегодня между ним и смертью мелькнула тень. Сжимая длинный нож, Инквизитор заслонила Джейса собой, и скорпионий шип вонзился ей прямо в грудь.

Демон занес хвост для второго удара, но Имоджен оказалась быстрее и метнула нож с пылающими на лезвии рунами точно в горло чудовищу. Демон издал шипение, как лопнувший воздушный шар, забился в конвульсиях и исчез.

Инквизитор осела на палубу. Джейс склонился над ней, развернул лицом вверх. На груди у нее расплывалось кровавое пятно, лицо пожелтело и застыло, и Джейс подумал, что она уже умерла.

— Инквизитор.. — Даже сейчас он не мог заставить себя назвать ее по имени.

Она открыла мутнеющие глаза и из последних сил поманила его к себе. Когда Джейс наклонился, Инквизитор прошептала — почти выдохнула ему в ухо что-то неразборчивое.

— Что? — переспросил Джейс. — Я не понимаю!

Ответа не последовало. Инквизитор лежала на спине и невидящим взглядом смотрела в небо. Губы ее искривились в подобии улыбки.

Джейс не мог оторвать от нее взгляд. Эта женщина мертва. Мертва из-за него.

Кто-то схватил его за шкуру и рывком поднял на ноги. Рука Джейса машинально метнулась к поясным ножам и схватила пустоту. Он обернулся и увидел прямо перед собой знакомые голубые глаза.

— Живой, — проговорил Алек.

В этом коротком слове слышалась бездна радости и облегчения. Вид у Алека был крайне измотанный, потные черные волосы прилипли ко лбу и щекам, руки и одежду пятнала кровь, рукав куртки по всей длине рассекло что-то очень острое и зазубренное. В одной руки Алек сжимал окровавленную гизарму, в другой — ворот футболки Джейса.

— Более-менее, — кивнул Джейс. — Но если не дашь мне какое-нибудь оружие, очень быстро стану мертвым.

Озираясь по сторонам, Алек вытащил из-за пояса клинок серафимов:

— Держи. Его имя Самандириэль.

Не успел Джейс схватиться за рукоять, как на них, вереща, набросился средних размеров древак. Алек тут же прикончил демона ударом гизармы.

— Хорошая штука, — сказал Джейс, рассматривая гизарму.

Алек уставился на серую фигуру, неподвижно лежащую за спиной у друга:

— Это Инквизитор? Она...

— Умерла, — коротко сказал Джейс.

Алек стиснул зубы.

— Туда ей и дорога. Как это случилось?

Ответить Джейс не успел, потому что услышал радостный крик Изабель, бегущей к ним сквозь смрад и дым. Ее облегающая черная куртка была заляпана желтой слизью, на запястьях и лодыжках блестели рунные талисманы на золотых цепочках.

— Джейс! — Приемная сестра кинулась к нему с распростертыми объятиями. — Мы думали, ты..

— Не надо. — Джейс вдруг смутился и шагнул назад. — Не надо, Иззи, я весь в крови, перепачкаешься.

На лице Изабель мелькнула обида.

— Мы все искали тебя! Мама с папой с ног сбились...

— Изабель! — закричал Джейс.

Прямо у нее за спиной возник громадный демон-паук и плюнул желтым ядом. Изабель вскрикнула от боли и ударила демона хлыстом с такой силой, что тварь развалилась пополам и растаяла в воздухе. Джейс еле успел подхватить девушку. Хлыст выпал из разжавшихся пальцев. Большая часть яда попала на куртку, однако того, что оказалось на коже, было достаточно — на горле темнели чудовищные ожоги. Изабель, никогда не показывавшая, что ей больно, еле слышно всхлипывала.

— Отдай! — Алек, бросив гизарму, принял сестру на руки, бережно опустил ее на палубу и вытащил стило. — Стереги, пока я буду лечить.

Джейс не мог заставить себя отвести взгляд от крови, льющейся по шее Изабель.

— Надо унести ее с корабля, — хрипло произнес он. — Здесь она...

— Погибнет? — закончил за него Алек, осторожно водя стилем по горлу сестры. — Мы тут все погибнем. Демонов слишком много, нас перебьют. Инквизитор получила по заслугам, это все — ее вина!

— Она спасла мне жизнь, — произнес Джейс, сам удивляясь тому, что защищает врага. — Закрыла меня собой от демона-скорпиона.

– Правда? – изумленно переспросил Алек. – С чего вдруг?

– Не знаю, может, решила, что от меня еще будет какая-то польза.

– Но она же всегда... – Алек осекся и крикнул: – Сзади! Двое!

Джейс резко обернулся и увидел их – крокодилью пасть и скорпионий хвост Пожирателя и отвратительного древака, похожего на гигантскую личинку. Самандириэль стрелой вылетел из руки, прочертил в воздухе сияющую линию и отсек демону хвост, пройдя прямо под кожистым мешком с ядом. Пожиратель взвыл, древак замешкался на секунду, и весь яд из разорванного мешка обрушился ему на голову, моментально растворив ее до самой кости. Древак исчез; Пожиратель, рассеченный почти надвое, протащил себя еще несколько шагов и тоже испарился.

Джейс подобрал Самандириэль, осторожно ступая между лужами шипящего яда. Алек встал, поддерживая Изабель – бледную, но уже способную стоять на ногах.

– Надо уводить ее отсюда.

– Надо, – согласился Джейс. – Уводи. А я разберусь с этой штуковиной.

– С какой? – испуганно переспросил Алек.

– Вон с той, – объяснил Джейс и показал пальцем.

На них в дыму и пламени надвигалось нечто горбатое и чудовищно огромное – раз в пять больше любого демона на корабле. У твари были мощный панцирь, несколько тонких конечностей, увенчанных острыми хитиновыми шипами, и огромная комариная голова с болтающимся кроваво-красным хоботом.

– Что это?! – простонал Алек.

Джейс подумал над ответом, рассматривая приближающегося демона.

– Большая тварюга. Очень большая.

Он со странным чувством оглянулся на Алека с Изабель. Внутренний голос подсказывал, что он видит их в последний раз, и однако ж Джейс совсем не боялся. По крайней мере, за себя. Он хотел сказать брату и сестре, что очень любит их и что они для него в тысячу раз дороже всех Орудий смерти, вместе взятых. Но слова не шли, поэтому Джейс просто крикнул:

– Алек, уводи Иззи к лестнице, живо!

Секунду Алек просто смотрел на него, потом кивнул и повлек упирающуюся Изабель к борту. Он помог ей перелезть через перила, и Джейс с невероятным облегчением увидел, как ее голова скрылась из виду – Изабель спускалась по лестнице.

– Давай, Алек, – еле слышно прошептал он. – Уходи... скорей, скорей!

Но Алек не последовал за сестрой. Не обращая внимания на ее крики, он спрыгнул с перил обратно на палубу, подхватил брошенную гизарму и пошел к Джейсу, чтобы встретить демона плечом к плечу.

Это ему не удалось. Демон, уже нависший над Джейсом, вдруг передумал – кроваво-красный хобот метнулся к Алеку. Джейс попытался заслонить брата, однако железная палуба, разъеденная ядом, провалилась под ним, нога застряла, и Джейс рухнул как подкошенный.

Алек вскрикнул и ткнул демона гизармой, во все стороны брызнула черная кровь. Клинок застрял в ране, и чудовище отступило, испустив почти человеческий вопль. Алек попятился, ища другое оружие, и был сбит с ног когтистой лапой. Не успел он опомниться, как хобот демона обвился вокруг груди.

Где-то вдалеке кричала Изабель. Джейс отчаянно рванулся, сдирая кожу о зазубренный металл, высвободил ногу и вскочил, заноса Самандириэль. Клинок пылал, как падающая звезда, – и демон с шипением отпрянул. На секунду Джейсу показалось, что сейчас он выпустит Алека, однако демон взмахнул хоботом и с чудовищной силой отшвырнул свою жертву. Алек покотился по скользкой от крови палубе и с хриплым криком упал за борт.

– Алек! – завизжала Изабель. – Алек!!!

Ее вопли пронзали уши Джейса раскаленными иглами. Самандириэль все еще пылал в руке, освещая надвигающуюся тварь, ее хищные комариные глаза, – но Джейс видел только Алека, тонущего в черных ледяных волнах. Во рту даже возник вкус морской воды – или просто крови...

Он взмахнул клинком и нанес удар. Тварь в агонии заверещала. А потом палуба проломилась с оглушительным скрежетом, и Джейс рухнул во тьму.

19

Dies irae[4]

– Ты ошибаешься, – неуверенно сказала Клэри. – Ты не знаешь о нас с Джейсом ничего. Просто хочешь...

– Я хочу лишь достучаться до тебя, Кларисса. Заставить тебя понять.

В голосе Валентина звучала легкая насмешка.

– Ты просто издеваешься над нами! Намерен использовать меня, чтобы отомстить Джейсу! – выпалила Клэри и добавила: – Ты даже не злишься. Настоящий отец сейчас бы злился.

— Я твой настоящий отец. В твоих жилах течет моя кровь.

— Мой отец не ты, а Люк, — сказала Клэри почти устало. — Я не хочу больше это обсуждать.

— Ты считаешь Люка своим отцом только из-за его отношений с твоей матерью.

— Отношений? — расхохоталась Клэри. — Они с мамой просто друзья.

На какой-то миг на лице Валентина отразилось удивление.

— В самом деле? Ты действительно считаешь, что Люциан согласился ради дружбы вести жизнь в изгнании, скрываться, прятаться и всеми силами охранять тайну, которой он сам не знал до конца? Ради одной только дружбы? Ты еще очень юна, Кларисса, и мало понимаешь в людях, а в мужчинах и вовсе ничего.

— Твои грязные намеки никому не интересны. Ты ничего не знаешь ни о Люке, ни о Джейсе. Пытаешься выставить их поступки в подлом свете, потому что сам не умеешь поступать иначе.

— А если бы Люк любил твою маму, это было бы подлостью? Чего подлого в любви, Кларисса? Или ты просто чувствуешь в глубине души, что твой драгоценный Люциан не человек и не способен на человеческие чувства?

— Люк такой же человек, как и я! А ты слепой фанатик!

— Ну нет, вот тут ты ошибаешься. — Валентин шагнул к Клэри, и она поспешила спиной загородить от него Меч. — Ты смотришь на меня сквозь призму примитивного мировоззрения. Примитивные вообще очень любят делить себе подобных на группы, выдумывая различия, которые покажутся бредом любому нефилиму. Критерием различий может быть раса, религия, национальность и еще десятки подобных вещей. Примитивные не в состоянии увидеть, понять и осознать существование демонов, и все же в их родовой памяти остались какие-то представления о том, что на Земле есть «мы» и «они», чужие, те, кто сеет лишь смерть и разрушение. Но раз они не видят демонов, их угрозу они пытаются приписать себе подобным. Они готовы счесть врагом соседа и поколениями вести бессмысленные войны. — Валентин сделал еще один шаг вперед, и Клэри, попятившись, оказалась прижата к самому сундуку с Мечом. — Я не из их числа. Мне известна истина. Примитивные видят опасность будто через закопченное стеклышко, а нефилимы встречают ее лицом к лицу. Нам ведом истинный облик зла, нам ведомо: пусть оно и живет среди нас, оно чужое! Нельзя позволить чужеродному пустить здесь корни, расцвести ядовитыми цветами и отравить все живое на Земле.

Рука Клэри застыла над Мечом. Голос Валентина был так тих, так вкрадчив, ему так сложно было возразить... Она вовсе не считала, что демоны должны процветать на Земле. Клэри согласилась бы с его словами, если бы не одно «но»...

— Люк не демон!

— Сдается мне, Кларисса, ты чересчур юна и неопытна, чтобы понять, кто демон, а кто нет. Ты почти не сталкивалась с нежитью. А те, кого ты все же встречала, казались тебе очень милыми и добрыми. С твоим восприятием мира кто угодно может показаться милым и добрым. Ты уверена, что демоны — это непременно уродливые твари, рыщущие во тьме. Разумеется, такие тоже существуют. Но есть и другие — демоны, живущие среди людей и тщательно скрывающие свою противоестественную сущность. Я пытался уничтожить одного такого в Лондоне. Он был очень влиятельным финансистом и имел штат телохранителей. Слуги поставляли своему господину животных и маленьких детей. Ему нравилось все маленькое и беспомощное.

— Прекрати! — Клэри зажала руками уши. — Я не хочу это слышать!

Но голос Валентина проникал сквозь ладони.

— Он пожирал их медленно, неделями. У него были способы поддерживать в жертве жизнь, невзирая на невероятные мучения. Попробуй представить себе разорванного пополам ребенка, который пытается ползти...

— Хватит! Хватит! — закричала Клэри.

— Демоны питаются болью и страхом. Я убиваю только из необходимости. Ты выросла в фальшивом раю, окруженном стеклянными стенами, дочь моя. Мать создала для тебя искусственный мир, в котором хотела бы жить сама. Только она не сказала тебе, что все это обман. Что все это время снаружи поджидали демоны, готовые разбить стеклянные стены и открыть тебе глаза на правду.

— Стены разбил ты, — прошептала Клэри. — Именно ты втянул меня во все это.

— И я же виноват в том, что ты порезалась о стекло? Разве я держал тебя в плену иллюзий?

— Хватит! Не желаю слушать!

У Клэри звенело в ушах. Хотелось закричать отцу, что именно он похитил маму и все это натворил, что это все его вина. Однако не зря Люк утверждал, что с Валентином невозможно спорить. Он ухитрялся так все перевернуть... Если сейчас возразить ему, окажешься вроде бы на стороне демонов, разрывающих пополам младенцев. Джейсу долгие годы пришлось жить в тени этого требовательного, деспотичного человека. Теперь ясно, почему у Джейса такой тяжелый характер и такое умение скрывать свои чувства.

Клэри ощущала холод, исходящий от Меча, и от этого по коже бежали мурашки.

— Что тебе от меня нужно? — спросила она.

— А разве мне что-то нужно?

— Иначе ты не вел бы тут со мной разговоров. Дал бы по голове чем-нибудь тяжелым и отложил в сторонку для дальнейшего использования.

— Хочешь знать, каким будет дальнейшее использование? — произнес Валентин. — Я подожду, пока явятся на выручку твои друзья-Охотники, и обменяю тебя на девчонку-оборотня. Мне все еще нужна ее кровь.

— Они никогда не пойдут на такой обмен!

— Ошибаешься. Им хорошо известно, чего стоит какая-то нежить по сравнению с юным Охотником. Сделка произойдет, потому что именно так велит Конклав.

— Конклав?! То есть что-то подобное есть в Законе?

— Это основа Закона, — веско сказал Валентин. — Теперь понимаешь? Не так уж и велика разница между Конклавом и мной, между Джонатаном и мной и даже между нами, Кларисса. Всего лишь незначительные расхождения в методах.

С этими словами Валентин приблизился к ней вплотную. Рука Клэри метнулась за спину и схватила рукоять Меча душ. Он действительно был очень тяжелым, таким тяжелым, что она чуть не упала под его весом, но все же удержала равновесие и направила острие прямо на отца.

Удар о металлическую поверхность получился сильным. Джейс закашлялся, чувствуя во рту вкус крови, и обнаружил, что стоит на железных мостках, выкрашенных в серо-зеленый цвет. Внутри корабль был пуст; темные искривленные стены отражали каждый звук. Джейс задрал голову и увидел маленький клочок ночного неба через дымящуюся дыру, в которую он провалился.

Нутро корабля представляло собой лабиринт мостков и лестниц, ведущих в никуда и переплетающихся друг с другом, как внутренности гигантской змеи. Было жутко холодно, дыхание вырывалось изо рта облачками пара. Всмотриваясь в полумрак, Джейс полез в карман за ведьминым огнем.

Белое сияние ярко осветило длинные мостки и лестницу, ведущую на нижний ярус. Под ногами что-то сверкнуло. Джейс наклонился и увидел стило. Он невольно оглянулся, как будто ожидал, что из теней выйдет какой-нибудь нефилим. Откуда оно могло тут взяться?! Каждое стило имело особую ауру — хранило в себе отпечаток владельца, — и Джейс сразу узнал его, ощутив болезненный укол. Стило Клэри.

Вдруг в темноте раздался негромкий смех. Джейс обернулся, пряча стило за пояс. В свете ведьмина огня на другом конце мостков виднелась темная фигура; лицо человека скрывала тень.

— Кто здесь? — крикнул Джейс.

Ответа не последовало. Джейс чувствовал, что человек смеется над ним. Он машинально потянулся к ножнам, однако в них ничего не было — падая, он выронил клинок и вновь оказался без оружия.

Но ведь что угодно может послужить оружием при грамотном использовании. Разве не этому учил его отец? Джейс медленно двинулся к фигуре, ища глаза

ми что-нибудь подходящее — какую-нибудь балку, за которую можно ухватиться и нанести удар обеими ногами, какой-нибудь кусок металла, который можно швырнуть и перебить противнику позвоночник.. Все эти мысли пролетели у него в голове за какую-то долю секунды, а потом человек вышел из тени на свет, и белые волосы ореолом засветились вокруг его головы. Джейс замер как вкопанный:

— Отец? Ты?!

Сначала Алек ощутил ледяной холод. Затем понял, что не может дышать. Он попытался втянуть воздух, и все тело сжалось в конвульсиях. Он приподнялся, кашляя речной водой — горькой и тошнотворной.

Первый вдох огнем обжег легкие. Хватая ртом воздух, он огляделся. Под ним была какая-то рифленая железная платформа.. нет, кузов грузовика! Алек обнаружил, что сидит в пикапе, дрейфующем прямо посреди реки. С волос и одежды лились ледяные ручьи, а напротив сидел Магнус Бейн, рассматривая его янтарными кошачьими глазами.

— Что произошло? — спросил Алек, стуча зубами.

— Ты пытался выпить Ист-Ривер, — сообщил Магнус. Только сейчас до Алека дошло, что маг тоже насквозь вымок. — Я тебя вытащил.

В голове билась пульсирующая боль. Алек попытался нащупать на поясе стило, но его не было. Он с трудом вспоминал, как тут оказался. Корабль, драка с демонами, Джейс ловит падающую Изабель, лужи крови под ногами, атакующий демон..

— Изабель! Она спускалась по лестнице!

— Не волнуйся, она добралась до лодки, я видел. — Магнус положил ладонь ему на голову. — А вот у тебя запросто может быть сотрясение мозга.

Алек оттолкнул его руку:

— Я должен вернуться. Ты ведь маг, можешь как-нибудь доставить меня на корабль? И устранить сотрясение заодно?

Магнус прислонился к борту кузова. Глаза у него сияли золотым и зеленым, как драгоценные камни — такие же жесткие и холодные. Алек смутился, сообразив, что просьба прозвучала излишне требовательно. И все же попасть на корабль было сейчас просто необходимо.

— Прости. Конечно, ты совсем не обязан нам помогать. Я прошу тебя об одолжении..

— Я не делаю тебе никаких одолжений, Алек. Я просто.. Ты разве сам не знаешь, почему я помогаю тебе?

Что-то перехватило Алеку горло. Так происходило всегда, когда Магнус был рядом. Как будто боль и тоска, живущие в сердце, собирались в пузырь и застревали в горле, мешая сказать что-то важное, что-то настоящее...

— Мне очень надо вернуться на корабль, — выдавил он наконец.

Магнус, похоже, так устал, что у него не осталось сил даже разозлиться.

— Я бы помог тебе, но не могу. Снять защитные чары с корабля — непростая задача: я потратил много энергии. А когда ты упал, пришлось быстро наложить еще одно заклятие на пикап, чтобы он не потонул, когда я потеряю сознание. А я действительно скоро отключусь, Алек, это лишь вопрос времени. Я не мог позволить тебе утонуть. Чары на какое-то время должны удержать машину на воде, так что ты сможешь добраться до берега.

— Я... я не знал, — выдохнул Алек.

Магнус прожил уже три столетия, но всегда выглядел так, словно время над ним не властно, словно он перестал стареть в девятнадцать лет. Однако сейчас кожу вокруг его рта и глаз вдруг прорезали морщины, а за обычной легкой сутулостью скрывалась уже не напускная небрежность, а крайняя степень усталости.

Алек протянул ему обе руки, сморщенные от воды и покрытые серебристыми шрамами:

— Держи. Забирай силы у меня. В общем, все, что тебе нужно, чтобы держаться.

Магнус не пошевелился:

— Ты же хотел срочно попасть на корабль.

— Я должен сражаться, — ответил Алек. — Но ведь и ты здесь сражаешься, так же, как и Охотники на корабле. Я знаю, что ты можешь взять у меня силы, я слышал, магу это доступно. Бери. Они твои.

Валентин улыбнулся. На нем была черная броня, латные перчатки блестели, как панцири огромных насекомых.

— Здравствуй, сын.

— Не смей меня так называть! — У Джейса затряслись руки. — Где Клэри?

— Она не послушалась меня. Пришлось преподать ей урок.

— Что ты с ней сделал?

— Ничего. — Валентин подошел к Джейсу. — Ничего такого, что не заживет.

Джейс сжал кулаки, чтобы отец не заметил, что у него дрожат руки:

— Где она? Я хочу ее видеть!

— Что, прямо немедленно? — Валентин посмотрел вверх, словно мог видеть кипящую на палубе битву. — А разве ты не должен сейчас драться плечом к плечу со своими друзьями-Охотниками? Как жаль, что все они погибнут зря.

— Это мы еще увидим!

— Увидишь, не сомневайся. На каждого из вас я могу призвать тысячу демонов. При таком численном перевесе не выстоят даже лучшие нефилимы. И пример бедной Имоджен прекрасно это подтверждает.

— Откуда ты..

— Я вижу все, что происходит на моем корабле. — Валентин сузил глаза. — Ты ведь понимаешь, что ее смерть на твоей совести?

Джейс втянул носом воздух. Сердце колотилось так, будто отчаянно пыталось вырваться из груди.

— Охотники пришли спасать тебя. Если бы речь шла о какой-то нежити, никто бы сюда не примчался.

Джейс вдруг сообразил, что совершенно забыл о Саймоне и Майе.

— Где они?

— Если ты про нежить, то они мертвы, — как ни в чем не бывало сообщил Валентин. — Сколько смертей еще нужно, чтобы у тебя открылись глаза?

Джейсу показалось, что в голове у него вихрится черный дым. Лопатку нестерпимо жгло.

— Мы это уже обсуждали. Ты совершаешь ошибку, отец. Может, ты и прав насчет демонов и даже насчет Конклава, но твои методы..

— Я не об этом, — перебил его Валентин. — Когда ты наконец признаешь, что ты такой же, как я?

Несмотря на холод, Джейса бросило в пот.

— Что?

— Мы с тобой одинаковые. Ты как-то сказал мне, что ты тот, кого я из тебя сделал. Так вот, я сделал из тебя свою копию. Ты такой же гордый, такой же смелый. И у тебя есть все, что заставляет других с радостью умирать за тебя.

В подсознании настойчиво билось что-то очень важное, что-то такое, что он знал, но забыл. Спину обжигала боль.

— Я не хочу, чтобы за меня умирали! — крикнул Джейс.

— Хочешь. Тебе приятна мысль, что Изабель и Алек готовы отдать за тебя жизнь. И сестра. А Инквизитор уже умерла за тебя, разве не так, Джонатан? И ты ей это позволил.

— Нет!

— Ты такой же, как я. Да и чему удивляться? Ты же мой сын, отчего бы тебе не пойти по моим стопам?

— Нет!

Джейс схватил торчащий из перил кривой железный прут, рывком отодрал его и выставил вперед зазубренным острием.

— Я не такой, как ты! — крикнул он и вонзил прут в грудь отцу.

Валентин разинул рот и покачнулся. На секунду Джейс с ужасом подумал, что ошибся и это на самом деле Валентин. Но потом тело отца начало рассыпаться, как рушащееся песчаное изваяние, запахло гарью, и прах Валентина рассеялся в холодном воздухе.

Джейс потянулся ладонью к лопатке. Кожа горела там, где руна бесстрашия выжгла себя дотла. Вдруг накатила невероятная слабость.

— Аграмон... — прошептал Джейс и упал коленям на железные мостки.

Он посидел неподвижно, ожидая, пока утихнет оглушительный стук крови в висках, и наконец встал. Ноги едва слушались от холода, кончики пальцев посинели. В воздухе пахло гарью, хотя Аграмон исчез.

Все еще сжимая железный прут, Джейс пошел по мосткам к лестнице. Спускаться по шатким скобам пришлось, держась одной рукой, и это моментально привело его в чувство. Он спрыгнул с последней скобы и оказался на других узких мостках, выходящих в огромный зал с железными стенами. По стенам на разной высоте бежали мостки, между ними виднелось хитросплетение труб. В трубах что-то гремело, и время от времени наружу вырывались струи пара, однако воздух это почему-то ничуть не согрело.

«Ну и местечко ты себе обустроил, отец», — подумал Джейс. Голые индустриальные интерьеры никак не вязались с образом Валентина. Хрусталь, сверкающий острыми гранями, был бы гораздо больше в духе отца. Джейс не знал, куда идти в этом лабиринте мостков и лестниц, и уже собрался спуститься наугад, как вдруг заметил на железном полу темно-красные потеки.

Кровь. Пятна еще свежие, едва начали засыхать. Чуть дальше еще пятно, и еще. Прямо как тропинка из хлебных крошек в сказке про Гензеля и Гретель.

Гремя сапогами по железу, Джейс пошел туда, куда вел багровый след. На драку не похоже... Скорее тут несли раненого. Наконец он оказался перед железной дверью, выкрашенной в черный цвет и пестрящей серебристыми

щербинками и царапинами. На ручке алел кровавый отпечаток пальцев. Джейс покрепче ухватился за железный прут и толкнул дверь.

В лицо ударила волна такого холода, что перехватило дыхание. В помещении не было ничего, кроме металлической трубы, идущей вдоль стены, и кучи тряпья в углу. Из иллюминатора высоко под потолком падал скудный свет. Джейс с опаской шагнул внутрь, присмотрелся и понял, что в углу никакое не тряпье. Там лежал человек.

Сердце вновь начало бешено колотиться, как незакрытая дверь в бурю.

Пол был липким от крови, подошвы сапог отдирались от него с отвратительным хлюпающим звуком. В углу скорчился темноволосый парень в джинсах и синей футболке. Джейс склонился над ним, взял за плечо, перевернул и в ужасе уставился в застывшие карие глаза на белом лице. Это был Саймон. На горле и запястьях у него зияли чудовищные раны с рваными краями. Джейс осел на колени рядом с бездыханным телом и с тоской подумал о Клэри, о том, как она до боли сжимала его руки в своих маленьких пальцах и умоляла: найди Саймона! Я знаю, ты сможешь.

Он нашел. Но слишком поздно.

Когда Джейсу исполнилось десять, отец объяснил ему, как правильно убивать вампиров. Пронзить колом, отрезать голову и сжечь, как фонарь из тыквы. Испепелить на солнце. Или выпустить из жил всю кровь. Вампирам нужна кровь, чтобы жить, как машине нужен бензин. Судя по ранам Саймона, Валентин избрал последний способ.

Джейс протянул руку и закрыл Саймону глаза. Если Клэри придется его увидеть, лучше уж не таким.

Он хотел подтянуть ворот футболки повыше, чтобы прикрыть рану на шее, и тут Саймон шевельнулся. Веки дрогнули и снова открылись, сверкнули белки. Саймон еле слышно захрипел, верхняя губа приподнялась, обнажая острые клыки. В рассеченном горле заклекотало дыхание.

Джейс ощутил подступившую дурноту. Саймон еще жил. Но какую же он должен испытывать боль! Он не может регенерировать, не может залечить раны без...

Без крови.

Джейс отпустил воротник Саймона, зубами задрал рукав и глубоко рассек себе руку вдоль предплечья зазубренным концом железного прута. Из раны выступила кровь. Джейс чувствовал ее резкий медный запах. Прут выскользнул из пальцев и с металлическим звоном упал на пол.

Саймон не двигался. Кровь уже бежала ручьем по саднящему запястью. Джейс поднес руку к самому его лицу, так, чтобы капли падали прямо в рот. Никакой реакции. Тогда Джейс приблизился вплотную, прижал порез к губам Саймона и прошипел, выдыхая облачка пара:

— Да пей же ты, идиот! Пей, тебе говорю!

Сначала ничего не произошло. Потом Саймон закрыл глаза, и Джейс ощутил в запястье резкий укол. Саймон впился в его руку выше локтя, выгнул спину и вонзил клыки еще глубже. Руку обожгла боль.

— Эй-эй, полегче! — сказал Джейс.

Саймон уставился на него темными глазами. Белков уже не было видно, щеки покрылись лихорадочным румянцем. Он разжал хватку и оскалился, обнажив обогранные клыки.

— Саймон?

Джейс даже не успел опомниться. Саймон с невероятной скоростью вскочил, сшиб его на пол, навалился сверху и вонзил зубы ему в шею. В ушах звенело. Джейс попытался вырваться, но безуспешно — Саймон прижимал его к полу стальными руками, крепко вцепившись пальцами в плечи. Боль ослабла, притупилась и стала почти приятной — как бывает приятным обжигающее прикосновение стило. Накатила сонная истома, мышцы расслабились, Джейс перестал отталкивать Саймона — скорее наоборот, притягивал ближе. Замедлялось и угасало сердцебиение, зрение туманилось, перед глазами возникала мерцающая тьма, и это было очень странно и очень красиво. Он закрыл глаза и...

Шею резанула острая боль. Джейс вскрикнул и очнулся. Саймон сидел у него на груди, прижимая ладонь к губам. От жутких ран не осталось даже следа, только свежая кровь пятнала футболку.

Сонное оцепенение прошло — занули ушибленные плечи, рассеченная рука, прокушенная шея. В ушах перестала стучать кровь, но Джейс знал, что сердце в груди продолжает биться.

Саймон отнял руку ото рта, клыки уже спрятались.

— Я чуть не убил тебя! — прошептал он извиняющимся голосом.

— Я чуть тебе этого не позволил, — сказал Джейс.

Саймон булькнул, скатился с Джейса и рухнул на пол, съежившись. Сквозь бледную кожу на его шее просвечивали вены — голубоватые и лиловые. Вены, полные крови.

Моей крови. Джейс сел, нашарил за поясом стило и принялся выводить на плече «иратце». Стило двигалось тяжело и медленно, как будто он тащил свинцовую трубу по футбольному полю. Голова раскалывалась. Джейс закончил руну и прислонился к стене, тяжело дыша. Моя кровь в его жилах.

— Прости меня, — произнес Саймон. — Я очень, очень виноват...

Исцеляющая руна начала действовать, боль постепенно уходила, в голове у Джейса прояснилось, и сердцебиение пришло в норму. Он осторожно встал, ожидая приступа головокружения. Саймон все так же сидел на полу, опустив глаза. Джейс рывком поднял его на ноги:

— Хватит извиняться. Пошли. Валентин похитил Клэри, время дорого.

Как только пальцы Клэри сомкнулись на рукояти Меча смерти, их пронзил леденящий холод, и Клэри вскрикнула от боли. Валентин с интересом наблюдал, как она отчаянно пытается удержать Меч в немеющих руках. Клинок выскользнул и со звоном упал на железный пол. Молниеносным движением Валентин подхватил его.

— Ты и в самом деле думала, что я подпущу тебя к оружию, которое ты сможешь обратить против меня? — спросил он с отвращением. — Ты, видимо, не поняла ни единого слова из того, что я тебе говорил. Неужели только один из моих детей способен осознать истину?

На ладони Клэри краснел саднящий рубец. Она сжала руку в кулак, почти радуясь боли.

— Если ты про Джейса, то он тоже тебя ненавидит!

Валентин поднял меч. Острые уперлось Клэри между ключиц.

— Все, тобой я уже сыт по горло.

Стоило Клэри сделать вдох, как острое лезвие рассекло кожу, и по груди побежала алая струйка. От прикосновения Меча по телу разливался леденящий холод, как будто кровь в жилах застыла и сковала руки и ноги.

— Главная твоя беда — дурное воспитание, — произнес Валентин. — Твоя мать всегда отличалась упрямством. Я полюбил ее в том числе за это. Не ожидал, что она отступится от своих убеждений.

Клэри смотрела на отца, и в голову ей пришла очень странная, пугающая мысль. Когда она встретила его в прошлый раз, в приюте Ренвика, Валентин еще пытался произвести впечатление на Джейса. Сейчас он уже не прилагал к этому никаких усилий, и как только сошла позолота харизмы и обаяния, оказалось, что под ними пустота. Его глаза напоминали дыры, пробитые в глазницах полой статуи, — в них не было ничего, кроме тьмы.

— Скажи мне, Кларисса, твоя мать вообще когда-нибудь упоминала обо мне?

— Она говорила, что ты умер! — ответила Клэри прикусила язык, чтобы не выпалить, как ей жаль, что это не так. Впрочем, Валентин и сам прочел все невысказанное в ее взгляде.

— И она никогда не говорила, что ты другая? Особенная?

Клэри сглотнула, и лезвие меча вонзилось еще и пару миллиметров.

— Она не сказала мне, что я нефилим.

— А тебе известно, по какой причине твоя мать сбежала от меня?

Горло щипало от слез, дыхание перехватило. Клэри всхлипнула и спросила:

— А что, причина всего одна?

Валентин пропустил колкость мимо ушей.

— Она обвинила меня в том, что я превратил ее первенца в чудовище, и сбежала, чтобы не дать мне сделать то же самое со вторым ребенком. С тобой. Но было уже слишком поздно.

Клэри так замерзла, что не осталось сил даже дрожать. Она чувствовала, что все тело вот-вот обратится в лед.

— Мама никогда бы так не сказала. Джейс не чудовище. И я тоже.

— Я говорю не о...

Железный люк в потолке с грохотом распахнулся, и через него скользнули две темные фигуры. В первой Клэри узнала Джейса — уверенную грацию его движений она бы ни с чем не перепутала. Он спрыгнул прямо за спину Валентину легко и ловко, как стрела, выпущенная в цель. В руке он сжимал окровавленный стальной прут с угрожающе зазубренным концом.

Вторая фигура спрыгнула рядом с Джейсом — если не с той же грацией, то, по крайней мере, так же легко. Вглядываясь в стройный силуэт и темные волосы, Клэри подумала, что это Алек. Но когда в скудном свете ей наконец удалось рассмотреть его лицо, Клэри тут же забыла и о Мече, и о холоде, и о боли — обо всем.

— Саймон!

Их взгляды встретились, и по лицу Клэри хлынули слезы облегчения — она даже не стала утирать их.

Валентин обернулся, и впервые на его лице промелькнуло самое настоящее, искреннее изумление. Забыв про Клэри, он опустил Меч и шагнул к Саймону и Джейсу.

Как только острие Меча перестало касаться горла, ледящий холод покинул Клэри, а вместе с ним и все силы. Ноги подкосились, и девушка тяжело осела на пол, дрожа как осиновый лист. Вытирая мокрые щеки, она заметила, что кончики пальцев стали совсем белыми.

— Что ты с ней сделал?! — с ужасом спросил Джейс.

Валентин уже опомнился от первого потрясения и ответил с ледяным спокойствием:

— Пока ничего.

К удивлению Клэри, от этих слов Джейс заметно побледнел.

— Вообще-то, мне следует задать тебе тот же вопрос, Джонатан, — продолжал Валентин. Он обращался к Джейсу, хотя смотрел при этом на Саймона. — Почему эта тварь еще жива? У вампиров легко затягиваются раны, но только если в теле у них достаточно крови. У этого крови почти не оставалось.

— «Тварь» — это про меня? — поинтересовался Саймон незнакомым тоном. Отгрызающийся ребенок исчез, его место занял человек, имеющий право говорить с Валентином Моргенштерном на равных. — В таком случае тварь жива. Несмотря на твои старания.

— Заткнись, сам разберусь, — бросил ему Джейс. Глаза у него потемнели. — Я напоил Саймона своей кровью, чтобы не дать ему умереть.

И без того жесткое лицо Валентина вовсе окаменело.

— Ты добровольно разрешил вампиру пить из тебя кровь?

Саймон не мигая смотрел на него, и в глазах у него была настоящая ненависть. Джейс помедлил и произнес осторожно:

— Да.

— Ты даже представить не можешь, что ты наделал, — провозгласил Валентин замогильным голосом. — Ты даже не можешь представить!

— По-крайней мере, я спас жизнь, которую ты пытался отнять.

— Ты спас не человека. Ты воскресил монстра, способного лишь убивать. Такие, как он, всегда испытывают лютей голод...

— Да, я сейчас голоден, — подтвердил Саймон и улыбнулся, выпустив острые клыки. — Не отказался бы от крови. Жаль только, твоя кровь не пойдет в горло, мерзкий кусок...

Валентин расхохотался:

— А ты попробуй, нелюдь. Мэллертах сожжет тебя заживо.

Джейс посмотрел на Меч, а потом в глаза Клэри, и, прочтя в его взгляде немой вопрос, она крикнула:

— Меч не обращен! Он не смог убить Майю! Ритуал не завершен!

Валентин обернулся к ней, улыбаясь, и слегка качнул Меч в ее сторону. А потом какая-то неодолимая сила отбросила Клэри назад будто взрывной волной, ударила об пол, подкинула в воздух и безжалостно швырнула о переборку. Клэри скорчилась на полу, от боли не в силах вдохнуть.

Саймон побежал к ней, но Валентин взмахнул Мечом и поднял стену ревущего пламени, обдав Саймона жаром и сбив с ног.

Клэри с трудом приподнялась на локтях. Перед глазами все плыло. Удар головой был очень силен, накатывала дурнота.

Огненная стена начала угасать, но Саймон все еще лежал на полу без движения. Валентин бросил на него быстрый взгляд и приказал Джейсу:

— Ты еще можешь исправить то, что натворил. Убей это исчадие!

— Нет, — прошептал Джейс.

— У тебя в руке оружие. Вонзи его твари в грудь. Вот и все — одно простое движение.

Джейс спокойно встретил взгляд отца:

— Я видел Аграмона. Он встретил меня в твоём обличье.

— Ты видел Аграмона? — переспросил Валентин, шагнув навстречу сыну. — И выжил?

— Я его убил.

— Ты убил Демона Страх, но не хочешь убить единственного вампира, даже по моему приказу?

Джейс смотрел на отца без всякого выражения:

— Да, он вампир. Только у него есть имя. Его зовут Саймон.

Валентин встал перед Джейсом, Мэллертах пылал в его руке черным огнем. Клэри с ужасом подумала, что отец сейчас заколет Джейса — и тот даже не будет сопротивляться.

— Так, значит, ты не передумал? — спросил Валентин. — Значит, это было твоё последнее слово и ты не жалеешь, что послушался меня?

Очень медленно Джейс покачал головой. В одной руке он по-прежнему сжимал стальной прут, а второй украдкой вытаскивал что-то из-за пояса, внимательно глядя в глаза отцу. Клэри надеялась, что Валентин ничего не заметил.

— О, я очень жалею, что послушался тебя, отец.

У Клэри упало сердце. Неужели он сдаётся? Неужели думает, что так сможет спасти их с Саймоном? Валентин просветлел:

— Джонатан...

— Я очень жалею — и готов послушаться снова. Прямо сейчас.

И он молниеносным движением что-то бросил в сторону Клэри.

Мамино стило.

— Стило? — усмехнулся Валентин. — Это шутка? Или ты наконец...

Конец фразы Клэри уже не услышала. Она рывком приподнялась, вскрикнув от боли, сморгнула выступившие слезы и дрожащей рукой схватила стило. Как только пальцы сомкнулись на нём, Клэри услышала мамин голос, так четко и ясно, будто мама была совсем рядом. Ты знаешь, что делать.

Лихорадочно стиснув стило, Клэри села. Боль волной хлынула от головы по позвоночнику. Клэри не стала обращать на нее внимания. Нефилим должен привыкать к боли. Откуда-то издалека Клэри слышала голос Валентина, его приближающиеся шаги. И тогда она метнулась к переборке и стала чертить руны — так яростно, что металл зашипел под кончиком жезла.

Окружающий мир отступил и померк, как всегда происходило, стоило Клэри начать рисовать. Остались лишь она сама, стило и железная стена. Клэри вспомнила, как чертила открывающую руны на решетке камеры, в которой держали Джейса, и шептала: «Открывайся, открывайся, открывайся!» Ей удалось открыть дверь и разбить окопы Джейса. Тогда она не вкладывала в руны даже десятой, сотой доли того гнева, ярости и любви, которые вкладывала сейчас. Руки обжигала боль, но Клэри с криком продолжала выводить на стене черные обугленные линии. Открывайся!

Через стило выплескивалось все отчаяние, разочарование и злость. Открывайся! Вся любовь, вся радость от того, что Саймон жив, все надежда на лучший исход. Открывайся!

Наконец ее рука поникла. Руна была закончена. Пару секунд Джейс, Валентин и даже Саймон в полном молчании смотрели на пылающий на железной переборке знак. Потом Саймон спросил, обращаясь к Джейсу:

— Что это значит?

Ему ответил Валентин. Он не сводил глаз со стены, и на лице у него отразилась смесь ужаса и радости победителя, восторга и отчаяния.

— Это значит «мене, мене, текел, упарсин». [5]

— Вовсе нет! — возразила Клэри, с трудом поднимаясь на ноги. — Это значит «открывайся».

Валентин посмотрел на нее:

— Клэри...

Его слова потонули в скрежете металла. Переборка, состоявшая из стальных листов, смялась, из нее вылетели заклепки, державшие листы вместе, и внутрь хлынули струи воды. Крик Валентина едва слышался за оглушительным грохотом — корабль разваливался на части. Все гвозди, болты и клепки, державшие детали вместе, начали вырваться на свободу из гнезд и пазов.

Клэри рванулась к Джейсу и Саймону, но поток ледяной воды сбил ее с ног и потащил к пробоине. Отчаянный голос Джейса перекрыл даже скрежет рушащегося корабля. Клэри успела лишь крикнуть ему в ответ, а потом вода затянула ее в зазубренную дыру в переборке и вышвырнула в реку.

Охваченная ужасом, Клэри барахталась в черных глубинах реки. Вокруг были кромешная тьма и тонны воды, выжимающей воздух из легких. Девушка уже не понимала, где верх, где низ, и куда нужно плыть. Она вдохнула грязной воды, грудь обожгла боль, и перед глазами вспыхнули звезды. Шум воды в ушах сменился прекрасным сладостным пением. Клэри поняла, что умирает. Ее подхватили чьи-то бледные руки. Клэри увидела струящиеся длинные волосы и

подумала, что это мама пришла за ней, но лица разглядеть не успела, потому что сомкнулась тьма...

Сначала она услышала голоса, а потом в лицо ударил свет. Клэри лежала на спине в кузове пикапа под черно-серым небом. Пахло рекой, дымом и кровью. Из темноты, как воздушные шарики, на нее выплыли два белых лица. Клэри моргнула и попыталась сфокусировать взгляд.

Люк. И Саймон. Оба смотрят на нее с тревогой и беспокойством. На секунду ей показалось, что Люк посидел за одну ночь, но потом Клэри сообразила, что волосы у него просто засыпаны пеплом. Пепел носился в воздухе и горечью ощущался на языке. И Люка и Саймона с ног до головы покрывали пятна сажи.

Клэри закашлялась.

— Где Джейс?

Саймон не ответил и почему-то покосился на Люка. У Клэри упало сердце.

— Где он?! С ним все нормально? — Она резко села, не обращая внимания на накатившую головную боль. — Где он?! Говорите!

— Я здесь. — Джейс появился откуда-то сбоку и сел с ней рядом. — Прости. Не стоило отходить ни на шаг. Я просто...

Вдруг у него сорвался голос, и Джейс замолчал. За него закончил Люк:

— Он думал, что ты тоже погибла.

Лицо Джейса скрывала тень; волосы серебрились в свете звезд, руки покрывали черные и серые разводы. Люк выпрямился и стал смотреть вдаль — на что-то, чего Клэри не видела. Она видела лишь сполохи и вихри черного дыма в небе, как будто в нем пылал пожар.

— Тоже? Кто еще?

Голова разламывалась, к горлу подкатывала тошнота.

Джейс вытащил стило:

— Посиди спокойно.

Руку обожгла исцеляющая руна, и в голове тут же стало проясняться. Клэри огляделась и поняла, что сидит на мокрой доске в кузове пикапа, на дне которого плещется грязная вода. С неба мелким черным снегом сыпался пепел. «Иратце» сняла боль и вдохнула новые силы. Прежде чем выпустить руку Клэри, Джейс нежно провел пальцами по черной виньетке. Пальцы у него были мокрыми и холодными, с волос капала вода, насквозь вымокшая одежда прилипла к телу.

Во рту Клэри стоял такой едкий вкус, словно она облизала пепельницу.

— Что случилось? Пожар?

Джейс покосился на Люка, мрачно взиравшего на черно-серые воды реки. Тут и там виднелись лодки, но огромный корабль исчез.

— Да, — промолвил Люк. — Корабль Валентина выгорел до самой ватерлинии.

— А где остальные? — Клэри посмотрела на Саймона и только сейчас сообразила, что он единственный, кто остался сухим. Вид у него был слегка зеленоватый, как после долгой болезни. — Где Изабель и Алек?

— Они живы. Их забрали другие лодки.

— А Магнус? — Клэри заглянула в кабину, но никого там не увидела.

— Магнус лечит тяжелораненых.

— С ними все хорошо? Они целы? Алек, Изабель, Майя? — Собственный голос звучал в ушах сдавленным писком.

— Изабель ранена, — ответил Люк. — Роберт Лайтвуд тоже, довольно серьезно, он теперь не скоро поправится. Многие другие Охотники погибли, в том числе Имоджен и Малик. Битва была тяжелой и завершилась не лучшим образом. Валентин исчез, а вместе с ним и Меч. Конклав понес серьезные потери. Не знаю... — Он осекся и продолжать не стал.

Что-то в его тоне испугало Клэри.

— Я не хотела, — сказала она. — Это я во всем виновата. Если бы я не...

— Если бы ты не сделала то, что сделала, — с горячностью перебил ее Джейс, — Валентин не оставил бы в живых никого. Только ты предотвратила наше полное поражение.

— Нарисовав руну? — спросила Клэри.

— Уничтожив корабль, — сказал Люк. — Твоя руна разъединила все, что в нем должно было держаться вместе. Вылетели все клепки, все винты, все крепления. Громадный корабль в один миг рассыпался на детали. И топливные цистерны тоже. Большинство людей едва успели выпрыгнуть за борт, когда вспыхнул пожар. То, что сделала ты, прежде не делал никто.

— Ой... — пискнула Клэри. — Кто-нибудь пострадал?

— Часть демонов утонула, — сказал Джейс. — Из нефилимов не пострадал никто.

— Потому что они хорошо плавают?

— Потому что их спасли русалки — вытащили всех из воды.

Клэри вспомнила чарующее пение и руки, подхватившие ее. Значит, это была все-таки не мама.

— Русалки? Водяные феи?

— Королева Летнего двора все же решила вмешаться, — пояснил Джейс. — Она ведь обещала оказать посильную помощь.

— Но откуда она...

Вопрос замер у Клэри на языке, потому что она уже сама догадалась, как королева узнала, что им нужна помощь, — перед боем Джейс бросил в реку клочок белой бумаги.

— Лодки нефилимов идут к берегу, — сообщил Саймон. — Похоже, всех подобрали.

— Ну пора и нам, — произнес Люк, расправив плечи, и направился к кабине.

Клэри заметила, что он слегка прихрамывает, но в остальном вроде цел и невредим. Люк завел мотор, и пикап заскользил по воде, рассыпая брызги из-под колес, серебристые в предрассветных сумерках.

— Невероятно... — сказал Саймон. — Постоянно жду, что машина вот-вот потонет.

— После всего, что случилось, ты по-прежнему считаешь водоплавающий пикап чем-то невероятным? — В голосе Джейса не было ни сарказма, ни раздражения, только безграничная усталость.

— Что теперь будет с Лайтвудами? — спросила Клэри. — Что с ними сделает Конклав?

Джейс пожал плечами:

— Пути Конклава неисповедимы. Я не знаю, что теперь будет. Могу только сказать, что тобой они точно заинтересуются... и тем, что ты способна сделать.

Саймон фыркнул. Сначала Клэри подумала, что он выражает свое несогласие, но, обернувшись, увидела, что он совсем позеленел.

— Саймон? Ты себя нормально чувствуешь?

— Не очень. Вампиры не переносят проточной воды. Такая вода чиста, а мы — нечистые создания.

— Я бы не рискнула назвать Ист-Ривер чистой. — Клэри погладила друга по руке, получив в награду слабую улыбку. — А ты не упал в воду, когда корабль развалился?

— Нет. На поверхности плавал кусок обшивки, Джейс закинул меня на него.

Клэри посмотрела через плечо на Джейса. Тьма уже отступала, и его лицо было хорошо видно.

– Спасибо. Как думаешь...

– Что? – Джейс вскинул брови.

– Как думаешь, Валентин мог утонуть?

– Очень опрометчиво считать злодея мертвым, если не видели труп собственными глазами, – изрек Саймон. – Это ведет к жестоким разочарованиям и неприятным сюрпризам.

– Ты прав, – кивнул Джейс. – Вряд ли он погиб. Мы бы уже нашли Орудия смерти.

– Разве Конклав не может продолжать существование без них? – спросила Клэри. – Вне зависимости от того, жив ли Валентин?

– Конклав всегда будет продолжать существование. Это единственное, что он умеет делать... – Джейс посмотрел на восток: – Солнце встает.

Саймон окаменел. Клэри даже не сразу поняла, отчего, но потом осознание накрыло ее ужасом. На восточной стороне горизонта разрасталось кроваво-красное пятно. Первые лучи солнца окрасили воду в фантастические оттенки зеленого, алого и золотого.

– Нет! – прошептала Клэри.

Джейс удивленно посмотрел на нее, на Саймона, замершего, как мышь перед котом, – и все понял. Он вскочил на ноги, подбежал к кабине и что-то сказал Люку. Тот резко обернулся и покачал головой. Пикап рванул вперед – видимо, Люк утопил педаль газа. Клэри схватилась за борт кузова, пытаясь удержать равновесие. Джейс кричал Люку, что надо любым способом заставить колымагу ехать быстрее, но Клэри понимала, что рассвет им уже не обогнать.

– Должен же быть какой-то выход! – воскликнула она, не веря, что за какие-то пять минут бездна радости может смениться бездной отчаяния. – Если мы попробуем закрыть тебя одеждой...

– Ничего не выйдет. – Саймон не сводил глаз с золотого диска, выползающего из-за горизонта. – Никакие тряпки не помогут. Рафаэль объяснял, укрыться можно только за стенами.

– Нет! Должен быть выход!

– Клэри, – перебил ее Саймон и протянул руки. – Иди сюда.

Глаза у него стали огромными и совсем темными. Клэри упала ему на грудь, отчаянно пытаясь собой заслонить его от неумолимого солнца, зная, что это бесполезно. Как только солнечные лучи коснутся Саймона, он рассыплется пеплом.

Какое-то время они сидели без движения, крепко обнявшись. Клэри чувствовала, как вздымается и опускается его грудь. Дыхание осталось просто привычкой – вампиры не испытывали в нем необходимости.

– Не умирай! Я тебя не отпущу!

– Боюсь, у тебя нет выбора, – сказал Саймон, и Клэри почувствовала, что он улыбается. – А я-то думал, что больше никогда не увижу солнца. Надо же, ошибался...

Джейс что-то крикнул. Клэри подняла глаза. По небу расплывались розовые пятна, словно в чистую воду плеснули краской.

– Я люблю тебя, – промолвил Саймон. – Я никого, кроме тебя, не любил.

Нежно-розовое небо озарили золотые лучи, как прожилки в благородном мраморе. Река вокруг заблестела под солнцем. Саймон, откинув голову, посмотрел прямо на сияющий шар, и в его глазах отразилось жидкое золото, как будто он сам уже начал плавиться.

– Саймон! – закричала Клэри, вцепившись в его плечи.

Джейс схватил ее и потянул назад. Девушка пыталась вырваться, но он держал крепко и что-то настойчиво повторял, снова и снова, пока она не опомнилась и не начала понимать его слова.

– Клэри, посмотри, посмотри!

– Нет! – Она закрыла лицо руками, чувствуя на них солоноватый вкус воды, так похожий на вкус слез. – Я не хочу! Я не могу!

– Клэри! – Джейс силой отнял ее ладони от лица, и в глаза ей ударил яркий свет. – Посмотри!

Она наконец послушалась, и воздух со свистом вырвался из легких. Саймон сидел на самом солнце и с изумлением рассматривал свои руки. Волосы у него золотились в утренних лучах, а на воде плясали яркие блики. Саймон вовсе не рассыпался пеплом – солнце ласково гладило его кожу, не оставляя на ней ни пятнышка.

Вещей оказалось даже меньше, чем Джейс предполагал. Он прожил в Институте целых семь лет жизни, а уносил полрюкзака одежды, небольшую стопку книг и кое-какое оружие. За окном темнело, тусклый алый свет падал на нехитрые пожитки, сложенные на кровати.

Сначала Джейс раздумывал, забирать ли с собой то немногое, что осталось от его прошлой жизни в Идрисе. Магнус вернул ему отцовское кольцо, вот только Джейсу больше не хотелось его носить. В конце концов он повесил кольцо на шею на цепочке, а вещи решил забрать. Незачем оставлять память о себе в Институте.

Когда он уже заканчивал паковать рюкзак, в дверь постучали. Джейс ожидал увидеть Изабель или Алека, но на пороге стояла Мариза в строгом черном платье. Она как будто резко постарела, в углах рта залегли глубокие

морщины. Голубые глаза остались единственным пятном цвета на лице, лишившемся всех красок.

– Я могу войти?

– Вы можете делать все что угодно, – ответил Джейс, возвращаясь к рюкзаку. – Это ваш дом.

Он начал утрамбовывать одежду в рюкзаке с несколько большим усилием, чем для этого требовалось.

– Институт принадлежит Конклаву, – уточнила Мариза. – Мы тут просто хранители.

– Без разницы.

– Что ты делаешь?

Если бы Джейс не знал Маризу, он решил бы, что у нее дрожит голос.

– Собираю вещи. Как все перед отъездом.

Мариза побледнела:

– Не уходи. Если хочешь остаться...

– Не хочу. Мне здесь не место.

– Куда ты пойдешь?

– К Люку, – заявил Джейс, глядя, как она меняется в лице. – Немного поживу у него, а потом решу. Возможно, отправлюсь в Идрис.

– Ты считаешь, что тебе место именно там? – с горечью спросила Мариза.

Джейс замер, глядя на рюкзак:

– Я понятия не имею, где мне место.

– Рядом с семьей, – произнесла Мариза и шагнула к нему. – С нами.

– Вы меня вышвырнули, – резко сказал Джейс и, спохватившись, попытался смягчить тон. – Мне очень жаль, что все произошло именно так. Но если я не был нужен вам раньше, зачем я вам сейчас? Роберт нездоров, за ним надо ухаживать. Я буду только обузой.

– Обузой?! – переспросила Мариза. – Роберт хочет тебя видеть, Джейс.

– Сомневаюсь.

– А как же Алек? Изабель, Макс? Ты не веришь в то, что нужен мне, и я не вправе тебя за это винить. Но в них-то можешь не сомневаться! Мы многое пережили, Джейс. Не делай им больно.

— Это нечестно.

— Ты вправе меня ненавидеть, — сказала Мариза. Джейс с изумлением понял, что голос у нее действительно дрожит. — Но все, что я делала, я делала, чтобы защитить тебя. Даже когда выгоняла из дома. Потому что хотела защитить, а еще потому, что боялась.

— Боялись меня?

Мариза кивнула.

— Знаете, это для меня большое утешение, — съязвил Джейс.

Мариза глубоко вздохнула:

— Я боялась, что ты разобьешь мне сердце так же, как Валентин. После него ты был первым неродным человеком, которого я полюбила. Первым живым существом. Совсем ребенком...

— Вы принимали меня за другого.

— Нет. Неважно, чей ты сын. Я полюбила именно тебя, в тот самый момент, когда ты спустился с корабля из Идриса. Ты вошел в мое сердце наравне с моими детьми. Ты пока не можешь этого понять. Нет ничего сильнее любви к своему ребенку. И никто другой не может разозлить сильнее.

Джейс помедлил.

— Ну, злость-то я как раз прочувствовал.

— Я не надеюсь на прощение, — сказала Мариза. — Но прошу тебя остаться ради Алека, Изабель и Макса. Я буду бесконечно благодарна...

Этого говорить не следовало.

— Не нужна мне ваша благодарность, — отрезал Джейс и застегнул молнию на рюкзаке.

— *A la claire fontaine m'en allent promener*, [6] — произнесла Мариза.

— Что?

— *Il y a longtemps que je t'aime. Jamais je ne t'oublierai.* [7] Старая французская песня, я пела ее Изабель и Алеку. Помнишь, ты спрашивал?

Солнце совсем село, и в полумраке Джейсу показалось, что Мариза все такая же, как семь лет назад. Она смотрела на него с болью, тревогой — и надеждой. Она была его единственной матерью.

— Не думай, что я никогда не пела эту песню тебе. Просто ты меня не слышал.

Джейс ничего не сказал. Он расстегнул молнию, перевернул рюкзак и вывалил все свои вещи обратно на кровать.

Эпилог

Мама Саймона открыла дверь и расцвела в улыбке:

— Клэри! Давно тебя не видела! Уже начала волноваться, не поссорились ли вы.

— Нет-нет, я просто немного приболела.

Да, как показала практика, исцеляющие руны не дают неуязвимости. После битвы Клэри проснулась с дикой головной болью и температурой. Сначала она подумала, что простудилась — еще бы, кто не простудится, окунувшись в холодную осеннюю реку и побегав полночи на ледяном ветру! Но Магнус развеял ее заблуждения, заявив, что она слишком сильно выложилась, рисуя руну, которая уничтожила корабль Валентина.

Мама Саймона прищелкнула языком и сказала с сочувствием:

— Наверняка тот же вирус, который подхватил Саймон на прошлой неделе. Бедняга почти не вставал с постели.

— Но сейчас ему лучше? — спросила Клэри.

Вообще-то, она это знала, но была не против услышать еще раз.

— Да, он поправился, сейчас гуляет в саду. Пройди через калитку, он тебе очень обрадуется.

Красный домик окружала красивая кованая изгородь, выкрашенная в белый цвет. Калитка вела в крошечный садик. Несмотря на яркое солнце и чистое голубое небо, день выдался холодным, в воздухе чувствовался запах снега.

Прикрыв за собой калитку, Клэри пошла искать Саймона. Он полулежал в пластиковом шезлонге с открытой книгой комиксов на коленях. При виде Клэри он тут же выпрямился и широко улыбнулся:

— Привет, малышка.

— Малышка? — переспросила Клэри, усаживаясь рядом. — Это шутка такая?

— Да так, хотел посмотреть — вдруг тебе понравится?

— Не понравилось, — твердо сказала Клэри и поцеловала его в губы.

Отстранившись, она заметила, что Саймон погружен в какие-то невеселые мысли.

— Я рад, что ты пришла.

— Я тоже. Пришла бы раньше, но...

— Знаю, ты болела.

Клэри целую неделю валялась под одеялом, переписываясь по телефону с Саймоном и убивая время просмотром старых сезонов «С.S.L.: Место преступления». Приятно погрузиться в мир, где каждой загадке находится научное объяснение.

— Мне уже лучше, — сказала она и поежилась, кутаясь в белую кофту. — Кстати, зачем ты разлегся в саду? Не замерз?

Саймон покачал головой:

— Я больше не ощущаю ни жары, ни холода. Кроме ХОГоб — он улыбнулся, — я стараюсь как можно больше бывать на солнце. Хотя днем еще сильно клонит в сон.

Клэри погладила его по щеке. Солнце немного согрело кожу, но она все равно оставалась прохладной.

— А в остальном... как прежде?

— Ты спрашиваешь, остался ли я вампиром? Похоже на то. Я пью кровь, и у меня не бьется сердце. Мне теперь нельзя показываться на глаза врачам, однако вампиры и не болеют...

— Ас Рафаэлем ты говорил? Он по-прежнему не понимает, почему вдруг солнце стало для тебя безвредным?

— Не понимает. И страшно злится. Считает, что это противоречит всем законам вампирского бытия. Кроме того, ему не заставить меня блуждать темными ночами с остальным кланом, потому что я намерен блуждать белым днем.

— Надо же, я думала, он обрадуется.

— Вампиры не любят перемен и очень уважают традиции, — сказал Саймон с улыбкой.

Клэри смотрела на него и с тоской думала, что он теперь навсегда останется таким. Когда ей самой стукнет пятьдесят, он по-прежнему будет выглядеть как шестнадцатилетний подросток.

— Кстати, все это пойдет на пользу моей музыкальной карьере, — продолжал Саймон. — Если верить Энн Райс, из вампиров получают крутые рок-звезды.

— Вряд ли она — надежный источник информации.

Саймон снова откинулся на спинку шезлонга:

— А кого я могу считать надежным источником информации? Ну, кроме тебя, разумеется.

— Ах вот как! — воскликнула Клэри в притворном возмущении. — Значит, я для тебя — надежный источник информации? Очень романтично!

Саймон вдруг помрачнел:

— Клэри..

— Что? — сразу встревожилась Клэри. — Таким голосом ты обычно сообщаешь ужасные новости.

Она взяла его за руку, но Саймон отвел взгляд:

— Я не знаю, плохая это новость или хорошая.

— Да уж одно из двух! Говори, у тебя что-то случилось?

— Со мной все в порядке. Просто я думаю, что нам не стоит продолжать встречаться.

Клэри чуть не вывалилась из шезлонга.

— Ты больше не хочешь со мной дружить? — Не дав ему вставить слово, она быстро заговорила, не замечая, что голос становится выше и выше. — Из-за демонов? Или потому что из-за меня ты стал вампиром? Я знаю, жизнь превратилась в какой-то сумасшедший дом! Но я сделаю все, чтобы тебя это больше никогда и никак не коснулось! У меня получится! Я могу... Саймон поморщился:

— Слушай, ты пишишь, как дельфин!

Клэри умолкла.

— Я по-прежнему хочу быть твоим другом. А вот насчет всего остального не уверен.

— Всего остального? — переспросила Клэри.

Саймон залился краской. Клэри не знала, что вампиры могут краснеть. Румянец на молочно-белых щеках выглядел очень странно.

— Насчет попыток перейти в статус твоего парня.

Клэри помолчала, подбирая слова, и наконец выпалила:

— Классная формулировка. А я уж боялась, скажешь «насчет поцелуев».

Саймон посмотрел на их сомкнутые ладони. Пальцы Клэри рядом с его собственными выглядели очень маленькими, и теперь ее кожа была темнее, чем у него. Саймон рассеянно провел большим пальцем по ладони Клэри и произнес:

— Так бы я никогда не сказал.

— Я думала, ты сам хотел попытаться. Ты же говорил...

Саймон посмотрел на нее из-под темных ресниц:

— Я говорил, что люблю тебя. Ничего не изменилось. Однако это лишь часть общей картины.

— Есть еще Майя, да? Она ведь тебе нравится?

Клэри начала бить дрожь, и вовсе не от осеннего холода.

— Нет. В смысле, да, нравится, но не так, как ты думаешь. Мне просто хорошо с ней рядом, потому что она такая же, как я. С тобой все иначе.

— Ты ведь ее не любишь?

— Может, когда-нибудь полжбю.

— Может, когда-нибудь я полжбю тебя!

— Если вдруг это произойдет, — сказал Саймон, — обязательно сообщи. Где меня найти, ты знаешь.

Клэри задрожала еще сильнее:

— Я не могу потерять тебя, Саймон! Не могу!

— Ты никогда меня не потеряешь. Я никуда не денусь. Просто будет лучше, если ты честно станешь считать меня другом, а не пытаться изобразить, что в меня влюблена. Я хочу, чтобы со мной рядом была настоящая Клэри.

Клэри прижалась лбом к его виску и закрыла глаза. Несмотря на все, что произошло, он остался все тем же Саймоном, и пахло от него все тем же мылом.

— Я сама не знаю, кто такая настоящая Клэри.

— Зато знаю я.

Когда Клэри вышла от Саймона, новенький пикап Люка ждал ее у обочины.

— Зачем ты за мной приехал? Ты и так подбросил меня сюда, — сказала она, влезая в кабину.

Купить абсолютно такую же машину взамен утраченной было очень в духе Люка.

— Уж прости чокнутого родителя, — отозвался он, протягивая пластиковый стаканчик с кофе. — Я последнее время слегка нервничаю, если ты покидаешь поле зрения.

— Серьезно? И сколько, по твоим прогнозам, это будет продолжаться? — поинтересовалась Клэри.

На разбитой дороге стаканчик пришлось держать крепко, чтобы не расплескаться. Клэри отхлебнула горячего кофе. Без молока, много сахара — все, как ей нравилось.

— Недолго, — заверил ее Льюк. — Лет пять, максимум шесть.

— Льюк!

— А лет в тридцать разрешу тебе бегать на свидания.

— Договорились. Может, к тридцати годам я как раз буду морально готова.

Льюк покосился на нее с тревогой:

— Поругалась с Саймоном?

— Лучше не спрашивай.

— Ясно, — понимающе сказал Льюк. — Довезти тебя до дома?

— Если ты в больницу, то я с тобой.

Конечно, Льюк направлялся в больницу. Клэри сразу поняла это, как только он начал шутить, чтобы скрыть нервное напряжение.

Они ехали через мост, и Клэри задумчиво смотрела на реку, грея ладони о стаканчик с кофе. Она бесконечно могла любоваться этим видом — узкой лентой реки меж отвесными стенами Манхэттена и Бруклина. Вода сверкала на солнце, как алюминиевая фольга. Клэри удивилась тому, что до сих пор ни разу не пробовала все это нарисовать. Она вспомнила, как однажды спросила маму, почему та никогда не рисовала ее. Джослин сидела на полу, и с ее кисти на джинсы капал синий кобальт. «Нарисовать что-то — значит оставить это навеки неизменным, — ответила тогда мама. — Когда по-настоящему любишь, не будешь сопротивляться переменам. Им всегда должно оставаться место».

Вот только я ненавижу перемены, подумала Клэри и глубоко вздохнула, набираясь смелости.

— Льюк, Валентин сказал мне одну вещь... тогда, на корабле. Про то, что...

— За словами «Валентин сказал» не может последовать ничего хорошего, — пробормотал Льюк.

— Может быть. Но это касалось тебя и мамы. Валентин сказал, что ты ее любишь.

Воцарилось молчание. Машина встала в пробке. Мимо прогромыхал поезд. Наконец Льюк произнес:

— Ты считаешь, что так и есть?

— Ну, не знаю.. — Клэри чувствовала повисшее в воздухе напряжение и постаралась тщательно подобрать слова. — Вообще-то Валентин упоминал об этом и раньше, но я полагала, что это все от злости и ненависти, и пропустила его слова мимо ушей. А в этот раз все-таки задумалась. Ведь на самом деле же непонятно, почему ты всегда находился рядом, почему стал мне настоящим отцом. Летом мы приезжали жить в твой загородный дом. Ни ты, ни мама больше ни с кем не встречались. Может, вы все это время были вместе и просто тайлись? Может, боялись, что я слишком маленькая и не пойму или начну задавать вопросы об отце? Но теперь-то я не маленькая, и мне можно все рассказать.

Снова повисла тишина. Пикап медленно полз в плотном потоке машин. Льюк барабанил пальцами по рулю, щурясь на солнце.

— Ты права, — признался он наконец. — Я люблю твою маму..

— Так это же здорово! — воскликнула Клэри, стараясь поддержать его, хотя у нее в голове не укладывалось, как люди в таком возрасте могут в кого-то влюбляться.

— ...только она про это не знает, — закончил Льюк.

— Не знает?! — переспросила Клэри, всплеснув руками. К счастью, кофе она успела выпить. — Как не знает? Ты ей не сказал?

— Ну, в общем, нет, — ответил Льюк, утопив педаль газа. Машину тряхнуло.

— Почему?

Льюк вздохнул и поскреб колючий подбородок:

— Не представилось подходящего случая.

— Это очень неубедительная причина!

Льюк хмыкнул:

— Пожалуй, но это правда. Я понял, что влюблен в Джослин, когда мне было столько же, сколько сейчас тебе, — шестнадцать. Как раз тогда мы сдружились с Валентином. С ним я соперничать не мог. Я даже в какой-то мере обрадовался тому, что она выбрала Валентина. Думал, что если она будет не со мной, то, по крайней мере, с кем-то, кто ее достоин. Когда я понял, как ошибался, было уже поздно. Когда мы вместе бежали из Идриса, она носила под сердцем тебя. Я предложил ей выйти за меня замуж, обещал заботиться о ней. Сказал, что мне не важно, кто отец ребенка, я буду воспитывать его как родного. Джослин решила, что я предлагаю это из жалости. Я не мог убедить ее, что мной движут совершенно эгоистические соображения. Она отказалась быть обузой и в Париже покинула меня, а я вернулся в Идрис. Однако покоя я не нашел, потому что потерял часть себя. Этой частью была Джослин. Мне снилось в кошмарах, что она в беде и зовет меня... В конце концов я отправился ее искать.

— Я помню, как она обрадовалась, когда ты нас нашел, — пискнула Клэри.

— И да, и нет. Я напоминал ей обо всем, от чего она бежала и о чем хотела забыть. Она позволила мне остаться, взяв с меня обещание, что я порву связи со стаей, с Конклавом, со всем, что осталось в Идрисе. Я хотел бы жить вместе с вами, но Джослин боялась, что превращения в волка будет невозможно от тебя скрыть. Поэтому я купил книжный магазин, взял другое имя и сделал вид, что Люциан Греймарк умер. В какой-то степени так и было.

— Ты и в самом деле очень многим пожертвовал ради мамы. Ты отказался от всей своей жизни!

— Я мог бы сделать гораздо больше, — сухо сказал Люк. — Но Джослин хотела во что бы то ни стало держаться как можно дальше от Конклава и нежити. Что бы я ни делал, я все равно остаюсь оборотнем, живым напоминанием о былом. Кроме того, Джослин категорически не хотела, чтобы ты узнала о своем происхождении. Я не одобрял регулярных походов к Магнусу, когда тебе стирали память, но она настаивала. И прогнала бы меня, если бы я попытался вмешаться. И конечно же она никогда не согласилась бы выйти за меня замуж — если бы ты узнала, что я оборотень, рухнули бы те хрупкие стены, которые она столько лет возводила между собой и незримым миром. Я не мог с ней так поступить, поэтому молчал.

— И ты никогда-никогда не говорил ей о своих чувствах?

— Твоя мама — женщина неглупая, — сказал Люк спокойно, однако в его голосе слышалось некоторое напряжение. — Она наверняка понимает. Я предлагал ей выйти за меня замуж. Хотя она отказывала очень мягко, я четко сознал: она прекрасно знает о моих чувствах, но не разделяет их.

Клэри молчала.

— Ничего, — произнес Люк с деланой беззаботностью. — Я давно смирился.

Клэри чувствовала, что нервы ее натянуты до предела, и вовсе не из-за выпитого кофе. О том, как все это похоже на ее собственную жизнь, она старалась не думать.

— А ты сказал ей, что любишь, когда предлагал за тебя выйти? Что-то я сомневаюсь!

Люк не ответил.

— Тебе следовало открыть ей правду! И ты совсем не знаешь, что она на самом деле к тебе чувствует!

— Знаю, — отрезал Люк, давая понять, что разговор пора заканчивать.

Но Клэри сделала вид, что не услышала предостерегающие нотки:

— Помню, я однажды спросила ее, почему она ни с кем не встречается. Она ответила, что ее сердце уже занято. Тогда я решила, что она говорит про отца, но теперь я в этом совсем не уверена!

Люк искренне удивился:

— Правда? Она так сказала? — Он осекся и добавил: — Наверняка она имела в виду Валентина.

— Сомневаюсь... А тебе самому разве не надоело хранить молчание? Держать в тайне то, что чувствуешь?

До самого конца моста никто не вымолвил ни слова. Пикап выехал на Орчард-стрит и помчался мимо лавок и ресторанов, на вывесках которых красовались алые и золотые китайские иероглифы.

— Да, надоело, — наконец признался Люк. — Одно время я убеждал себя, что надо радоваться тому, что есть. Что возможность просто быть рядом с вами лучше, чем ничего. Но когда не можешь сказать правду тем, кого любишь больше всего на свете, рано или поздно теряешь способность говорить правду самому себе.

У Клэри зашумело в ушах. Она опустила глаза и обнаружила, что смяла стаканчик в бесформенный ком.

— Отвези меня в Институт. Пожалуйста.

Люк посмотрел на нее удивленно:

— Разве ты собиралась не в больницу?

— Приеду потом. Сейчас у меня есть одно срочное дело.

Солнечные лучи пронизывали воздух в соборе, и в них кружились мелкие пылинки. Клэри пробежала между скамьями, кинулась к лифту и забарабанила но кнопке вызова.

— Давай, давай, давай... — нетерпеливо шептала она.

Двери лифта распахнулись, и Клэри столкнулась нос к носу с Джейсом. Он вытарашил глаза от неожиданности:

— Клэри?!

— Ой... Привет. — Клэри перестала терзать кнопку и выпалила первое, что пришло в голову: — Ты постригся.

В самом деле, длинные блестящие пряди больше не лезли ему в глаза, а были очень ровно и аккуратно уложены. Так Джейс выглядел гораздо более цивилизованно и даже, пожалуй, постарше. Оделся он тоже очень опрятно — в джинсы и темно-синий свитер. На шее поблескивало что-то серебристое, спрятанное под воротник.

— Ах да, Мариза меня подстригла. — Джейс придержал дверь лифта. — Тебе нужно в Институт?

— Нет, я хотела поговорить с тобой.

— Да? — удивился Джейс и вышел из лифта. — Я собираюсь в «Таки» за едой. Никому сегодня не хочется готовить.

— Понятно, — сказала Клэри и тут же пожалела об этом. В конце концов, готовить или не готовить — личное дело Лайтвудов.

— Можем поговорить там, — предложил Джейс, пошел к двери и обернулся на полпути, почувствовав, что Клэри осталась на месте.

Он стоял меж двумя подсвечниками, кожу и волосы окутывало золотистое сияние свечей, и в этот момент Джейс был так похож на ангела, что у Клэри сжалось сердце.

— Ты идешь или нет? — поинтересовался он далеко не ангельским тоном.

— Да-да, иду, — спохватилась Клэри и поспешила за ним.

Стоял чудный нью-йоркский осенний день, на голубом небе не было ни облачка. Они перешли Первую авеню; вдоль улицы дул свежий прохладный ветер. По дороге к «Таки» Клэри старалась вести разговор на отвлеченные темы. Она спросила, как дела у Изабель, Макса и Алека. Джейс отчего-то помедлил с ответом.

— Прости! — воскликнула Клэри, проклиная собственную глупость. — Они, наверно, сейчас очень горьют. Столько их товарищей погибло...

— У нефилимов все по-другому, — сказал Джейс. — Мы воины. Мы смотрим на смерть иначе, чем вы...

— Чем вы, примитивные? — со вздохом закончила Клэри. — Ты ведь это хотел сказать?

— Ну да, — признался Джейс. — Иногда даже мне сложно понять, кто ты на самом деле.

Они подошли к дверям «Таки», развалюхи с просевшей крышей и пустыми окнами. Ифрит у входа смерил посетителей подозрительными красными глазками.

— Я — Клэри.

Джейс посмотрел на нее сверху вниз и рассеянным жестом отвел волосы с ее лица:

— Знаю.

Они выбрали столик в самом углу. В закускойной было почти пусто. Официантка-пикси по имени Кайли скучала у стойки, лениво помахивая нежно-голубыми крылышками. Одно время она встречалась с Джейсом. За соседним столиком два оборотня грызли сырые бараньи голяшки и увлеченно спорили о том, кто кого поборет: Дамблдор из «Гарри Поттера» или Магнус Бейн?

— Конечно же Дамблдор победит! У него есть «авада кедавра». Бац — и все!

Однако второй оборотень имел наготове железный аргумент:

— Дамблдор не победит, потому что его не существует.

— А Магнус Бейн, по-твоему, существует? — ухмыльнулся первый. — Ты его хоть раз видел?

— Слышишь, о чем они? — спросила Клэри, усаживаясь. — Так странно...

— Подслушивать некрасиво. — Джейс стал читать меню.

Клэри воспользовалась возможностью украдкой полюбоваться им. Однажды она сказала, что никогда не смотрит на него. Это правда — она никогда не позволяла себе смотреть на Джейса глазами художника. Было очень легко потерять нить разговора, увлекшись разглядыванием какой-нибудь детали — изгиба скулы, тени от ресниц, формы губ.

— Ты на меня уставилась, — констатировал Джейс, не отрываясь от меню. — Почему ты на меня уставилась? Что-то не так?

Подошедшая к столику Кайли избавила Клэри от необходимости отвечать. Клэри заметила, что вместо карандаша у официантки в руках серебристая березовая веточка. Пикси окинула Клэри любопытным взглядом голубых глаз, без белков и зрачков:

— Определились с выбором?

Растерявшись, Клэри ткнула в меню наугад. Джейс заказал картошку фри для себя и целый список блюд с собой, чтобы отнести остальному семейству. Кайли удалилась, оставив за собой аромат цветов.

— Пожалуйста, передай Алеку с Изабель, что мне очень жаль, что все так получилось, — сказала Клэри, едва Кайли ушла. — А Макс — что я готова пойти с ним за комиксами в «Запретную планету» в любой день.

— Только примитивные говорят «мне очень жаль» вместо «я разделяю вашу скорбь», — заметил Джейс. — Ты ни в чем не виновата, Клэри. — Глаза его вдруг сверкнули ненавистью. — Виноват Валентин.

— Как я понимаю, с тех пор он не...

— Не появлялся. Наверняка залег на дно и намерен без лишнего шума завершить обращение Меча. А потом...

— Что потом?

— Не знаю. Он псих. Психи непредсказуемы.

Однако в глаза Клэри Джейс при этом не смотрел, и было понятно, о чем он думает: будет война. Именно этого хочет Валентин. Войны с Сумеречными

охотниками. И он своего добьется. Вопрос только в том, где именно он нанесет первый удар.

— Ну ладно, ты ведь не об этом хотела со мной поговорить? — произнес Джейс.

— Не об этом.

Клэри никак не могла подобрать слова. Взгляд упал на отражение в серебристой салфетнице — белая кофта, белое лицо, лихорадочный румянец на щеках. Ей и правда казалось, что у нее жар.

— Я уже несколько дней собиралась поговорить с тобой.

— Надо же, ты почти меня одурачила, — бросил Джейс с неожиданной резкостью. — Я звонил тебе неоднократно, и Люк каждый раз говорил, что ты больна и подойти не можешь. Я подумал, что ты избегаешь меня. Опять.

— Это не так. — Стол между ними был довольно узким, но Клэри чувствовала, что Джейс от нее бесконечно далеко. — Я действительно хотела с тобой поговорить. Я думала о тебе все это время.

Удивленно хмыкнув, Джейс протянул ей руку через стол, и Клэри с облегчением сжала ее.

— Я тоже о тебе думал.

Прикосновение его ладони, такое теплое, такое успокаивающее, напомнило Клэри, как она обнимала Джейса в приюте Ренвика, а он раскачивался вперед-назад в глубоком отчаянии и сжимал в руках окровавленный осколок портала — все, что осталось от его прежней жизни.

— Я правда болела, честное слово! Я ведь чуть не умерла на корабле.

Джейс выпустил ее руку, но не сводил с лица Клэри пристального взгляда, будто хотел запомнить каждую черточку.

— Я знаю. Каждый раз, когда ты чуть не умираешь, я чуть не умираю сам.

От этих слов сердце Клэри затрепетало, как после ударной дозы кофе.

— Джейс, я пришла сказать тебе...

— Подожди, — перебил он. — Сначала я. Я хочу извиниться.

— За что?

— За то, что отказывался тебя слушать. — Он рассеянно запустил в волосы обе руки, и Клэри заметила у него на шее тонкую серебристую линию, маленький шрам, которого там раньше не было. — Ты пыталась объяснить мне, что я требую от тебя невозможного, но я продолжал и продолжал давить и совсем тебя не слушал. Я хотел быть с тобой и плевал на мнение окружающих. Даже на твое.

У Клэри внезапно пересохло во рту. Ответить она ничего не успела, потому что вновь появилась Кайли: принесла картошку фри и то, что заказала Клэри, — зеленый молочный коктейль, что-то вроде сырой котлеты и полную тарелку сверчков в шоколаде. Клэри не испытала по этому поводу никаких эмоций — внутри все сжалось в такой тугий узел, что было не до еды.

— Джейс, — заговорила она, едва официантка скрылась из виду. — Это уже неважно. Ты все делал правильно...

— Нет, дай мне закончить, — снова перебил Джейс, разглядывая свою картошку, будто в ней скрывались все тайны мироздания. — Я должен сказать это сейчас, иначе не скажу никогда. Я думал, что потерял свою семью. Не Валентина — Лайтвудов. Думал, что больше не нужен им. Думал, что у меня не осталось никого на свете, кроме тебя. Я был совершенно раздавлен и срывал злость на тебе. Мне очень жаль. Ты права.

— Нет! Это я вела себя глупо! Я поступала с тобой жестоко и...

— Ты имела на это полное право.

Джейс поднял на нее глаза, и что-то в его взгляде напомнило Клэри ее саму в далеком детстве. Года в четыре она рыдала на пляже над разрушенным замком из песка. Мама пыталась успокоить ее, предлагала построить для нее другой замок, но Клэри была безутешна — ведь то, что она считала вечным и неизблемым, легко разрушила вода и ветер.

— Ты права, — говорил Джейс. — Мы живем не в пустоте. Нас окружают люди, которые любят нас. Если мы дадим волю своим чувствам, им придется нелегко. Это эгоистично. Если поступим так — будем ничем не лучше Валентина.

Он произнес имя отца так, будто захлопнул дверь у Клэри перед носом.

— Теперь я просто твой брат. Ты ведь этого хотела?

Джейс посмотрел на нее с надеждой, явно ожидая, что она обрадуется. Клэри тянуло закричать, что он разбивает ей сердце на мелкие кусочки. В ушах стоял шум морских волн, а в глазах шипало, как от песка или соленых брызг. Она долго молчала, собираясь с силами, а когда наконец ответила, голос прозвучал еле слышно, будто издали:

— Да, Джейс. Я хотела именно этого.

Почти в прострации, Клэри поднималась по ступенькам к стеклянным дверям больницы «Вет-Израиль». Прийти сюда сейчас было самым правильным решением. Больше всего на свете ей хотелось разрыдаться у мамы на плече, даже если нельзя объяснить ей причину слез. И раз это невозможно, Клэри хотела хотя бы поплакать, сидя рядом с маминой койкой.

В «Таки» она держалась неплохо. Хватило сил обнять Джейса на прощание, и только в вагоне потекли слезы — обо всех: о Джейсе, о Саймоне, о Люке с мамой и даже о Валентине. Она рыдала так громко, что человек, сидевший

напротив, протянул ей бумажную салфетку, а она крикнула: «На что уставился, придурок?!», — потому что именно так принято в Нью-Йорке. После этого ей слегка полегчало.

На верхней площадке лестницы стояла какая-то женщина в длинном темном бархатном плаще с капюшоном, скрывающем лицо. На Манхэттене нечасто встретишь кого-то в подобном наряде. Клэри огляделась — похоже, никто вокруг странную незнакомку не замечал. Ясно, значит, чары.

— Слушайте, если вы ждете меня, то говорите, что вам нужно, — заявила она незнакомке. — Я сейчас не настроена играть в секреты.

Несколько прохожих удивленно воззрились на ненормальную девчонку, которая громко разговаривает сама с собой. Клэри еле удержалась, чтобы не показать им язык.

— Хорошо, — раздался смутно знакомый голос.

Женщина откинула капюшон, и по плечам водопадом хлынули серебряные волосы. Клэри сразу узнала ее — та самая Охотница, помешавшая Малику метнуть нож в колесо Люка. Черты лица у нее были острые, угловатые, слишком резкие, а глаза имели необыкновенно красивый ореховый оттенок.

— Меня зовут Мадлен. Мадлен Белльфлер.

— И что вам от меня нужно? — спросила Клэри.

Женщина помедлила с ответом.

— Я знала твою маму. Мы дружили в Идрисе.

— К ней нельзя, — отрезала Клэри. — Пока она не поправится, посещения разрешены только для членов семьи.

— Она не поправится.

Это прозвучало как пощечина.

— Что?! — переспросила Клэри.

— Прости, я не хотела тебя расстраивать. Просто я знаю, что именно случилось с Джослин, в обычной больнице ей ничем не помогут. Джослин сама вызвала это состояние, Кларисса.

— Нет. Вы ничего не понимаете! Это сделал Валентин!

— Она успела раньше, чем Валентин добрался до нее. Она погрузилась в сон, чтобы твой отец не смог вытянуть из нее никакой информации. Она все продумала и доверила секрет лишь одному человеку. И лишь один человек знает, как разбудить ее. Я.

— То есть вы... — прошептала Клэри.

— Да, — сказала Мадлен. — Я могу рассказать тебе, как разбудить маму.

Загляните одним глазком в третью часть трилогии Кассандры Клэр «Город стекла»

Портал

С прошлой недели погода переменилась. Внезапное похолодание прошло, и снова светило яркое солнце. Клэри спешила по пыльной дорожке к дому Люка, придерживая на голове капюшон, чтобы волосы не лезли в лицо. Несмотря на потепление, ветер с Ист-Ривер был по-прежнему холодным. Он нес слабый запах каких-то химикатов, асфальта, бензина и жженого сахара с заброшенной фабрики.

Саймон ждал ее на крыльце, сидя в кресле с торчащими пружинами. На коленях у него лежала карманная игровая консоль, и Саймон сосредоточенно тыкал в экран стилусом.

— Есть! — воскликнул он, когда Клэри поднялась по ступенькам, и пояснил:
— В «Гонках Марио» я просто чемпион!

Клэри сняла капюшон, отбросила с лица волосы и полезла в карман за ключами:

— А где тебя носило? Я пыталась дозвониться все утро.

Саймон поднялся с кресла, засовывая консоль в сумку:

— У Эрика, на репетиции.

Клэри перестала воевать с замком — ключ вечно застревал — и удивленно уставилась на Саймона:

— На репетиции? Ты что, до сих пор...

— Ну да, я до сих пор в группе. С чего бы мне там не быть? — Он подвинул Клэри в сторону. — Пусти, дай я.

Он со знанием дела нажал на дверь — не сильнее и не слабее, чем нужно, — и легко повернул ключ в капризном старом замке. Открывая дверь, Саймон слегка задел Клэри рукой. Кожа у него теперь стала прохладной, не теплее окружающего воздуха. Клэри поежилась. Они решили прекратить попытки построить романтические отношения всего неделю назад, и она до сих пор смущалась всякий раз, когда видела Саймона.

— Спасибо, — сказала она, не глядя на него, и забрала ключи.

В гостиной было жарко. Клэри повесила куртку на крючок и направилась в свою комнату. Саймон шел следом. Чемодан лежал на кровати раскрытым, как огромная раковина, а вокруг в беспорядке валялась одежда и блокноты для рисования.

— Я думал, ты пробудешь с Идрисе всего пару дней, — сказал Саймон, в замешательстве глядя на кучу вещей.

— Ну да, просто я не представляю, что брать с собой. У меня нет ни юбок, ни платьев. А вдруг в Идрисе женщинам нельзя ходить в брюках?

— Это еще почему? Ты отправляешься в другую страну, а не в другой век.

— Но Сумеречные охотники такие старомодные... А Изабель всегда ходит в платьях. — Клэри вздохнула. — Ладно, это все неважно. На самом деле я нервничаю по поводу маминого состояния, а волнения из-за гардероба — просто попытка переключиться на что-нибудь другое. Лучше расскажи, как у тебя дела. Как репетиция? Название группе придумали?

— Репетиция нормально, — отозвался Саймон, усевшись на стол. — Думаем сменить девиз. Что-нибудь такое, с иронией — вроде «Нас видели миллионы, и восемьдесят процентов из них поражены в самую пятку».

— А ты рассказал Эрику и остальным?

— Про то, что я вампир? Нет. Такую новость сложно вернуть в разговор.

— Они же твои друзья! Тебе стоило бы рассказать им. Они наверняка воспримут это с энтузиазмом. Станешь для них настоящим рок-идолом, прямо как вампир Лестер.

— Лестат, — поправил Саймон. — Вампир Лестат. И он вымышленный. И вообще, что-то я не заметил, чтобы ты спешила рассказать всем друзьям, что ты нефилим.

— Каким друзьям? — спросила Клэри, сев на кровать. — Ты мой друг. И я тебе рассказала.

— У тебя не было выбора. — Саймон рассматривал ее, склонив голову набок. Свет прикроватной лампы отражался в его глазах, делая их серебристыми. — Мне будет тебя не хватать.

— Мне тебя тоже, — сказала Клэри, хотя у нее уже мурашки бегали от нетерпения.

Она так волновалась в предвкушении этого путешествия, что совсем не могла сосредоточиться — ее сердце пело. Я отправляюсь в Идрис! Я увижу родину нефилимов и Город стекла! Я спасу маму!

И я буду рядом с Джейсом!

Глаза у Саймона вспыхнули, словно он прочел ее мысли, но голос его звучал спокойно:

— Напомни, а зачем тебе вообще нужно в Идрис? Разве Мадлен и Люк не справятся без тебя?

— Заклятие, которым воспользовалась мама, дал ей маг по имени Рагнор Фелл. Надо найти его и выяснить, как снять закливание. Но Рагнор Фелл не знает Мадлен и не захочет говорить с ней. Она надеется, что мне он поверит, потому что я очень похожа на маму. А Люк с нами не пойдет. Он сможет находиться в Идрисе, но ему запрещен вход в Аликанте без разрешения Конклава. Ему такого разрешения не дадут. Лучше даже не напоминай ему. Он очень не хочет отпускать меня одну. И не пустил бы, если бы не был знаком с Мадлен.

— Но ведь Лайтвуды тоже будут там. И Джейс. Они тебе помогут. В смысле, Джейс же обещал тебе помочь? Он не против того, чтобы ты отправилась в Идрис вместе с ними?

— Конечно, он поможет мне, — сказала Клэри и соврала: — Он совсем не против.

Клэри побежала в Институт сразу после той встречи с Мадлен. Джейсу она поведала о маминой тайне раньше всех, даже раньше Люка. Она рассказывала ему, как собирается спасти маму, а он стоял и смотрел на Клэри, становясь все бледнее и бледнее, как будто каждым словом она беспощадно выжимала из него кровь по капле.

— Ты никуда не поедешь, — заявил он, как только она умолкла. — Ты не поедешь в Идрис, даже если мне придется связать тебя и держать, пока ты не откажешься от этой бредовой идеи.

Для Клэри это стало настоящей пощечиной. Она-то думала, что Джейс обрадуется. Она бежала сломя голову всю дорогу от больницы до Института, спеша поделиться с ним этой новостью, а он теперь стоит в дверях и смотрит на нее мрачно, как смерть.

— Но ты же едешь!

— Да, вместе с Лайтвудами. Мы обязаны поехать. Конклав собирает всех Охотников, кто может покинуть свой пост, на всеобщий Совет в Идрисе. Там будет решаться, что теперь делать с Валентином, а поскольку мы последние, кто его видел...

Клэри не дослушала.

— Тогда почему я не могу поехать с тобой?

Прямота вопроса разозлила его еще больше.

— Потому что тебе опасно там находиться.

— А здесь, значит, безопасно?! За последний месяц я раз десять чуть не погибла, именно здесь, в Нью-Йорке!

— Это потому, что здесь были два Орудия смерти, которые интересовали Валентина, — процедил Джейс сквозь зубы. — Теперь он обратит взоры на Идрис, мы это точно знаем..

— Да, в этом мы уверены как ни в чем другом, — вмешалась Мариза, выходя на свет.

Все это время она стояла в тени бокового коридора, и ни Джейс, ни Клэри ее не заметили. Теперь яркие лампы осветили ее изможденное лицо. Муж Маризы, Роберт Лайтвуд, получил серьезный ожог ядом демона в битве на корабле Валентина и теперь нуждался в постоянном уходе.

— Конклав желает видеть Клариссу. Ты прекрасно знаешь об этом, Джейс.

— Конклав перетопчется!

— Джейс! — возмущенно воскликнула Мариза совсем «родительским» тоном. — Манеры!

— Я хочу сказать, — поправился Джейс, — что на этот раз Конклав вряд ли получит желаемое.

Мариза бросила на него многозначительный взгляд — они с Джейсом уже явно обсуждали этот вопрос и не пришли к согласию.

— Конклав может быть прав, Джейс. Вполне понятно, что они хотят поговорить с Клэри — после всего, что она пережила. Она может рассказать им..

— Я и сам могу рассказать им все, что они хотят знать, — отрезал Джейс.

Мариза вздохнула и обратила взгляд своих голубых глаз на Клэри:

— А ты сама хочешь ехать в Идрис, я правильно понимаю?

— Всего на несколько дней. Я не доставлю вам никаких неприятностей, честное слово, — умоляюще сказала Клэри, не обращая внимание на разъяренный взгляд Джейса.

— Дело не в этом. Согласна ли ты предстать перед Конклавом? Если нет, вполне возможно, что нам не разрешат взять тебя с собой.

— Нет, она не.. — начал Джейс.

— Я согласна, — быстро сказала Клэри.

Однако от одной мысли об этом у нее мороз шел по коже. Пока Клэри приходилось иметь дело только с одним представителем Конклава — Инквизитором, и эта женщина была не самой приятной собеседницей.

– Значит, решено, – сказала Мариза, массируя себе виски. Сейчас она напоминала перетянутую скрипичную струну, готовую в любой момент лопнуть.
– Джейс, проводи Клэри и приходи в библиотеку: мне надо поговорить с тобой.

И она растворилась в тенях, даже не попрощавшись. Клэри смотрела ей вслед, чувствуя себя так, будто ее окатили ледяной водой. Алек с Изабель явно очень любили мать, и Клэри не сомневалась, что Мариза в целом хороший человек, но приветливостью и гостеприимством она не отличалась.

Джейс сжал губы:

– Ну что, довольна?

– Мне надо попасть в Идрис! – воскликнула Клэри. – Даже если ты не можешь понять зачем! Это ради мамы!

– Мариза считает, что Конклав безупречен, непогрешим! Я не могу сказать ей, что это не так, потому что... – Он осекся.

– Потому что так сказал бы Валентин, – закончила за него Клэри.

Она ожидала взрыва, но взрыва не последовало.

– Никто не безупречен, – только и сказал Джейс, яростно ткнув пальцем в кнопку вызова лифта. – Даже Конклав.

Клэри скрестила руки на груди:

– Ты и в самом деле не хочешь брать меня в Идрис, потому что для меня это опасно? Именно по этой причине?

На лице Джейса промелькнуло удивление.

– В смысле? Какие еще могут быть причины?

– Ну... потому что... – Она сглотнула.

Потому что ты сказал, что больше не питаешь ко мне никаких романтических чувств, потому что я все еще влюблена в тебя – и ситуация складывается неловкая, и ты наверняка прекрасно об этом знаешь.

– Может, потому что не хочу, чтобы моя младшая сестра повсюду ходила за мной хвостом? – спросил Джейс с усмешкой.

Лифт приехал. Клэри открыла дверь, вошла в него и снова развернулась к Джейсу:

– Я не иду за тобой хвостом. Я должна попасть в Идрис, чтобы помочь маме. Нашей маме! Как ты не понимаешь? Если я этого не сделаю, она может вообще никогда не очнуться! Хотя бы притворись, что тебе не все равно!

Джейс положил руки ей на плечи; кончики его пальцев касались обнаженной шеи над воротником, и Клэри с бессильной тоской почувствовала, как по

коже побежали мурашки. Сама того не желая, она стала рассматривать тени, залегшие у Джейса под глазами, темные впадинки под скулами... На фоне черного свитера шрамы выделялись еще заметнее, а ресницы – еще темнее. Он весь был как контрастный набросок; она нарисовала бы его в черном, белом и сером цветах и еще добавила бы немного золота на глаза и волосы, чтобы подчеркнуть...

– Позволь все сделать мне, – тихо и очень настойчиво сказал он. – Я сам помогу ей. Просто скажи, куда идти и к кому обратиться. Я сделаю все что нужно.

– Мадлен сказала магу, что явлюсь именно я. Он ожидает дочь Джослин, а не сына Джослин.

– Так скажи ей, что план изменился. – Джейс крепче сжал ее плечи. – Поеду я, а не ты. Не ты!

– Джейс...

– Я сделаю все, все что угодно, если пообещаешь остаться здесь!

– Я не могу.

Джейс резко отпустил ее и отшатнулся, будто Клэри толкнула его:

– Почему?

– Потому что речь идет о моей маме.

– Она и моя мама, – холодно сказал Джейс. – Кстати, почему Мадлен не обратилась к нам обоим? Почему только к тебе?

– Ты сам знаешь.

– Ну да, – голос у него сделался совсем ледяным, – потому что для нее ты дочь Джослин. А я – навеки сын Валентина.

Он захлопнул кованую дверь лифта, и пару секунд Клэри смотрела на него сквозь тонкую вязь решетки. Через отверстие в форме бриллианта на нее взирал золотой глаз, и в его глубине тлели искры яростного гнева. А потом лифт поехал вниз, унося ее в темную тишину собора.

– Земля вызывает Клэри! – Саймон помахал руками. – Ты что, заснула?

– Нет-нет, прости.

Клэри потрянула головой, отбрасывая невеселые воспоминания. С тех пор Джейса она не видела. Он не отвечал на ее звонки, поэтому все вопросы, касающиеся путешествия в Идрис, пришлось обсуждать с Алеком, которого это совсем не радовало. Бедняга Алек угодил меж двух огней – Джейсом и матерью, которая всегда старалась поступать так, как должно.

— Ты что-то говорил?

— Я сказал только, что Льюк вернулся, — сказал Саймон и спрыгнул со стола как раз в тот момент, когда дверь в комнату распахнулась.

— Привет, Саймон, — сказал Льюк.

Голос звучал спокойно и немного устало. Льюк был одет в потрепанную джинсовую куртку, фланелевую рубашку и вельветовые штаны, заправленные в сапоги, выдавшие лучшие виды лет десять назад. Очки он поднял на макушку. Клэри обратила внимание, что в его каштановых волосах стало больше седины. Под мышкой Льюк держал какой-то квадратный сверток, перевязанный зеленой лентой.

— Вот, купил тебе кое-что в дорогу, — сообщил Льюк, протягивая сверток Клэри.

— Зачем?! — смущенно запротестовала Клэри. — Ты и без того уже сделал так много...

Льюк купил ей новую одежду, когда вся старая погибла вместе с домом, новый телефон, новые принадлежности для рисования, хотя Клэри даже не просила об этом. Почти все, что у нее теперь было, подарил Льюк. Кроме того, он же вообще не хотел отпускать ее в Идрис.

— Просто я увидел это, и сразу подумал о тебе.

То, что лежало внутри, обернутое в несколько слоев папиросной бумаги, на ощупь казалось мягче, чем шерстка котенка. Клэри разорвала бумагу и вскрикнула от восторга, увидев бархатный плащ бутылочно-зеленого цвета — старомодный плащ с большим капюшоном, медными пуговицами и подкладкой из золотого шелка. Клэри положила его на колени, бережно разглаживая мягкую ткань.

— Он похож на то, что обычно носит Изабель! — воскликнула Клэри. — На дорожный плащ нефилима.

— Так и есть. Теперь ты будешь больше похожа на других Охотников в Идрисе.

— Ты хочешь, чтобы я была на них похожа? — спросила Клэри, подняв глаза.

— Клэри, ты одна из них, — ответил Льюк с грустной улыбкой. — Кроме того, сама знаешь, как они обращаются с чужаками. Так что лучше приложить все усилия, чтобы вписаться в их общество...

Саймон как-то странно хмыкнул, и Клэри посмотрела на него виновато — она почти забыла о его присутствии.

— Мне пора, — сказал Саймон, демонстративно посмотрев на часы.

— Но ты же только что пришел! — огорчилась Клэри. — Я думала, мы посидим, какой-нибудь фильм посмотрим...

– Тебе надо собираться. – Саймон беззаботно улыбнулся ей, так что Клэри почти поверила, что у него все в порядке. – Я еще зайду попрощаться перед дорогой.

– Да ладно, останься! – уговаривала Клэри.

– Не могу. – Тон Саймона не допускал никаких возражений. – Я договорился о встрече с Майей.

– А... Ясно...

Клэри убеждала себя, что Майя очень хорошая. Она умная. Она красивая. Она оборотень. И она влюблена в Саймона. Может, все складывается наилучшим образом? Саймон теперь нежить, значит, и девушка у него должна быть из нежити. Строго говоря, ему как раз не следовало быть с нефилимами вроде Клэри.

– Ну... тогда тебе надо идти.

– Да, надо, – согласился Саймон.

Клэри обнаружила, что не может прочитать в его темных глазах ничего. Вот это что-то новенькое... Раньше ему не удавалось скрыть от нее свои эмоции. Интересно, это побочный эффект обращения в вампира или что-то иное?

– Пока.

Саймон наклонился к ней, отводя рукой ее волосы, как будто хотел поцеловать в щеку, но вдруг замер и отстранился. Клэри удивленно нахмурилась, но Саймон уже ушел, протиснувшись мимо Люка. Громко хлопнула входная дверь.

– Он так странно ведет себя! – воскликнула Клэри, прижимая к груди бархатный плащ. – Думаешь, это все из-за обращения?

– Вряд ли, – сказал Люк с улыбкой. – Превращение в нежить само по себе не меняет восприятия мира и людей. Просто дай ему время. Ты же прекратила с ним отношения.

– Я?! Это он прекратил отношения со мной!

– Потому что ты в него не влюблена. Это скользкий вопрос, и Саймон держится очень достойно. Другой парень его возраста сейчас бы картинно страдал или слонялся у тебя под окнами с бумбоксом.

– Бумбоксы – это прошлый век. Сейчас их даже нет ни у кого, – сообщила Клэри, слезла с кровати и стала примерять плащ, с наслаждением кутаясь в мягкий бархат. – Я просто хочу, чтобы Саймон снова стал нормальным, таким же, как раньше.

Она посмотрела на себя в зеркало и осталась очень довольна результатом. Глубокий зеленый цвет необыкновенно шел к ее рыжим волосам и делал глаза ярче. – Что скажешь? – спросила она Люка.

Люк, помрачнев, прислонился к дверному косяку и сунул руки в карманы куртки.

— У твоей мамы когда-то был точно такой же плащ, — только и сказал он.

Клэри стиснула в пальцах мягкую ткань. От одного упоминания о маме, да еще с таким печальным выражением лица, тут же захотелось разреваться.

— Мы ведь к ней сегодня поедим? — спросила она. — Я хочу попрощаться и рассказать ей, что собираюсь сделать. Что с ней все будет хорошо.

Люк кивнул:

— Конечно, мы съездим в больницу. И знаешь что, Клэри..

— Что?

Клэри боялась смотреть на него, но когда все же подняла взгляд, то увидела, что на лице Люка не осталось ни тени грусти. Он улыбнулся:

— Быть нормальным не так уж хорошо, как принято думать.

Щурясь от полуденного солнца, Саймон взглянул сначала на записку, потом на собор. Окруженный высокой каменной оградой, Институт высился гранитным утесом на фоне ясного голубого неба. Над стрельчатыми окнами с карнизов щерились горгульи, словно пытаясь отогнать его от входа. В прошлый раз Институт предстал перед Саймоном совсем другим — старой, позабытой развалиной. Но чары не действуют на нежить, и сейчас Саймон видел истинный облик собора.

Тебе здесь не место. Слова были резки и едки, как кислота. Саймон не знал, кто произнес их — каменная горгулья или собственный внутренний голос. Это храм, а ты проклят.

— Умолкни, — равнодушно пробормотал он. — Я еврей, мне нет дела до ваших храмов.

Саймон подошел к замысловатым кованым воротам и взялся за щеколду, почти ожидая, что руку обожжет боль. Ничего не произошло — видимо, ворота храма святыми не считались. Саймон вошел во внутренний двор и пошел по дорожке, вымощенной растрескавшимся камнем. На полпути ко входу в собор он услышал знакомые голоса, совсем рядом..

Или вовсе не рядом. Саймон никак не мог привыкнуть к тому, насколько обострились его зрение и слух после обращения. Голоса он слышал так четко, будто говорили у него прямо над ухом, но Саймону пришлось пройти подальше вдоль стены собора, прежде чем он увидел группу людей в дальнем углу двора. Здесь буйно разрослась трава, почти скрывающая тропинки, ведущие к крайне запущенным розовым кустам. Там даже стояла каменная скамья, оплетенная зелеными побегам. Это явно был самый настоящий храм — до того, как тут обосновались Охотники.

Сперва он увидел Магнуса, прислонившегося к замшелой каменной стене. Вообще-то, Магнуса было трудно не заметить. На этот раз верховный маг Бруклина надел белую футболку в ярких брызгах краски и кожаные штаны всех цветов радуги. Среди облаченных во все черное Сумеречных охотников он выглядел диковинной орхидеей. Рядом с ним стоял бледный и смущенный Алек, Изабель с серебряными лентами в двух косах и самый младший из Лайтвудов — Макс. Рядом, видимо, была их мать — женщина, похожая на Изабель как две капли воды, только более высокая и сухопарая. Еще одну Охотницу Саймон видел впервые. Сначала он принял ее за старуху — из-за почти белоснежных волос, но когда она обернулась к Маризе, оказалось, что ей лет тридцать пять — сорок.

Чуть поодаль, как чужой, стоял Джейс — подобном другим Охотникам во всем черном. Саймон с досадой подумал, что когда он сам одевается в черное, то вид у него становится как с похорон, но Джейс в черном выглядел суровым и опасным. И волосы на темном фоне смотрелись еще светлее. Саймон стиснул зубы и подумал, что вряд ли хоть что-то — время или забвение — сможет ослабить его неприязнь к Джейсу. На его сердце висел тяжелый камень, и с этим ничего нельзя было поделать.

Еще Саймон успел подумать, что с этим собранием во дворе что-то не так, но тут Джейс обернулся, словно почувствовал его присутствие. Даже на таком расстоянии Саймон видел тонкий серебристый шрам на его шее, прямо над воротником. Негодование утихло, уступив место чему-то другому. Джейс коротко кивнул и заявил Маризе:

— Сейчас вернусь.

Саймона удивил его тон. Он никогда не стал бы говорить так со своей матерью — на равных, как взрослый взрослому. Мариза только рассеянно махнула рукой.

— Я не понимаю, в чем причина задержки? — обратилась она к Магнусу. — Это вообще нормально?

— Ненормальная тут только скидка, которую я вам даю, — заявил Магнус, постукивая по стене каблуком. — Нормальная цена была бы в два раза выше.

— Это всего лишь временный портал. Ты закроешь его, как только мы попадем в Идрис. Таков уговор. — Мариза обернулась к стоявшей рядом с ней женщине: — Ты ведь проследишь за этим, Мадлен?

Мадлен. Значит, это и есть подруга Джослин. Шанса рассмотреть ее как следует Саймону уже не представилось. Джейс схватил его за локоть и потащил в другой угол двора — туда, где никто не мог их видеть. Здесь трава разрослась еще гуще, тропинку, как змеи, пересекали толстые побеги. Джейс затолкал Саймона за огромный дуб и воровато огляделся по сторонам:

— Порядок. Можно говорить.

Шум машин с Йорк-авеню досюда почти не доносился, и в церковном саду было очень тихо.

– Ну давай говори, – сказал Саймон. – Ты же позвал меня сюда. Я нашел утром записку на подоконнике. А телефоном ты не пользуешься из принципа?

– Зачем, если можно обойтись и без этого? – сказал Джейс, окидывая его изучающим взглядом. На лице у него читались противоречивые эмоции – восхищение и что-то вроде разочарования. – Значит, солнце по-прежнему для тебя безвредно, вампир... Даже в самый полдень.

– Да, – ответил Саймон. – Сам прекрасно знаешь, ты при этом присутствовал.

При чем «при этом» он уточнять не стал. Глаза Джейса ясно говорили, что он тоже помнит кузов пикапа, плач Клэри и восход солнца над рекой – в мельчайших деталях.

– Я думал, эффект может исчезнуть со временем, – заявил Джейс, впрочем, не слишком убедительно.

– Если почувствую желание рассыпаться пеплом, я тебе сообщу, – отгрызнулся Саймон. Джейс вообще очень легко выводил его из себя. – Ты меня за этим позвал? Чтобы изучать, как культуру бактерий в чашке Петри? В следующий раз просто пришлю фотографию.

– Я непременно поставлю ее у постели в красивой рамочке, – съязвил Джейс, правда, скорее по инерции, чем из желания его поддеть. – У меня к тебе серьезное дело, вампир. Хоть и неприятно это признавать, у нас с тобой есть кое-что общее.

– Роскошные волосы? – предположил Саймон, так же по привычке. Что-то в глазах Джейса заставило его занервничать.

– Клэри, – сказал Джейс.

Этого Саймон никак не ожидал.

– Клэри? – переспросил он, застигнутый врасплох.

– Ну да, Клэри, – повторил Джейс. – Помнишь, такая маленькая, рыжая и с дурным характером?

– Я не понимаю, при чем тут Клэри, – заявил Саймон, хотя конечно же прекрасно все понял.

У него не было ни малейшего желания обсуждать с Джейсом эти материи сейчас, да и вообще когда-либо. Неужели подобные разговоры не запрещает никакой мужской кодекс чести? Видимо, все-таки нет...

– Она дорога нам обоим, – произнес Джейс, бросив на него настороженный взгляд. – Нам обоим небезразлична ее судьба. Так ведь?

– Ты сейчас всерьез спрашиваешь, дорога ли мне Клэри?!

«Дорога», «небезразлична»... Это слишком слабые слова для выражения его истинных чувств. В голову Саймона закралась мысль – может, это какой-то

розыгрыш? Тогда это слишком жестоко даже для Джейса – притащить его сюда, чтобы насмеяться над его разбитым сердцем. Хотя у Саймона еще оставалась надежда, что Клэри с Джейсом опомнятся и станут питать друг к другу ровно те эмоции, которые положено испытывать сестре и брату...

Сейчас от одного взгляда на Джейса эта надежда угасла. Братья не говорят о сестрах с таким лицом. И глумиться над ним Джейс сейчас тоже явно не собирался – Саймону была хорошо знакома эта боль в глазах – как отражение его собственной.

– Я задаю тебе эти вопросы не из праздного любопытства, – отгрызнулся Джейс. – Мне нужно знать, на что ты готов пойти ради Клэри. Ты готов ради нее солгать?

– Солгать? О чем? К чему ты клонишь? – И тут Саймон сообразил, что именно показалось ему странным в этом сборище нефилимов в саду. – погоди-ка, вы же отправляетесь в Идрис прямо сейчас! А Клэри думает, что поздно вечером!

– Именно, – сказал Джейс. – И я прошу тебя сказать остальным, что пришел от Клэри и что она просила передать, что передумала, что в Идрис она больше не хочет!

Он говорил таким незнакомым, таким несвойственным ему тоном, что Саймон даже не сразу понял, что происходит. Джейс его умолял!

– Они тебе поверят! Они знают, что ты ее лучший друг!

Саймон покачал головой:

– Поразительно... Ты заявляешь, что заботишься о Клэри, но просишь соврать ради тебя самого! Нет уж.

Он развернулся, чтобы уйти, но Джейс вцепился ему в рукав:

– Это ради Клэри. Я пытаюсь защитить ее. И думал, что ты захочешь хотя бы немного мне в этом помочь.

Саймон подчеркнуто посмотрел на руку, схватившую его выше локтя:

– Как я могу ее защитить, если ты не говоришь, что именно ей угрожает?

Джейс и не думал отпускать его.

– Ты можешь поверить мне, что это очень важно?

– Похоже, ты не понимаешь, как сильно она хочет в Идрис, – заметил Саймон. – Для того чтобы я попытался ей помешать, нужна очень, очень веская причина.

Джейс глубоко вздохнул и отпустил рукав Саймона.

— Причина в том, что Клэри сделала на корабле Валентина, — тихо и с неохотой сказал он. — Ты видел, что произошло, когда она начертила на стене открывающую руну.

— Она разрушила корабль и всех спасла, — сказал Саймон.

— Да тише ты! — шикнул на него Джейс, озираясь.

Саймон недоверчиво уставился на него:

— Ты что, хочешь сказать, что об этом никто не знает?!

— Я знаю, ты знаешь. Люк и Магнус знают. Больше — никто.

— А что же, по их версии, произошло? Корабль просто сам взял и рассыпался?

— Я сказал им, что Валентин мог допустить ошибку в ритуале обращения Меча — и она повлекла за собой фатальные последствия...

— Ты солгал Конклаву? — спросил Саймон со смесью ужаса и восхищения.

— Ну да, солгал. Алек и Изабель в курсе, что Клэри умеет создавать новые руны, так что вряд ли мне удастся сохранить это в тайне — рано или поздно Конклав и новый Инквизитор все равно узнают. Но если им станет известно, что Клэри способна усиливать действие самых обыкновенных рун настолько, что они превращаются в мощное оружие, ее захотят использовать. Она не готова стать воином Конклава. Ее этому не учили! Она же совсем... — Он осекся, видя, что Саймон недоверчиво качает головой. — В чем дело?

— Ты — нефилим, — медленно проговорил Саймон. — Разве ты не должен желать того, что будет благом для Конклава? Если для этого нужно использовать Клэри...

— Ты что, хочешь отдать ее им?! Чтобы они выставили ее на передовую, сражаться с Валентином и его армией?!

— Нет, — ответил Саймон. — Я этого не хочу. Но я не один из вас. Мне не приходится задавать себе вопрос, кто важнее — Клэри или моя семья.

Джейс залился густой краской:

— Это совсем не так. Если бы я был уверен, что это поможет Конклаву... Не поможет! Она только зря будет подвергаться опасности.

— Даже если бы ты думал, что это поможет Конклаву, ты все равно не отдал бы ее, — с мрачной уверенностью сказал Саймон.

— Отчего же ты так решил, вампир?

— Потому что она не может принадлежать никому, кроме тебя.

Джейс резко побледнел.

— Так ты не поможешь мне? — спросил он, не веря. — Не поможешь ей?

Саймон молчал, принимая решение. Ответить он не успел — воздух прорезал пронзительный крик. Он резко оборвался, и эта краткая внезапная тишина была еще страшнее отчаянного вопля. Джейс резко обернулся:

— Что это?

За первым криком последовали другие, слух Саймона царапнул лязг железа.

— Что-то случилось! — выдохнул Саймон.

Но Джейс уже мчался туда, откуда доносился шум, перепрыгивая через корни. После секундного колебания Саймон побежал за ним. Бегать после обращения он тоже стал необычайно быстро, и пока никак не мог к этому привыкнуть. Он моментально догнал Джейса и вместе с ним выбежал из-за угла собора...

...в самое сердце хаоса. Церковный сад заволок невесть откуда взявшийся белый туман, и в воздухе стоял резкий запах — смесь озона и чего-то тяжелого, отвратительно-сладкого. В тумане метались фигуры, то появляясь в просветах, то снова скрываясь из виду. На краткий миг перед Саймоном возникла Изабель в вихре черных волос и сияния золотого хлыста, которым она отбивалась от нападающей на нее огромной неуклюжей фигуры. Сначала Саймон подумал, что это демон, но потом вспомнил, что демоны не являются при свете дня. Тварь явно была человекоподобной, но при этом слишком горбатой и уродливой, чтобы принять ее за человека. В руке монстр сжимал толстую деревянную доску и размахивал ею почти вслепую.

Совсем рядом за каменной оградой шумели машины на Йорк-авеню, солнце светило с безоблачного неба.

— Отреченные, — прошептал Джейс, вытаскивая клинок серафимов. — Их тут десятки! — Он почти грубо оттолкнул Саймона в сторону и приказал: — Стой где стоишь! Понял? Не суйся!

С этими словами он ринулся в туман, оставив Саймона стоять в оцепенении, глядя на серебристые отсветы его клинка в тумане, словно пытаясь рассмотреть, что происходит по ту сторону матового стекла. Изабель исчезла, вместо нее из белых клубов выскочил Алек. Окровавленной рукой он нанес Отреченному сокрушительный удар в грудь, и тварь, корчась, рухнула ему под ноги. Еще один монстр вырос у него за спиной, но тут подоспел Джейс с клинками серафимов в обеих руках. Взвившись в воздух, он взмахнул ими и отсек Отреченному голову, как ножницами. Голова покатилась по траве, а из шеи монстра фонтаном брызнула черная кровь. К горлу Саймона подступила тошнота — кровь испускала резкий, отвратительный запах.

Он слышал только возгласы Охотников, Отреченные не издавали ни звука. Туман вдруг отступил, и Саймон увидел Магнуса с воздетыми руками, между ними плясали синие искры. Прямо напротив него в каменной стене расплывалась квадратная черная дыра. Вернее, не совсем черная — скорее, похожая на зеркало, под гладкой поверхностью которого вихрится темное пламя.

— Портал! — крикнул Магнус. — Уходите через портал!

Дальше все произошло очень быстро. Из тумана появилась Мариза с Максом на руках; она что-то крикнула через плечо и шагнула в портал, растворившись в стене собора. За ней бежал Алек, волоча за собой Изабель. Окровавленный хлыст тащился за ними по земле. Вдруг прямо за их спинами появился Отреченный, заноса обоюдоострый кинжал.

Саймон тут же пришел в себя. С предостерегающим криком он побежал к Изабель, споткнулся обо что-то, лежащее на земле, и покатился кубарем. Приподнявшись, он увидел, что же именно попало ему под ноги.

На траве лежала женщина. Мертвая женщина с перерезанным горлом и широко раскрытыми остановившимися глазами. Серебристые волосы пятнала кровь. Это была Мадлен.

— Саймон! Берегись!

Джейс со всех ног бежал к нему с запятыми клинками наперевес. Саймон поднял глаза и увидел нависающего над ним Отреченного. Его изуродованная шрамами морда исказилась в оскале, в руке сверкнул кинжал. Саймон попытался увернуться, но даже его вампирской быстроты реакции оказалось недостаточно. По животу полоснула жгучая боль, и все поглотила тьма.

Об авторе

Кассандра Клэр — автор книги «Город костей», первой части трилогии «Орудия смерти», включенной в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс». Кассандра родилась за пределами США. В юности ей довелось побывать с семьей в разных странах. Но куда бы ни поехала Кассандра, ее повсюду сопровождали неизменные чемоданы с книгами в жанре фэнтези. Сейчас она живет в Бруклине со своим мужем, двумя кошками и огромной библиотекой.

Ее сайт www.cassandraclare.com

Благодарности

Мне не удалось бы написать эту книгу без поддержки коллег: Холли Блэк, Келли Линк, Эллен Кашнер, Делии Шерман, Гэвина Гранта и Сары Смит. Также я благодарю за помощь Жюстин Ларбалестир, Морин Джонсон, Маргарет Крокер, Либбу Брэй, Сесиль Кастелуччи, Джейду Джонс, Диану Петерфройнд и Маризу

Эдельман. Передаю благодарность за помощь и колкие замечания Еве Синайко и Эмили Лоэр, а Саре Риз Бреннан – за всепоглощающую любовь к Саймону. Спасибо издательствам «Simon amp;Schuster» и «Walker Books» за веру в мои книги. Особая благодарность моему редактору Карен Войтыле за пометки фиолетовым карандашом, Саре Пэйн – за внесение последних правок, когда все сроки уже прошли, Баре Макнил – за присмотр за оружием Джейса и Барри Голдблатту – он сообщал мне, что я веду себя как идиотка всякий раз, когда это происходило. Благодарб за поддержку мою семью: маму, папу, Кейт Коннер, Джима Хилла, тетю Наоми и кузину Джойс. И Джоша, которому меньше трех.

[2] Перевод Д. Е. Мина.

[3] «Мене, мене, текел, упарсин» (Библия, Книга пророка Даниила, 5:25–28) – слова, чудесно начертанные человеческой рукой на стене дворца во время пиршества вавилонского царя Валтасара. Призванный царем пророк Даниил объяснил царю смысл означенных слов следующим образом: «Вот и значение слов: мене – исчислил Бог царство твое и положил конец ему; текел – ты был взвешен на весах и найден очень легким, перес – разделено царство твое и дано мидянам и персам».

[4] Я гуляю у прозрачного фонтана (фр.).

[5] Я давно тебя люблю и никогда не забуду (фр.).

* * *

notes

Примечания

«Когда б я знал, что моему рассказу внимает тот, кто вновь увидит свет...»
(Данте Алигьери «Божественная комедия», песнь двадцать седьмая; перевод
М. Лозинского).

2

Перевод Д.Е. Мина.

3

Abraham Coles.

4

Dies irae (лат.) – Судный день.

5

«Мене, мене, текел, упарсин» (Библия, Книга пророка Даниила, 5:25-28) – слова, чудесно начертанные человеческой рукой на стене дворца во время пиршества вавилонского царя Валтасара. Призванный царем пророк Даниил объяснил царю смысл означенных слов следующим образом: «Вот и значение слов: мене – исчислил Бог царство твое и положил конец ему; текел – ты был взвешен на весах и найден очень легким, перес – разделено царство твое и дано мидянам и персам».

6

Я гуляю у прозрачного фонтана (фр.).

7

Я давно тебя люблю и никогда не забуду (фр.).